

2 (61)

2023

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Aadaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Котов В.Г. Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал.....	5
Зах В.А., Ефремов М.И. Комплексы раннего неолита и байрыкской культуры поселения Чепкуль 5 на севере Андреевской озерной системы	16
Куприянова Е.В. Колесничество в обществах бронзового века Южного Зауралья как социальный феномен.....	34
Шорин А.Ф. История изучения черкаскульской культуры на современном этапе.....	45
Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н., Спиридонов И.А., Усачев Е.В. Клад раннего железного века на поселении Дианово-II в Белозерском районе Курганской области.....	58
Кащей О.А., Недашковский Л.Ф. Хронология наскальных изображений Каракияся II.....	69
Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая.....	80
Лящевская М.С., Базарова В.Б., Дорофеева Н.А. Природная среда и человек в позднем палеолите — средневековье в южном Приморье: обзор	95
Чернышева Е.В., Каширская Н.Н., Душанова К.С. Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах.....	113

Антропология

Федотова Т.К., Горбачева А.К. Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела (на модели детей раннего и первого детства)	124
Фоминых Т.А., Киселев В.В., Захарова А.Н., Уланов В.С. Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970) и его метод восстановления лица по черепу	139

Этнология

Бадмаев А.А. Соболь в традиционной культуре бурят	151
Чудова Т.И. Традиции и инновации в питании сысольских коми в первой половине XX в.	157
Королева С.Ю., Брюханова М.А., Колегова О.А. Каждение в похоронно-поминальном обряде (вернакулярная религиозность русско-коми-пермяцкого пограничья)	167
Богордаева А.А., Лискевич Н.А. После Казымского мятежа: об одном отчете по сбору оперативной информации у сосъвинских манси в 1934 г.	180
Агапов М.Г. «Экран на чуме»: социальная реконструкция и мобильная кинопропаганда на Обском Севере в 1930-е гг.	190
Шагапова Г.Р. Жужжалка: больше чем игрушка	199
Рязанова С.В. К вопросу о конструировании социальной памяти: антропология музея «Пермь-36»	207
Информация для авторов	217
Список сокращений	220

На передней стороне обложки: стеклянные бусины с глазчатым и фестонобразным орнаментом и бронзовая бляха в виде рыбы из клада на поселении Дианово II в Белозерском р-не Курганской обл.; топор из погребения 17 могильника Степное VII, Пластовский р-н Челябинской обл. (фото Е.В. Куприяновой).

Contents

Archaeology

Kotov V.G. Engraved images of the Shulgan-Tash (Kapova) cave, Bashkortostan, South Ural	5
Zakh V.A., Efremov M.I. The Neolithic and Early Metal complexes of the Chepkul 5 settlement in the North of the Andreevskaya Lake System	16
Kupriyanova E.V. The chariotteering in the Bronze Age societies of the Southern Trans-Urals as a social phenomenon	34
Shorin A.F. The history of the study of the Cherkaskul Culture at the present stage	45
Riabinina E.A., Maslyuzhenko D.N., Spiridonov I.A., Usachev E.V. The hoard of the Early Iron Age at the settlement of Dianovo-II (Belozersk district of the Kurgan region).....	58
Kashchey O.A., Nedashkovsky L.F. Chronology of the Karakiyasay II rock art.....	69
Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S. Burial of a warrior of the Rouran period from Northern Altai	80
Lyashchevskaya M.S., Bazarova V.B., Dorofeeva N.A. Environment and man in the Late Palaeolithic — Middle Ages in the southern Primorye: review	95
Chernysheva E.V., Kashirskaya N.N., Dushchanova K.S. Soil biochemical indicators of initial presence of fat in different archaeological contexts.....	113

Anthropoogy

Fedotova T.K., Gorbacheva A.K. Ethnic variability of growth processes through the prism of sexual dimorphism of body dimensions (based on data of early and first childhood children).....	124
Fominykh T.A., Kiselev V.V., Zakharova A.N., Ulanov V.S. Mikhail Mikhailovich Gerasimov (1907–1970) and his method of face reconstruction from the skull	139

Ethnology

Badmaev A.A. Sable in the traditional culture of the Buryats	151
Chudova T.I. Traditions and innovations in nutrition of the Sysolsky Komi in the first half of the 20 th century.....	157
Korolyova S.Yu., Brukhanova M.A., Kolegova O.A. Censing in the funeral and memorial rites (vernacular religiosity of the Russian-Komi-Permyak borderland).....	167
Bogordayeva A.A., Liskevich N.A. After the Kazym rebellion: on one report on the collection of operational information from the Sosva Mansi in 1934.....	180
Agapov M.G. “Screen on the Chum”: Social Reconstruction and Mobile Film Propaganda in the North of the Ob region in the 1930s	190
Shagapova G.R. The buzzer: not just a toy.....	199
Riazanova S.V. On the issue of construction of social memory: anthropology of the “Perm-36” museum	207
Memo to the authors	217
Abbreviations	220

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-61-2-1>

УДК 903.27

Котов В.Г.

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, просп. Октября, 71, Уфа, 450054
E-mail: kslav1@yandex.ru

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕЩЕРЫ ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВОЙ), БАШКОРТОСТАН, ЮЖНЫЙ УРАЛ

Целью статьи является введение в научный оборот результатов исследования двух гравированных композиций в пещере Шульган-Таш (Каповой) в горной части р. Белой. Гравировки исследовались с помощью специального освещения, с применением увеличительных приборов, а также цифровой фотофиксации. Композиция № 1 расположена в темной части Главной галереи в 100 м от входа. Она состоит из композиционного соединения гравированных линий, выскобленных выемок и антропоморфного изображения. Все элементы и группы изображений в композиции соединены гравированными линиями, что говорит о том, что это скопление представляет собой единую композицию. Судя по следам работы, использовались каменные инструменты. Некоторые объекты закрыты кальцитовым натеком. Композиция № 2 находится на западной стене зала Купольного в 150 м от входа. Она была нанесена на выровненную от натекос поверхность и состоит из двух полос аркообразной формы, сделанных зубчатым инструментом, круга из пальцевых вдавлений по мягкому мондмилху и гравированных линий и зигзагов. Поверхность полностью отвердела. Характер обработки, следы использования каменных инструментов, сходство четырехугольного знака с красочными символическими изображениями в пещере Шульган-Таш позволяют предполагать палеолитический возраст гравированных композиций.

Ключевые слова: Южный Урал, горное течение р. Белой, пещерное святилище Шульган-Таш (Капова), гравировки, верхний палеолит.

Введение

Гравированные изображения широко представлены в мобильном и монументальном искусстве по всему земному шару, причем гравировки являются одной из самых ранних техник изобразительной деятельности древнего человека [Bednarik, 2014; Bourrillon, White, 2015; Petrognani, 2013]. В западноевропейском искусстве гравировки на плитках и кости, обнаруженные в культурном слое, помогают датировать сходные по стилистике настенные рисунки на этом или соседних памятниках. Гравировки нередко входят как составная часть в красочные рисунки, но в большинстве случаев они являются самостоятельными изображениями среди других произведений монументального искусства пещерной живописи эпохи оледенения [Bahn, 1997; Clottes, 2010].

Первый памятник с гравированными мотивами на Урале был найден в 2007 г. В.Н. Широковым в пещере Серпиевская 2 (Колокольная) в Катав-Ивановском районе Челябинской области, и он представляет собой скопление глубоких гравированных линий на поверхности выступа скалы, имеющего зооморфную форму [Широков, Петрин, 2013, с. 96–97, фото 147, 148]. Много лет гравировки в пещере Шульган-Таш искали О.Н. Бадер и В.Е. Щелинский, но пришли к выводу, что их там нет [Бадер, 1965, с. 20; Щелинский, 2001, с. 37]. Мы также предпринимали попытки найти гравировки в пещере. Неоднократно поверхности стен на доступной высоте осматривались на нижнем и верхнем ярусах, особенно тщательно изучались с помощью специального освещения залы с рисунками. Гравировки были обнаружены в 2008 г., и только в двух точках огромной пещеры: в зале Купольном и в Главной галерее.

Гравированная композиция № 1. Первое изображение из этого скопления гравировок было замечено в сентябре 2008 г. профессором Парижского университета Е.Д. Резниковым, который изучал в пещере Шульган-Таш звуковой резонанс в залах с рисунками [Резников, 2010]. Тогда же скопление было исследовано В.Г. Котовым и зафиксированы новые гравированные изображения, в последующие годы данное скопление неоднократно изучалось с помощью специального освещения с использованием лупы с 10-кратным увеличением и осуществлялась фотофиксация [Котов, 2010]. В первый год изучения гравировки пришлось очищать из-под толстого слоя пыли и грязи с помощью зубных щеток и воды. Фотофиксация выполнялась с помощью осветительных приборов белого све-

та при боковом освещении на фотоаппарат Canon 600D. Сами фотографии затем обрабатывались в программе Fotoshop для усиления контрастности и густоты цвета, а также изменялись их размеры.

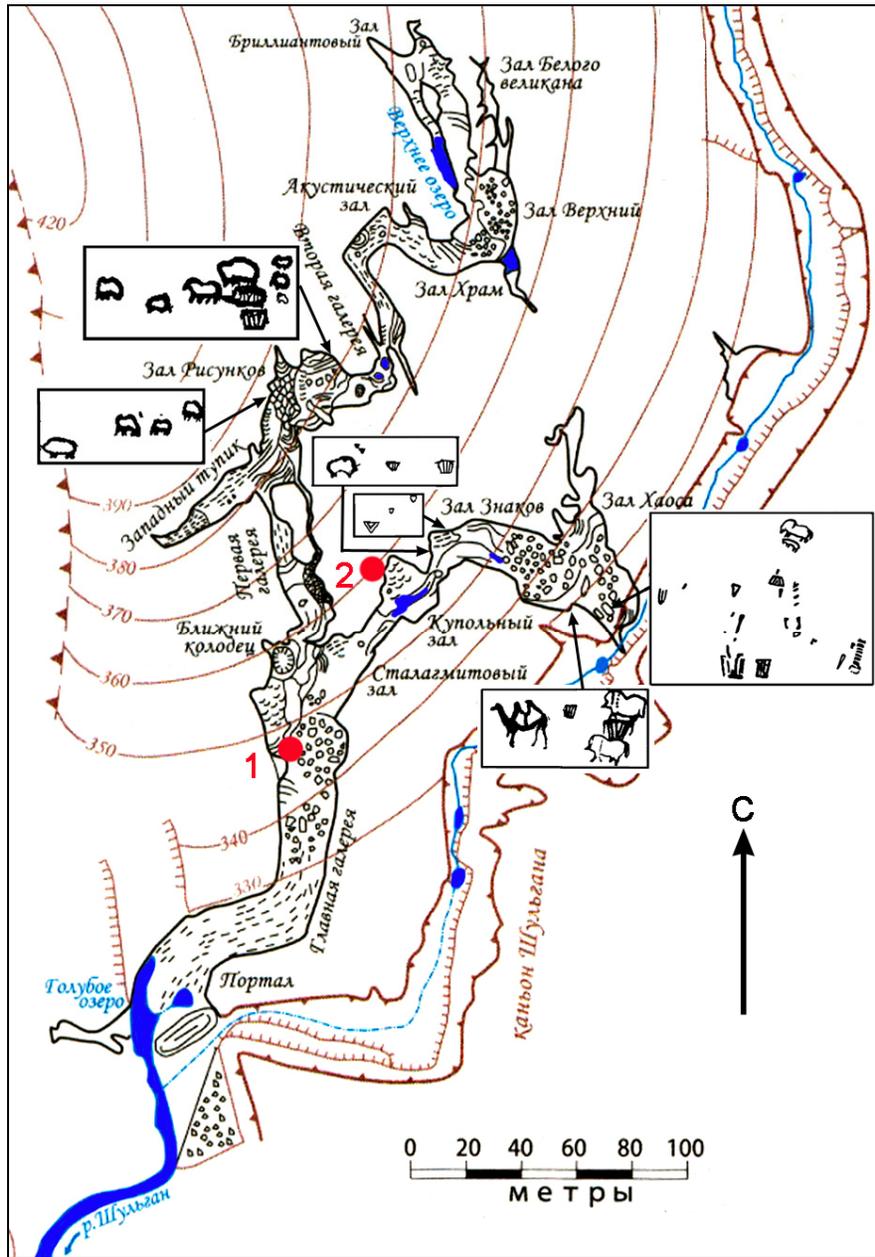

Рис. 1. План пещеры Шульган-Таш (Каповой) без Нового отдела со схемами основных скоплений рисунков. Красными точками обозначены места гравировок:

1 — композиция № 1 в Главной галерее; 2 — композиция № 2 в зале Купольном.
Основа: план Ю.С. Ляхницкого [Ляхницкий и др., 2013] с добавлением автора.

Fig. 1. Plan of the Shulgan-Tash (Kapova) cave without the New Section with diagrams of the main accumulations of drawings. The places of engravings are marked with red dots:

1 — composition No. 1 in the Main Gallery; 2 — composition No. 2 in the Dome Hall.
Basis: plan by Yu.S. Lyakhnitsky [Lyakhnitsky et al., 2013] with the addition of the author.

Гравировки были нанесены на относительно ровную наклонную поверхность небольшой ниши в западной стене Главной галереи в 100 м от входа, высота дна ниши от уровня пола около 2 м (рис. 1). Сюда свет от входа уже не доходит, поэтому исследование гравировок осуществлялось с помощью искусственного освещения. Пол пещеры под нишей наклонный, сложен светло-бурым суглинком с большим количеством известняковой щебенки, кусков и глыб известняка.

Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал

Все скопление было условно разделено на 4 группы гравированных изображений, которые были ассоциированы с элементами рельефа и другими искусственными объектами. Сохранность изображений разная: некоторые элементы сохранились так, что видны следы инструментов, которыми они были сделаны, другие сохранились хуже, их внутренние поверхности слегка растворены, следы инструментов сглажены, поверхность может быть закрыта слоем кальцита.

Первые три группы приурочены к горизонтальной трещине, переходящей в каверны вытянутой формы (рис. 2). Этот элемент рельефа поверхности является осевым началом, объединяющим три группы между собой.

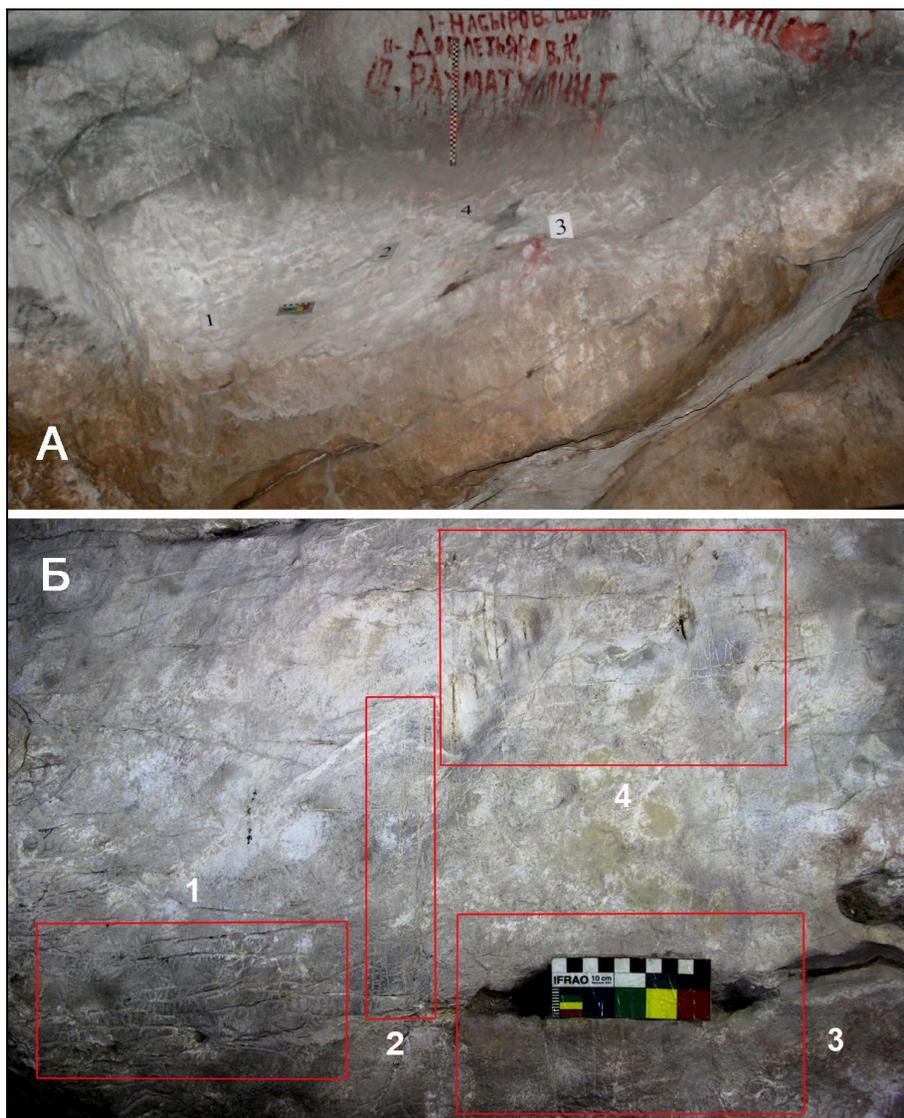

Рис. 2. Пещера Шульган-Таш (Каповая), Главная галерея, гравированная композиция № 1:

А — вид ниши с композицией № 1 с востока; Б — вид композиции № 1 сверху с востока: красными прямоугольниками обозначены группы изображений. Фото В.Г. Котова.

Fig. 2. Shulgan-Tash (Kapova) cave, Main Gallery, engraved composition No. 1:

A — view of the niche with composition No. 1 from the east; Б — view of composition No. 1 from above from the east: groups of images are marked with red rectangles. Photo by V.G. Kotov.

Крайняя левая группа № 1 представляет собой ряд гравированных линий длиной до 30 см, шириной 1–2 мм, глубиной 0,5–1 мм, сделанных параллельно горизонтальным трещинам, расстояние между ними 1–1,5 см (рис. 2, Б). В 10 см левее геометрического изображения из группы № 2 хорошо видно соприкосновение 4 гравированных линий, внутри них видны параллельные борозды, оставленные каменным инструментом. Между горизонтальными линиями местами

нанесены ряды параллельных вертикальных линий в среднем с интервалом 0,5–0,7 см, соединяющих их между собой. На отдельных участках горизонтальных гравированных линий имеются ряды коротких отрезков, направленные вверх или вниз. Точно такие же отрезки присутствуют вдоль трещин. Не исключено, что эти отрезки имеют естественное происхождение. Гравированные линии соприкасаются с геометрической фигурой группы № 2 и, очевидно, составляют с ней единое целое (рис. 2, Б; 3, 1).

Рис. 3. Пещера Шульган-Таш (Капова), Главная галерея, гравированная композиция № 1: 1 — группы гравировок №№ 1, 2, 3 с востока; 2 — четырехугольная фигура из группы № 2, вид сверху с востока, увеличение двукратное. Фото В.Г. Котова.

Fig. 3. Shulgan-Tash (Kapova) cave, Main Gallery, engraved composition No. 1: 1 — groups of engravings №№ 1, 2, 3 from the east; 2 — quadrangular figure from group № 2, top view from the east, double increase. Photo by V.G. Kotov.

В группе № 2 бросается в глаза геометрическая четырехугольная фигура с горизонтальными, наклонными и вертикальными пересекающимися линиями внутри (рис. 3, 1, 2; 4). Прямоугольник размером 5×3 см образован линиями одинаковой толщины, приблизительно 1,5 мм, глубиной 1–1,5 мм. Сначала были прорезаны 5 вертикальных линий до глубокой горизонтальной трещины внизу, а затем горизонтальные и наклонные. Вверху линии заканчиваются на горизонтальной линии, которая продолжается влево на 16 см вплоть до горизонтальной трещины, искусственно расширенной с помощью каменного инструмента. О последнем свидетельствуют продольные параллельные борозды внутри нее (рис. 3, 2). Вторая верхняя горизонтальная линия состоит из трех отрезков, которые упираются в вертикальные линии. Между первой и третьей вертикальными линиями были с равным интервалом прорезаны 5 горизонтальных отрезков. Третья вертикальная линия имеет наклон влево, от середины вниз она раздваивается. В глубине гравированные борозды заполнены кальцитовым натеком, что говорит о древности изображения. Сверху к прямоугольной фигуре тянутся от овального углубления (из группы № 4) три вертикальные узкие и глубокие линии, сделанные, скорее всего, углом каменной пластины, причем они все начинаются с коротких горизонтальных отрезков и затем резко поворачивают под прямым углом вниз по направлению к прямоугольной фигуре (рис. 4; 5, А).

От четырехугольника вправо идет глубокая трещина, которая местами расширяется, приобретая вид глубоких каверн шириной от 1 до 3,5 см, длиной 10; 5 и 8 см. Перпендикулярно вверх и вниз от линии трещины и от края каверн прорезаны углом каменного инструмента глубокие прямые линии — все они вместе с кавернами составляют группу № 3 (рис. 2, Б; 3, 1; 4). Интересная деталь: вторая каверна дополнительно соединена с первой и третьей многочисленными горизонтальными и наклонными бороздами искусственного происхождения (рис. 4). От четырехугольника, наклонной трещины и выемок вверх, к группе № 4, идут вертикальные искусственные борозды, причем некоторые из них сдвоенные и строенные (рис. 4).

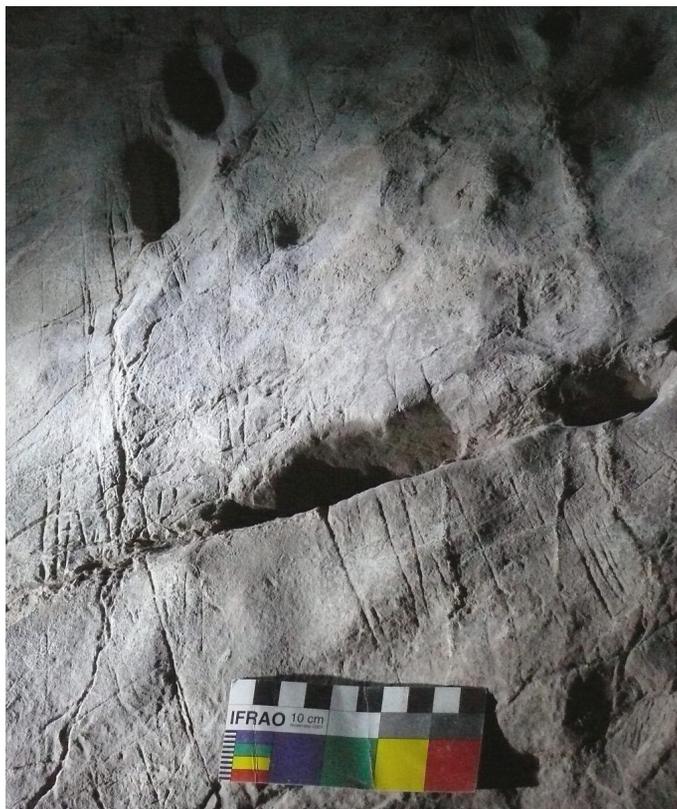

Рис. 4. Пещера Шульган-Таш (Капова), Главная галерея, гравированная композиция № 1. Вид групп №№ 2–4 с востока. Фото В.Г. Котова.

Fig. 4. Shulgan-Tash (Kapova) cave, Main Gallery, engraved composition No. 1. View of groups №№ 2–4 from the east. Photo by V.G. Kotov.

В центре группы № 4 находятся три овальных углубления, которые расположены выше первой каверны из группы № 3 соответственно на 10; 12 и 13 см (рис. 2, Б; 4; 5, А). Внутри углубления покрыты слоем кальцита, посередине каждого проходит в продольном направлении трещина. На свободных от кальцита участках при большом увеличении хорошо видны многочисленные параллельные продольные царапины и борозды, оставленные каменным инструментом типа скребка с выпуклым лезвием (рис. 5, Б, Г). Это указывает на то, что эти ямки или были созданы искусственно, или же значительно углублены и расширены с помощью каменных скребков; трещины также были искусственно расширены, а в первом и четвертом углублениях в трещинах проделаны глубокие отверстия. В нижней части углублений были сделаны глубокие врезы в расходящихся направлениях, причем некоторые из этих линий продолжают вниз до каверны и четырехугольной фигуры из групп № 2 и 3 (рис. 4; 5, А, Г). Линии тонкие и глубокие, были сделаны, очевидно, углом кремневой пластинки или кремневым резчиком.

В 12 см правее от них расположено такое же углубление овальной формы, которое находится под антропоморфной фигурой (рис. 5, А, В; 6). Фигура в виде овала, ее размер 5×2 см (рис. 5, В; 6). Контур человеческой фигуры сделан глубоко врезанной и широкой линией до 2 мм шириной, 1–1,5 мм глубиной. От левого плеча фигуры вниз отходят три разветвляющиеся линии, одна на конце также разветвляется (рис. 5, В; 6). От правого плеча тело очерчено одной линией, которая, не доходя до углубления, изгибается в сторону. Внизу туловища сужается, в месте сужения внутри прочерчена горизонтальная линия, которая, очевидно, обозначает край одежды. Далее линия туловища продолжается вниз, вначале огибая по краям овальную выемку, а затем идет параллельно верхней линии по естественной трещине и загибается вниз (рис. 5, В; 6, А, Б). Вверху туловища переходит в массивную шею, которая с обеих сторон дополнительно обозначена двумя глубокими искусственными ямками; голова укороченная, овальная, вверху образована сходящимися под тупым углом прямыми линиями, боковые линии выходят за пределы верхней линии, напоминая маленькие уши или рожки. Через все тело проходят перекрещивающиеся тон-

кие и широкие линии, которые были нанесены поверх гравированных линий, изображающих антропоморфную фигуру (рис. 5, В, Д; 6, А, Б, Д). Овальное углубление под фигурой имеет следы выскобливания каменным скребком, продольная трещина таким же образом, как и у других ямочных углублений в этой группе, была значительно углублена и расширена, в центре была сделана глубокая ямка, а от выемки отходят глубокие прорезанные линии, имеющие веерообразную и параллельную направленность, но они не соединяются с каверной и трещиной из группы № 3 (рис. 5, Г; 6).

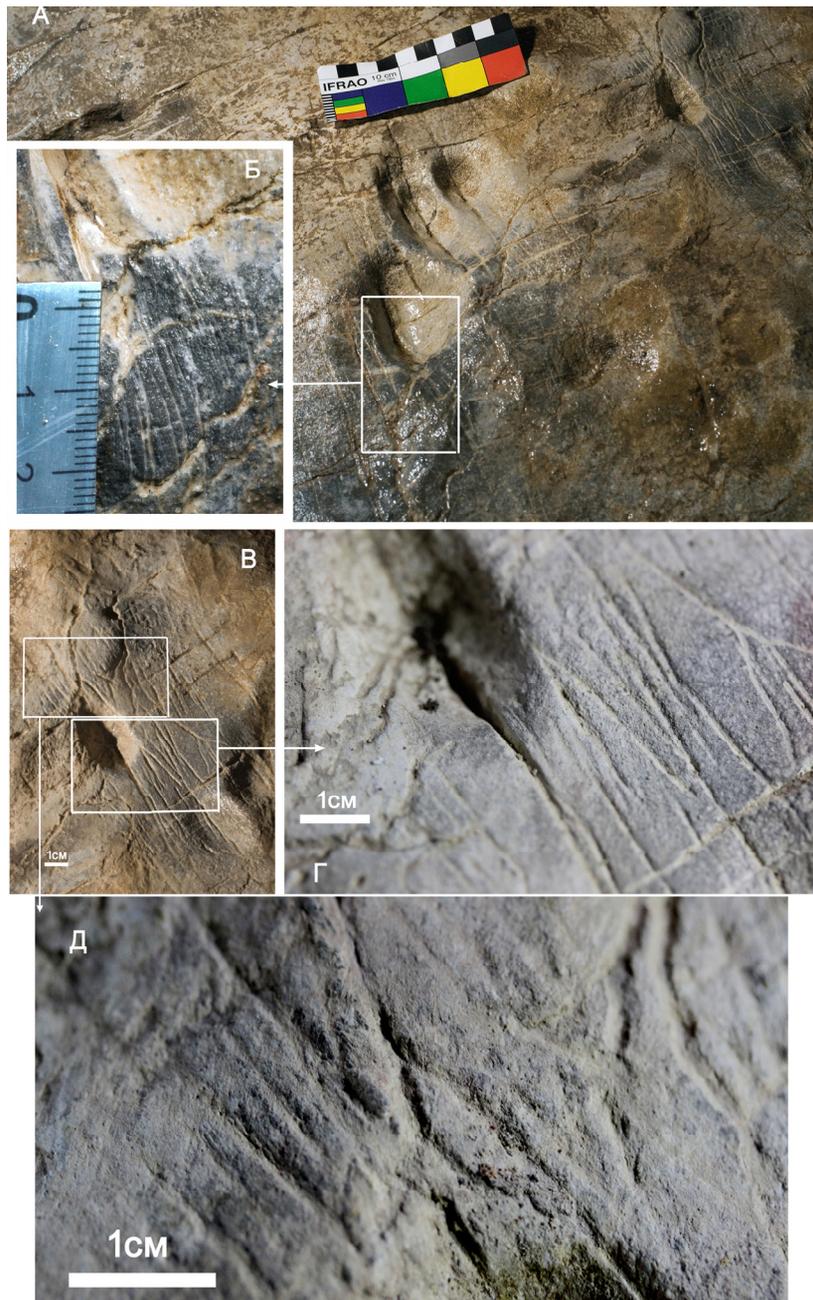

Рис. 5. Пещера Шульган-Таш (Капова), Главная галерея, гравированная композиция № 1, группа № 4: А — общий вид группы № 4; Б — макрофотография следов обработки выемки 1 при трехкратном увеличении; В — антропоморфная фигура с выемкой 4; Г — макрофотография следов обработки и гравированных линий выемки 4 при трехкратном увеличении; Д — макрофотография нижней половины антропоморфа при четырехкратном увеличении. Фото В.Г. Котова.

Fig. 5. Shulgan-Tash (Karova) cave, Main Gallery, engraved composition No. 1, group No 4: А — general view of group No 4; Б — macrophoto of traces of processing of excavation 1 at 3^x magnification; В — anthropomorphic figure with notch 4 at 3^x magnification; Г — macrophoto of traces of processing and engraved lines of recess 4 at 3^x magnification; Д — macrophoto of the lower half of the anthropomorphic figure at 4^x magnification. Photo by V.G. Kotov.

Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал

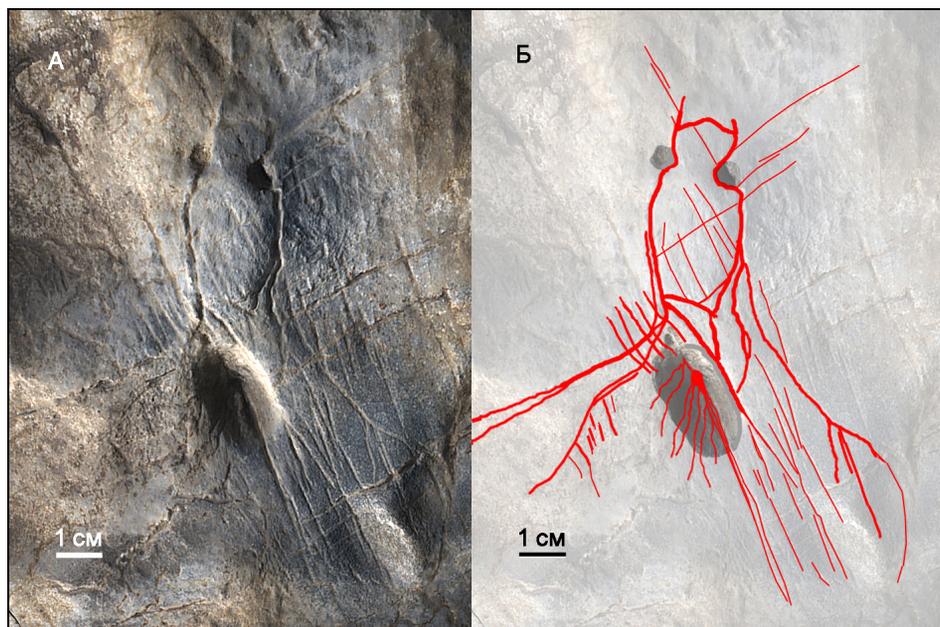

Рис. 6. Пещера Шульган-Таш (Капова), Главная галерея, гравированная композиция № 1, группа № 4: А — фотография антропоморфа с выемкой 4; Б — прорисовка антропоморфа с выемкой 4. Фото и рисунок В.Г. Котова.

Fig. 6. Shulgan-Tash (Kapova) cave, Main Gallery, engraved composition No. 1, group No. 4:

A — photograph of an anthropomorph with notch 4; Б — drawing of an anthropomorph with a notch 4.

Photo and drawing by V.G. Kotov.

Рис. 7. Пещера Шульган-Таш (Капова), зал Купольный, композиция № 2:

1 — место композиции на западной стене, вид с востока; 2 — общий вид композиции № 2; 3 — центральная часть композиции № 2, вид с востока. Фото В.Г. Котова.

Fig. 7. Shulgan-Tash (Kapova) cave, Dome Hall, composition No. 2:

1 — place of the composition on the western wall, view from the east; 2 — general view of composition No. 2;

3 — central part of composition No. 2, view from the east. Photo by V.G. Kotov.

То, что тело этого антропоморфа было перечеркнуто многочисленными линиями, руки и ноги неестественно удлинены, а левая рука заканчивается трехпалой клешней,— все это подчеркивает потусторонний характер персонажа. Предположительно, это фигура женщины, а искусственное углубление у нее между ног с вертикальной прорезью и веерообразно расходящимися линиями являлось символом женского лона, из которого истекает влага. Соответственно таким же образом следует воспринимать и другие аналогично оформленные три углубления из

группы № 4 [Котов, 2010, с. 53]. Ряд примеров ассоциации изображений вульвообразных символов и углублений в скальной поверхности с наскальными изображениями можно встретить в западноевропейской изобразительной традиции верхнего палеолита (Шове, Гуи Мартин, Беллейлак, Ла Феррасси, Абри Селье, Англь-сюр-Англен) [Angulo, Garsia, 2005; Bednarik, 2014, p. 260, fig. 12, 13; Филиппов, 1997, с. 66–67, рис. 1, 1].

Таким образом, композиция № 1 является крупным и сложным изобразительным объектом, включающим антропоморфное изображение (женщины?), геометрический знак и символически оформленные детали рельефа, обладающие сложной семантикой, сопоставимые с наскальными рисунками.

Рис. 8. Пещера Шульган-Таш (Капова), зал Хаоса, Наклонная щель. Две геометрические фигуры, сделанные охристым пигментом. Вид с запада. Фото В.Г. Котова.

Fig. 8. Shulgan-Tash (Kapova) cave, hall of Chaos, Inclined slit. Two geometric figures made with ochre pigment. View from the west. Photo by V.G. Kotov.

Композиция № 2. Она была обнаружена автором в 2008 г. в зале Купольном, в 170 м от входа, на западной стене над Капеллой Черепов [Котов, 2010] (рис. 1, 7). Изображение было сделано на выровненной и очищенной от кальцитовых натечков скальной поверхности, ее размер 16×14 см (рис. 7, 2). Композиция состоит из трех изобразительных элементов, сделанных тремя различными способами. Первый элемент представляет собой две параллельно расположенные дугообразные полосы расчесов шириной 4 см, длиной около 30 см, выполненных каменным зубчатым инструментом шириной 4 см по мягкому мондмилху (рис. 7, 3). Под ними пальцевыми вдавлениями в мондмилхе была сделана из круглых ямочек окружность диаметром около 6 см (рис. 7, 3). Справа от окружности нанесены ряды гравированных прямых линий и зигзагов (рис. 7, 3). В настоящее время композиция скреплена кальцитовым натечком и полностью затвердела [Котов, 2010, с. 52]. Очевидно, все элементы были выполнены с учетом друг друга и представляют собой единую композицию.

Обсуждение

На возраст двух гравированных композиций указывает ряд признаков. На макрофотографиях группы № 4 из композиции № 1 видно, что углубления были образованы посредством выскабливания с помощью каменного скребка с зубчатым лезвием, о чем свидетельствуют глубокие параллельные борозды внутри искусственных углублений (рис. 5, Б). О том, что древние люди, посещавшие пещеру, использовали этот прием создания углублений, свидетельствует находка каменной чаши из зеленого серпентинита, внутренняя часть которой была выскаблена каменным инструментом с выпуклым лезвием (скребком) [Пещерное святилище..., 2019, с. 184,

Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал

рис. 3.210]. Внутри прочерченных линий композиции № 1 также видны параллельные борозды, оставленные каменным орудием (рис. 5, Г, Д). Точно так же в композиции № 2 изогнутые расчески по свежему мондмилху были произведены каменным зубчатым инструментом типа скребка. Каменным инструментом были сделаны вертикальные линии и зигзаги в этой же композиции (рис. 7, 3). Наши эксперименты по созданию гравировок на известняковой плитке показали, что внутри гравированных линий четко видны параллельные борозды и царапины, оставленные рабочими участками орудий из камня (известняка и кремня). Это может говорить о том, что гравированные изображения были сделаны каменными инструментами, очевидно, в каменном веке.

В ходе раскопок автора в различных залах пещеры Шульган-Таш (Каповой) в плейстоценовых отложениях были найдены орудия из известняка и кальцита, которые, судя по следам использования, являлись граверами по камню, причем были зафиксированы случаи их использования в связи с какими-то операциями с красным охристым пигментом, а также орудие из известняка с гравированными линиями на поверхности [Пещерное святилище..., 2019, с. 131, 135, 255, рис. 3.85, 9, 11, 12; 3.86; 3.94; 3.95; 3.103; 4.62].

Важным свидетельством древности гравированных изображений является заполнение гравировок кальцитовым натеком белесого цвета. В группе 2 композиции № 1 это хорошо видно на фотографии при смачивании поверхности геометрической фигуры и в группе 4 в изображении антропоморфа (рис. 3, 2; 5, Б, Г; 6, А). Кроме того, как известно, отверждение слоя мондмилха и образование кальцитового натёка длится не одно десятилетие, что исключает возможность создания этих композиций современными людьми.

Исходя из всего сказанного чрезвычайно важным считаем сходство четырехугольной гравированной фигуры из композиции № 1 с четырехугольными знаками палеолитического времени в глыбине пещеры Шульган-Таш. В частности, большое сходство имеют прямоугольные изображения в Наклонной щели зала Хаоса, его внутреннее заполнение также состоит из вертикальных, наклонных и горизонтальных линий [Ляхницкий и др., 2013, с. 256; Пещерное святилище..., 2019, рис. 4.65; 5.15; 5.29; 5.48] (рис. 8). Среди четырехугольных знаков, выполненных охристым пигментом, находит аналогю и мотив «вилки» в середине знака. Этот мотив встречен в составе трапециевидных знаков в зале Хаоса (знак «хижина»), трапеция за верблюдом бактрианом, трапеция под носорогом в зале Рисунков [Ляхницкий и др., 2013, с. 73, 232, 234, 246; Пещерное святилище..., 2019, рис. 5.20; 5.24; 5.48, 1]. Палеолитический возраст четырехугольных знаков в пещере Шульган-Таш (Каповой) подтверждается включенностью их в состав композиций с плейстоценовыми животными (мамонтами, носорогами, бизоном). Кроме того, трапеция вблизи верблюда в зале Хаоса была вскрыта из-под толстого слоя кальцита и рисунок верблюда имеет верхнепалеолитический возраст, установленный с помощью уран-ториевого датирования кальцита [Дублянский и др., 2016, с. 124].

Весьма важной характеристикой гравированных композиций можно считать использование элементов рельефа поверхностей стен в изобразительном контексте композиции, сделанной охрой, на Восточном панно зала Рисунков верхнего этажа [Котов, 2016, с. 56]. Кроме того, вблизи от рисунков были обнаружены в зале Рисунков подправленный сколами кальцитовый натёк и в зале Купольном обработанный оббивкой участок стены, являющийся скульптурным изображением лошадей [Пещерное святилище..., 2019, с. 266–267, рис. 5.6; 5.31].

Таким образом, все вышеобозначенные моменты позволяют предполагать, что гравированные композиции №№ 1 и 2 могли быть созданы в эпоху верхнего палеолита, когда существовало святилище с настенными рисунками.

Заключение

В итоге многолетних исследований пещерного святилища Шульган-Таш (Капова) были обнаружены около 200 изобразительных мотивов, сделанных красной охрой и черным пигментом, и только 2 гравированные композиции. Композиция № 1 находится вне зоны, декорированной настенными изображениями, в самом конце входного туннеля (Главной галереи) в темной части пещеры. Это самая сложная композиция, которая состоит из гравированных изображений (геометрической фигуры, антропоморфа, линии), сформированных выскабливанием выемок и естественными выемками. Композиция № 2 была выявлена в зале Купольном в непосредственной близости от красочных изображений. Она также состоит из элементов, созданных в различной технике: полосы, образованные зубчатым инструментом по мягкому мондмилху, круг из пальцевых вдавлений по мягкому мондмилху, гравированные линии по поверхности известняка. Поверхность изображений в настоящее время полностью отвердела. Очевидно, следует ожидать открытия новых гравировок в пещере Шульган-Таш (Каповой), которые в настоящее

время перекрыты кальцитовыми натекми. Наличие этих гравировок обогащает наши представления о пещерном святилище Шульган-Таш (Капова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Капова пещера: Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 47 с.
- Дублянский Ю., Мосли Д., Шпетль К., Ляхницкий Ю., Чен Х., Эдвардс Л.* Уточнение возраста позднепалеолитических рисунков в пещере Шульган-Таш, Южный Урал, Россия // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Междунар. науч. симп. / Ред. Ф.Г. Хисамитдинова, В.Г. Котов, Ш.В. Нафиков. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 120–125. (На рус. и англ.).
- Котов В.Г.* Феномен пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс» / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 43–69.
- Котов В.Г.* Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): Структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Междунар. науч. симп. / Ред. Ф.Г. Хисамитдинова, В.Г. Котов, Ш.В. Нафиков. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 41–63. (На рус. и англ.).
- Ляхницкий Ю.С., Минников О.А., Юшко А.А.* Рисунки и знаки пещеры Шульганташ (Каповой): Каталог изображений. Уфа: Китап, 2013. 288 с.
- Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.
- Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) / Сост. и отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Китап, 2019. 360 с.*
- Резников Е.Д.* Звуковой размер пещеры Шульган-Таш (Каповой) в связи с палеолитической живописью // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс» 27–29 окт. 2009 г. / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 85–96.
- Филлипов А.К.* Мифологические фрагменты искусства палеолита // Пещерный палеолита Урала: Материалы междунар. конф. Уфа, 1997. С. 65–73.
- Широков В.Н., Петрин В.Т.* Искусство ледникового века: Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.
- Щелинский В.Е.* Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале: Композиция «Лошади и Знаки» в зале Хаоса // Проблемы первобытной культуры / Отв. ред. В.Е. Щелинский, В.Г. Котов. Уфа: Гилем, 2001. С. 33–53.
- Angulo J., García M.* Sexo en piedra: Sexualidad, reproducción y erotismo en época paleolítica. Madrid: Luzán 5, S.A. de Ediciones, 2005. 192 p.
- Bahn P.G., Vertut J.* Images of the Ice age. Winward, 1988. 240 p.
- Bednarik R.G.* Pleistocene Paleart of Europe // Arts. 2014. 3. P. 245–278. <https://doi.org/10.3390/arts3020245>
- Bourrillon R., White R.* Early Aurignacian Graphic Arts in the Vézère Valley: In Search of an Identity? // Aurignacian Genius: Art, technologie et société des premiers hommes modernes en Europe — Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe / Ed. by R. White, R. Bourrillon and F. Bon. 2015. Iss. 7. URL: <https://journals.openedition.org/paethnologie/670>.
- Clottes J.* Cave Art. L.: Phaidon, 2010. 336 p.
- Petrognani S.* Early upper paleolithic parietal art: Shared Characteristics and Different Symbolic Traditions // Aurignacian Genius: Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe: Proceedings of the International Symposium, April, 08–10, New York University. 2013. P. 222–235.

Kotov V.G.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS
prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation
E-mail: kslav1@yandex.ru

Engraved images of the Shulgan-Tash (Kapova) cave, Bashkortostan, South Ural

The cave of Shulgan-Tash (Kapova) with wall drawings of the Upper Paleolithic is located in the mountain course of the River Belaya in the Southern Urals, nearby the village of Gadelgareevo, Burzyansky district of the Republic of Bashkortostan. In the process of more than 50 years of studying the cave sanctuary, the search for engraved images has been carried out. Two compositions with engraved images were discovered in 2008. Composition No. 1 is located in the Main Gallery, 100 m from the entrance, in a niche on the western wall at a height of about 2 m above the floor level. It consists of the elements located on two levels. At the lower level, a number of elements are confined to the natural fracture and a chain of caverns. Parallel to the horizontal crack, five lines were drawn. The lines connect to a quadrangular shape filled with vertical and horizontal lines. Behind it, the crack merges into a chain of caverns. The upper tier consists of four oval artificial recesses. The fourth groove is located under the engraved anthropomorphic figure, between the legs. This indicates that this is a vulva-shaped symbol. The grooves are connected by deeply incised lines to the quadrangular figure and caverns of the lower tier.

Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал

Lines also run from the chain of the caverns downwards. Thus, these groups of artificial and natural elements were combined into a single composition. Composition No. 2 is located in the Dome Hall, 150 m from the entrance, above the Chapel of Skulls in the western wall, nearby the colorful wall images in the shape of splashes. It was made on a 16 cm × 14 cm rock surface leveled and cleaned of calcite deposits. The composition consists of three pictorial elements made in three different ways. The first element is represented by two parallel arcuate bands of comb lines of 4 cm wide and about 30 cm long made with a serrated stone tool of 4 cm wide in the soft mondmilch. Under them, with finger impressions in the mondmilch, a circle of about 6 cm in diameter was made of round dimples; rows of engraved straight lines and zigzags were applied to the right of the circle. At present, the composition is held together by calcite incrustation and has completely hardened. The use of stone tools to create the engravings and grooves, the calcite crust inside the engraved lines, the use of the natural forms of the wall relief in the pictorial ensemble, the similarity of the quadrangular figure with the quadrangular symbols painted with ochre in the same cave, and the presence of a vulva-shaped symbol — all this indicates the Upper Paleolithic Age of these compositions.

Keywords: Southern Urals, mountain course of the Belaya River, Shulgan-Tash (Kapova) cave sanctuary, engravings, Upper Paleolithic.

REFERENCES

- Angulo, J., García, M. (2005). *Sexo en piedra: Sexualidad, reproducción y erotismo en época paleolítica*. Madrid: Luzán 5, S.A. de Ediciones.
- Bader, O.N. (1965). *Kapova cave: Paleolithic painting*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bahn, P.G., Vertut, J. (1988). *Images of the Ice age*. Winward.
- Bednarik, R.G. (2014). Pleistocene Paleoart of Europe. *Arts*, (3), 245–278. <https://doi.org/10.3390/arts3020245>
- Bourrillon, R., White, R. (2015). Early Aurignacian Graphic Arts in the Vézère Valley: In Search of an Identity? In: R. White, R. Bourrillon, F. Bon (Eds.). *Aurignacian Genius: Art, technologie et société des premiers hommes modernes en Europe — Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe*, (7). URL: <https://doi.org/10.4000/palethnologie.779>.
- Clottes, J. (2010). *Cave Art*. London: Phaidon.
- Dublyansky, Y., Moseley, G.E., Spötl, C., Liakhnitsky, Y., Cheng, H., Lawrence Edwards, R. (2016). Constraining the ages of the late palaeolithic cave painting in the Shulgan-Tash cave, Southern Urals, Russia. In: *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya — Ancient sanctuaries: Archaeology, ritual, mythology*. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury UNTs RAN, 120–125. (Rus. and Engl.).
- Filippov, A.K. (1997). Mythological fragments of Paleolithic art. In: *Peshchernyj paleolit Urala*. Ufa, 65–73. (Rus.).
- Kotov, V.G. (2010). Shulgan-Tash (Kapova) Cave Phenomenon. In: V.G. Kotov (Ed.). *Kul'turnoye naslediyе Yuzhnogo Urala kak innovatsionnyy resurs*. Ufa: IYal UNTs RAN, 43–69. (Rus.).
- Kotov, V.G. (2016). The cave sanctuary Shulgan-Tash (Kapova): Structure, traces of rituals, semantics of images. In: *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya — Ancient sanctuaries: Archaeology, ritual, mythology*. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury UNTs RAN, 41–63. (Rus. and Engl.).
- Kotov, V.G. (Comp. and Ed.) (2019). *Cave sanctuary Shulgan-Tash (Kapovaya)*. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Lyakhnitsky, Yu.S., Minnikov, O.A., Yushko, A.A. (2013). *Drawings and signs of the Shulgantash (Kapova) cave: Image catalog*. Ufa: Kitap. (Rus.).
- Petrin, V.T. (1992). *Paleolithic sanctuary in the Ignatievskaya cave in the Southern Urals*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Petrognani, S. (2013). Early upper paleolithic parietal art: Shared Characteristics and Different Symbolic Traditions. In: *Aurignacian Genius: Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe: Proceedings of the International Symposium, April, 08–10, New York University*, 222–235.
- Reznikov, E.D. (2010). The sound size of the Shulgan-Tash (Kapova) cave in connection with Paleolithic painting. In: V.G. Kotov (Ed.). *Kul'turnoye naslediyе Yuzhnogo Urala kak innovatsionnyy resurs*. Ufa: IYal UNTs RAN, 85–96. (Rus.).
- Shchelinsky, V.E. (2001). Wall art of the Upper Paleolithic sanctuary in the Shulgan-Tash (Kapova) cave in the Southern Urals: the composition “Horses and Signs” in the Hall of Chaos. In: V.E. Shchelinsky, V.G. Kotov (Eds.). *Problemy pervobytnoy kul'tury*. Ufa: Gilem, 33–53. (Rus.).
- Shirokov, V.N., Petrin, V.T. (2013). *Art of the Ice Age: Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the Southern Urals*. Ekaterinburg. (Rus.).

Котов В.Г., <https://orcid.org/0000-0002-3510-0058>

Сведения об авторе:

Котов Вячеслав Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа.

About the author:

Kotov Vyacheslav G., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the RAS, Ufa.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Зах В.А.*, Ефремов М.И.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: viczakh@mail.ru (Зах В.А.); taksa3000@gmail.ru (Ефремов М.И.)

КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО НЕОЛИТА И БАЙРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕПКУЛЬ 5 НА СЕВЕРЕ АНДРЕЕВСКОЙ ОЗЕРНОЙ СИСТЕМЫ

Рассматриваются раннеолитические и относящиеся к эпохе раннего металла (байрыкской культуре) материалы поселения Чепкуль 5, расположенного на севере Андреевской озерной системы близ г. Тюмени. Дается характеристика построек, керамических комплексов и инвентаря. Приводятся аналогии материалам с памятников Тоболо-Ишимского региона, и в частности с хорошо исследованного поселения Мергенъ 6 в Мергенской озерной системе, имеющего близкие гипсометрические характеристики и существовавшего, вероятно, в сходных с Чепкулем 5 природных условиях также в начале атлантического и в суббореальный период голоцена.

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, Андреевская озерная система, Чепкуль 5, жилищные и хозяйственные комплексы, неолит, эпоха раннего металла, керамика, инвентарь

Введение

В контексте формирования и развития раннеолитического и относящегося к эпохе раннего металла (байрыкской культуре) комплексов на территории Притоболья определенный интерес представляют материалы многослойного поселения Чепкуль 5. В переходное время от неолита к эпохе раннего металла в Притоболье гребенчатая орнаментальная традиция (сосновоостровская и шапкульская культуры) сменяется гребенчато-ямочной, сложившейся, на наш взгляд, на более восточных территориях — в Приишимье, Прииртышье и Барабе еще в неолите [Зах, 2009]. Позднее она широко распространяется по территории Западной Сибири, проникая в том числе в Зауралье. Наряду с ней в Притоболье появляются комплексы с ямочно-гребенчатой и ложнотекстильной орнаментацией посуды [Зах, Зиминая, 2018].

Поселение Чепкуль 5 находится на мысовидном выступе песчаной гривы в южной части берега оз. Чепкуль Андреевской озерной системы. Памятник расположен в 6,1 км к северо-востоку от археологического музея-заповедника и в 18–19 км к юго-востоку от г. Тюмени (рис. 1, 1, 2). Открыт в 1988 г. В.М. Каноркиным, в 2007 г. исследовался под руководством С.Н. Скочиной, в результате частично вскрыты постройки эпохи раннего металла и коптяковской культуры [Скочина, 2007, с. 231–234]. В 2008 и 2012 гг. работы продолжены В.А. Захом. Всего за три года исследовано около 850 м² площади поселения. Выявлено 12 построек, из которых шесть (жил. 1, 3, 4, 6–8) связаны с коптяковскими материалами. Наряду с опубликованными коптяковскими комплексами и захоронениями позднебронзового времени [Зах, Илюшина, 2011; Зах, 2012; Зах и др., 2014] исследовано одно жилище (жил. 5) с материалами эпохи раннего неолита, четыре сооружения (соор. 1–4), содержавшие неолитическую и байрыкскую керамику, и одно жилище (жил. 2) с материалами байрыкской культуры (рис. 1, 3). В основном раннеолитическая посуда и керамика эпохи раннего металла сконцентрированы у окончания мыса ближе к краю гривы и приурочены к постройкам. Кроме того, по всей площади раскопов встречались отдельные фрагменты раннеолитической, позднеолитической (сосновоостровской), байрыкской керамики, немногочисленные обломки посуды андреевской культуры эпохи раннего металла, а в западной части раскопа 2012 г. — эпохи средневековья.

В конце бореального — начале атлантического периода голоцена Нижнее Притоболье, включая Андреевскую озерную систему, входило в ареал населения, изготовлявшего раннюю плоскодонную и круглодонную глиняную посуду, орнаментированную отступающей палочкой, прочерченными линиями и оттисками гребенки. Проблемы формирования и развития носителей этих комплексов, охвативших территории от восточных склонов Урала до Барабинской лесостепи и от

* Corresponding author.

Комплексы раннего неолита и байрыкской культуры поселения Чепкуль 5...

Приказымыя до Северного Казахстана, активно обсуждаются исследователями (см., напр.: [Ковалева, Зырянова, 2008, 2010; Зах, 2009; Piezonka et al., 2020; Еньшин, 2021, 2022; Бобров и др., 2012]). Поэтому новые, даже немногочисленные, «локального» характера, материалы привлекают внимание и способны дополнить представления о ранне-неолитическом периоде.

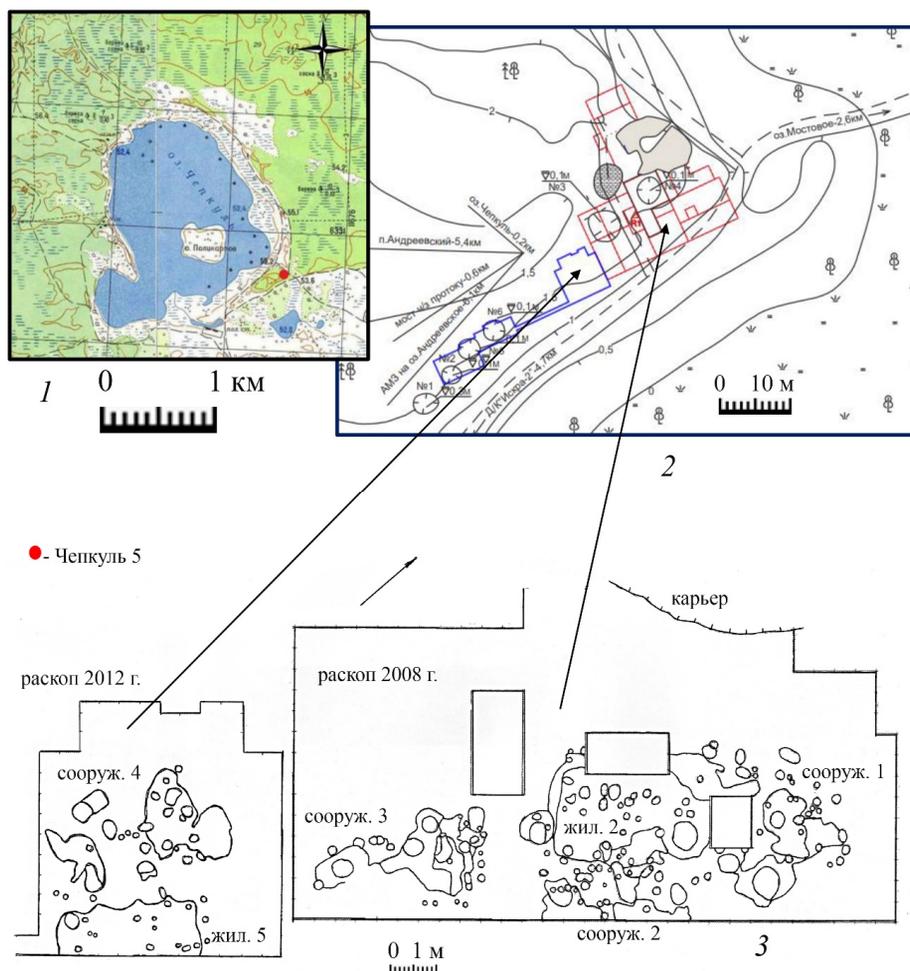

Рис. 1. Расположение (1), план поселения (2) и раскоп (3) с неолитическими (соор. 1–4, жил. 5) и эпохи раннего металла (жил. 2) комплексами поселения Чепкуль 5.

Fig. 1. Location (1), plan of the settlement (2) and excavation (3) with Neolithic (construction 1–4, housing 5) and Early Metal Age (housing 2) complexes of the Chepkul 5 settlement.

Полученные на поселении Чепкуль 5 материалы эпохи раннего металла могут внести вклад в разработку вопросов, касающихся генезиса домостроительной и хозяйственной деятельности носителей байрыкской культуры.

Основной целью работы являются анализ и введение в научный оборот ранне-неолитического и байрыкского комплексов поселения Чепкуль 5.

Материалы исследования

В связи с тем что на памятнике проводились целенаправленные исследования поздне-бронзовых комплексов [Зах, Илюшина, 2011; Зах, 2012; Зах и др., 2014], слои которых залегают на более высоком уровне террасы, остатков ранне-неолитического времени, тяготеющих в основном к подошве террасы, обнаружено незначительное количество, а некоторые сооружения, относящиеся к этому времени, исследованы частично.

При многослойном характере поселения Чепкуль 5, с учетом того что культурный слой сложен песчаным грунтом и количество материалов в постройках невелико, нельзя считать его хорошо стратифицированным памятником. Культурную принадлежность сооружений 1–4 однозначно определить трудно (в их заполнении встречена неолитическая и байрыкская керамика),

так же как и соотносить постройки (жил. 5, соор. 1–4) с конкретными типами посуды. Однако предположительно мы связываем сооружения 1–4 с неолитическим периодом: на плане (рис. 1, 3) видно, что байрыкское жилище 2 нарушает порядок расположения построек 1–3, которые (как и постройка 4), таким образом, полагаем, скорее всего, были сооружены раньше.

Ранненеолитический комплекс

К данному комплексу относится частично исследованное жилище 5, скорее всего, подпрямоугольной формы, с отвесными стенками, глубиной 0,2–0,3 м от уровня материка. Котлован заполнен серой супесью. Обнаружено 14 ям, 13 из которых связаны с конструкцией жилища. В заполнении жилища встречены керамика эпохи раннего неолита, близкая по морфологии и орнаментации к боборыкской посуде, ножевидные пластины и сколы. К этому же времени относим и слабо углубленные в грунт сооружения (1–4), внутри и за пределами которых отмечались обширные ямы и столбовые ямки небольшого диаметра, представляющие собой остатки конструкций небольших жилых или хозяйственных построек (рис. 1, 3). Все сооружения близки между собой по форме и площади, находились на одной линии. Размеры постройки 4 около 4×4 м, ямы внутри котлована углублены на 0,3–0,4 м. В заполнении сооружений встречена ранненеолитическая посуда, а также фрагменты керамики с гребенчато-ямочным орнаментом и каменный инвентарь.

Керамика

Неолитический комплекс насчитывает 126 сосудов (по венчикам) горшковидной и баночной форм с круглым и плоским дном. Сосуды разных размеров с диаметром по горловине от 12 до 38 см. На основе специфичных признаков орнаментации мы условно выделили четыре (боборыкский, кошкинский, басьяновский и гребенчатый) типа посуды (табл. 1, рис. 2).

Рис. 2. Керамика эпохи раннего неолита поселения Чепкуль 5:
1, 2, 4 — боборыкский тип; 3, 5, 10, 12 — кошкинский тип; 8, 9, 11 — басьяновский тип; 6, 7 — гребенчатый тип.
Fig. 2. Ceramics of the Early Neolithic settlement of Chepkul 5:
1, 2, 4 — Boborykino type; 3, 5, 10, 12 — Koshkino type; 8, 9, 11 — Basyanovo type; 6, 7 — comb type.

Комплексы раннего неолита и байрыкской культуры поселения Чепкуль 5...

Боборыкинский (32 экз.). Сосуды профилированной и баночной форм, со слегка округлым и плоским венчиком, который в 87,5 % орнаментирован вдавлениями, отступающей палочкой или прочерченными линиями. На одном венчике с внутренней стороны присутствует «длинный» карнизик (рис. 2, 1). Посуда боборыкинского типа в 15,6 % случаев имеет незначительный наплыв с внутренней стороны венчика, в 12,5 % случаев внутренний край орнаментирован. Не орнаментировано 31,2 % сосудов, остальные украшены прочерченными линиями, отступающей палочкой, неглубокими и глубокими ямками округлой формы (рис. 2, 1, 2, 4).

Кошкинский (67 экз.). Круглодонные и плоскодонные сосуды, у которых в 44,7 % случаев орнаментирован край венчика — различными вдавлениями и прочерченной линией. С внутренней стороны венчика у 77,6 % сосудов отмечается небольшой наплыв. В 16,4 % случаях с внутренней стороны имеется орнамент в виде горизонтальных и волнистых прочерченных линий и линий отступающей палочки и неглубоких овальных ямок (рис. 2, 3, 5, 10, 12).

Таблица 1

Орнаментация неолитической керамики поселения Чепкуль 5, кол./%

Table 1

Ornamentation of the Neolithic ceramics of the Chepkul 5 settlement

Орнамент	Тип керамики				Всего
	Боборыкинский	Басьяновский	Кошкинский	Гребенчатый	
Отступающая палочка					
Горизонтальная линия	7/21,9		34/50,7	6/30	47/37,3
Вертикальная линия	4/12,5		7/10,4		11/8,7
Наклонная влево линия			6/8,9	1/5	7/5,5
Наклонная вправо линия	1/3,1		11/16,4	2/10	14/11,1
Волнистая линия	1/3,1	1/14,3	18/26,9	1/5	21/16,6
Ряд наколов		1/14,3	8/11,9	1/5	10/7,9
Гориз. раздвоенная линия		7/100			7/5,5
Волна раздвоенной линией		3/42,8			3/2,3
Прочерченная линия					
Гориз. раздвоенная линия		1/14,3			1/0,7
Горизонтальная линия	2/6,3		4/5,9		6/4,7
Вертикальная линия	2/6,3				2/1,5
Наклонная влево	1/3,1		4/5,9		5/3,9
Наклонная вправо			5/7,5		5/3,9
Гориз. волнистая линия	1/3,1	1/14,3		1/5	3/2,3
Вертикальная волна			1/1,5		1/0,7
Ямки, вдавления, насечки					
Глубокая ямка	3/9,4		1/1,5		4/3,1
Неглубокая ямка	7/21,9		15/22,4	1/5	23/18,2
Ряд вдавлений	1/3,1		3/4,5		4/3,1
Ряд насечек	1/3,1		4/5,9	2/10	7/5,5
Гребенчатый штамп					
Вертикальный ряд				6/30	6/5,5
Горизонтальный ряд				4/20	4/3,1
Гребенчатая «качалка»				2/10	2/1,5
Штамп влево			1/1,5	5/25	6/4,7
Штамп вправо			1/1,5	12/60	13/10,3
Без орнамента					
Без орнамента	10/31,3				10/7,9
Всего	32	7	67	20	126

Басьяновский (7 экз.). Основным критерием являлось наличие орнамента в виде горизонтальной линии и волны, выполненной раздвоенной отступающей палочкой (рис. 2, 8, 9, 11). Такой орнамент является одним из основных при выделении названного типа посуды на Кокшаровском холме в Среднем Зауралье [Шорин и др., 2015].

Гребенчатый (20 экз.). Выделяется на основе присутствия орнаментов в виде отдельных рядов гребенчатого штампа и гребенчатой «качалки», иногда сочетающихся с отступающей палочкой и насечками (рис. 2, 6, 7).

Все вышеописанные типы керамики мы рассматриваем в рамках единого, ранне-неолитического (кошкинского этапа боборыкинской культуры), комплекса в соответствии с нашей трактовкой неолита Тоболо-Ишимья, неоднократно освещенной в литературе (см., напр.: [Зах, 2009, 2020]).

Комплекс эпохи раннего металла (байрыкской культуры)

На поселении почти полностью исследовано байрыкское жилище (жил. 2) (рис. 1, 3), остатки которого позволяют выполнить его условную графическую реконструкцию. Жилище находилось на краю песчаной гривы со стороны, противоположной берегу оз. Чепкуль, выход ориентирован на юго-восток, в сторону обширного займища. При исследовании первоначально остатки жилища фиксировались в виде слоя черной супеси на фоне материка, в центре заполнения отмечалось два прокала круглой и аморфной форм.

Котлован жилища подпрямоугольной формы, площадью около 34 м², стенки наклонные, углублен в материк на 0,2–0,25 м. Обнаружены столбовые ямы по краю внутри котлована и за его пределами, в центральной части сооружения отмечено их скопление. В центральной же части прослежены, вероятно, остатки очага, а в восточной — хозяйственная яма. В заполнении сооружения встречены керамика эпохи раннего металла, представленная гребенчато-ямочным комплексом, а также разнообразный каменный инвентарь и глиняные грузила.

Керамика

Байрыкский керамический комплекс насчитывает 163 сосуда (по венчикам). Посуда круглодонной формы, тонкостенная (толщина стенок в среднем составляет 0,5–0,6 см), с прямым или слегка отогнутым венчиком. В глиняном тесте большого числа горшков визуальнo фиксируются добавления песка, органики и шамота. Край сосудов прямой или скошенный, в 16,6 % случаев волнистый, в 7,7 % случаев «волнистость» образована защипами края венчика. С внутренней стороны венчика на 1,8 % сосудов присутствует небольшое утолщение. Край и внутренняя сторона венчика украшены оттисками гребенчатого штампа (36,2 %), протасенной гребенки (1,8 %), линиями отступающей палочки (2,5 %), насечками (6,1 %) и вдавлениями (8,6 %). Техника нанесения узоров на тулове практически повторяет технику орнаментации венчика: линии отступающей палочки, ряды оттисков гребенчатого штампа, крупных сдвоенных наколов, прочерченных линий и насечек (табл. 2). Иногда орнаментальные пояса разделены горизонтальными рядами ямок (рис. 3, 4) [Ефремов, 2021, с. 81–83].

Таблица 2

Орнаментация керамики эпохи раннего металла поселения Чепкуль 5

Table 2

Ornamentation of ceramics of the Early Metal Age from the Chepkul 5 settlement

Орнамент	Кол-во	%
<i>Отступающая палочка</i>		
Горизонтальная линия отступающей палочки	43	26,4
Вертикальная линия отступающей палочки	3	1,8
Наклонные линии отступающей палочки	19	11,6
Волна отступающей палочкой	1	0,6
Зигзаг отступающей палочки	2	1,2
<i>Крупные наколы</i>		
Горизонтальный ряд крупных сдвоенных наколов	13	7,9
Вертикальный ряд крупных сдвоенных наколов	2	1,2
Наклонные ряды крупных сдвоенных наколов	2	1,2
Прочерченная линия		
Горизонтальная прочерченная линия	3	1,8
Наклонные ряды прочерченных линий	2	1,2
Прочерченный зигзаг	1	0,6
<i>Гребенчатый штамп</i>		
Горизонтальная линия гребенчатого штампа	12	7,4
Сетка из гребенчатых оттисков	5	3
Горизонтальный гребенчатый зигзаг	10	6,1
Вертикальная гребенчатая линия	30	18,4
Наклонные ряды гребенчатого штампа	105	64,4
Отступающая гребенка	10	6,1
Шагающая гребенка	2	1,2
<i>Насечки</i>		
Вертикальная линия насечек	1	0,6
Наклонные линии насечек	6	3,7
<i>«Жемчужины», ямки, геометрические фигуры</i>		
«Жемчужина»	3	1,8
Ряды ямок	137	84
Геометрические фигуры	13	7,9
<i>Всего</i>	163	

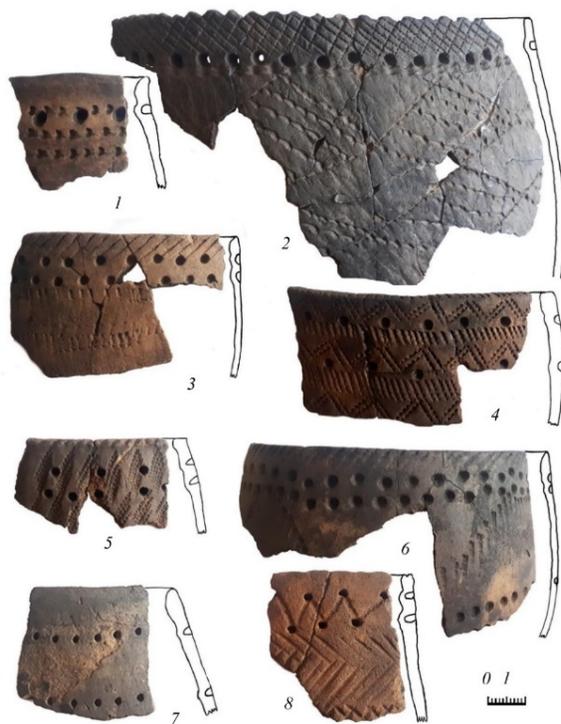

Рис. 3. Керамика байрыкской культуры поселения Чепкуль 5.
Fig. 3. Pottery of the Bayryk Culture of the Chepkul 5 settlement.

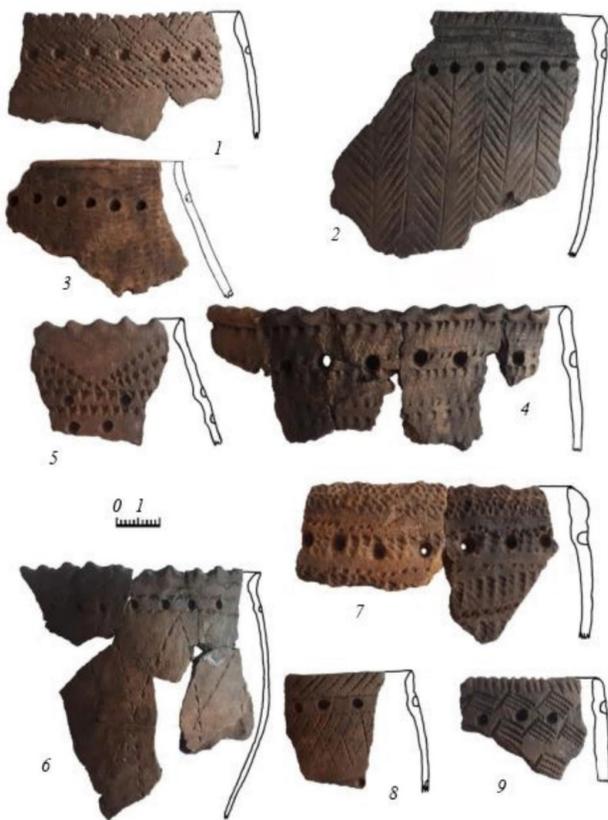

Рис. 4. Керамика байрыкской культуры поселения Чепкуль 5.
Fig. 4. Pottery of the Bayryk Culture of the Chepkul 5 settlement.

Наиболее близкие аналогии данный керамический комплекс Чепкуля 5 находит прежде всего в материалах поселений Нижнего Притоболья — Чечкино 2, Юртобор 3, 21, а также в материалах поселений Приисетья и Курганского Притоболья [Зах, 2009]. Определенное сходство байрыкская посуда имеет с керамикой эпохи раннего металла поселения Мергень 6 [Зах, Волков, 2019].

Каменный инвентарь

Весь каменный комплекс ранних периодов представлен 483 экз. изделий, обломками шлифованных орудий и отщепов из сланцевых и различных кремнистых пород (табл. 3). По уже упомянутым причинам отнести инвентарь однозначно к неолиту либо к эпохе раннего металла сложно, а в большинстве случаев невозможно. Тем не менее, ориентируясь на типологические характеристики некоторых изделий и предпочтения в отношении тех или иных пород камня у населения рассматриваемой и сопредельных территорий (по нашим наблюдениям, в коллекциях неолитических поселений преобладают орудия из светлых кремнистых пород, а в комплексах эпохи раннего металла — крупнозернистые кварциты, кремнистый сланец черного цвета и южноуральская плитчатая яшма различных цветов (см., напр.: [Зах, 2009; Зах, Скочина, 2010])), с некоторой долей вероятности с ранне-неолитическим периодом связываем ряд изделий. Среди них резец, скошенные острия и острия с притупляющей ретушью, геометрический микролит и, вероятно, микропластинки (рис. 5, 12–28), подобные которым встречаются в инвентаре мезолитических и ранне-неолитических комплексов (см., напр.: [Зах, 2009, рис. 24, 25, 55, 76]).

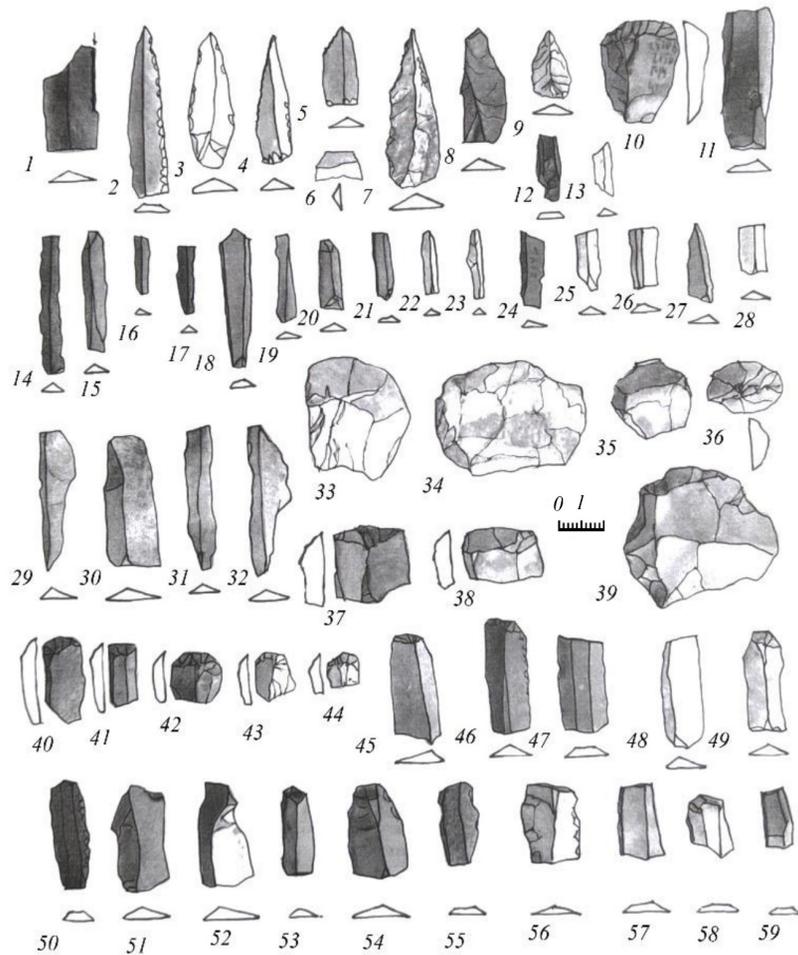

Рис. 5. Каменный инвентарь поселения Чепкуль 5:

1 — резец; 2, 3 — острия; 4, 5, 7, 9 — скошенные острия; 6 — трапеция; 8, 11, 29–32, 45–59 — пластины; 10, 33–44 — скребки; 12–28 — микропластинки.

Fig. 5. Stone implements from the Chepkul 5 settlement:

1 — chisel; 2, 3 — points; 4, 5, 7, 9 — oblique points; 6 — trapezoid; 8, 11, 29–32, 45–59 — plates; 10, 33–44 — scrapers; 12–28 — microplates.

Каменный инвентарь поселения Чепкуль 5

Stone inventory of the Chepkul 5 settlement

№ п/п	Наименование изделия	Кол-во	%
<i>Пластины шириной больше 0,5 см (58 экз.)</i>			
1	Пластины с ретушью	27	5,6
2	Пластины без ретуши	31	6,4
<i>Пластины шириной меньше 0,5 см (24 экз.)</i>			
3	Пластины с ретушью	8	1,6
4	Пластины без ретуши	16	3,3
<i>Изделия</i>			
5	Сколы с нуклеусов	6	1,3
6	Резец	1	0,2
7	Концевые скребки	9	1,9
8	Скребки на отщепах	12	2,5
9	Острия	3	0,6
10	Скошенные острия	4	0,8
11	Трапеции	1	0,2
12	Ретушер	1	0,2
13	Двусторонне обработанные изделия	6	1,3
14	Наконечники и обломки стрел	3	0,6
15	Нож (?)	1	0,2
16	Отщепы	346	71,6
<i>Шлифованные изделия</i>			
17	Шлифовальные плитки	6	1,3
16	Обломок шлифованного наконечника стрелы	1	0,2
17	Орудие со шлифованным краем	1	0,2
Всего		483	100

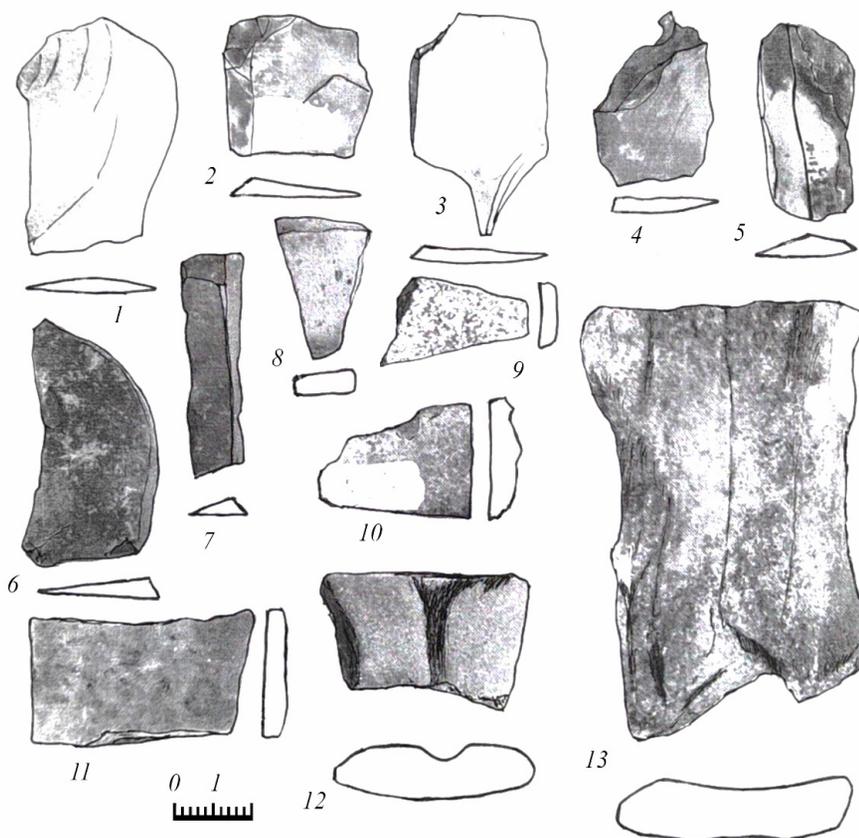

Рис. 6. Каменный инвентарь поселения Чепкуль 5:
1-7 — пластинчатые и аморфной формы отщепы; 8-13 — обломки шлифовальных плит.
Fig. 6. Stone inventory of the Chepkul 5 settlement:
1-7 — lamellar and amorphous form of wood chips; 8-13 — fragments of grinding plates.

К каменному инвентарю комплекса эпохи раннего металла поселения Чепкуль 5 можно, вероятно, отнести шлифовальные плитки из серо-зеленого и красноватого сланца (рис. 6, 8–13), а также единичные изделия из черного кремнистого сланца (рис. 7, 25) и полосчатой желто-зеленой южноуральской плитчатой яшмы. Наряду с наконечниками стрел в комплексе представлены пластинчатые и аморфной формы отщепы (рис. 6, 1–7; 7, 1–17, 19, 24) из различных пород камня.

Шлифовальные плитки. Представлены в основном обломками, поверхность зашлифована, на некоторых отмечаются желобки, сформировавшиеся при изготовлении шлифованных орудий и/или их заточке. Встречаются в широком хронологическом диапазоне.

Двусторонне обработанные наконечники стрел. Представлены обломками средней части изделия и двумя насадами (один с небольшой выемкой), все наконечники в сечении овальной формы (рис. 7, 18, 20, 21).

Обломок шлифованного сланцевого наконечника стрелы. Найдена средняя часть изделия, ромбического в сечении (рис. 7, 23). Подобные наконечники встречаются во многих комплексах эпохи раннего металла Зауралья, в частности захоронениях могильника на Большом Андреевском острове [Зах, 2009, рис. 77, 17].

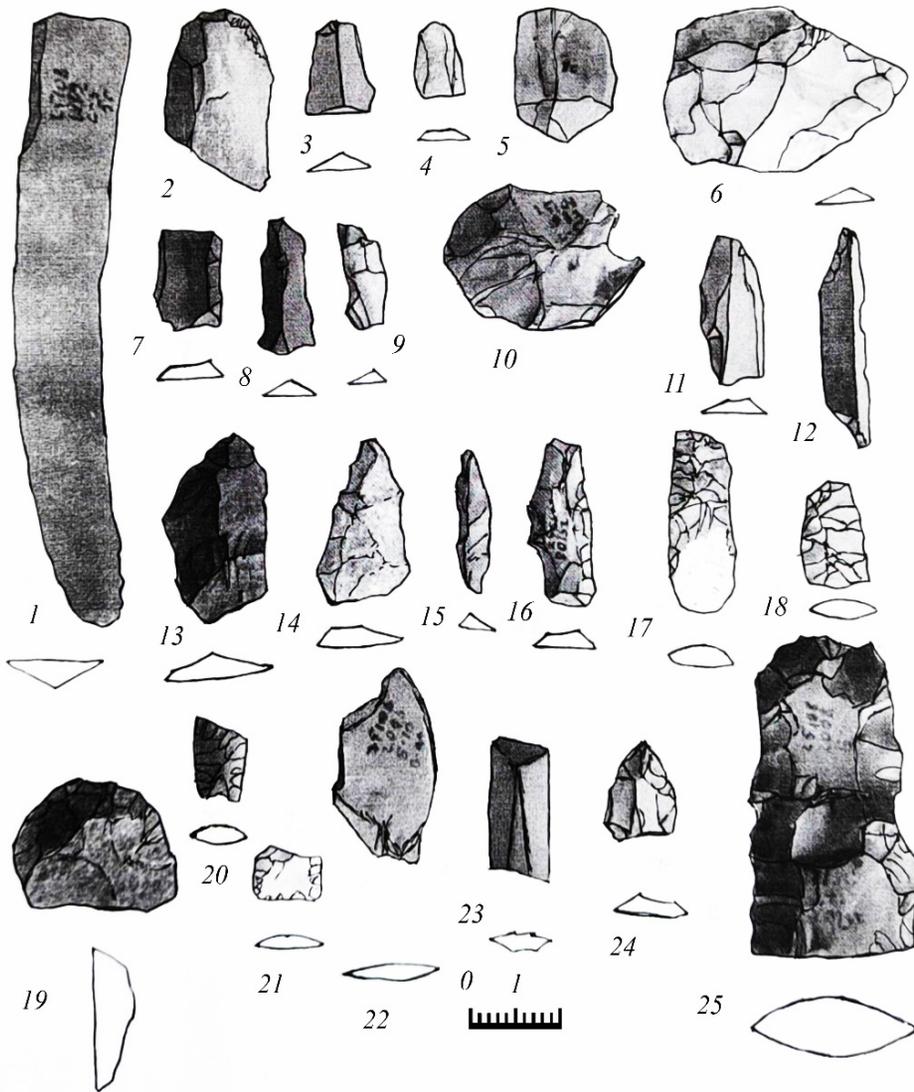

Рис. 7. Каменный инвентарь поселения Чепкуль 5: 1–17, 19, 24 — пластинчатые и аморфной формы отщепы; 18, 20, 21 — обломки двусторонне обработанных наконечников стрел; 23 — обломок шлифованного наконечника стрелы; 25 — изделие из черного кремнистого сланца (обломок ножа?).

Fig. 7. Stone inventory of the Chepkul 5 settlement: 1–17, 19, 24 — lamellar and amorphous forms of flakes; 18, 20, 21 — fragments of double-sided processed arrowheads; 23 — fragment of a polished arrowhead; 25 — item made of black chert (knife fragment?).

Комплексы раннего неолита и байрыкской культуры поселения Чепкуль 5...

Глиняные изделия. К эпохе раннего металла относятся глиняные грузила биконической, сигаровидной форм с подчетыреугольным и подтреугольным сечением, изделия из обломков керамики и, вероятно, обожженный комочек глины с ногтевыми оттисками (рис. 8, табл. 4).

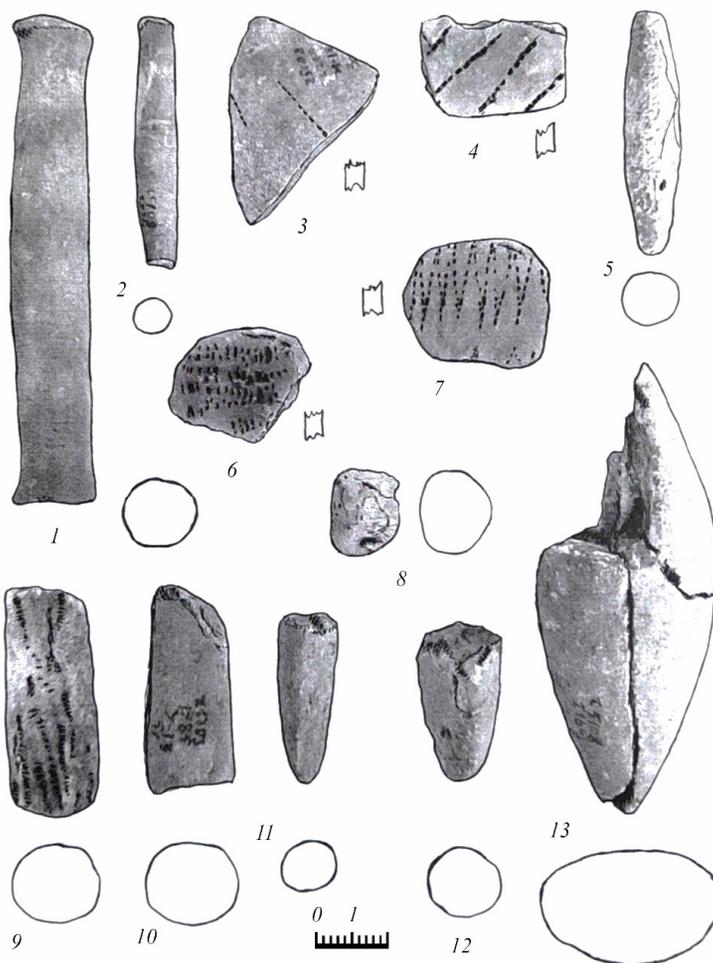

Рис. 8. Глиняный инвентарь байрыкской культуры поселения Чепкуль 5:
1, 2, 5, 9–13 — грузила сигаровидной и биконической формы; 3–7 — керамические изделия;
8 — комочек обожженной глины с оттиском ногтя.

Fig. 8. Clay inventory of the Bayryk Culture of the Chepkul 5 settlement:
1, 2, 5, 9–13 — cigar-shaped and biconical weights; 3–7 — ceramic products; 8 — a lump of baked clay with a nail print.

Таблица 4

Глиняные изделия эпохи раннего металла поселения Чепкуль 5

Table 4

Clay items of the Early Metal Age from the Chepkul 5 settlement

№ п/п	Наименование изделия	Кол-во	%
1	Грузила биконической формы	15	25,4
2	Грузила сигаровидной формы	22	37,3
3	Обломки грузил с круглым сечением	10	16,9
4	Обломки грузил с подпрямоугольным сечением	3	5,1
5	Обломок изделий с подтреугольным сечением	4	6,8
6	Изделия из обломков керамики	4	6,8
7	Комочек глины с ногтевыми вдавлениями	1	1,7
Всего		59	100

Грузила. В комплексе представлены изделия биконической и сигаровидной форм. Они варьируются по форме и весу: биконические — в интервале от 7,9 до 128,4 г, сигаровидные — от 5,7 до 70 г. Если в позднебронзовый и последующий периоды глиняные грузила по весу вну-

шительны и вполне применимы в водной среде — как утяжелители к сетям для ловли рыбы, то изделия эпохи раннего металла в основном более легкие и, на наш взгляд, эффективнее могли использоваться на воздухе, вероятно, в ловушках-загородках (в виде плетеных ячеистых полотен) для загонной охоты на линяющую водоплавающую птицу [Зах, 2022].

Изделия из обломков керамики. Представлены небольшими фрагментами подокруглой и подквадратной форм, края которых залощены. Изготовлены на обломках байрыкской керамики, о чем свидетельствуют толщина, обработка поверхности и сохранившийся орнамент на изделиях. Аналогичные изделия широко встречаются начиная с ранненеолитического времени [Зах, 2009, рис. 74, 1], в доандроновский период, в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (см., напр.: [Шаманаев, Зырянова, 1998].

Обсуждение и результаты

Рассмотренные материалы поселения Чепкуль 5 позволяют дополнить и уточнить данные о природной обстановке, условиях обитания, жизнедеятельности и отчасти — о структуре (включении в ранненеолитическое общество групп, изготовлявших разные типы керамики) на поселения Притоболья в неолите и в эпоху раннего металла.

Приуроченность ранненеолитических комплексов к склонам и подошве гривовидной террасы оз. Чепкуль свидетельствует, скорее всего, об относительно аридной климатической обстановке в конце бореального — начале атлантического периода голоцена, во время существования боборыкинской культуры.

Практически на тех же высотных отметках террасы находится жилище байрыкской культуры, что позволяет говорить о сопоставимом уровне обводненности в начале суббореального периода. Низкое относительно уровня воды в водоемах гипсометрическое залегание ранненеолитических слоев на поселении Чепкуль 5 согласуется с позицией аналогичных слоев на ряде памятников Притоболья и Приишимья, например ЮАО 12, 18 (VIII пункт), Боборыкино 2, Мергень 6 и др., содержащих комплексы раннего неолита и эпохи раннего металла [Зах, 2009, с. 123]. Так, на поселении Мергень 6 ранненеолитический комплекс перекрыт жилищами, содержащими посуду с гребенчато-ямочной орнаментацией, во многом подобную байрыкской посуде. Аналогичная ситуация отмечается на поселении Усть-Суерка 4 [Вохменцев, Яковлева, 2020].

Частично исследованные остатки жилых конструкций раннего неолита и расположенных рядом с ними, вероятно, хозяйственных построек находят аналогии на многих неолитических поселениях Тоболо-Ишимского междуречья. Судя по столбовым ямкам внутри и снаружи котлованов, постройки имели каркасно-столбовую конструкцию, скорее всего, усеченно-пирамидальной формы.

Определенные аналогии ранненеолитические материалы поселения Чепкуль 5 находят в комплексах на обширной территории от восточных склонов Урала до Барабы и от Зауралья до Нижней Оби. Сходство отмечается как в формах сосудов и элементах орнаментации, так и в каменном инвентаре: как правило, в данных комплексах присутствуют острия с высокой притупляющей ретушью, скошенные острия на пластинах, геометрические микролиты. Интересно присутствие в инвентаре комплекса Чепкуль 5 пластин шириной менее 0,5 см, которые составляют треть всех пластин. Наличие в каменном инвентаре поселений неолита Среднего Зауралья микролитических материалов Ю.Б. Сериков объясняет смешанностью мезолитических и неолитических слоев [2022, с. 14]. Однако можно предположить и другое, а именно — сосуществование, а затем и смешение традиций носителей мезолитических и неолитических комплексов, если следовать гипотезе, что мигранты, умевшие изготавливать глиняную посуду, проникали в среду населения с мезолитическими традициями изготовления каменных орудий. Исследователи не исключают близкое проживание друг с другом коллективов, «условно, эпохи мезолита, например, поселения Леуши XI» и носителей керамической посуды в бассейне р. Конды [Клементьева, Погодин, 2020].

Вместе с тем, при сходстве форм посуды и элементов орнамента, отмечаются различные представленность и количественное соотношение групп посуды (боборыкинской, кошкинской, сатыгинской, басьяновской, каюковской, барабинской и др.) даже на близко расположенных друг к другу памятниках Тоболо-Ишимья (см., напр.: [Морозов, Стефанов, 1993; Ковалева, Зырянова, 2010; Косинская, 2013; Шевнина, 2019; Мерц, 2011; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2016; Бобров и др., 2012; Хлобыстин, 1993; Шорин и др., 2015; Чаиркина, Дубовцева, 2014; 2016; Сладкова, 2008; Панина и др., 2019; Молодин и др., 2019; Piezonka et al., 2020]).

Подобное разнообразие, нашедшее отражение в ранних материалах, на наш взгляд, можно связывать не только с сосуществованием групп различного населения в ходе и результате миграций в местную среду, например, с юго-западных территорий, но и собственно с формированием раннеолитических социокультурных структур и с процессами саморазвития в среде мигрантов. С этим предположением коррелирует наша догадка о том, что некоторые особенности морфологии и орнаментации (карнизки, валики, гребенка) раннеолитической западно-сибирской керамики являются следствием имитации — переноса конструктивных деталей берестяных емкостей на глиняную посуду при становлении производства керамики на рассматриваемой территории [Зах, 2020]. Материалы поселения Чепкуль 5 в определенной степени иллюстрируют наше понимание процессов, происходящих в раннеолитическое время в Притоболье, — в частности, взаимодействия мигрантов — носителей керамической посуды и аборигенного населения, до того не знавшего керамики и изготовлявшего, скорее всего, посуду из дерева и бересты. Так, показателен венчик с карнизиком, вероятно имитирующим обруч, выступающим более чем на 1 см внутрь сосуда боборыкинско-го типа (рис. 2, 1), а также орнаменты, выполненные гребенчатым штампом, напоминающим шов при соединении берестяных полос. Учитывая наличие карнизиков, небольших наплывов с внутренней стороны сосуда, посуды без орнамента (7,9 %), гребенчатых оттисков в орнаменте (22,5 %), по аналогии с материалами поселений Юртобор 3, Усть-Суерка 4, Мергень 3, 6 [Зах, 1995; Voxменцев, Яковлева, 2020; Зах, Скочина, 2004; Зах, 2009] и согласно нашим представлениям о развитии раннего неолита в Тоболо-Ишимье, полагаем, что неолитические материалы поселения Чепкуль 5 можно отнести к концу боборыкинско-го — началу кошкинского этапа боборыкинско-й культуры и датировать в рамках существования комплексов «плоскодонного неолита» — конца VII — рубежа VI кал. тыс. до н.э.

Судя по выявленной системе расположения ям, жилище 2 эпохи раннего металла Чепкуль 5, содержащее керамику с гребенчато-ямочной и крупнонакольчатой орнаментацией, могло представлять собой полуземлянку с каркасно-столбовой конструкцией и предположительно имело форму усеченной пирамиды, площадью около 40 м². Основной каркас служили опорные столбы, располагавшиеся в центре сооружения и образующие четырехугольник. По периметру с наклоном к центру устанавливались столбы, образующие подпрямоугольник. Каркас подпирался небольшими столбами изнутри жилища, 7 из которых, возможно, были поставлены при ремонте или служили дополнительными подпорками. Обрешетка — скорее всего, это были жерди — крепилась на столбы каркаса жилища. Аналогичным образом, вероятно, формировалась и крыша сооружения. Обрешетка перекрывалась более мелкими конструктивными элементами — ветками, шкурами, камышом и пр. Подобные приемы при строительстве жилищ подробно освещены в литературе (см., напр.: [Берлина, 2009, с. 52; Соколова, 1998]).

Центральные несущие столбы, скорее всего, могли служить основой дымового отверстия для открытого очага, который, как правило, функционировал по принципу камина, т.е. для его максимальной эффективности необходима была зона притока воздуха — возможно, вход в жилище, а отток нагретого воздуха осуществлялся через отверстие в кровле. Высоту конструкции оценить сложно: вероятно, стены жилища располагались под углом в 40–50°, в этом случае высота центральных опорных столбов не превышала 3–3,5 м; подобные параметры оптимальны для жизни человека. Вход располагался в юго-восточной части сооружения. Конструкция имеет аналогии прежде всего в углубленных в землю усеченно-пирамидальных жилищах хантов, сооружавшихся на основе 4–6–8–12 опорных столбов, с вершинами, соединенными квадратной рамой, площадью от 10 до 50 м². На каркас накладывались жерди, палки, солома, и все это засыпалось землей. Вход делали из досок, жилище отапливали очагом открытого типа — чувалом [Соколова, 1998, с. 37]. Мы привели один из возможных вариантов жилых сооружений у носителей байрыкской культуры (рис. 9), домостроительные традиции которых еще должны изучаться.

В заполнении жилища и на межжилищном пространстве обнаружен комплекс керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией, небольшое количество каменных и глиняных изделий эпохи раннего металла, датируемых в пределах III тыс. до н.э. Аналогичная посуда была выделена нами на многих поселениях южно-таежных и лесостепных территорий и сопоставима с материалами байрыкских комплексов в Притоболье [Зах, 2009] и с поселения Мергень 6 в Приишимье [Зах, Волков, 2019]. В первую очередь эти комплексы сближает гребенчато-ямочная орнаментальная традиция (ГЯ), которая в неолитическое время на территории Притоболья отсутствовала, но существовала в Приишимье, Прииртышье и Барабе [Зах, 2009]. Этот факт позволяет предположить, что исходными точками миграции носителей посуды с ГЯ в Притоболье стали обозначенные выше территории.

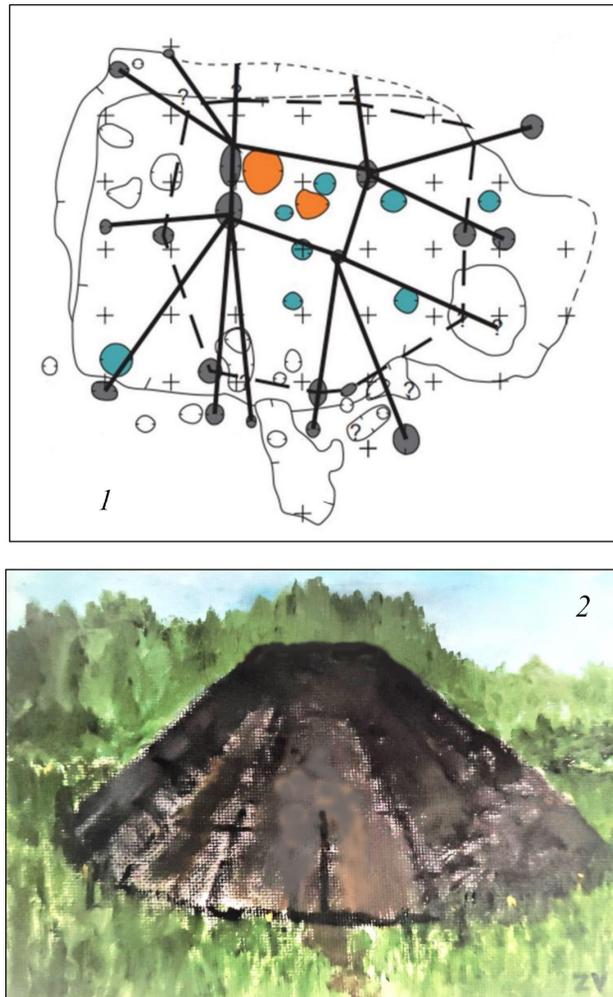

Рис. 9. Графическая реконструкция жилища 2 байрыкской культуры поселения Чепкуль 5.
Fig. 9. Graphic reconstruction of dwelling 2 of the Bairyk Culture of the Chepkul 5 settlement.

Характеризуя гребенчато-ямочную орнаментальную традицию, мы отмечали, что расширение ареала комплексов с ГЯ орнаментом начинается в эпоху раннего металла, когда население с посудой с ГЯ узорами продвигается до Нижнего Прииртышья, Енисея, Нижнего и Среднего Притоболья, бассейна Исети [Зах, 2005]. В этот период на территории Притоболья и, вероятно, частично в западной части Приишимья проживало население шапкульской культуры [Панфилов, 1993], с гребенчатой орнаментацией посуды, в его среду и проникают с востока носители керамики с ГЯ орнаментацией. Результатом смешения этих групп населения явилась байрыкская культура. Материалы поселений Чепкуль 5 и Мерген 6 позволяют оценить сходство и различия в керамических комплексах соответствующих территорий и решить вопрос их культурной принадлежности.

Сравним по содержанию элементов и технике нанесения орнамента керамику эпохи раннего металла с вышеназванных памятников. Ряды ямок на посуде поселений Чепкуль 5 и Мерген 6 составляют 84 и 94,4 % соответственно. Под краем венчика на сосудах Чепкуля 5 одинарных рядов ямок — 73 %, на керамике Мергена 6 — 61,1 %. Два и более рядов ямок на посуде Чепкуля 5 отмечены в 11 % случаев, в комплексе Мергена 6 — в 33,3 % случаев. Прослеживается некоторая тенденция уменьшения количества ямок на посуде Чепкуля 5 в Притоболье по сравнению с Мергеном 6 в Приишимье¹. Это вполне объяснимо тем, что с продвижением на запад население носителей ГЯ орнаментальной традиции взаимодействует с другим населением, в

¹ Ряды ямок на посуде, скорее всего, являлись технологическим приемом скрепления лент при конструировании сосудов.

результате чего происходит трансформация культуры, в том числе орнаментальных традиций. С востока на запад на посуде увеличивается количество горизонтальных линий отступающей палочки: с 14,4 % на Мергене 6 до 26,4 % на Чепкуле 5; зигзагов, выполненных в различных техниках, — с 3,9 до 7,9 %; сетки — с 1,7 до 3,1 %; геометрических фигур — с 3,9 до 7,9 %; горизонтальных рядов крупных наколов — с 0,5 до 7,9 % соответственно. С другой стороны, по сравнению с Мергеном 6 на Чепкуле 5 уменьшается количество горизонтальных линий «шагающей гребенки» — с 2,2 до 1,2 % и горизонтальных линий гребенчатых оттисков — с 13,3 до 7,4 % соответственно [Зах, Волков, 2019].

По гипсометрическому положению поселений — на краю водоемов можно судить о сходных природных условиях в начале неолита и эпоху раннего металла в рассматриваемых регионах. Однако, при всем сходстве в расположении поселений, конструкциях жилищ, керамике с круглодонными формами, орнаментированной в близкой гребенчато-ямочной манере, данные комплексы не равнозначны и относятся к разным культурам: Чепкуль 5 — к байрыкской, а Мерген 6 — к александровскому этапу екатерининской культуры. Так, в инвентаре поселения Мерген 6 отсутствуют глиняные грузила, что, вероятно, свидетельствует о разнице в хозяйственной деятельности населения рассматриваемых поселков. Поселение Мерген 6, расположенное у истока р. Мергеньки из оз. Мерген, находится в системе озеро — протока — река, благоприятной для запорного рыболовства. Андреевская озерная система также благоприятна для ловли рыбы запорами и неводами, а присутствие на поселении Чепкуль 5 глиняных грузил может свидетельствовать о занятии его обитателей, кроме рыболовства, загонной охотой на водоплавающую птицу [Зах, 2022].

Заключение

Материалы раннего неолита и эпохи раннего металла поселения Чепкуль 5 способны дополнить представления о природном окружении и процессах развития неолитического и постнеолитического обществ в Тоболо-Ишимье. Залегание раннеолитических и байрыкских культурных остатков практически на одном гипсометрическом уровне свидетельствует о близких природных условиях в конце бореального — начале атлантического и в суббореальный период. Аналогичная ситуация наблюдается на многих памятниках Притоболья и Приишимья, в том числе на поселении Мерген 6. В основном это многослойные памятники с остатками жилищ и хозяйственных построек раннего неолита и эпохи раннего металла, расположенные на низких уровнях в долинах водоемов. Мерген 6 находится на участке, затопляемом в половодье.

В неолитическом керамическом комплексе поселения Чепкуль 5 и материалах других раннеолитических памятников можно условно выделить группы сосудов, сопоставимые с посудой боборыкского, кошкинского, басьяновского, гребенчатого и других типов, так же как и в комплексе поселения Мерген 6 (см., напр.: [Еньшин, 2021, 2022]). В керамических материалах Тоболо-Ишимья отмечаются некоторые различия: в одних комплексах на венчиках сосудов присутствуют карнизки, в других — валики, в третьих — эти морфологические элементы отсутствуют. На наш взгляд, это является определенным хронологическим показателем. Так, на одном фрагменте венчика с поселения Чепкуль 5 с внутренней стороны отмечается карнизик значительных размеров, но отсутствуют валики, что больше сближает ее с посудой поселения Юртобор 3 [Зах, 1995]. О возможном взаимодействии мигрантов — носителей керамики с аборигенным, имевшим еще мезолитические традиции, населением на Чепкуле 5 дает основание говорить микролитический пластинчатый комплекс. Несовпадения в керамике (например, Чепкуль 5 — карнизки, а Мерген 6 — валики), вероятно, свидетельствуют о разных хронологических позициях поселений. По ¹⁴C-датам (8349–7963 (СОАН-5311) и 6591–6478 (УПИ-559) кал. л. до н.э.)² комплекс поселения Юртобор 3 [Зах, 1995, 2009; Шорин, 2020] можно соотносить с этапом увлажнения и началом подъема кривой сухого периода (8,2–5,5 кал. тыс. л.н.) [Зах, 2021]. Если первая дата уходит в мезолит, то вторая соответствует раннеолитическому времени. Датировать раннеолитические материалы Чепкуля 5 мы склонны несколько позднее комплекса Юртобора 3, в рамках конца боборыкского — начала кошкинского этапа боборыкской культуры.

Сходство геоморфологического положения поселений Чепкуль 5, Усть-Суерка 4, Мерген 6 и других позволяет говорить о существовании сходных природных условий в суббореальный период голоцена в Тоболо-Ишимье. Присутствие глиняных грузил, рисунков на посуде и писа-

² Еще две даты получены по нагару и органике из керамического теста. По поводу их достоверности заметим, что поселение Юртобор 3 исследовалось в 1986 г., а коллекция керамики хранилась в подвале, неоднократно подтапливавшимся.

ницах в материалах культур эпохи раннего металла Зауралья дает основание предположить, что наряду с запорным рыболовством байрыкское население занималось загонной охотой на водоплавающую птицу во время линьки [Зах, 2022]. Восточнее Притоболья глиняные грузила отсутствуют. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о разной культурной принадлежности притобольских поселений (например, Чепкуль 5), относящихся к байрыкской культуре, и расположенных восточнее (например, Мергень 6), с материалами александровского этапа екатерининской культуры, существующих в рамках одной гребенчато-ямочной общности III тыс. до н.э.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берлина С.В. К вопросу о типах жилищ населения раннего железного века западно-сибирской лесостепи (по материалам саргатской культуры) // РА. 2009. № 2. С. 44–56.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глущенко С.А. Поселение Ук 6 в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. Вып. 2. С. 254–267.

Вохменцев, М.П., Яковлева Е.С. Поселение Усть-Суерка 4. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. 118 с.

Еньшин Д.Н. Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы I и II): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 5–19.

Еньшин Д.Н. Керамика эпохи неолита поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы III и IV): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 17–30.

Ефремов М.И. Керамический комплекс эпохи раннего металла поселения Чепкуль 5 на Андреевском озере // LIII Урало-Поволж. археол. студ. конференция: Материалы всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Оренбург, 2021. С. 81–83.

Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири / Отв. ред. А.П. Зенько. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 12–28.

Зах В.А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2005. Вып. 6. С. 4–11.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А. Коптяковские погребения на поселении Чепкуль 5 // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: От артефактов к прочтению прошлого. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 107–117.

Зах В.А. О некоторых аспектах формирования ранне-неолитической посуды Западной Сибири // Известия Самар. НЦ РАН. Ист. науки. Т. 2. № 4. 2020. С. 102–121.

Зах В.А. Природа и человек эпохи раннего неолита Тоболо-Ишимья // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 85–98.

Зах В.А. Образ водоплавающих птиц и глиняные грузила в культурах эпохи раннего металла Зауралья: существует ли связь? // УИВ. 2022. № 2 (75). С. 149–160.

Зах В.А., Волков Е.Н. Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2. С. 5–20.

Зах В.А., Зимина О.Ю. О взаимодействии андреевской и липчинской культур в Нижнем Притоболье (по материалам поселения Велижаны 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 5–16.

Зах В.А., Илюшина В.В. Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 20–29.

Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Костомарова Ю.В. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 36–49.

Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергень 3. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. С. 37–56.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 4–11.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. № 2 (14). 2016. С. 7–23.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Сер. История и филология. 2020. Т. 19. № 7. С. 216–228.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. 2008. Вып. 25. С. 73–113.

Комплексы раннего неолита и байрыкской культуры поселения Чепкуль 5...

- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.
- Косинская Л.Л.* Неолит Надым-Пуровского водораздела: Источники и проблема-тика // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 240–245.
- Мерц В.К.* Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; Вел. Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 297–301.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В., Растигеев С.А.* Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 157–166. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.157-166>
- Морозов В.М., Стефанов В.И.* Амня 1 — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. 1993. Вып. 21. С. 143–170.
- Панина С.Н., Пиецонка Х., Хартц З., Тербергер Т.* Жертвенное место с керамикой сатыгинского типа эпохи неолита на Усть-Вагильском холме (Средний Урал, Россия) // V Сев. археол. конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2019. С. 118–121.
- Панфилов А.Н.* Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). Препринт. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. 80 с.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о хронологической принадлежности микролитических комплексов Кокшаровского Холма и Второго Поселка 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 5–17.
- Скочина С.Н.* Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5: (Предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 231–234.
- Сладкова Л.Н.* Чертова Гора — неолитический памятник в бассейне Конды // ВАУ. 2008. Вып. 25. С. 147–158.
- Соколова З.П.* Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М., 1998.
- Хлобыстин Л.П.* Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // AD POLUS: Археологические изыскания. СПб.: Фарн, 1993. Вып. 10. С. 29–35.
- Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н.* Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 4–13.
- Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н.* Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 19–31.
- Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю.* Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 196–204.
- Шевнина И.В.* Керамика эпохи неолита Тургайского прогиба: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 33 с.
- Шорин А.Ф.* Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: История формирования основных концепций ее изучения // Вестник НГУ. Сер. История и филология. 2020. Т. 19, № 7. С. 125–138.
- Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А.* Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. 2015. № 1. С. 5–18.
- Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A.* The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence // Journal of Archaeological Science. 2020. No. 116. P. 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105100>

Zakh V.A. *, Efremov M.I.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishhevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru (Zakh V.A.); taksa3000@gmail.ru (Efremov M.I.)

The Neolithic and Early Metal complexes of the Chepkul 5 settlement in the North of the Andreevskaya Lake System

The problems of development of the early Neolithic and Early Metal Age complexes in the Tobol-Ishim interfluvium are still insufficiently studied. A certain understanding of the cultural and historical processes that took place during these periods can be based on the materials of the multi-layered settlement of Chepkul 5, located on the territory of the Andreevskaya lake system near the city of Tyumen. The purpose of this work is to introduce into scientific discourse the research materials of the early Neolithic and Bayryk Culture complexes. Within the Neolithic pottery complex of Chepkul 5, it is possible to conditionally distinguish groups of vessels comparable to the ware of the Boborykino, Koshkino, Basyanovo and comb types, which find similarities in the vast territory from the eastern slopes of the Urals to the Baraba forest-steppe, and from the Lower Ob River to the steppes of

* Corresponding author.

Kazakhstan. Stone tools of such complexes, including Chepkul 5, contain points with high steep retouch, oblique points on blades, and geometric microliths. The presence of lips (overhangs) on the rims on the inside of the vessels, and certain other characteristics of ceramics, bring the analysed complex closer to the ware of the Boborykino Culture of the Yurtobor 3 settlement [Zakh, 1995]. Considering the date from charcoal from the settlement of Yurtobor 3 — 6591–6478 cal BC (UPI-559) [Zakh, 1995, 2009] — the time of existence of the settlement Chepkul 5 in the early Neolithic can be correlated with the end of the humid stage and the beginning of the dry period (8.2–5.5 cal ka BP) [Zach, 2021]. According to the location of the pits in the trench of the Early Metal Period dwelling 2 of Chepkul 5, which contained pottery with comb-pit and large-stroke ornamentation, the building can be reconstructed as a semi-dugout with a pillar-frame structure, with an area of about 40 m². Similar structures, ware, stone and clay sinkers and other items belong to the Bayryk Culture, are dated to the 3rd mil. BC and can be considered together with the Ishim complexes of the Alexandrovo stage of the Ekaterinino Cultures within the comb-pit community of the 3rd mil. BC. However, the complexes of the Tobol and Ishim regions belong to different cultures, as evidenced by the complete absence of clay sinkers in the Ishim region and in the territories to the east. The presence of the latter, as well as drawings on dishes and petroglyphs in the Early Metal Period cultures of Trans-Urals, suggests that the population of the Tobol region was engaged in drive hunting for waterfowl during molting [Zakh, 2022], which could not but affect its cultural specificity.

Keywords: Lower Tobol region, Andreevskaya lake system, Chepkul 5, housing and household complexes, Neolithic, Early Metal Age, pottery, inventory.

REFERENCES

- Berlina, S.V. (2009). To the Question of the Types of Dwellings of the Population of the Early Iron Age in the West Siberian Forest-Steppe: (Based on the Materials of the Sargat Culture). *Rossiyskaya arheologiya*, (2), 44–56. (Rus.).
- Bobrov, V.V., Marochkin, A.G., Iurakova, A.Iu. (2012). Settlement of the Boborykino culture Autodrom-2/2 (north-western regions of the Baraba forest-steppe). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 18(3), 4–13. (Rus.).
- Chairkina, N.M., Dubovtseva, E.N. (2014). Neolithic ceramic complexes of the Lower Lake III settlement. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 24(1), 4–13. (Rus.).
- Chairkina, N.M., Dubovtseva, E.N. (2016). Pottery of the Satyginsky type of the Lower Lake III settlement. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 32(1), 19–31. (Rus.).
- Efremov, M.I. (2021). Керамический комплекс эпохи раннего металла поселения Чепкуль 5 на Андреевском озере. In: *LIII Uralo-Povolzhskaya arheologicheskaya studencheskaya konferentsiya: Materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*. Orenburg, 81–83. (Rus.).
- En'shin, D.N. (2021). Neolithic ceramic complex of the Mergen 6 settlement in the Lower Ishim region (groups I and II): Characteristics and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 5–19. (Rus.).
- En'shin, D.N. (2022). Neolithic ceramics from the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim region (groups III and IV): Characteristics and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 57(2), 17–30. (Rus.).
- Khlobystin, L.P. (1993). Satyginsky type of ceramics of Western Siberia. In: *AD POLUS: Arkheologicheskie izyskaniia. Vyp. 10*. St. Petersburg: Farn, 29–35. (Rus.).
- Kiriushin, K.Iu., Iu.F. (2016). Pottery of Boborykino appearance from the settlements of the southwestern regions of the Altai Territory. *Teoriia i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 14(2), 7–23. (Rus.).
- Klement'yeva, T.Yu., Pogodin, A.A. (2020). Stratification of Neolithic ceramic assemblages of the Konda River. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya i filologiya*, 19(7), 216–228. (Rus.).
- Kosinskaya, L.L. (2013). Neolithic of the Nadym-Purovsky watershed: Sources and problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 23(3), 240–245. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyrianova, S.Iu. (2008). Historiography and review of the main monuments of the Koshkino culture in the Middle Trans-Urals. *Voprosy arheologii Urala*, (25), 73–113. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyrianova, S.Iu. (2010). *Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykino culture*. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga. (Rus.).
- Merts, V.K. (2011). Boborykinsky complex of Borly settlement. In: *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda. T. I*. St. Petersburg; Velikii Novgorod: IIMK RAN, 297–301. (Rus.).
- Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N., Nesterova, M.S. Kobeleva, L.S., Nenakhov, D.A., Parkhomchuk, E.V., Rainkol'd, S., Petrozhitskii, A.V., Parkhomchuk, V.V., Rastigeev, S.A. (2019). New data on the chronology of objects of the Baraba Neolithic culture. In: *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. 25*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 157–166. (Rus.).
- Morozov, V.M., Stefanov, V.I. (1993). Amnya 1 — the most ancient settlement of Northern Eurasia. *Voprosy arheologii Urala*, (21), 143–170. (Rus.).
- Panfilov, A.N. (1991). *Serebryanka 1 multi-layered settlement in the Lower Ishim region: (Results of field research)*. Tiumen': Izd-vo TiumGU. (Rus.).
- Panina, S.N., Pietsonka, Kh., Khartts, Z., Terberger, T. (2019). Sacrificial site with ceramics of the Satyginsky type of the Neolithic era on the Ust-Vagil'sky hill (Middle Urals, Russia). In: *V Severnyi arheologicheskii kongress: Tezisy dokladov*. Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg, 118–121. (Rus.).
- Piezonka, H., Kosinskaya, L., Dubovtseva, E., Chemyakin, Y., Enshin, D., Hartz, S., Kovaleva, V., Panina, S., Savchenko, S., Skochina, S., Terberger, T., Zakh, V., Zhilin, M., Zykov, A. (2020). The emergence of hunter-

gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, (116), 1–19. [https://doi.org/ 10.1016/j.jas.2020.105100](https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105100)

Serikov, Iu.B. (2022). On the question of the chronological affiliation of the microlithic complexes of Koksharovskiy Kholm and Vtoroi Poselok 1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 56(1), 5–17. (Rus.).

Shamanayev, A.V., Zyryanova, S.Yu. (1998). Secondary use of ceramic fragments by the population of the Tashkovo culture. *Voprosy arkheologii Urala*, (23), 196–204. (Rus.).

Shevnina, I.V. (2019). *Neolithic ceramics of the Turgai trough: Abstract dis. ... Cand. of History*. Kemerovo. (Rus.).

Shorin, A.F. (2020). Flat-bottomed Neolithic pottery of the Trans-Urals and Western Siberia: The history of the formation of the main concepts of its study. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya i filologiya*, 19(7), 125–138. (Rus.).

Shorin, A.F., Vilisov, E.V., Shorina, A.A. (2015). Basyanovsky archaeological complex of the late Neolithic: Reasons for the selection. *Rossiyskaya arkheologiya*, (1), 5–18. (Rus.).

Skochina, S.N. (2007). Results of the excavation of the multi-layered settlement Chepkul 5: (Preliminary report). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (8), 231–234. (Rus.).

Sladkova, L.N. (2008). Devil's Mountain — a Neolithic monument in the Konda basin. *Voprosy arkheologii Urala*, (25), 147–158. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1998). *Dwelling of the peoples of Siberia: (Experience of typology)*. Moscow. (Rus.).

Vasil'yev, I.B., Vybornov, A.A., Glushchenko, S.A. (1998). Settlement Uk 6 in the Tyumen Tobol region. In: *Istoricheskiye issledovaniya*, (2), 254–267. (Rus.).

Vokhmentsev, M.P., Iakovleva, E.S. (2020). *Settlement of Ust-Suerka 4*. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta. (Rus.).

Zakh, V.A. (1995). Boborykinsky complex of the Yurtobor 3 settlement in the Lower Tobol region. In: *Drevniya i sovremennaya kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri*. Tyumen: TiumGU, 12–28. (Rus.).

Zakh, V.A. (2005). Ornamental traditions in Western Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii, etnografii*, (6), 4–11. (Rus.).

Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh, V.A. (2012). Kopt'yakovskiy burials at the settlement of Chepkul 5. In: *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnoi Evrazii: Ot artefaktov k prochteniiu proshlogo*. Tomsk: Agraf-Press, 107–117. (Rus.).

Zakh, V.A. (2020). On Some Aspects of the Formation of Early Neolithic Ware in Western Siberia. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskiye nauki*, 2(4), 102–121. (Rus.).

Zakh, V.A. (2021). Nature and Man of the Early Neolithic of the Tobol-Ishim interfluvium. *Povolzhskaya arkheologiya*, 37(3), 85–98. (Rus.).

Zakh, V.A. (2022). The image of waterfowl and clay sinkers in the cultures of the Early Metal Age of the Trans-Urals: is there a connection? *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 75(2), 149–160. (Rus.).

Zakh, V.A., Iliushina, V.V. (2011). Late Bronze burial ground Chepkul 5 in the Lower Tobol region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 14(1), 20–29. (Rus.).

Zakh, V.A., Kostomarov, V.M., Iliushina, V.V., Riabogina, N.E., Ivanov, S.N., Kostomarova, Iu.V. (2014). Kopt'yakovskiy complex of settlement Chepkul 5. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 24(1), 36–49. (Rus.).

Zakh V.A., Skochina S.N. (2004). Settlement Mergen 3. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 37–56. (Rus.).

Zakh, V.A., Skochina, S.N. (2010). Stone raw materials of Tobolo-Ishimya complexes. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 13(2), 4–11. (Rus.).

Zakh, V.A., Volkov, E.N. (2019). Ceramic complex of the village Mergen 6 of the Early Metal Age from the Ishim region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 5–20. (Rus.).

Zakh, V.A., Zimina, O.Yu. (2018). On the interaction of Andreevskaya and Lipchinskaya cultures in the Lower Tobol region (based on the materials of the Velizhany 1 settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 41(2), 5–16. (Rus.).

Зах В.А., <https://orcid.org/0000-0002-3635-5933>

Ефремов М.И., <https://orcid.org/0000-0002-3623-121X>

Сведения об авторах:

Зах Виктор Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень.

Ефремов Максим Игоревич, инженер, ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень.

About the authors:

Zakh Victor A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Efremov Maxim I., Engineer, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

КОЛЕСНИЧЕСТВО В ОБЩЕСТВАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Одним из ярких феноменов в обществах бронзового века Южного Зауралья является колесничество, с которым связан комплекс артефактов, хорошо представленный в погребальном обряде. На основе комплексного анализа свидетельств существования колесничной культуры рассматривается социальная роль этого явления в древних обществах: выделяются две социальные группы, маркирующиеся элементами колесничной символики, но имеющие различные половозрастные характеристики, отражающие разные стадии колесничества как общественного института.

Ключевые слова: *бронзовый век, Южное Зауралье, синташтинская культура, петровская культура, колесничество, погребальный обряд.*

Введение

Модели социального устройства древних обществ, построенные на основе археологических источников, как правило, в значительной степени гипотетичны. По мнению большинства исследователей, археологические культуры эпох средней и поздней бронзы Южного Зауралья определяются как «комплексные общества» (термин, активно продвигавшийся выдающимся исследователем древности В.М. Массоном [2000]). Наибольший интерес в этом плане представляет синташтинская культура, характеризующаяся поселениями со сложной централизованной планировкой, богатой и трудозатратной погребальной обрядностью, а также связанная с синташтинской и во многом схожая с ней петровская культура.

О социальном устройстве коллективов — носителей данных культур за последние 25 лет было высказано множество предположений. Одна из самых ранних — версия о протополисной системе синташтинского общества, наличии в нем элиты, отличавшейся статусным, а не имущественным превосходством [Зданович, 1997, с. 68–77]. В отношении синташтинского и других обществ бронзового века Евразии, находившихся на догосударственной стадии развития, многими авторами используется также термин «вождество» (см., напр.: [Drenan et al., 2011; Корневский, 2021, с. 59; и др.]), хотя большинство указывают на значительные региональные и хронологические различия в характеристиках таких коллективов.

Г.Б. Здановичем была высказана и развивалась гипотеза о принадлежности жителей укрепленных поселений синташтинской культуры к элите и существовании подчиненной им округи из периферийных неукрепленных поселений [1992, с. 260]. Эта теория, однако, пока не находит достоверного подкрепления в обнаружении достаточного количества синташтинских материалов в ординарных поселениях бронзового века на территории распространения синташтинской культуры. А.В. Епимахов соглашается с наличием признаков элитного комплекса в погребальной обрядности синташтинской культуры, однако, с учетом данных поселений, основным мотивом общества считает социальную солидарность [2010, с. 34].

Ранее нами была высказана гипотеза о поликультурной модели общества бронзового века Южного Зауралья, с вертикальной социальной иерархией не внутри отдельного коллектива, а между коллективами, имевшими различные культурные стандарты, проживавшими на одной территории [Куприянова, 2015]. Это предположение находит дополнительную аргументацию в последних исследованиях серии радиоуглеродных дат с ряда памятников в округе с. Степное Пластовского района Челябинской области, показавших синхронность синташтинских, петровских и раннесрубных древностей в пределах одного микрорайона [Епимахов и др., 2021].

В целом, при всем разнообразии интерпретаций археологических материалов, несомненным остается лишь тезис о возрастании социальной сложности обществ в периоды средней и поздней бронзы в Южном Зауралье.

Возникновение колесничного комплекса в степях Центральной Евразии в бронзовом веке имело отношение не только к развитию военного дела и материальной культуры, прежде всего,

оно отразилось в общественных институтах. Наиболее ранние, яркие и систематические проявления символики колесничества в погребальной обрядности в этот период фиксируются в памятниках синташтинской и петровской культур Южного Зауралья. Материальная сторона этого феномена достаточно подробно изучена методами трасологии, статистики, экспериментальной реконструкции и представлена в многочисленных публикациях [Епимахов, Чечушков, 2004; Чечушков, 2011; Чечушков, Епимахов, 2010; и др.], хотя предлагаемые модели-реконструкции колесниц, конской упряжи ввиду объективных обстоятельств сохранности археологических источников являются в основной части аподиктическими¹.

Цель данной работы — исследование социальной роли и символики колесничества по данным, отражающимся в погребальной обрядности. Попытки определения социальной роли «колесничих» для общества бронзового века Южного Зауралья уже предпринимались [Kurpianova et al., 2017], однако накопление новых данных требует переосмысления ранее сделанных выводов.

Методика исследования и материалы

В основу методики исследования положен комплексный анализ погребальных объектов, артефактов, останков людей и животных, с применением статистического и типологического методов, методов естественных наук. Для реконструкции колесничества как социального феномена требуется всестороннее сопоставление множества факторов, ему сопутствующих, среди которых:

- контекст размещения деталей колесничного комплекса в погребальном обряде;
- антропологические характеристики индивидуумов, сопровождавшихся колесничным комплексом;
- характеристика сопутствующих жертвоприношений;
- трасологические исследования деталей колесничного комплекса; и др.

В своей классической фазе феномен колесничества подразумевает в социальном плане существование одного персонажа — колесничего, имеющего право на управление транспортным средством в процессе войны, соревнований и пр. В реальности же к колесничной культуре имело отношение гораздо большее количество людей, выполнявших различные функции — от изготовления колесниц, упряжи до обучения лошадей. Можно предположить, что в начальной стадии формирования (с каковой мы имеем дело в степях Южного Зауралья в бронзовом веке) все эти индивидуумы могли включаться в социальную группу, имеющую отношение к колесничеству.

При отборе материалов для исследования учитывался ряд факторов. Во-первых, далеко не для всех памятников, где обнаружены те или иные проявления колесничества, имеется набор соответствующих определений. Во-вторых, существование территориальных вариантов обрядов, неоднократно зафиксированное при исследованиях на всей территории распространения какой-либо археологической культуры, часто при попытках обобщения создает размытую картину. Поэтому, ввиду необходимости комплексного анализа всех обстоятельств, построение статистических моделей на широком пространстве в заявленной теме на данный момент невозможно. Исходя из этого, при попытке характеризовать колесничество как социальный феномен, в качестве объектов анализа мы избрали три рядом расположенных погребальных памятника, приуроченных к двум самым северным укрепленным поселениям синташтинской культуры (Степное и Черноречье), содержащих синташтинские и петровские материалы: могильники Степное-1, Степное VII, Кривое Озеро (Троицкий и Пластовский р-ны Челябинской обл.) [Виноградов, 2003; Зданович, 2013; Куприянова, 2016, 2021; Куприянова, Зданович, 2015]. Для исследования были взяты неграбленные либо частично ограбленные погребения, имеющие ряд антропологических, археозоологических, трасологических, радиоуглеродных определений, содержащие колесничную символику. Этим параметрам соответствовало 10 погребений из 3 памятников: мог. Степное-1 — курганы 1, 4, 8, 33; мог. Степное VII — комплексы 1, 4; мог. Кривое Озеро — курганы 1, 9.

Результаты исследований

Ямы, содержавшие явные признаки колесничества (колесные ямки, псалии, вооружение, жертвоприношения лошадей) (рис. 1), отобранные в качестве объектов анализа, были сопоставлены с

¹ З.В. Доде была предложена трехчастная классификация типов реконструкций в палеокостномологических исследованиях: 1) аутентичная (полностью основанная на первоисточнике — конкретном комплексе); 2) аподиктическая (в случае отсутствия полных данных о конкретном объекте, но выполненная в совокупности с другими археологическими источниками, письменными и фольклорными свидетельствами, этнографическими параллелями и др.); 3) гипотетическая (основанная на элементах объекта в отсутствии системообразующей основы) [2005, с. 306–307]. На наш взгляд, эта классификация применима к большинству реконструкций объектов материальной культуры, сделанных на археологических материалах.

точки зрения возраста погребенных и типа погребального обряда. Погребения делятся на две количественно равные группы: коллективные и индивидуальные. Таблица антропологических определений отчетливо показывает половозрастные различия для этих двух групп:

Половозрастные различия индивидуумов из погребений с чертами колесничного комплекса

Sex and age differences of individuals from burials with features of the chariot complex

Памятник, культура: (с) — синташтинская, (п) — петровская	Пол, возраст индивидов
Группа 1. Коллективные погребения	
Мог. Степное-1, к. 1, я. 1 (с)	Жен., 17–25 лет; муж., 15–17 лет; дет., 12–14 лет; 9–10 лет
Мог. Степное-1, к. 1, я. 2 (с)	Жен. 15–17 лет; дет. 14–15 лет; 1,5–2 года
Мог. Степное-1, к. 4, я. 10 (с)	5–6 лет; ок. 8 лет; 9–10 лет; ок. 0,5 лет
Мог. Степное-1, к. 4, я. 13 (с)	Ок. 8 лет; муж. ок. 9 лет
Мог. Степное VII, я. 18 (п)	Муж., 18–22 лет; жен., 15–17 лет; дет., 10–12 лет; 9–10 лет
Группа 2. Индивидуальные погребения	
Мог. Степное-1, к. 8, я. 1 (п)	Муж., 20–25 лет
Мог. Степное-1, к. 33, я. 1 (с)	Муж., 45–55 лет
Мог. Степное VII, я. 5 (п)	Муж., 30–40 лет
Мог. Кривое Озеро, к. 1, я. 3 (п)	Муж., 35–40 лет
Мог. Кривое Озеро, к. 9, я. 1 (с)	Муж., ок. 50 лет

1

2

3

Рис. 1. Характерные признаки колесничного комплекса бронзового века Южного Зауралья: 1 — отпечатки колес в погребениях, Синташтинский большой грунтовой могильник (по: [Генинг и др., 1992, цветная вклейка, рис. 23]; 2 — жертвоприношения лошадей, мог. Степное-1, курган 8; 3 — псалии и наконечники стрел (оружие дистанционного боя), мог. Степное-1, курган 1 (фото автора).

Fig. 1. Characteristic features of the Bronze Age chariot complex of the Southern Trans-Urals: 1 — wheel prints in burials, Sintashta large burial ground (by: [Gening et al., 1992, color pasting, fig. 23]); 2 — horse sacrifices, Stepnoye-1 cemetery, kurgan 8; 3 — cheek-pieces and arrowheads (remote combat weapons), Stepnoye-1 cemetery, kurgan 1 (photo by the author).

Колесничество в обществах бронзового века Южного Зауралья как социальный феномен

Ямы первой группы в большинстве относятся к *синташтинской культуре* (кроме ямы 18 мог. Степное VII). Возраст погребенных определяется в подавляющем большинстве как детский и подростковый. В случаях, когда наборы псалиев находились при конкретных индивидах, их принадлежность определяется как: женщина 17–25 лет (мог. Степное-1, к. 1, я. 1), женщина 15–17 лет, ребенок 1,5–2 года (мог. Степное-1, к. 1, я. 2) (рис. 2), ребенок 5–6 лет (мог. Степное-1, к. 4, я. 10). Таким образом, погребенные из этой группы ям по половозрастным характеристикам никоим образом не могли являться реальными колесничими.

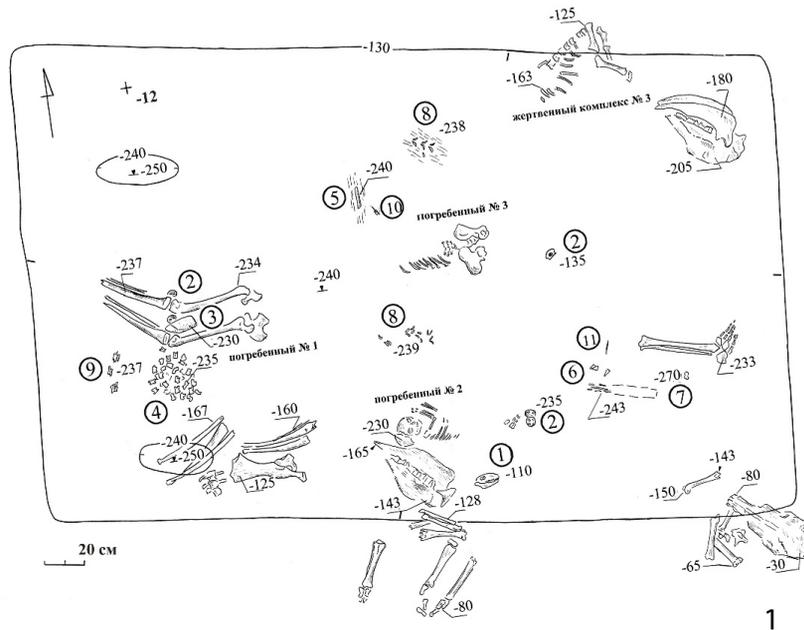

Рис. 2. Пример коллективного погребения с признаками колесничного комплекса (погребение 2 кургана 1 мог. Степное-1):

1 — план погребения (1 — череп собаки; 2 — роговые псалии; 3 — каменное орудие; 4 — набор астрагалов; 5 — бронзовое тесло; 6 — остатки колчана со стрелами; 7 — кусок смолы; 8 — украшение из клыков-амулетов; 9 — остатки сгоревшей деревянной плахи; 10 — шило с остатками деревянной рукоятки; 11 — «стрекало» (?); 2 — деталь погребения, ребенок 1,5–2 лет с псалиями и колчанным набором; 2 — деталь погребения, женщина 15–17 лет с псалиями, каменным орудием и набором астрагалов (фото автора).

Fig. 2. An example of a collective burial with signs of a chariot complex (burial 2 of kurgan 1 Stepnoye-1 cemetery):

1 — plan of burial; 2 — detail of burial, a child of 1.5–2 years with cheek-pieces and a quiver set; 2 — detail of burial, a 15–17-year-old woman with cheek-pieces, a stone tool and a set of astragali (photo by the author).

М.Б. Медникова, цитируя Е.Е. Кузьмину, пишет о формировании в бронзовом веке касты воинов-колесничих, предполагающей, что потенциальные колесничие с детства воспитывались и проживали совместно, проходя специальные тренировки [Медникова, 2010, с. 94]. В пользу кастовости и наследственности говорят факты массовости и разновозрастности погребений. То, что большинство погребенных с псалями являлись женщинами и маленькими детьми, может свидетельствовать о распространении статуса «колесничего» на всех членов определенной семьи, а не только на тех, кто был потенциально способен к обучению и тренировкам (добавим к этому, что, например, женщина из п. 1 к. 1 мог. Степное-1, занимавшая положение «колесничего» в могиле, страдала рахитом).

Погребенные в первой группе ям, по всей очевидности, не могли быть реальными колесничими, но лишь имели этот символический статус, четко обозначенный в ритуале. Все погребения кроме псалиев сопровождалось и другими признаками колесничного комплекса, включающими, согласно ранее данному определению [Чечушков, 2013], колесные ямки, оружие дистанционного боя, жертвенники с останками лошадей, стрекала.

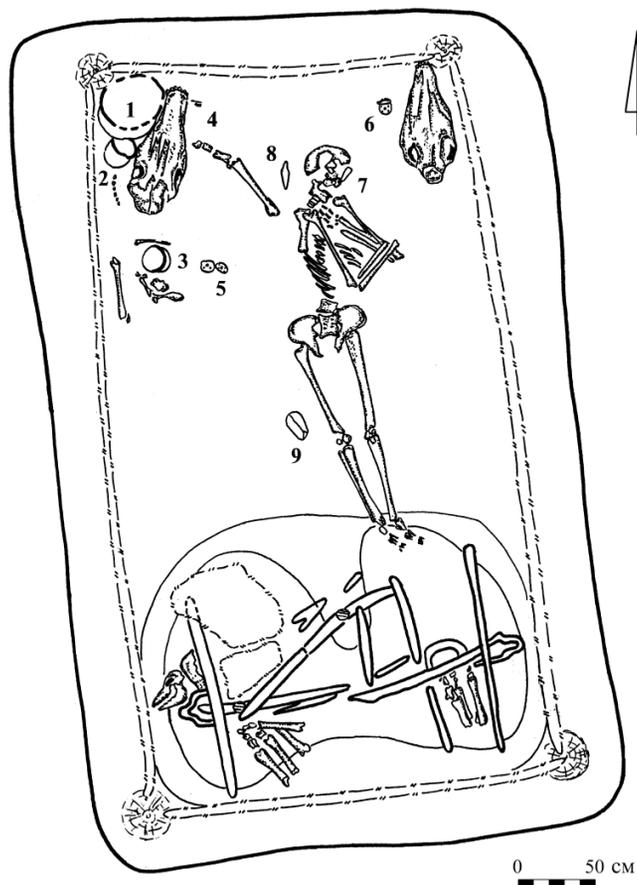

Рис. 3. Пример индивидуального погребения с признаками колесничного комплекса (мог. Кривое Озеро, курган 9, яма 1) (по: [Виноградов, 2003, с. 85]).

Fig. 3. An example of an individual burial with signs of a chariot complex (Krivoe Ozero cemetery, kurgan 9, pit 1).

Тем не менее тренировки по управлению колесницами для определенной группы молодежи, очевидно, имели место. Подтверждением этому может служить факт нахождения в двух коллективных ямах (я. 2 к. 1. мог. Степное-1 и я. 18 мог. Степное VII) нескольких миниатюрных псалиев, которые изначально были интерпретированы нами как votivные либо модели, но, по заключению трасолога, являлись вполне рабочими экземплярами, имеющими следы использования [Куприянова, Усачук, 2020, с. 79]. Необходимо также отметить, что большинство изученных псалиев из могильников Степное-1, Степное VII, Кривое Озеро по трасологическим заклю-

чениям имели следы использования [Куприянова, Усачук, 2020; Усачук, 2003]. При этом у подавляющего большинства изученных экземпляров, судя по данным трасологии, это следы *непродолжительного* использования. На основании трасологических исследований псалиев из могильника Кривое Озеро А.Н. Усачуком было высказано предположение, что они использовались для доставки колесницы к месту погребенного [2003, с. 330]. Лишь один экземпляр из к. 1 мог. Степное-1 и пара из к. 9 мог. Кривое Озеро имели следы значительного износа и были нефункциональны, а вторая пара из той же ямы к. 9 была предположительно новая. Результаты экспериментальных исследований также подтверждают, что псалии перед помещением их в погребальные комплексы использовались определенное время [Chechushkov et al., 2018]. Таким образом, как данные экспериментов, так и изучение древних артефактов подтверждают, что большинство псалиев в погребениях являлись рабочими (в том числе учебными?) экземплярами, но, по соотношению с полом, возрастом и состоянием здоровья покойных, не могли являться их личной собственностью.

В группе 2 большинство ям относятся к петровской культуре (кроме ям из к. 9 мог. Кривое Озеро (рис. 3) и к. 33 мог. Степное-1). Пол погребенных уверенно определяется как мужской, возраст — от возмужалого до пожилого (по меркам бронзового века). Эти индивидуумы, в отличие от погребенных первой группы, по половозрастным характеристикам могли являться реальными колесничими. Набор зафиксированных признаков колесничного комплекса здесь тот же, что и в первой группе: колесные ямки, оружие дистанционного боя, жертвенники с останками лошадей, стрекала. Отличие состоит в индивидуальном характере погребений, подчеркнутым тем, что яма с «колесничим» в большинстве случаев — единственная крупная центральная яма кургана, в то время как ямы первой группы входят в комплекс из 2–3 центральных коллективных погребений.

К сожалению, для большинства погребенных в этой группе отсутствуют определения палеопатологий. Г.В. Рыкушина определяет у индивида из к. 9 мог. Кривое Озеро следы воспалительных процессов в черепе [2003, с. 249], сохранность посткраниального скелета оценивается как неудовлетворительная. Тем более примечателен на этом фоне индивид из к. 33 мог. Степное-1², на черепе которого в центре лба зафиксирована круглая выемка от полученной при жизни и заросшей травмы (рис. 4, 1). Диаметр ее можно сопоставить, например, с диаметром бойка топора, аналогичного найденному в погребении 17 мог. Степное VII и на других памятниках синташтинской и петровской культур (рис. 4, 3) (археозоологами ранее высказывалось предположение, что похожими орудиями наносились удары по черепам жертвенных животных, во множестве фиксируемые в жертвенных комплексах синташтинской и петровской культур). На позвонках всех отделов позвоночника зафиксированы патологические остеофитозные разрастания (рис. 4, 2). Подобные же разрастания отмечены М.Б. Медниковой у погребенного карасукской культуры, интерпретирующегося как «колесничий» [2010, с. 90]; они могли быть следствиями как травмы позвоночника, усиленной нагрузки на позвоночник, так и генетической предрасположенности, инфекции и пр. Профессия колесничего чревата множеством возможностей получить травмы и заболевания (падение с колесницы, удар лошади, боевые ранения, простуды вследствие длительного нахождения на открытом пространстве в холодное время и пр.). Ранение в области лба у погребенного из кургана 33 с большой долей вероятности относится не к бытовым, а к боевым травмам. Таким образом, погребения второй группы по совокупности признаков можно с определенной степенью уверенности интерпретировать как погребения реальных воинов-колесничих.

Подводя итог анализу, можно констатировать, что погребенные первой группы (преимущественно относящиеся к синташтинской культуре), являлись лицами различного пола детского и юношеского возраста и обладали символическим (родовым или наследственным?) статусом «колесничего». Погребенные второй группы (преимущественно относящиеся к петровской культуре), очевидно, являлись реальными воинами-колесничими с высоким социальным статусом. В этой связи интересно сопоставить данные проведенного нами ранее анализа распределения типов жертвоприношений лошадей в синташтинской и петровской культурах [Куприянова, 2021]. По материалам 96 объектов, содержавших парные жертвоприношения лошадей, установлено, что «частичные» жертвенники типов А1-2 (голова и ноги животного) приурочены в основном к коллективным могилам в синташтинских могильниках, а жертвенники типа Б2 (целые туши лошадей, располагающиеся на подкурганной площадке у индивидуальных мужских погребений)

² Антропологические определения А.Х. Чирковой (г. Москва).

составляют подавляющее большинство в петровских памятниках. На основании этих данных был предложен вывод о том, что различия в типологии парных жертвоприношений лошадей в первом случае («синташта») являются индикаторами принадлежности колесничной символики некоему коллективу (социальной группе, роду), во втором («петровка») — говорят о формировании некоего подобию вождеской власти. Предложенные выводы согласуются со всем спектром приведенных выше данных.

Рис. 4. Останки погребенного из кургана 33 мог. Степное-1:

1 — череп со следами прижизненной травмы; 2 — позвонки со следами патологических остеофитозных разрастаний; 3 — топор из погребения 17 мог. Степное VII — возможный тип орудий для нанесения боевых травм (фото автора).

Fig. 4. The remains of the man from the kurgan 33 Stepnoye-1 cemetery:

1 — a skull with traces of a lifetime injury; 2 — vertebrae with traces of pathological osteophytic growths; 3 — an axe from the burial 17 Stepnoye VII cemetery — a possible type of weapons for inflicting combat injuries (photo by the author).

Обсуждение и выводы

Основным итогом исследования стала констатация факта существования в погребальном обряде на северной периферии синташтинской и петровской культур бронзового века двух групп погребений, обладающих символикой колесничества, — коллективных (преимущественно женских и детских) и индивидуальных (мужских зрелого возраста).

На основании всех учтенных факторов можно выдвинуть гипотезу, что на начальной стадии формирования колесничество как социальный феномен являлось прерогативой одного рода/клана, члены которого были задействованы в разных стадиях процесса — изготовлении колесниц, упряжи, дрессуре лошадей, езде на колесницах, обучении воинов и пр. В ритуале на всех них, невзирая на пол и возраст, распространялся статус «колесничего». Проявления подобной клановости фиксируются в основном в памятниках синташтинской культуры. Но очень быстро, уже в петровском обществе, семантическая и ритуальная связь с темой колесничества была делегирована конкретному индивиду — непосредственному управляющему колесницей, обладавшему высоким статусом, характер и порядок приобретения которого по археологическим данным не прослеживается. В могильниках, материалы которых послужили базой для ис-

Колесничество в обществах бронзового века Южного Зауралья как социальный феномен

следования, можно наблюдать пересечение этих двух фаз, что не противоречит последним данным радиоуглеродного датирования синташтинских и петровских древностей в археологических памятниках у с. Степное. Ширина диапазона петровской серии дат (2133–1631 г. до н.э.) перекрывает синташтинский интервал (около 1950–1850 г. до н.э.) и производит впечатление синхронности существования двух культур в данном конкретном микрорайоне [Епимахов и др., 2021, с. 23]. Безусловно, речь не идет о том, что подобное культурное соотношение распространялось на всю территорию Зауралья. В совокупности, на всей территории существования, синташтинские древности имеют чуть более раннюю хронологическую позицию относительно петровских, но на памятниках северной периферии синташтинского мира (каковыми являются укрепленные поселения Степное и Черноречье и сопутствующие им могильники), очевидно, отражен поздний период сосуществования двух культур.

В качестве параллельной альтернативной гипотезы, основанной на синхронности существования синташтинского и петровского населения на северной периферии ареала культур, можно предположить, что личность колесничего (погребения группы 2) изначально выделялась как в обряде, так и по социальному статусу, а в коллективных погребениях группы 1 были погребены члены семьи, родственники колесничего, имевшие отношение не непосредственно к управлению колесницами, но к данной сфере деятельности. Разрешению вопроса последовательного либо синхронного появления в обряде этих групп может способствовать дальнейшее расширение серий радиоуглеродных дат и ареала исследования.

Колесница в бронзовом веке Южного Зауралья играла, вероятнее всего, кроме практической, также статусную и ритуальную роль. Поскольку синташтинско-петровские коллективы являлись пионерами в использовании данного вида транспорта, вряд ли его применение было столь же широкомасштабным, как в более поздние эпохи. Использование колесницы как транспортного средства для дальних путешествий затруднительно, поскольку, в отличие от повозки, она не могла вместиť никакого существенного груза, а возница постоянно испытывал сильное напряжение. В условиях зауральской степи вызывает сомнения и то, что ее могли применять для массовых и регулярных военных столкновений. Судя по письменным источникам, поля для боя колесниц готовились специально, выравнивались все неровности поверхности. В степях бронзового века, в отсутствие благоустроенных дорог, при высоком травостое, скрывающем валуны, овраги, впадины, применение колесниц с использованием их технических преимуществ (скорость, маневренность) неизбежно вызывало ряд сложностей [Балонов, 1996, с. 10], которые преодолевались с наработкой опыта. Тем не менее широкое распространение колесниц в будущем демонстрирует их совершенствование и практическую значимость.

На основе приведенных рассуждений можно предположить гипотетическую модель, в которой изначально колесницы преимущественно использовались для одиночных (ритуальных?) поединков между кандидатами от общин при решении каких-либо спорных вопросов (земельных, имущественных?), подобно тому как, если ориентироваться на письменные источники, иногда перед боем проводились ритуальные бои двух воинов от противостоящих сторон, результат которых определял исход боя дружин. Соответственно, к изготовлению и использованию такой статусной вещи имел отношение конкретный родственный коллектив, на всех членов которого распространялась символика «колесничества». Но уже вскоре эта символика стала ассоциироваться лишь с конкретным персонажем — воином-колесничим.

Благодарности. Автор выражает признательность антропологам А.А. Хохлову (г. Самара), Е.П. Китову (г. Москва), А.Х. Чирковой (г. Москва) за антропологические определения скелетных останков из могильников у с. Степное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.
- Доде З.В.* Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонГУ, 2005. Т. 2. С. 305–330.
- Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К.* Археология и комплексные методы исследования: От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: Проблемы исторической реконструкции: Материалы I Междунар. междисц. конф. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. С. 7–29.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах. № 15: Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Дон. обл. краевед. музей, 2004. С. 39–45.

Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // Фантастика и наука. М.: Знание, 1992. Вып. 25. С. 256–271.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: Аркаим; ЧелГУ, 1997. 93 с.

Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества Юго-Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 135–166.

Медникова М.Б. Скелетные особенности колесничих по данным антропологии // Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: ИЭРИЖ УрО РАН; Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.; Донецк: Дон. обл. краевед. музей; Челябинск: Рифей, 2010. С. 88–116.

Кореневский С.Н. О понятиях «вождество», «государство», «цивилизация» в трактовке исторической этнологии, археологии и символики погребений с оружием (по материалам V–II тыс. до н.э. Подунавья, Кавказа и Ближнего Востока) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Саратов, 2021. Вып. 17. С. 45–85.

Куприянова Е.В. К вопросу о взаимодействии синташтинского и петровского населения в эпоху бронзы в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Рифей, 2015. С. 62–70.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: Могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Куприянова Е.В. Внутренний конфликт дуальной символики или конфликт в обществе: Обряды парных жертвоприношений лошадей в некрополях бронзового века Южного Зауралья и Казахстана // Уфим. археол. вестник. 2021. № 2. С. 109–128.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Куприянова Е.В., Усачук А.Н. Псалии могильника Степное 1: Практический и семантический аспекты использования // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. № 8 (1). С. 69–100.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.

Усачук А.Н. Трасологический анализ псалиев могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 319–332.

Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: ИЭРИЖ УрО РАН; Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.; Донецк: Дон. обл. краевед. музей; Челябинск: Рифей, 2010. С. 182–229.

Drenan R., Hanks B., Peterson Ch. The comparative study of chiefly communities in the Eurasian steppe region // Social evolution and history. 2011. Vol. 10. N 1. P. 149–186.

Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Bersenev A.G. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study // Journal of archaeological science. 2018. Vol. 97. P. 125–136.

Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // Praehistorische Zeitschrift. 2017. № 92 (1). P. 40–65.

ИСТОЧНИКИ

Балонов Ф.Р. Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 30 с.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 56 с.

Зданович Д.Г. Археологические раскопки могильника Степное (Челябинская область) в 2006 году: Отчет. Челябинск, 2013 // Архив ОГБУК Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Р-1. № 186.

Куприянова Е.В. Раскопки могильника Степное-1 в Пластовском районе Челябинской области в 2021 году // Архив УНЦ изучения проблем природы и человека ФГБОУ ВО «ЧелГУ». № 1-2022.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

The charioteering in the Bronze Age societies of the Southern Trans-Urals as a social phenomenon

The sites of the Sintashta and Petrovka archaeological cultures of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals (Russia) have been traditionally considered as part of the realm of chariot cultures of early Indo-European communities. The analysis of the finds demonstrates that the phenomenon of charioteering carried an important symbolic role in the paradigm of the steppe communities of the Bronze Age. Numerous finds of chariot fragments, elk antler cheekpieces, paired horse sacrifices, remote combat weapons in cemeteries of Stepnoye I, Stepnoye VII, and Krivoe Ozero have been repeatedly subjected to scientific investigation. Collective burials have been discovered, in which even women and young children are accompanied by weapons, cheekpieces, fragments of chariots and sacrificial horses. Based on this, we have concluded that the community of “charioteers” included members of a certain clan, possibly related to the production and use of chariots, horse training, etc. At the same time, however, individual burials of adult men with elements of a chariot complex have also been found, which occupied central positions in kurgans; those men could have been actual chariot warriors. Recent findings provide a vivid evidence for this. In the field season of 2021, the Sintashta burial complex (kurgan 33) was investigated in the Stepnoye I cemetery, the central burial of which contained a skeleton of a 35–50 year old man who had a round healed hole in his skull. Theoretically, such an injury could have been caused by a battle axe, similar to ones found at the sites of the Sintashta and Petrovka Cultures. Furthermore, abnormal osteophytosis growths have been recorded on all areas of the man's spine, which could have resulted from both injury and high pressure on spine caused by driving a chariot. One elk antler cheekpiece (an element of horse bridle) was found in the burial, along with numerous bones of sacrificial animals. All details of the burial rite indicate that the buried man was a significant person for the community, probably a charioteer warrior. Previously obtained AMS dates attribute the Sintashta complexes of the Stepnoye I cemetery to the range of about 1950–1850 BC. Thus, the newly investigated kurgan 33 of the Stepnoye I cemetery represents another piece of evidence indicating the existence of chariot culture among the steppe communities of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals.

Keywords: Bronze Age, Southern Trans-Urals, Sintashta Culture, Petrovka Culture, charioteering, burial rite.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to anthropologists A.A. Khokhlov (Samara), E.P. Kitov (Moscow), A.H. Chirkova (Moscow) for anthropological definitions of skeletal remains from the cemeteries near Stepnoye village.

REFERENCES

- Dode, Z.V. (2005). The costume as representation of history and cultural reality: To the question of method of researches. In: *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii*, (2). Donetsk: DonGU, 305–330. (Rus.).
- Drenan, R., Hanks, B., Peterson, Ch. (2011). The comparative study of chiefly communities in the Eurasian steppe region. *Social evolution and history*, 10(1), 149–186.
- Chechushkov, I.V. (2011). The chariots of Bronze Age Eurasian steppes. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 15(2), 57–65. (Rus.).
- Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.B. (2010). The chariots complex of Ural-Kazakhstan steppes. In: Bochkarev V.S., Buzhilova A.P., Epimakhov A.V. et al. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii*. Ekaterinburg: Institut ekologii rastenii i zhivotnykh UrO RAN; Samara: Povolzhskaya gosudarstvennaya sotsial'no-gumanitarnaya akademiya; Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei; Cheliabinsk: Rifei, 182–229. (Rus.).
- Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.V., Bersenev, A.G. (2018). Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: an experimental and statistical study. *Journal of archaeological science*, 97, 125–136.
- Epimakhov, A.V., Kupriyanova, E.V., Hommel, P., Hanks, B.K. (2021). Archaeology and complex methods of researches: From ideas about line evolution to mosaic of cultural tradition (Ural Bronze Age in the light of big series of AMS data). In: *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniia: Problemy istoricheskoi rekonstruktsii*. Cheliabinsk: Izdatel'stvo Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 7–29. (Rus.).
- Epimakhov, A.V., Chechushkov, I.V. (2004). The experimental works with reconstruction of Bronze Age horse harness. In: *Arkheologicheskii al'manakh*, (15). Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 39–45. (Rus.).
- Gening, V.F., Zdanovich, G.B., Gening, V.V. (1992). *Sintashta: Archaeological sites of Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes*. Chelyabinsk: Iuzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Masson, V.M. (2000). The early complex societies of Eastern Europe. In: *Drevnie obshchestva Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnyye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii)*. St. Petersburg: IIMK RAN, 135–166. (Rus.).
- Mednikova, M.B. (2010). The skeleton features of charioteers for anthropological data. In: Bochkarev V.S., Buzhilova A.P., Epimakhov A.V. et al. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii*. Ekaterinburg: Institut ekologii rastenii i zhivotnykh UrO RAN; Samara: Povolzhskaya gosudarstvennaya sotsial'no-gumanitarnaya akademiya; Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei; Cheliabinsk: Rifei, 88–116. (Rus.).

Korenevskii, S.N. (2021). About terms “chiefdom”, “state”, “civilization” in historical ethnology, archaeology and symbolic of burials with weapon (on the materials of V–II millennium BC of Don, Caucasus and Middle East). In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi Iesostepi*, (17), 45–85. (Rus.).

Kupriianova, E.V. (2015). To the question about interactions of Sintashta and Petrovka populations in Bronze Age of Southern Trans-Urals. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale*. Cheliabinsk: Rifei, 62–70. (Rus.).

Kupriianova, E.V. (2016). *The burial practices of Bronze Age of Southern Trans-Urals: Stepnoye-1 cemetery (excavations of 2008, 2010–2011, 2014)*. Cheliabinsk: Entsiklopediia. (Rus.).

Kupriianova, E.V. (2021). Internal conflict of dual symbolism or conflict in society: Rites of paired horse sacrifices in Bronze Age necropolises of Southern Trans-Urals and Kazakhstan. In: *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (2), 109–128. (Rus.).

Kupriyanova, E., Epimakhov, A., Berseneva, N., Bersenev, A. (2017). Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? *Praehistorische Zeitschrift*, 92(1), 40–65.

Kupriianova, E.V., Usachuk, A.N. (2020). The cheek-pieces of Stepnoye-1 cemetery: Practice and semantic. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 8(1), 69–100. (Rus.).

Kupriianova, E.V., Zdanovich, D.G. (2016). *The antiquity of forest-steppe Trans-Urals: Stepnoye VII cemetery*. Cheliabinsk: Entsiklopediia. (Rus.).

Rykushina, G.V. (2003). The anthropologic characteristics of Bronze Age populations of Southern Ural on Krivoe Ozero cemetery materials. In: Vinogradov N.B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v luzhnom Zaural'e*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo, 345–360. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2003). The trasology analyses of cheek-pieces from Krivoe Ozero cemetery. In: Vinogradov N.B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v luzhnom Zaural'e*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo, 319–332. (Rus.).

Vinogradov, N.B. (2003). *The Bronze Age cemetery Krivoe Ozero in the Southern Trans-Urals*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).

Zdanovich, D.G. (1997). *The Sintashta society: social base of “quazy-town” culture of Middle Bronze Age of Southern Trans-Urals*. Cheliabinsk: Arkaim; ChelGU. (Rus.).

Zdanovich, G.B. (1992). Arkaim: Aryan on the Ural: hypotheses or real fact? *Fantastika i nauka*, (25). Moscow: Znanie, 256–271. (Rus.).

Куприянова Е.В., <https://orcid.org/0000-0001-8842-9976>

Сведения об авторе:

Куприянова Елена Владиславовна, кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра, Челябинский государственный университет, г. Челябинск.

About the author:

Kupriyanova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Director of the educational and scientific center, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Шорин А.Ф.

Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: shorin_af@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дана авторская оценка достижениям историографии черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы на современном этапе. Раскрываются проблемы, обсуждавшиеся в публикациях конца XX — первых двух десятилетий XXI в. Особое внимание уделено анализу различных точек зрения на происхождение, датировку, место этой культуры в системе древностей эпохи поздней бронзы Урала и сопредельных территорий. Приведен краткий анализ работ, в которых характеризуются материальная культура и хозяйственная деятельность населения данной культуры.

Ключевые слова: Зауралье, поздняя бронза, черкаскульская культура, история изучения.

В начале 1960-х гг. Л.П. Хлобыстин и К.В. Сальников обратили внимание на сходство ряда лесных памятников Зауралья, включавшихся ранее в состав шигирской и горбуновской культур, с андроновскими степной зоны. С тех пор в науку вошло понятие «лесного андрона». Стало очевидным, что подобные памятники были известны на территории Урала и раньше — со второй половины XIX в. Историю их изучения, исходя из состояния источниковой базы, уровня решаемых в конкретный период задач и полученных при этом результатов, можно условно разделить на пять этапов: 1) дореволюционный, 2) 20–50-е гг. XX в., 3) 60-е — начало 70-х гг., 4) 70-е — начало 90-х гг. XX в., 5) 90-е гг. XX — начало XXI в.

Историография первых четырех этапов черкаскульской культуры опубликована [Обыденнов, Шорин, 1994]. Поэтому анализ пятого этапа предваряет только краткий экскурс в те разработки, что сделаны предшественниками.

Заслуги исследователей первого этапа (М.В. Малахов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.А. Рыжников и др.) выразились в начале исследования первых археологических памятников горно-лесного Зауралья. Среди артефактов таких стоянок, раскопанных у д. Палкино, на берегах Исетского, Аятского и других озер, выявлены и те, что впоследствии отнесены к черкаскульской культуре, а также констатировалась самостоятельная линия развития уральского населения от каменного века к эпохе бронзы (подробнее см.: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 4–5]).

На втором этапе помимо расширения источниковедческой базы были выделены в регионе первые археологические культуры: шигирская, горбуновская. Этот процесс во многом был сопряжен с выделением в степной зоне Евразии, включая Урал, андроновской культуры, которая была подразделена на три этапа: федоровский, алакульский, замараевский. Именно она и послужила репером для осмысления памятников бронзового века горно-лесного Зауралья.

Работами П.А. Дмитриева, О.Н. Бадера, А.Я. Брюсова, Н.П. Кипарисовой из шигирской культуры, куда первоначально включен материал разных археологических эпох, в последующем стали как самостоятельные выделяться комплексы, близкие к андроновским. Их образование трактовалось как результат продвижения андроновцев в лесные районы Зауралья и слияния андроновской керамической традиции с местной. Но в то же время в работах Д.Н. Эдинга и В.М. Раушенбах отмечено, что эта керамика отлична от андроновской; андроновские элементы растворены в ней, и появление их объясняется не передвижением андроновских племен в лесные районы, а результатом смешения местных племен с андроновскими (подробнее см.: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 5–8]).

Третий этап характеризовался выделением из рамок андроновских древностей самостоятельных андронидных культур лесной полосы Урала и Западной Сибири, в том числе черкаскульской.

В 1964 г. Л.П. Хлобыстин на материалах поселения Липовая Курья выделил особую андронидную культуру, которая сложилась на базе развития потомков местных неолитических племен и оказалась в сфере влияния андроновской в результате проникновения андроновцев в лес и ассимиляции их лесным населением либо в результате воздействия более высокой по уровню развития андроновской культуры на местное население (см.: [Кожин, 1966, с. 120]).

В том же, 1964 году К.В. Сальников в лесном Зауралье выделил новую, черкаскульскую культуру, отличную от андроновской и генетически связанную с местными культурами предшествующего времени. Эта культура была подразделена на три этапа: черкаскульский, межовский и березовский; время ее существования определялось от середины II по начало I тыс. до н.э. Помимо этого, он выделил памятники коптяковского типа, которые предшествовали черкаскульским [Сальников, 1964]. Чуть позже К.В. Сальников, в связи с передатировкой им федоровского этапа андроновской культуры XVIII–XVI вв. до н.э., отнес примерно к этому же времени и черкаскульский этап. Он считал, что керамика черкаскульского типа возникла на месте в процессе развития горбуновской посуды и местные элементы в ней объясняются генетической связью с последней. Черкаскульское население К.В. Сальников рассматривал как древних угров, отметил движение ранних угров из-за Урала в Приуралье и далее в Среднее Поволжье [1967, с. 373–374].

Точка зрения К.В. Сальникова на относительную хронологию и периодизацию черкаскульской культуры была воспринята В.Ф. Старковым. Тезис о близости федоровской и черкаскульской культур, и может быть, даже об их определенной родственности, выдвинул в это время и М.Ф. Косарев (подробнее см.: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 11–13]).

Формирование новых представлений о черкаскульских древностях на четвертом этапе во многом определено утвердившимся в андроноведении мнением о самостоятельном и синхронном существовании алакульской и федоровской культур и даже более позднем возрасте последней, а также выделением в качестве самостоятельных в степной зоне Евразии культур валиковой керамики финальной бронзы.

В связи с этим В.С. Стоколос, Л.П. Хлобыстин, М.Ф. Косарев, Т.М. Потемкина, Н.Л. Членова начальной датой черкаскульской культуры признают XII в., а то и XIV в. до н.э. (подробнее см.: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 25–26]). М.Ф. Косарев и М.Ф. Обыденнов выделяют в рамках черкаскульской две самостоятельные — черкаскульскую и межовскую культуры, генетически связанные, но имеющие разный круг аналогий и связей: первая — с федоровской и андронидными культурами Западной Сибири, вторая — с культурами более позднего периода: позднеприказанской, саргаринской, ирменской. Первая датирована XIII–XI вв. до н.э., вторая — XII–VII вв. до н.э. [Косарев, 1981, с. 132–141, 168; Обыденнов, 1986].

Н.Л. Членова вообще рассматривала черкаскульские и межовские памятники как однокультурные, распространенные по границе лесостепи и леса от Зауралья до Волги совместно с федоровскими. Черкаскульская культура впитала в себя элементы многих культур, в том числе федоровской, но основа ее, считала исследователь с опорой в том числе на мнение антрополога А.В. Шевченко, все же карасукоидная (см. подробнее: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 29–31]).

По мнению Л.П. Хлобыстина, черкаскульская культура имела сложный этнический состав, унаследованный еще от предшествующей коптяковской. Та, в свою очередь, включила в себя местный аятский компонент и пришлый степной петровский [Хлобыстин, 1976, с. 58–62]. Генетической предшественницей черкаскульской считал коптяковскую культуру и М.Ф. Косарев. Он также отметил, что коптяковцы были генетическими предшественниками и федоровцев, подразумевая тем самым местное зауральское происхождение и федоровской, и черкаскульской культур через коптяковскую от местных раннебронзовых культур лесного Зауралья, где уже хорошо были выражены андронидные орнаментальные традиции [Косарев, 1976, с. 17–18]. Но вместе с тем в литературе по-прежнему сохранялась и точка зрения о сложении черкаскульской культуры в результате мощного андроновского импульса в лесную зону Урала. Исторические судьбы черкаскульской культуры эти исследователи связывали с формированием межовской, а Т.М. Потемкина и С.Я. Зданович — также и алексеевско-саргаринской культурой (подробнее см.: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 32–33]).

В 70–80-е гг. продолжалось выявление памятников черкаскульского типа в сопредельных, подчас удаленных от Зауралья регионах Евразии: в Среднем Притоболье, Северном и Центральном Казахстане, Бельско-Икском междуречье, Куйбышевском Заволжье, Подонье, на лесостепной Украине и даже в Южном Таджикистане. Л.П. Хлобыстин на севере Среднего Зауралья выделил новый, кошкаровский, вариант культуры (подробнее см.: [Обыденнов, Шорин, 1994, с. 33–35]). Анализ основных отраслей хозяйства черкаскульского населения позволил М.Ф. Косареву сформулировать вывод о многоотраслевом его характере с динамичным соотношением присваивающих и производящих (скотоводство) форм в зависимости от природно-ландшафтной среды обитания и конкретной климатической обстановки в регионе [1981, с. 221–223, 226–228].

С 1975 г. к активным исследованиям черкаскульских древностей в горно-лесном и лесостепном Зауралье приступили археологи Уральского университета. Были исследованы новые, важные для понимания особенностей этой культуры комплексы памятников: взаимосвязанные поселения и могильники Березки V и Березки Vг, Перевозный I и Перевозный Ia, Дружный I, переосмыслены материалы известных комплексов: поселений Черкаскуль II, Липовая Курья, Кокшарово I, могильников Ново-Бурино, Большая Караболка, Тартышево I и др. Итогом стало диссертационное исследование, посвященное всестороннему анализу древностей черкаскульского и межовского типов Зауралья [Шорин, 1988]. Его концептуальные положения опубликованы [Петрин и др., 1993; Обыденнов, Шорин, 1994, 1995, 2005; Обыденнов и др., 1994; Шорин, 2000, 2003].

Аналізу подвергнуты все аспекты черкаскульской проблематики: территория распространения, особенности поселенческих и погребальных комплексов, материальная культура в целом и ее локальные варианты, относительная и абсолютная хронология, хозяйственная деятельность, происхождение, этническая принадлежность, направление культурных связей, исторические судьбы носителей.

Эта культура на основании относительной стратиграфии в системе предшествующих и последующих культур региона, а также пяти некалиброванных радиоуглеродных дат датирована XV–XII вв. до н.э. Происхождение ее рассматривалось не как прямое влияние на лесной регион Зауралья андроновской степной, а как дальнейшее развитие местных энеолитических традиций культур гребенчатого геометризма, включая ее прямого предшественника в лице коптяковской культуры, и вхождение черкаскульской культуры в круг андроновидных культур лесной зоны Урала и Западной Сибири. Отмечено проникновение ее носителей на сопредельные территории: в лесостепные и степные регионы по обе стороны Уральского хребта вплоть до Поволжья на западе, Приобья на востоке, Казахстана на юге — и установление тесных контактов с носителями федоровской, алакульской, срубной, сузгунской, ирменской и других синхронных ей культур [Шорин, 1992]. Во многом это движение в новые природные зоны объяснялось тем фактом, что черкаскульские коллективы одними из первых в лесном регионе заимствовали из степи скотоводство. В последней четверти II тыс. до н.э. носители этой культуры послужили основным компонентом формирования межовской культуры. В этническом плане население черкаскульской культуры рассматривались как один из этапов этногенеза ранних угров [Шорин, 1994; 2002, с. 117–119] в период их активных контактов с индоиранскими культурами степи, прежде всего федоровской и алакульской.

Основные положения, высказанные в этих работах, в какой-то степени подвели итог понимания и оценки сущности и содержания черкаскульской культуры, были востребованы на следующем историографическом этапе¹, и их основные положения обсуждались, в том числе с критической точки зрения, способствуя дальнейшему осмыслению этого археологического явления.

В конце XX и в XXI в., на пятом этапе, продолжалось пополнение источниковой базы черкаскульской культуры. В том числе развитие новых методов датирования и переход на калиброванную шкалу дали основание для уточнения абсолютного возраста этой культуры. Изучались вопросы происхождения, территории распространения, ее место в системе культур эпохи бронзы Урала и сопредельных территорий, прежде всего андроновских, исторические судьбы. С активизацией междисциплинарных исследований шла работа по технико-типологическому анализу керамики черкаскульского типа, выделению орудийного набора, в том числе металлокомплекса, которым пользовались черкаскульские общины, особенности многоотраслевой ее экономики в коллективах, расселившихся в различных природно-ландшафтных зонах, и пр.

Археологические исследования новых памятников подтвердили наличие черкаскульских комплексов как в горно-лесном Зауралье, так и лесостепной и степной зонах Южного Урала, Притоболья, Казахстана и Алтая (см., напр.: [Григорьев, 2000, с. 358–360; Матвеев, 2007; Федорук, 2008, с. 205; и др.]). Но отмечено, что памятники черкаскульской культуры в степной зоне относительно редки по сравнению с более северными лесными и лесостепными районами [Куприянова и др., 2021, с. 159]. Была в то же время пересмотрена культурная принадлежность ряда памятников Нижнего Прикамья и Восточного Поволжья, ранее относимых к черкаскульским, в частности могильника Такталачук, отмечено, что он «сочетает в себе признаки нескольких культур — черкаскульской, федоровской, луговской и срубной... Видимо, могильник Такталачук является своеобразным памятником, характеризующим смешение различных групп насе-

¹ В научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU в разделе публикаций по черкаскульской культуре на 01.07.2022 две первые из монографий, помещенные под №№ 34 и 56, в колонке «Цит.» занимают лидирующее положение среди работ, посвященных специально этой проблематике, — 85 и 44.

ления в контактной территории» [Лыганов и др., 2019, с. 59]. Показано также, что незначительным было влияние на формирование памятников сусканского типа черкаскульских, а вернее, даже в большей степени федоровских традиций, проникавших по р. Урал, а затем по р. Самаре в лесостепное Поволжье [Лыганов, 2018, с. 129].

Причины, характер и последствия миграций черкаскульских коллективов на столь удаленные территории пытался обозначить еще в 90-е гг. XX в. автор данной статьи [Шорин, 1992, 1999]. Свои точки зрения на это явление высказали и другие специалисты [Зах, 1995, с. 82; Корочкова, 2010b, с. 81–84]. В работах последней, кстати, получил дальнейшее развитие тезис, восходящий еще к 40-м — началу 60-х гг. XX в., о доминирующем влиянии на формирование черкаскульской культуры федоровского импульса. Поэтому определяющим в ее развитии была связь и генетическое родство со степным миром. Это в какой-то степени объяснило и далекие миграции черкаскульских коллективов в лесостепную и степную зоны Южного Урала, Казахстана и Алтая [Корочкова, 2010a]. Исходя из этой парадигмы О.Н. Корочкова настаивает, что «воспринимать черкаскульскую культуру как культуру “лесного андрона” — серьезное заблуждение. Она не внесла серьезного вклада в таежный культурогенез» [Там же, с. 50–51]. В то же время носители черкаскульской культуры, несмотря на активную их миграцию в степные регионы, куда их влекли воспоминания об исходной прародине, новые источники металла и пастбища, в условиях начавшегося сокращения здесь численности населения в период распада и трансформации андроновской общности и начала формирования общности КВК, по мнению О.Н. Корочковой, заметного влияния на ситуацию в этом регионе оказать не смогли, андронидная линия в степном поясе дальнейшего продолжения не имела [Корочкова, 2010a, с. 50]. Но все же можно рассматривать их здесь, особенно в Южном Зауралье, в течение определенного времени «в качестве активной субкультуры, которая манифестировала свою идентичность в грандиозных погребальных ансамблях, ярким примером которых является курганный могильник Приплодный Лог I, раскопанный на юге Челябинской обл. Это монументальное сооружение, которое посещалось в течение длительного времени и служило не только усыпальницей, но и местом отправления собственных культов» [Корочкова, 2010b, с. 83].

В конечном счете, эти группы черкаскульского населения приняли определенное участие в формировании саргаринской культуры, памятников сусканского типа в Среднем Поволжье, лугавской культуры на Нижней Каме.

Активным сторонником определяющей роли федоровского компонента в формировании черкаскульской культуры является С.А. Григорьев [2000, с. 367–368; 2019, с. 110]. В одной из работ автор рисует еще более сложную (ступенчатую) схему культурогенеза эпохи бронзы Южного Зауралья, в которую вписана и черкаскульская культура [Григорьев, 2018].

Генезис черкаскульской и федоровской культур с позиций сходства и различия их погребальной обрядности изучила И.А. Котельникова. Ее вывод: «...наличие в погребальном обряде черкаскульцев целого ряда федоровских элементов вполне может объясняться интенсивными контактами двух культур... активное взаимодействие носителей двух культур не повлекло за собой ассимиляции черкаскульцев федоровцами» [Котельникова, 2001, с. 60].

Позиция по поводу происхождения и места черкаскульской культуры обозначена и А.В. Матвеевым. Он рассматривал ее не как андронидную, а частью андроновской, сформировавшейся на основе федоровских древностей в лесостепных районах восточнее и южнее горно-лесного Зауралья, куда она сместилась позднее. То есть, хронологически эта культура младше федоровской и алакульской, характеризовала постфедоровский этап андроновской эпохи, синхронна пахомовским древностям² и в этнолингвистическом плане черкаскульское население следует считать не угорским, а индоиранским, ираноязычным [Матвеев, 2007, с. 36–40].

Трое из упомянутых выше авторов едины во мнении, что керамика черкаскульского и межовского типов могла бытовать и одновременно, хотя существование на позднем этапе развития этой керамической традиции самостоятельной межовской культуры они не отрицают [Григорьев, 2000, с. 358, 366–367; 2019, с. 112–113; Матвеев, 2007, с. 19, 23; Корочкова, 2011, с. 16, 19]. В этой связи интересно находение в могильнике Кордон Миассово 1 в горно-лесной зоне Южного Зауралья погребальных оград, одни из которых сопровождалась сосудами черкаскуль-

² Точка зрения о существовании черкаскульской культуры на постфедоровском этапе андроновской эпохи активно поддерживается и коллегами А.В. Матвеева (см., напр.: [Костомаров, Костомарова, 2013, с. 50–51; и др.]). Определенное взаимодействие черкаскульских и пахомовских коллективов отмечалось ранее авторами монографии по Чудской Горе [Потемкина и др., 1995, с. 118–119, 127].

ского, другие — межовского облика [Шорина, Шорин, 2015, с. 22–26, рис. 3; 2017]. Причем в ограде 12, где захоронение взрослого индивида, сопровождается двумя сосудами межовского облика, совершено по обряду трупосожжения, произведено не на стороне, а прямо в могиле. Сохранность этой кремации такова, что реконструировано положение погребенного: на боку, в позе эмбриона, головой на юго-запад. Хотя кремация свойственна федоровскому погребальному обряду и отмечена в ряде погребений черкаскульской культуры той же лесостепной зоны, практика сожжения трупа прямо на месте у населения этих культур автору статьи неизвестна. Но в этом же горно-лесном регионе Зауралья такая практика сожжения трупов на месте отмечена в ряде коптяковских погребений Шайтанского Озера II [Корочкова и др., 2020, с. 38–50]. Большинство исследователей считают эту культуру генетической предшественницей черкаскульской.

В начале XXI в. несколько расширена база радиоуглеродных дат в калиброванных их значениях, что позволило продвинуться в определении абсолютного возраста черкаскульских комплексов. А.В. Матвеевым предложено для обсуждения уже не 5, а 10 дат. По некалиброванной шкале исследователь определил возраст черкаскульской культуры в интервале XIII–XI вв. до н.э. [Матвеев, 2007, с. 31–37, табл. 3]. Выполненная позднее А.В. Епимаховым сумма вероятностей калиброванных значений этих дат в абсолютных цифрах выглядит так: по 1σ (68,2 %) 1610–1250, по 2σ (95,4 %) 1900–1050 гг. до н.э. [Епимахов, 2010, с. 140–141, рис. 6]. Комментируя эти значения, исследователь замечает, что «на фоне слабой согласованности малочисленной серии, к тому же не лишенной противоречий, этот результат можно признать адекватным, как минимум, в части его верхней границы» [Там же, с. 140].

С черкаскульским слоем поселения Хрипуновское 1 лесостепного Притоболья ее исследователи связали еще три даты [Костомарова и др., 2011, с. 28, 24, рис. 14]. Калиброванные их значения по 2σ укладываются в интервал середина XVI — последняя четверть XII вв. до н.э.

Увеличилось и число радиоуглеродных дат для черкаскульских комплексов горно-лесного и степного Зауралья. По одному из колец деревянной стлани, рядом с которой найдены фрагменты черкаскульского сосуда, VIII разреза Горбуновского торфяника получена дата 3366 ± 123 л.н., 1σ 1774–1506, 2σ 1975–1411 гг. до н.э. (ИЭРЖ-163) [Шорин, 2010, с. 116–118, рис. 4–6]. Еще одна дата получена по деревянному столбу от наземной конструкции, примыкавшей к жилищу 1 с черкаскульской керамикой поселения Левобережное (Синташта II) в степном Южном Зауралье: IGANAMS-7811: 3350 ± 20 л.н., 1σ 1682–1546, 2σ 1732–1542 гг. до н.э. [Епимахов, Петров, 2021, с. 72, 74–75, рис. 6, 1/]. Правда, последнюю дату в интервале XVII–XVI вв. до н.э. авторы считают несколько удревной, не исключая «влияния эффекта старого дерева... Однако вряд ли это смещение было большим...» [Там же, с. 75]. Поэтому исследователи по поводу этой даты приходят к выводу, что «черкаскульский (?) период иллюстрирует единственная, возможно, удреванная на 50–100 лет дата... Более реалистичным значением для нее видится XVI–XV вв. до н.э.» [Там же, с. 76]. Исходя из этого заключения, а также учитывая опубликованный ранее интервал черкаскульских дат: 1610–1250 (1900–1050) гг. до н.э., который трудно интерпретировать содержательно из-за их длительного разброса [Епимахов, 2010, с. 140–141, рис. 6; Молодин и др., 2014, с. 141–142, 145, рис. 2], а также данные относительной стратиграфии ряда многослойных поселений региона, А.В. Епимахов и Ф.Н. Петров в конечном счете приходят к выводу, что в относительной хронологии культур эпохи бронзы Зауралья черкаскульские материалы следуют за алакульскими и предшествуют межовским³. А вот факт синхронности черкаскульских и пахомовских древностей в лесостепной зоне Притоболья, анонсируемый рядом исследователей [Потемкина и др., 1995, с. 118–119, 127, Матвеев, 2007, с. 41; Корочкова, 2010b, с. 82–83; Костомаров, 2010, с. 21], этими специалистами подвергнут сомнению [Епимахов, Петров, 2021, с. 77]. В степной зоне Южного Зауралья саргаринские комплексы финальной бронзы в целом моложе черкаскульских [Епимахов, Петров, 2021, с. 76], но определенный этап их сосу-

³ Вероятно, также вытекает как из абсолютной, так и относительной хронологии памятников бронзового века Зауралья утверждение о синхронном существовании черкаскульской и федоровской культур, во всяком случае, на определенном этапе их эволюции. Хотя «хронология федоровских памятников Зауралья — одно из слабейших звеньев системы ввиду ничтожного количества дат (пять, из которых могут быть использованы лишь четыре) с большим размахом вариации. Достоверность выделенного интервала (1980–1510 (2150–1450) гг. до н. э.) сомнительна и требует проверки материалами смежных культур» [Молодин и др., 2014, с. 144], но ряд могильников лесостепного Зауралья — Такталачукский, Кинзерский, Ново-Буринский, Болшекарабольский и др. содержат как федоровские, так и черкаскульские погребения. По наблюдениям Л.Ю. Петровой, черкаскульское население степной зоны Зауралья проживало здесь недолго и «составляло одну линию развития с более ранней федоровской традицией» [2007, с. 84]. Эти факты ставят под сомнение тезис об отнесении черкаскульской культуры к постфедоровской стадии эволюции андроновской общности.

ществования (черкаскульской в качестве активной субкультуры в среде саргаринской) некоторые исследователи допускают (см., напр.: [Корочкова, 2010b, с. 83]).

Из анализа работ по горно-лесному Среднему Зауралью, опубликованных в XXI в., хронология черкаскульских древностей представляются в следующем виде. Черкаскульской здесь предшествует коптяковская культура, возраст которой по радиоуглеродным датам оценивается в рамках первой трети II тыс. до н.э. [Корочкова и др., 2020, с. 112–125]. Генетическую связь черкаскульской и межовской культур никто из исследователей не оспаривает. Но для последней в лесном Зауралье радиоуглеродных дат нет. Для самой черкаскульской культуры в этой зоне известны только три даты: с Кокшаровско-Юрьинской стоянки, поселения Липовая Курья и VIII Разреза Горбуновского торфяника. Но они получены еще в XX в., имеют большой хронологический разброс в их калиброванных значениях (см., напр.: [Матвеев, 2007, с. 35, табл. 3]): от XX до XII вв. до н.э., поэтому на основании их интервал функционирования черкаскульской культуры выглядит все же расширенным. Вероятнее всего, его можно сузить до середины — начала третьей четверти II тыс. до н.э. Во всяком случае, начало функционирования черкаскульской культуры через калиброванную хронологическую шкалу в XVI–XV вв. до н.э. наиболее вероятно.

Продолжены на пятом этапе работы по изучению различных категорий артефактов черкаскульской культуры, происходящих особенно с вновь раскопанных памятников.

Объем статьи не позволяет детально охарактеризовать все работы, в которых приведены новые данные по материальной культуре черкаскульских общин из разных регионов их обитания. Но ряд таких публикаций следует отметить.

Представлены первые результаты технико-технологического анализа керамических комплексов с двух памятников черкаскульской культуры. В.И. Мухаметдинов, изучая комплекс поселения Ново-Байрамгулово-1 в Башкирском Зауралье, выявил наличие смешанных рецептов с шамотом и дрсевой, фиксируемых и в черкаскульской, и в алакульской посуде [2014, с. 227–228]. В.В. Илюшина при анализе поселения Хрипуновское 1 в Притоболье обратила внимание на наличие большого количества рецептов составления формовочных масс, что свидетельствует как об иммиграционных, так и об активных процессах смешения в среде обитателей поселка. Ею показано определенное сходство технологии изготовления керамики у разных территориальных групп черкаскульцев и в конечном счете сделан вывод, что формирование гончарных традиций у населения, проживавшего в лесостепном Притоболье, происходило, скорее всего, на территориях, приуроченных к Южному Зауралью, а в Притоболье появление черкаскульских групп связано с миграционными процессами [Илюшина, 2017].

Еще в предшествующий историографический период обращалось внимание на сложность достоверного отнесения артефактов из камня, кости и металла к анализируемой культуре в силу единичности закрытых (могильники) и полузакрытых (жилища, однослойные поселения) черкаскульских комплексов. Поэтому перечень таких артефактов был не так уж значителен (см., напр.: [Хлобыстин, 1976, с. 34–37, рис. 15, 1, 2, 4, 5; Шорин, 1988, с. 16–17; Петрин и др., 1993, с. 123, рис. 40, 2, 3, 5–10]).

Эту же проблему отмечает в наши дни и И.А. Спиридонов, изучая металлокомплексы бронзового века Зауралья и оперируя обобщенным понятием «черкаскульско-межовский металлокомплекс». По его мнению, не вызывает сомнений черкаскульско-межовский облик выборки из 79 металлических предметов и 10 литейных форм, среди которых серпы, серпы-косари, ножи-кинжалы, кинжал с металлической рукоятью, однолезвийные ножи, кельты, долота, наконечники копий и дротиков, наконечники стрел, шилья, проколки и т.п., украшения, бляшки с петелькой. Отмечено наличие общих типов орудий и сходство технологических приемов металлообработки, присущих андронидным культурам, что связано с формированием черкаскульской культуры на андроновской основе. Но эта технология металлообработки претерпевает определенное влияние местных культурных традиций, прежде всего коптяковской (втульчатые желобчатые долота, кельты, пластинчатые ножи-кинжалы и др.). Различные инокультурные связи приводят к формированию в рамках единого очага металлообработки разнообразных технологических приемов и предпочтений, характерных для того или иного региона, что находит отражение в форме предмета, размере, орнаментальной композиции и т.д. Это позволяет, по мнению исследователя, говорить о том, что металлическое собрание черкаскульско-межовского типа в рамках культурного ареала неоднородно по своему облику и гораздо сложнее, чем воспринималось ранее [Спиридонов, 2020].

Немногочисленные находки бронзовых изделий связывал с черкаскульским слоем поселения Ольховка лесостепного Притоболья А.В. Матвеев [2007, с. 25, рис. 10, Б-2; 13, А-27, Б-9]. Но более подробный анализ металлообработки этого региона на материалах поселений черкаскульской культуры Ольховка, Имбиряй 3, Хрипуновское 1 (соответственно 4, 1 и 6 экз. артефактов) проведен А.Д. Дегтяревой и Ю.В. Костомаровой. Среди них из орудий — тесло трапециевидной формы, долота узкие, нож двулезвийный; из предметов вооружения — черешковые наконечники копий, наконечник стрелы черешковый; из украшений — бляшка круглая, подвеска трубчатая, а также скоба для ремонта глиняных сосудов или деревянных изделий [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 31–35, рис. 1, 1, 3, 4, 9–11; 2, 4, 5]. В этой статье анализируется еще ряд бронзовых изделий, но они происходят из культурных слоев памятников, где наряду с черкаскульской (и не всегда она доминирует) есть и керамика других культур эпохи бронзы: федоровской, бархатовской, пахомовской.

К группе ранних находок отнесены тесло, черешковые долота, гривна, обломок височной трубчатой подвески, скоба, аналогии которым обнаружены в памятниках петровской и алакульской культур. Для этих артефактов характерно использование чистой меди, реже — низколегированной оловянной бронзы, а также литье в сочетании с неполной горячей ковкой, холодной ковкой с отжигом. Зафиксирован факт отсутствия в этой группе артефактов самусьско-кижировских форм и предметов с высокими концентрациями олова. К поздней группе отнесены желобчатое долото с литой втулкой, серп с крюком, двулезвийные ножи, наконечники копий листовидной формы, черешковый наконечник стрелы, бляшка с петелькой, имеющие аналогии в памятниках саргаринской культуры финальной бронзы Зауралья и Казахстана, отчасти карасукской Южной Сибири. Отмечено, что орудия труда этого периода изготовлены в подавляющем большинстве из низколегированной оловянной бронзы с использованием литейных технологий в разъемные формы с получением плотных качественных отливок. В конечном счете делается вывод об определенной преемственности в развитии металлопроизводства от алакульской и федоровской до черкаскульской и бархатовской культур, что проявлялось в следовании традиционным канонам при выборе рецептов сплавов, технологии изготовления орудий. В то же время подчеркнута, что население черкаскульской и особенно бархатовской культуры, в отличие от алакульских и федоровских мастеров, испытывало сложности с получением оловянной лигатуры, что и отразилось в рецептуре сплавов орудий и оружия [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 42–43].

Что касается характеристики черкаскульских артефактов из других материалов, то прежде всего отмечу работы, в которых изучены оригинальные изделия. Так, анализу подвергнуты знаменитые горбуновские тарелки-блюдца; не исключен жертвенный или мемориальный характер их использования [Чаиркина, 2013]. Описаны и обобщены находки 31 экз. игральных/гадальных костей («вюрфелей») из 15 памятников срубно-андроновского мира, в том числе с поселений с керамикой черкаскульского типа: Юкаликулево, Липовая Курья, Дружный I, Черемуховый Куст. Авторы статьи склонны полагать, что они употреблялись и для игр, и в ритуальных целях; знаки на них они считают возможным рассматривать в качестве «различающих» пиктограмм, которые не достигли статуса цифровых идеограмм [Стефанов и др., 2016].

На материалах поселений Притоболья описывается тот орудийный набор, что был задействован черкаскульскими коллективами в присваивающих и домашне-ремесленных отраслях хозяйства (охота, рыбная ловля, ткачество и плетение, обработка шкур и кож, производство одежды, изготовление глиняной посуды, скорняжное дело и пр.). Это керамические грузила, костяные, каменные и бронзовые наконечники стрел, роговая концевая накладка на лук, обломки гарпунов, кочедык для плетения, проколки, скребки из камня и керамики, обломки изделий из нижних челюстей и ребер крупного скота, каменные топоры, долота, песты, лоцила из небольших кварцитовых галек, костяные орнаменты, абразивы и пр. [Костомарова, 2019, с. 55–61; Скочина, Костомарова, 2016].

Продолжался на этом этапе и анализ особенностей производящей экономики черкаскульских коллективов. Специфика скотоводства в различных природно-ландшафтных зонах остается в центре внимания как археологов⁴, так и палеозоологов (среди последних, см., напр.: [Косинцев, Бобковская, 1997]). Заслуживают внимания единичные факты возможного знакомства черкаскульцев с культурными злаками пшеницы (*Triticum* sp.) и ячменя (*Hordeum vulgare*). Отпе-

⁴ См. работы А.В. Матвеева, С.А. Григорьева, О.Н. Корочкиной, В.М. и Ю.В. Костомаровых, А.В. Лыганова и др., ссылки на которые приведены уже выше.

чатки семян этих злаков зафиксированы на двух фрагментах керамики поселения Ольховка в лесостепном Притоболье [Матвеев, 1999, с. 122]. Однако в спорово-пыльцевых материалах из отложений этого времени Южного Зауралья пыльцы культурных злаков и сеgetальных сорняков больше не встречено. Это, вероятнее всего, свидетельствует, что земледелие в среде населения региона в ту эпоху, может быть, за исключением единичных очагов в поймах на наиболее увлажненных и плодородных участках, как предполагали некоторые археологи [Косарев, 1981, с. 207; Потемкина, 1985, с. 318–321], не имело распространения в силу ряда причин, сформулированных палеоэкологами. Среди них факт существования во время обитания черкаскульцев в Южном Зауралье наиболее аридных климатических условий середины суббореального периода голоцена и связанное с ними значительное остепнение ландшафтов; также, вероятно, развитие этой отрасли хозяйства блокировалось узкоспециализированным животноводческим направлением хозяйства черкаскульской общины [Рябогина, 2006, с. 575; Рябогина, Иванов, 2011, с. 100–102]. Правда, на синхронном или чуть более раннем по времени федоровском этапе существования многослойного поселения Курья 1 в том же регионе в заполнении колодцев обнаружены крупные пыльцевые зерна злаков, большая часть которых по морфологическим признакам близка пыльце пшеницы (*Triticum* sp.). Н.Е. Рябогина и ее соавтор отмечают, что это факт не единичной находки, а массового скопления — один из основных диагностических признаков очень близкого расположения засеянного поля. Этот ограниченный ареал в междуречье Туры и Исети, очерченный по двум памятникам, по имеющимся на сегодня данным, возможно, по их мнению, и является наиболее ранним в Зауралье районом, куда проникало земледелие, видимо, из Волго-Уральского региона, где единичные зерна пшеницы и проса обнаружены на памятнике срубной культуры, а позднее зерна пшеницы и ячменя преобладали в материалах сусканской культуры. Но, скорее всего, у федоровского и черкаскульского населения Притоболья это занятие носило только вспомогательный, пробный характер производства зерна [Рябогина, Иванов, 2011, с. 104]. И, как предполагают Е.Е. Антипина и Е.Ю. Лебедева, действительно, нельзя исключать вероятность земледельческой практики на некоторых поселениях позднебронзовых культур степной зоны Восточной Европы вплоть до Зауралья в достаточно короткий хронологический период. Но все же это время прежде всего широкого распространения с запада на восток культур валиковой керамики на заключительной фазе эпохи бронзы. И этот кратковременный эпизод в экономической истории степи был прерван с наступлением железного века. Степной мир остался за скотоводами [Антипина, Лебедева, 2012, с. 75].

В заключение следует отметить, что по мере раскопок новых памятников и внедрения в археологию междисциплинарных исследований с использованием естественнонаучных методов, в XXI в. продвинулось решение вопросов абсолютной хронологии культуры, а на основе этого — ее взаимосвязей, взаимовлияний, миграций, особенностей хозяйственной деятельности, керамического производства и т.п. Но по-прежнему обсуждаемы вопросы генезиса культуры, а малочисленность закрытых и полужакрытых черкаскульских комплексов, многослойный и часто нестратифицированный характер поселений этой зоны и сейчас создает определенные трудности в анализе металлокомплекса и других категорий инвентаря черкаскульской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Основные этапы развития комплексной производящей экономики в западной половине Евразии (от эпохи раннего металла до железного века) // Мегаструктура Евразийского мира: Основные этапы формирования: Материалы Всерос. науч. конф., Москва, ИА РАН, 4–6 дек. 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 72–76.
- Григорьев С.А. Черкаскульская культура // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 357–377.
- Григорьев С.А. Поселение Мочище и проблемы периодизации культур андроновской КИО // XXI Урал. археол. совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СГСПУ; Порто-Принт, 2018. С. 100–102.
- Григорьев С.А. Стратиграфия поселения эпохи бронзы Мочище в Южном Зауралье // РА. 2019. № 2. С. 101–114. <https://doi.org/10.31857/S086960630004127-8>
- Деятарева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 30–45.
- Епимахов А.В. Абсолютная хронология бархатовских древностей в системе культур бронзового века // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 137–144.

История изучения черкаскульской культуры на современном этапе

Епимахов А.В., Петров Ф.Н. Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) // РА. 2021. № 3. С. 67–79. <https://doi.org/10.31857/S086960630012103-2>

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 184 с.

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения черкаскульской культуры (по материалам поселения Хрипуновское 1 в Нижнем Притоболье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 5–15. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-38-3-005-015>

Кожин П.М. Всесоюзное совещание по вопросам андроновской культуры // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 118–120.

Корочкова О.Н. Андронидные культуры Урала и Западной Сибири: Генезис, динамика, связи // УИВ. 2010а. № 2 (27). С. 46–51.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы: (Андронидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮриЗдат, 2010b. 104 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 2011. 38 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2020. 214 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.

Косинцев П.А., Бобковская Н.Е. Костные остатки с черкаскульского поселения Ольховка в Приисетье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 127–132.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: Культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2010. 27 с.

Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. Варианты трансформации андроновских традиций на территории Тоболо-Ишимья в эпоху поздней бронзы // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 49–52.

Костомарова Ю.В. Реконструкция основных элементов экономики населения черкаскульской культуры позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 51–64. <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.51.64>

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сборник ТюмГУ. 2011. Вып. 3. С. 4–32.

Котельникова И.А. К вопросу о генезисе федоровской и черкаскульской культур (по материалам погребального обряда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 55–61.

Куприянова Е.В., Джонсон Дж.А., Батанина Н.С., Петров Н.Ф., Плешанова Н.В. Моделирование системы расселения племен в бронзовом веке на примере долины реки Уй // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: Проблемы исторической реконструкции: Материалы I Международн. междисциплинар. конф. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. С. 38–50.

Лыганов А.В. Андронидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СГСПУ; Порто-Принт, 2018. С. 128–130.

Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблемы соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. Казань: АН Респ. Татарстан. 2019. № 2. С. 38–98.

Матвеев А.В. Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 121–123.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор, 2007. С. 4–41.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.

Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 219–228.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 1986. 81 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. История изучения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 37 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры бронзового века древних уральцев: (Черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 196 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Черкаскульская культура: Учеб. пособие. Уфа: Юрид. колледж, 2005. 139 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1994. 114 с.

Шорин А.Ф.

- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.
- Петрова Л.Ю.* Керамические комплексы эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Зауралья // Известия ЧелНЦ УрО РАН. 2007. № 2. С. 26–30.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 151 с., 48 ил.
- Рябогина Н.Е.* Очаги культивирования злаков в древности на территории Западной Сибири по палеоботаническим данным // Информ. вестник ВОГиС. 2006. Т. 10. № 3. С. 572–579.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Древнее земледелие в западной Сибири: Проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96–106.
- Сальников К.В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАНУ. 1964. Вып. 6. С. 5–23.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Скочина С.Н., Костомарова Ю.В.* Функциональное назначение орудий из галек с поселений эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья: (Экспериментально-трасологический анализ) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 3. С. 72–81. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.1.072-081>
- Спиридонов И.А.* Роль инокультурного компонента в формировании морфологических особенностей черкаскульско-межовского металлокомплекса // Геоархеология и археологическая минералогия. 2020. Т. 7. С. 161–164.
- Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О.* Эволюция древней игры в кости: Источники позднего бронзового века // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2016. № 2. С. 235–253.
- Федорук А.С.* Культурогенез древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Известия АлтГУ. 2008. № 4-2 (60). С. 202–209.
- Хлобыстин Л.П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 64 с.
- Чаиркина Н.М.* Глиняные тарелки со стилизованными орноморфными изображениями из VI Разреза Горбуновского торфяника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3 (55). С. 68–80.
- Шорин А.Ф.* Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1988. 25 с.
- Шорин А.Ф.* Миграции черкаскульцев: Некоторые их причины и последствия // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа: БашГУ, 1992. С. 73–78.
- Шорин А.Ф.* К этнической характеристике черкаскульской культуры // РА. 1994. № 4. С. 54–62.
- Шорин А.Ф.* Черкаскульско-межовские популяции и природная среда: Динамика взаимодействия // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 116–118.
- Шорин А.Ф.* Черкаскульская культура // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига: УрО РАН, 2000. С. 602–603.
- Шорин А.Ф.* Население эпохи развитой и поздней бронзы Урала в системе евразийских культурных связей // УИВ. № 8. 2002. С. 114–122.
- Шорин А.Ф.* Аргазинский археологический комплекс // Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2003. Т. 1. С. 362–363.
- Шорин А.Ф.* VIII разрез — памятник археологии в торфе Горбуновского палеоозера // Древности Горбуновского торфяника: Охранные археологические исследования на Среднем Урале. 2010. Вып. 6. С. 113–123.
- Шорина А.А., Шорин А.Ф.* Кордон Миассово 1 — новый многослойный памятник археологии в горно-лесной зоне Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 21–26.
- Шорина А.А., Шорин А.Ф.* Исследования памятника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // АО. 2017 г. М.: ИА РАН, 2019. С. 439–441.

Shorin A.F.

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS
Sofia Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: shorin_af@mail.ru

The history of the study of the Cherkaskul Culture at the present stage

The article presents the analysis of the current stage of the history of study of the Late Bronze Age Cherkaskul Culture, mostly distributed in the forest, forest-steppe and steppe areas of the Trans-Urals, including the Tobol region. The source base of the study is a critical analysis of scientific publications concerning the problems of the culture. Five stages in the history of the study of the Cherkaskul Culture were identified, but the achievements of the first four are presented only briefly, as these have been previously published. At the fifth stage (the end of the past — first two decades of the present century), new knowledge on various problems of the culture, as can be seen from the bibliography, was formed primarily by the efforts of scientific centers of Yekaterinburg, Tyumen and

Chelyabinsk. These publications provide various concepts for the genesis of the culture, new calibrated radiocarbon dates are analyzed, which determine the age of the Cherkaskul Culture within the middle — beginning of the third quarter of the 2nd mil. BC. These also demonstrate the intense spread of the sites of this culture to adjacent regions to the west, east and south. Yet, a reasonable point has been raised regarding apparently not so significant influence of the Cherkaskul migrants on the archaeological sites of the eastern regions of Tataria (in particular, the Taktalachuk burial ground), and the Middle Volga region — the Suskan Culture. At the same time, the first publications have appeared on the technical and typological analysis of the Cherkaskul ceramics, the specifics of its metal complex and other categories of the grave goods. The research continues on different aspects of the diversified economy of the Cherkaskul communities in various natural and climatic zones of their habitat; the first data about possible acquaintance of some communities of the forest-steppe Tobol region with the basics of cereal cultivation have been introduced into scientific circulation. However, not all the issues are close to their final solution, which is in particular due to the specifics of the archaeological sites of the region, multi-layered and non-stratified nature of the majority of the settlements, small number of semi-closed housing complexes within them, as well as small number of identified and analysed closed burial sites.

Keywords: Trans-Urals, Late Bronze Age, Cherkaskul Culture, history of study.

REFERENCES

- Antipina, E.E., Lebedeva, E.Iu. (2012). The main stages in the development of an integrated manufacturing economy in the western half of Eurasia (from the era of the Early Metal to the Iron Age). In: *Megastruktura Evraziiskogo mira: Osnovnye etapy formirovaniia: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, Institut arkhologii RAN, 4–6 dekabria 2012 g.* Moscow: Institut arkhologii RAN, 72–76. (Rus.).
- Chairkina, N.M. (2013). Clay plates with stylized ornithomorphic representations section VI of the Gorbunovo peat bog. In: *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (3), 68–80. (Rus.).
- Degtyareva, A.D., Kostomarova, Iu.V. (2011). Late Bronze Age metal of the forest-steppe Tobol region. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 30–45. (Rus.).
- Epimakhov, A.V. (2010). Absolute chronology of Barkhatovo antiquities in the system of Bronze Age cultures. In: *Andronovskii mir. Tiumen': Izdatel'stvo Tiimenskogo universiteta*, 137–144. (Rus.).
- Epimakhov, A.V., Petrov, F.N. (2021). Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultural traditions in the Trans-Urals: based on the materials of the Levoberezhnoe (Sintashta II) settlement. In: *Rossiiskaia arkhologiya*. (3), 67–79. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086960630012103-2>
- Fedoruk, A.S. (2008). Cultural genesis of the ancient population of the steppe Ob-Irtysh in the Late Bronze Age. In: *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4-2), 202–209. (Rus.).
- Grigor'ev, S.A. (2000). Cherkaskul culture. In: *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia. Tom I: Kamennyi vek. Epokha bronzy*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo IuUrGU, 357–377. (Rus.).
- Grigor'ev, S.A. (2018). Mochishche settlement and problems of periodization of cultures of the Andronovo cultural-historical community. In: *XXI Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie: Materialy Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Samara: Izdatel'stvo SGSPU; Porto-Print, 100–102. (Rus.).
- Grigor'ev, S.A. (2019). Stratigraphy of the Bronze Age settlement of Mochishche in the Southern Trans-Urals. In: *Rossiiskaia arkhologiya*, (2), 101–114. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086960630004127-8>
- Iliushina, V.V. (2017). Pottery-making technology among the Cherkaskul culture population (based on materials of Khripunovskoye 1 settlement in the Low Tobol basin). In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 5–15. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-38-3-005-015>
- Khlobystin, L.P. (1976). *Settlement Lipovaya Kurya in the Southern Trans-Urals*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Korochkova, O.N. (2010a). Andronoid cultures of the Urals and Western Siberia: Genesis, dynamics, connections. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (2), 46–51. (Rus.).
- Korochkova, O.N. (2010b). *Interaction of cultures in the Late Bronze Age (Andronoid antiquities of the Tobol-Irtysh Region)*. Yekaterinburg: Urallurizdat. (Rus.).
- Korochkova, O.N., Stefanov, V.I., Spiridonov, I.A. (2020). *Sacred place of the first metallurgists in the Middle Ural*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Kosarev, M.F. (1981). *Bronze Age of Western Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kosintsev, P.A., Bobkovskaia, N.E. (1997). Bone remains from the Cherkaskul settlement of Olkhovka in the Isetye. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 127–132. (Rus.).
- Kostomarov, V.M., Kostomarova, Iu.V. (2013). Options for the transformation of Andronovo traditions on the territory of Tobol-Ishim in the Late Bronze Age. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, (2), 49–52. (Rus.).
- Kostomarov, Iu.V. (2019). Reconstruction of main elements economy of the Cherkaskul population of the Late Bronze Age in the forest-steppe Tobol region. In: *Povolzhskaiia arkhologiya*, (3), 51–64. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2019.3.29.51.64>
- Kostomarov, Iu.V., Kostomarov, V.M., Zevaikina, I.S. (2011). The results of the study of the settlement Khripunovskoye 1 — a new monument of the Late Bronze Age and the Early Iron Age on the territory of the for-

- est-steppe Tobol region. In: *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 3*. Tiumen': Izdatel'stvo Tiimenskogo universiteta, 4–32. (Rus.).
- Kotel'nikova, I.A. (2001). To the question of the genesis of the Fedorov and Cherkaskul cultures (based on the materials of the funeral rite). In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 55–61. (Rus.).
- Kozhin, P.M. (1966). All-Union Conference on Andronovo culture. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii*, (106), 118–120. (Rus.).
- Kupriianova, E.V., Dzhonson, Dzh.A., Batanina, N.S., Petrov, N.F., Pleshanova, N.V. (2021). Modeling of the settlement system of tribes in the Bronze Age on the example of Ur river valley. In: *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniia: Problemy istoricheskoi rekonstruktsii: Materialy I mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo ChelGU, 38–50. (Rus.).
- Lyganov, A.V. (2018). Andronoid Traditions in the Late Bronze Age Cultures of the Volga Forest-Steppe Region. In: *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posviashchennoe 85-letiiu so dnia rozhdeniia G.I. Matveevoi i 70-letiiu so dnia rozhdeniia I.B. Vasil'eva: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Samara: Izdatel'stvo SGSPU; Porto-Print, 128–130. (Rus.).
- Lyganov, A.V., Morozov, V.V., Azarov, E.S. (2019). Lugovskaya I and II sites and the issue of the interaction of cherkaskulskaya, lugovaya and mezhovskaya cultures in the lower Kama region. In: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*, (2), 38–98. (Rus.).
- Matveev, A.V. (1999). New data on the life support system of the Cherkaskul population of the Isetye region. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 121–123. (Rus.).
- Matveev, A.V. (2007). Cherkaskul culture of the Trans-Urals. In: *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri*. Tiumen': Vektor, 4–41. (Rus.).
- Molodin, V.I., Epimakhov, A.V., Marchenko, Zh.V. (2014). Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and problems. In: *Vestnik NGU. Seriya Istoriia, filologiya*, (3), 136–167. (Rus.).
- Mukhametdinov, V.I. (2014). Technological Traditions of Pottery Making at the Novo-Bayramgulovo-1 Settlement. In: *Vestnik VEGU*, (1), 219–228. (Rus.).
- Obydenov, M.F. (1986). *Late Bronze Age of the Southern Urals: Manual*. Ufa: Izdatel'stvo Bashkirskogo universiteta. (Rus.).
- Obydenov, M.F., Shorin, A.F. (1994). *The history of the study of the Cherkaskul and Mezhov cultures of the Urals of the Late Bronze Age. Preprint*. Yekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Obydenov, M.F., Shorin, A.F. (1995). *Archaeological cultures of the Bronze Age of the ancient Urals (Cherkaskul and Mezhovka cultures)*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Obydenov, M.F., Shorin, A.F. (2005). *Cherkaskul culture: Manual*. Ufa: Iuridicheskii kolledzh. (Rus.).
- Obydenov, M.F., Shorin, A.F., Varov, A.I., Kosintsev, P.A. (1994). *The economy of the population of the Cherkaskul and Mezhov cultures of the Urals of the Late Bronze Age*. Yekaterinburg: IIA UrO RAN. (Rus.).
- Petrin, V.T., Nokhrina, T.I., Shorin, A.F. (1993). *Archaeological sites of the Argazinsky reservoir (Stone and Bronze Age)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Petrova, L.Iu. (2007). Ceramic complexes of the Late Bronze Age in the steppe zone of the Southern Trans-Urals. In: *Izvestiia Cheliabinskogo nauchnogo tsentra UrO RAN*, (2), 26–30. (Rus.).
- Potemkina, T.M. (1985). *Bronze Age of the forest-steppe Tobol region*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Potemkina, T.M., Korochkova, O.N., Stefanov, V.I. (1995). *Forest Tobol-Irtys at the end of the Bronze Age*. Moscow: PAIMS. (Rus.).
- Riabogina, N.E. (2006). The centers of cultivation of cereals in antiquity on the territory of Western Siberia according to paleobotanical data. In: *Informatsionnyi vestnik VOGiS*, (3), 572–579. (Rus.).
- Riabogina, N.E., Ivanov, S.N. (2011). Ancient agriculture in Western Siberia: Problems of argumentation, paleoethnobotanical methods and analysis of data. In: *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (4), 96–106. (Rus.).
- Sal'nikov, K.V. (1964). Some questions of the history of the forest Trans-Urals in the Bronze Age. In: *Voprosy arkheologii Urala*, (6), 5–23. (Rus.).
- Sal'nikov, K.V. (1967). *Essays on the ancient history of the Southern Urals*. Moscow: Nauka.
- Shorin, A.F. (1992). Migrations of Cherkaskul people: Some of their causes and consequences. In: *Materialy po arkheologii luzhnogo Urala*. Ufa: Bashkirskii universitet, 73–78. (Rus.).
- Shorin, A.F. (1994). To the ethnic characteristics of the Cherkaskul culture. In: *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 54–62. (Rus.).
- Shorin, A.F. (1999). Cherkaskul-Mezhovka populations and natural environment: Interaction dynamics. In: *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv: Tezisy dokladov*. Tyumen: IPOS SO RAN, 116–118. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2000). Cherkaskul culture. In: *Ural'skaia istoricheskaiia entsiklopediia. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe*. Yekaterinburg: Akademkniga: UrO RAN, 602–603. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2002). Population of the Developed and Late Bronze Age of the Urals in the system of Eurasian cultural relations. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (8), 114–122. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2003). Argazinsky archaeological complex. In: *Cheliabinskaiia oblast': Entsiklopediia. Tom 1*. Chelyabinsk: Kamennyi poias, 362–363. (Rus.).

История изучения черкаскульской культуры на современном этапе

Shorin, A.F. (2010). VIII section — an archeological site in the peat of the Gorbunovsky paleolake. In: *Drevnosti Gorbunovskogo torfianika: Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale. Vypusk 6*. Yekaterinburg: BKI, 113–123. (Rus.).

Shorina, A.A., Shorin, A.F. (2015). Cordon Miassovo 1 — a new multi-layered archaeological site in the mountain-forest zone of the Southern Trans-Urals. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: Materialy VI Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii*. Chelyabinsk, 21–26. (Rus.).

Shorina, A.A., Shorin, A.F. (2019). Investigations of the site Cordon Miassovo 1 in the mountain-forest Trans-Urals. In: *Arkheologicheskie otkrytiia. 2017*, Moscow: IA RAN, 439–441. (Rus.).

Skochina, S.N., Kostomarova, Iu.V. (2016). The function of pebble-tools from Late Bronze Age sites in the Tobol forest-steppe: An experimental traceological analysis. In: *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (3), 72–81. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.1.072-081>

Spiridonov, I.A. (2020). The role of a foreign cultural component in the formation of morphological features of the Cherkaskul-Mezhovka metal complex. In: *Geoarkheologiya i arkheologicheskaia mineralogiia*, (7), 161–164. (Rus.).

Stefanov, V.I., Kuz'minykh, S.V., Chemiakin, Iu.P., Koriakov, I.O. (2016). Evolution of the ancient game of dice: sources from the Late Bronze Age. In: *Stratum plus: Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (2), 235–253. (Rus.).

Zakh, V.A. (1995). *Settlement of ancient pastoralists on the Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zdanovich, G.B. (1988). *Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (bases of periodization)*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).

Шорин А.Ф., <https://orcid.org/0000-0002-2353-6364>

Сведения об авторе:

Шорин Александр Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург.

About the author:

Shorin Alexander F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of History and Archeology Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Рябина Е.А.^{а,*}, Маслюженко Д.Н.^а, Спиридонов И.А.^б, Усачев Е.В.^с

^а Курганский государственный университет, ул. Советская, 63, стр. 4, Курган, 640020

^б Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002

^с Научно-производственный центр по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области, ул. Советская, 69, Курган, 640020

E-mail: realdenim77@yandex.ru (Рябина Е.А.); denmas13@yandex.ru (Маслюженко Д.Н.);

z-is5@mail.ru (Спиридонов И.А.); 12RZ12@mail.ru (Усачев Е.В.)

КЛАД РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПОСЕЛЕНИИ ДИАНОВО-II В БЕЛОЗЕРСКОМ РАЙОНЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена публикации компактного комплекса разнообразных предметов, составляющих клад, обнаруженный на территории Курганской области. Подробно проанализированы условия местонахождения комплекса, его состав, определены датировка, возможная культурная принадлежность. Проведена возможная реконструкция сложносоставного женского украшения, входящего в комплекс. По результатам исследования комплекс предметов отнесен к категории так называемых возвратных кладов гороховской культуры.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Среднее Притоболье, ранний железный век, гороховская культура, клады, женские украшения.

Введение

Находки кладов, или компактных скоплений предметов, вызывают особый интерес в археологии. Во-первых, в силу практически всегда случайности обнаружения и, соответственно, условной редкости подобных находок. Во-вторых, клады могут предоставить данные не только по материальной культуре и торговым связям, но и по некоторым аспектам повседневной жизни оставившего их населения.

Данная статья посвящена публикации материала одного такого комплекса, обнаруженного случайно в 2016 г. в районе д. Дианово Белозерского района Курганской области. Диановский клад насчитывает 370 предметов из бронзы и стекла, при этом большая часть бронзовых изделий составляют единое украшение, относимое к женским. В настоящее время это один из немногих в Южном Зауралье наиболее полно сохранившихся элементов женского костюма раннего железного века.

Анализируемый клад впервые упоминается в публикации подобных находок О.Н. Корочковой и Н.В. Федоровой [2019, с. 22]. Авторы статьи проводят анализ и классификацию кладов эпохи бронзы и раннего железного века, причем подчеркивается, что клады раннего железного века в лесостепных регионах Зауралья практически неизвестны, что не позволяет включить их в классификацию. В статье приводится не совсем точный состав рассматриваемого клада (при этом его публикация не являлась целью статьи), что, вместе с вышесказанным, делает актуальной, необходимой и обоснованной его полную публикацию.

Объекты исследования

Рассматриваемое собрание обнаружено в ходе полномасштабных научных изысканий, проводимых курганскими краеведами в рамках подготовки трехтомного издания монографии О. Винокурова «Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области». Полевые изыскания исследовательского коллектива на линии Песьяное — Дианово — Боровское преследовали целью выявление следов позиций 30-й дивизии Красной Армии, сражавшейся на данном участке осенью 1919 г. Тогда же удалось обследовать относительно ровную площадку (около 1000 м²), расположенную в 400 м к востоку от западной окраины увала. Выявленные здесь объекты включают в себя одиночные впадины эллипсоидно-овальной формы, размером 3–5×8 м; сдвоенные, размером ≈5×10 м, а также различные конструкции подпрямоугольной формы, со сторонами 2–4 м. Углубления размещены бессистемно, по линии ССВ–ЮЮЗ. Часть из них представ-

* Corresponding author.

Клад раннего железного века на поселении Дианово-II в Белозерском районе Курганской области

ляют собой остатки фортификационных сооружений блиндажного городка или полевого госпиталя периода Гражданской войны, подвергнутого интенсивному артобстрелу. При этом археологический материал или иные свидетельства наличия культурного слоя на исследуемом участке полностью отсутствовали.

Ситуация кардинальным образом изменилась после того, как был случайно обнаружен круглодонный сосуд в 1,5 м к северо-западу от одной из впадин. Сосуд располагался горловиной вверх, на глубине около 45 см от поверхности. Внутри емкости находились завернутые в органический материал (войлок?) массивная бронзовая пластина прямоугольной формы, стеклянные бусины и фрагменты украшения, состоящего из бронзовых пронизей, бронзовых блях в виде рыбок и четырехлепестковых бляшек, нанизанных на кожаные шнуры. Иных артефактов не обнаружено.

Коллекция находок была передана в учебно-исследовательскую археологическую лабораторию ФГБОУ ВО «Курганского государственного университета» при помощи одного из авторов этой статьи Е.В. Усачева. К сожалению, в процессе передачиклада одна рыбка была утрачена, о ее наличии авторам известно только по фотографии.

Проведенное «по горячим следам» археологическое изучение места обнаружения комплекта [Спиридонов, 2017, с. 16–21] (рис. 1) не позволило выявить каких-либо стратиграфических особенностей, способных предоставить дополнительную информацию о рассматриваемом собрании. Глиняный сосуд располагался в песчаном грунте, практически на уровне материковой поверхности, на западной периферии пос. Дианово II [Петрин, 1972, с. 23–24, Археологическая карта..., 1993, с. 49].

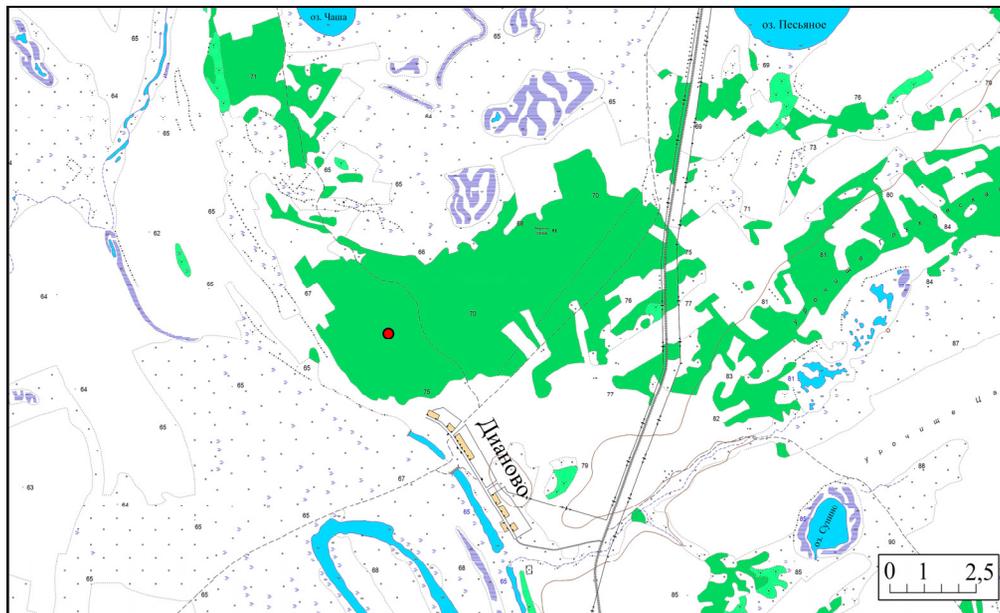

Рис. 1. План местонахождения клада на поселении Дианово-II.

Fig. 1. The plan of the location of the hoard on the settlement of Dianovo-II.

Очертания древней ямки отсутствовали либо были повреждены при извлечении сосуда. При этом насыщенность почвенных напластований археологическими остатками оказалась крайне мала. Полученная коллекция насчитывает три неорнаментированных черепка и фрагмент челюсти, предположительно, лошади. Все это наталкивает на мысль о том, что сосуд, содержащий металлические и стеклянные предметы, представляет собой клад, преднамеренно сокрытый на периферии обжитого пространства. При этом само формирование составляющих его элементов и археологизация в качестве клада непосредственно связаны с периодом функционирования поселенческого комплекса.

Обсуждение материалов

Клад, обнаруженный внутри сосуда, состоит из 1 бронзовой пластины, 338 идентичных бронзовых бусин-пронизей, 8 бронзовых бляшек, 2 бронзовых блях в виде рыбы (одна утеряна до передачи), 21 стеклянной бусины трех видов (рис. 2), характеристика которых приведена далее.

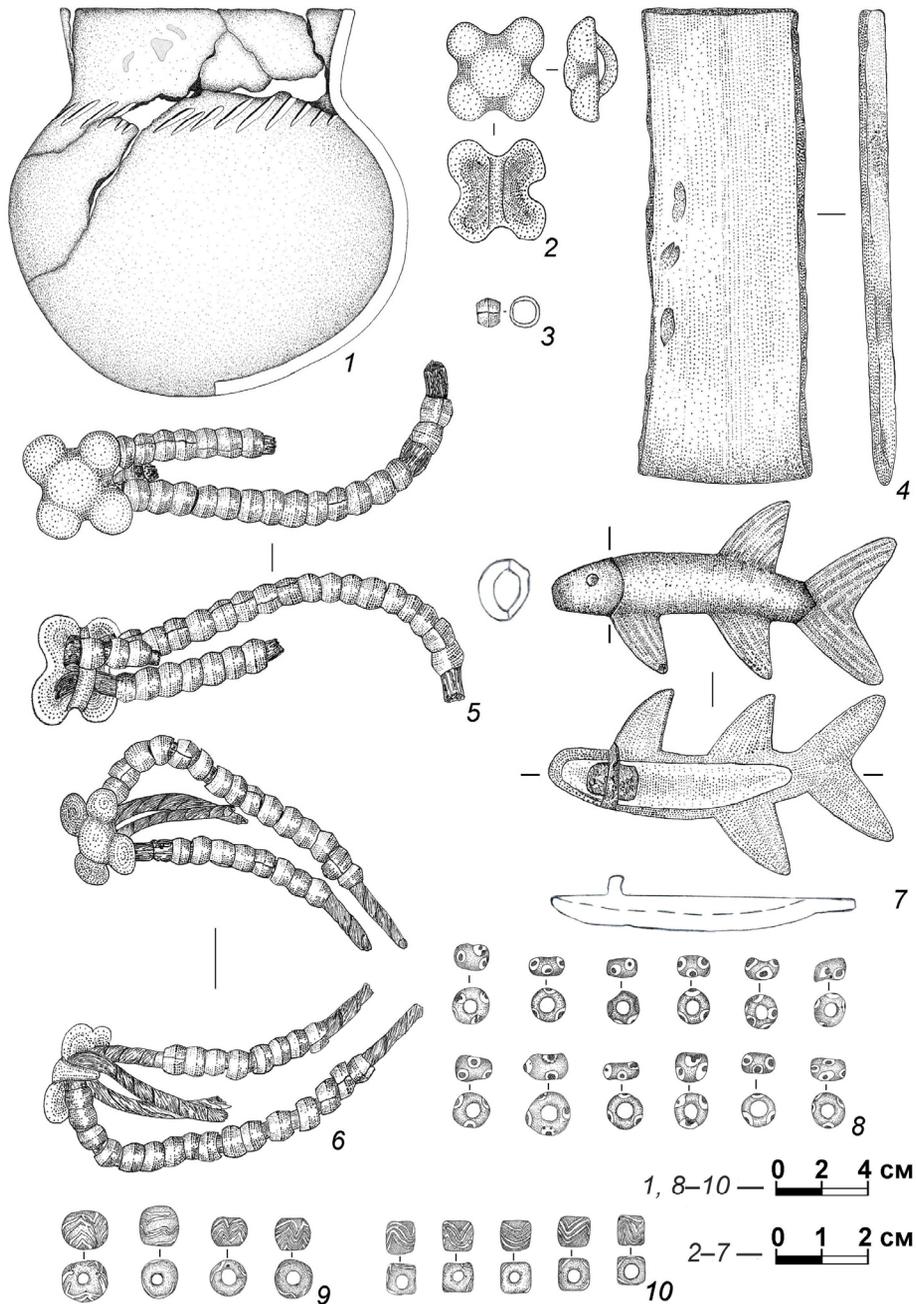

Рис. 2. Предметы из клада:

1 — керамический сосуд; 2 — бронзовая бляшка; 3 — бронзовая пронизь; 4 — бронзовая пластина;
5, 6 — фрагменты украшения (бронза, кожа); 7 — бронзовая бляшка в виде рыбы; 8–10 — стеклянные бусины.

Fig. 1. Items from the hoard:

1 — ceramic vessel; 2 — bronze plaques; 3 — bronze string; 4 — bronze plate; 5, 6 — fragments of jewelry (bronze, leather);
7 — bronze plaques in the form of fish; 8–10 — glassbeads.

1. Глиняный круглодонный сосуд (рис. 2, 1; 3) средних размеров, с прямой, слегка отогнутой наружу шейкой, округлым венчиком и шаровидным туловом. Сосуд изготовлен из глины с примесью талька, слюды и органики. Поверхность грубо заглажена, сохранились следы нагара. Орнаментальная композиция нанесена по верхней части плечика сплошным пояском из наклонных резных линий. Размеры: общая высота 16,7 см, высота шейки 3,7 см, толщина стенки 0,5–0,6 см. Судя по форме, составу теста и орнаментации, сосуд относится к посуде гороховской культуры.

Клад раннего железного века на поселении Дианово-II в Белозерском районе Курганской области

2. Бронзовая пластина (рис. 2, 4; 4, 2) подпрямоугольной формы с одним слегка расширенным и скругленным краем. Поверхность гладкая, но следов использования не фиксируется. Представляет собой фрагмент слитка, отделенного путем пропила и последующего отламывания, о чем свидетельствуют характерные следы на длинных фасках и вмятины на боковой грани, являющиеся следствием механического воздействия и нацеленные, по всей видимости, на очерчивание линии последующего слома. Изделие носит явно незавершенный характер и, возможно, является заготовкой. Размеры изделия: длина 10,1 см, ширина 3,5 см, расширяющийся край 3,7 см, толщина изделия 0,5 см.

3. Сложносоставное бронзовое украшение, как и остальные предметы, было обнаружено внутри керамического сосуда. Изделие было помещено в сосуд в свернутом виде, в результате чего в дальнейшем распалось на отдельные элементы, при этом изначальная структура достаточно четко определяется. Судя по виду, украшение состояло из двух отдельных аналогичных частей. Каждая представляла собой полосу, в основе которой был толстый (до 0,35 см) кожаный витой шнур, согнутый пополам и продетый в крестовидную бляху с петлей на обороте, от которой вниз опускалось уже два шнура, на каждый из которых были нанизаны бронзовые пронизи. Через определенное расстояние (не меньше чем 23 пронизи) оба шнура соединялись еще одной бронзовой бляшкой крестовидной формы (рис. 2, 5, 6; 5). Таких составных элементов, судя по сохранившимся фрагментам и количеству соединительных крестовидных бляшек, в сумме было по четыре на каждой полосе. Нижние окончания шнуров каждой из двух частей были продеты в бронзовую бляху в виде рыбы. Реконструируемая длина одной части украшения составила около 60–70 см.

Рис. 3. Керамический сосуд.
Fig. 3. Ceramic vessel.

Рис. 4. Предметы изклада:
1 — бронзовая бляха в виде рыбы; 2 — бронзовая пластина.
Fig. 4. Items from the hoard:
1 — bronze plaques in the form of fish; 2 — bronze plate.

Элементы украшения включают: бронзовые бусины-пронизи (338 шт.) (рис. 2, 3), бронзовые бляшки (8 шт.) (рис. 2, 2), бронзовую бляху в виде рыбы (рис. 2, 7; 4, 1). Большая часть изделий сильно патинизированы, поэтому сложно утверждать, насколько часто данное украшение использовалось и использовалось ли вообще.

А. Бронзовые пронизи (рис. 2, 3; 5) большей частью хорошей сохранности, изготовлены из нарезанной бронзовой очень тонкой пластины, концы которой соединены встык. Бусины имеют форму, напоминающую бочонкообразную, со слабым ребром вдоль центра пластины. Бусины практически идентичны. Размеры: диаметр 0,65 см, высота 0,45–0,55 см. Толщина пластины 0,05 см. Аналогичные бусины, но меньших размеров были обнаружены на памятнике поздней бронзы Черная гора-III [Шилов и др., 1999], что, возможно, свидетельствует о длительном периоде практики изготовления подобных бусин-пронизей.

Б. Бронзовые литые бляшки (рис. 2, 2; 5) хорошей сохранности, крестовидной формы с литой петлей на обороте. Бляшки также практически идентичны. Размеры: 2,3 см, толщина с петлей 1,2 см. Подобные бляхи обнаружены во многих памятниках культур раннего железного века Притоболья и Верхнего Приобья конца V — III в. до н.э. (могильник Озерный-1, курган № 2, по-

гребение № 2 [Рябина, 2012]; могильник Шмаковский, к. 6 [Генинг, 1993, с. 85, 93, рис. 7–10]; Могильник Староалейка 2, могила 24 [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 6, 6, с. 122, 133]; Красноярский клад [Погодин, Сафаров, 2000, рис. 1, 3–6].

Рис. 5. Фрагменты украшения (бронзовые бляшки, бронзовые пронизы).
Fig. 5. Fragments of jewelry (bronze plaques; bronze strings).

В. Бронзовая массивная литая бляха в виде рыбы (рис. 2, 7; 4, 1) (сохранность хорошая). На внутренней стороне углубление вдоль всего изделия, на обороте головной части сделана поперечная петля, в которой сохранились остатки шнура. Лицевая сторона бляхи изображает рыбу с вытянутым, слегка изогнутым корпусом с длинными четко обозначенными плавниками и раздвоенным хвостом, которым постарались придать достоверность продольными полосами, напоминающими плавники живой рыбы. Голова также имеет черты правдоподобности — обозначен глаз и жаберная щель. Размеры: общая длина 7,5 см, ширина 3,8 см., толщина 0,75 см. Аналогичные бляхи встречены на памятниках раннего железного века (погребение № 2 кургана № 2 могильника Озерное-1 [Рябина, 2012]; погребение № 1 кургана № 1 могильника Нижнеингальский-1 [Матвеева и др., 2003, рис. 38, 9, с. 76]. Схожие по типу бляхи найдены в Красноярском кладе [Погодин, Сафаров, 2000, рис. 1, 7, 8]. Несмотря на то, что изображения рыб встречаются в раннем железном веке на территории Приуралья в среде лесостепных и степных кочевых культур [Савельев, 2008, рис. 7], тем не менее именно приведенные выше аналоги, отличающиеся только той или иной степенью схематичности, практически идентичны по типу обнаруженной в Диановском кладе. На данный момент они известны только на территории юга Западной Сибири, причем в большинстве случаев связаны с гороховским или саргатским населением.

Вероятно, это было женское нагрудно-поясное украшение или накосник. Более точную интерпретацию дать затруднительно, так как полных аналогов подобным изделиям в неограбленных погребениях, где бы они располагались *in situ*, нами не найдено. По всей видимости, анало-

Клад раннего железного века на поселении Дианово-II в Белозерском районе Курганской области

гичное по составу украшение было найдено в Красноярском кладе на территории Омской области [Погодин, Сафаров, 2000, рис. 1]. Схожее по структуре украшение обнаружено в центральном погребении № 16 кургана № 5 могильника Озерный-1. Похожий состав элементов, но в разрозненном виде (отдельная спиральная пронизь (вместо набора бусин), крестовидная бляха и подвеска в виде рыбы) был найден в ограбленном погребении № 2 кургана № 2 этого же могильника [Рябинина, 2012]. Возможно, схожее по составу украшение (также со спиральным элементом) из двух кожаных ремешков с 12 нанизанными спиралевидными пронизями из бронзовой проволоки и четырехлепестковой бляшки, но без подвески было обнаружено в погребении кургана № 6 Шмаковского могильника гороховской культуры [Генинг, 1993, с. 85, рис. 7, 6–10]. В погребении № 1 кургана № 1 Нижнеингальского курганного могильника найден фрагмент украшения из бронзовых бусин и подвески в виде рыбы [Матвеева и др., 2003, с. 76].

4. Стекланные бусины трех видов (21 шт.) (рис. 6), которые можно условно разделить по типу орнамента на две группы — глазчатые (12 шт.) (рис. 2, 8; 6, 1) и пронизы с фестонобразным орнаментом (9 шт.) (рис. 2, 9, 10; 6, 2, 3).

Рис. 6. Стекланные бусины:
1 — глазчатые; 2, 3 — с фестонобразным орнаментом.
Fig. 6. Glass beads:
1 — eyebeads; 2, 3 — beads with a festoon-like ornament.

А. Глазчатые бусины (рис. 2, 8; 6, 1) в большинстве хорошей сохранности, изготовлены из непрозрачного синего стекла. Одна бусина имеет темно-синий основной цвет, у еще одной бу-

сины основа глазков имеет голубой оттенок. Форма бусин округлая и уплощенно-округлая, у некоторых бусин неровная. Количество глазков — 6 шт. (10 бусин), 5 шт. (1 бусина), 9 шт. (1 бусина). Часть глазков и бусин коррозирована. Глазки плоские, часть чуть выпуклые, слоисто-щитковые, судя по отслоившимся фрагментам, состояли из двух дисков, синего и белого, впаянных в основу. Размеры: диаметр 1,4–1,7 см, толщина 0,7–1,1 см, диаметр отверстия 0,55–0,7 см.

Большинство бусин относятся к типу 54, вариант «в»: «Округлые бусы, из глухого грязно-синего, глухого полупрозрачного и прозрачного темно-синего стекла, украшенные шестью глазками. Глазки кольчатые, белые или слоисто-щитковые, состоящие из белого и нанесенного на него синего дисков; различить их не всегда возможно» [Алексеева, 1975, табл. 15: 6, 7, 74]. Бусы характерны для IV–II, особенно IV–III вв. до н. э. [Там же, с. 65].

Бусину с 9 глазками можно отнести к типу 78а, который датируется V в. до н.э. — II в. н.э. [Алексеева, 1975, с. 68, табл. 15: 11].

Л.Н. Корякова относит глазчатые бусины к группе С.115: синие бусы с многослойными кольцами диаметром около 1 см — и датирует их IV–III вв. до н.э. [1988, с. 80–81]. Н.П. Матвеева относит данные бусины к группе 5: из многоцветного стекла с глазчатым узором, подвиды — бочковидные поперечно сжатые из темно-синего глухого стекла на керамической основе, с шестью синими глазками в белых ободках, которые также датируются IV–III вв. до н.э. [1993, с. 112]. Аналоги встречены в памятниках саргатской и гороховской культур (селище Речкинское-2 [Матвеева, 1993, с. 110, табл. 31]; Коконовка, курган 1926 г. [Корякова, 1988, рис. 18, 115]; Воробьевский I могильник [Таиров, Боталов, 2000, с. 78, рис. 17, 29]).

Б. Бусины-пронизи с фестонобразным орнаментом разделяются по форме на округлые (4 шт.) (рис. 2, 9; 6, 2) и в виде параллелепипеда (5 шт.) (рис. 2, 10; 6, 3). В обоих случаях основа — черное глухое матовое стекло. Орнамент, представляющий собой несколько линий фестонов, нанесен стеклянной нитью желтого (6 бусин) и белого (3 бусины в виде параллелепипеда) цветов. При этом бусины с белым орнаментом имеют более пористую и неровную структуру. Линии фестонов на всех бусинах отличаются как по количеству, форме, так и по толщине стеклянной нити.

Округлые бусины (рис. 2, 9; 6, 2) орнаментированы фестонами желтого цвета, от темного до светло-желтого оттенка. Размеры: диаметр 1,5–1,8 см, толщина 1,3–1,7 см, диаметр отверстия 0,45–0,6 см. Относятся к типу 259, вариант б — «округлые бусы из глухого черного стекла с одной и несколькими линиями фестонов». Бусы датируются IV–III вв. до н.э. [Алексеева, 1978, с. 48, табл. 30: 4–8]. Аналоги встречены в памятниках гороховской (Воробьевский I могильник [Таиров, Боталов, 2000, с. 78, рис. 17, 37], а также сарматской [Скрипкин, 1990, с. 82, рис. 27, 63] культур.

Бусины в виде параллелепипеда (рис. 2, 10; рис. 6, 3); размеры: 1,2–1,3 (1,4) см, толщина 1,3–1,4 см, диаметр отверстия 0,45–0,6 см. Относятся к типу 276, варианты а, б: «пронизи в форме параллелепипеда из черного стекла, украшенные фестонобразным орнаментом, расцветка которого определяет два варианта типа: вариант а (табл. 31: 5) — орнаментирующая нить белая; вариант б (табл. 31: 6, 7) — орнаментирующие нити желтые. Бусы датируются IV–III вв. до н.э. [Алексеева, 1978, с. 49]. Н.П. Матвеева относит данные бусы к типу бус с перистым орнаментом, подвид — черные кубические с желтым узором [1993, с. 112].

Аналоги таким бусам встречены как в сарматских памятниках [Скрипкин, 1990, с. 82, рис. 27, 60] и в могильнике Кичигино на территории Приуралья [Таиров и др., 2008, с. 139–145, рис. 2], так и в памятниках саргатской и гороховской культур (Тютринский могильник, курган № 6, погребение № 3, Савиновский могильник, курган № 1) [Матвеева, 1993, с. 57, рис. 27, 8; 4, 21; Корякова, 1988, с. 236, рис. 18, 117-2], Воробьевский I могильник [Таиров, Боталов, 2000, с. 78, рис. 17, 30], могильник Скаты-1 (курган № 4, погребение № 2) [Daire M.-Y. et al., 2002, с. 58–95, рис. 47, 3].

Таким образом, данный клад, исходя из общей датировки изделий, можно отнести к IV–III вв. до н.э., а характеристики керамического сосуда, в котором он был захоронен, свидетельствуют, что он мог быть оставлен представителями населения гороховской культуры.

Заключение

О принадлежности сложносоставного украшения к элементам женского костюма косвенно может свидетельствовать в первую очередь то, что оно было найдено вместе с набором бусин импортного причерноморского происхождения. Кроме того, бляха в виде рыбы в двух известных нам случаях обнаружена в женских захоронениях (Нижнеингальский могильник, Озерный-1) [Матвеева и др., 2003, с. 76; Рябина, 2012].

Нахождение предметов внутри сосуда сближает его с другими подобными находками раннего железного века, которые, по всей видимости, также были уложены в какую-то емкость или

Клад раннего железного века на поселении Дианово-II в Белозерском районе Курганской области

специальную упаковку [Погодин, Сафаров, 2000, рис. 1; Федорова и др., 2016, с. 10; Федорова, 2018, с. 90–91]. Предположительно схожий вариант помещения клада в емкость (бронзовый котел) был зафиксирован в местонахождении на выдувах в районе с. Озерное Звериноголовского района Курганской области [Шилов, Рябина, 2002]. Таким образом, в данном случае прослеживается определенная специфика захоронения таких кладов.

Особенностью клада у д. Дианово является то, что предметы были не просто помещены в сосуд, но и для большей сохранности и защиты тщательно упакованы в шерстяную ткань (войлок?). Учитывая, что достаточно хрупкие бусины имеют происхождение из ремесленных центров Причерноморья, они, вероятно, представляли значительную ценность для человека, оставившего клад, поэтому такая предосторожность выглядит вполне оправданной. Сосуд в этом случае мог выполнять функцию дополнительной защиты. Данная мера свидетельствует о том, что клад, скорее всего, относится к категории «возвратных», т.е. спрятанных для сохранения на какое-то время и не связанных со святилищем.

В той или иной степени клады встречаются на памятниках многих культур раннего железного века, но между ними есть существенные отличия. Так, довольно часто их находят в памятниках сарматской культуры. Е.В. Вдовченков по этому поводу пишет, что «жертвенно-поминальные комплексы находят в курганных насыпях, естественных всхолмлениях, известно три случая их сокрытия на склоне балки... Состав “кладов” довольно устойчив. Это, в первую очередь, конское снаряжение, оборонительное и наступательное вооружение, металлическая и керамическая посуда. Нередко “клад” размещали в шлеме, котле или ситуде». Далее он отмечает, что «главная особенность этой традиции — это связь с войной, со всадничеством» [Вдовченков, 2017, с. 72, 75]. Местонахождение и состав подобных кладов значительно отличаются от нашего случая.

Территориально более близкими аналогами могли бы выступать непосредственно зауральские и западносибирские клады. Согласно классификации Н.В. Федоровой, они разделяются на четыре группы в зависимости от состава клада, места их обнаружения и хронологии [2018, с. 90–91]. Наиболее близки по хронологии к Диановскому кладу первой группы, но основное отличие заключается в том, что все они содержат в первую очередь предметы «культового литья» и рассматриваются исследователями как принесенные в жертву на святилищах или жертвенных местах [Корочкова, Федорова, 2019, с. 20, 22]. Клады второй группы рубежа эр более близки к нашему случаю в первую очередь наличием упаковки и присутствием в составе предметов импорта (последнее связывается с расширением культурного пространства и появлением новых контактов, что, в частности, выразилось в накоплении импортных вещей) [Корочкова, Федорова, 2019, с. 20; Федорова, 2018, с. 97]. Но хронологически данный вид кладов, а также по условиям залегания (вне привязки к археологическим объектам) существенно отличается от найденного у д. Дианово. При этом О.Н. Корочкова и Н.В. Федорова отмечают, что клады раннего железного века в лесостепных районах Зауралья практически неизвестны [2019, с. 22]. Это, на наш взгляд, может быть связано не столько с отсутствием данной практики у местного населения, сколько с возможными особенностями их залегания и, соответственно, обнаружения (см., напр.: [Стефанов и др., 2016]). Таким образом, Диановский клад суммарно по хронологии, составу и специфике залегания отличается и от подобных комплексов на севере Западной Сибири.

О.Н. Корочкова и Н.В. Федорова считают, что Диановский клад связан с лицами, не обладавшими высоким социальным статусом [2019, с. 22]. По нашему мнению, речь может идти о ситуативном характере клада (возможно, оставленного в экстремальных условиях), когда пытались спрятать наиболее ценные вещи (с учетом, что клад находился на периферии обжитого пространства). Косвенно это может подтверждаться тем, что IV–III вв. до н.э. считаются временем проникновения саргатского населения на территорию Притоболья, и, несмотря на то что известны случаи мирного совместного проживания носителей этих двух культур на территории одного поселения [Шилов, Рябина, 2006], вероятно, контакты не всегда носили мирный характер, особенно на ранних этапах. При этом обратим внимание на то, что принадлежность клада к гороховской культуре определена только на основании сосуда, в котором он найден, и вряд ли может быть подтверждена без дальнейших археологических раскопок на территории самого поселения Дианово II, что затрудняет характеристику общей культурной ситуации в регионе в период формирования этого клада. Тем не менее наличие в составе клада разных по типу бусин из отдаленных ремесленных центров Причерноморья может свидетельствовать, что население, оставившее клад, в рассматриваемый период было включено в систему, в частности, торговых связей на территории Евразии раньше, чем, например, население более северных регионов Зауралья.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Госзадания FEUZ-2023-0018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М.: Наука, 1975. Вып. Г1-12. Ч. 1. С. 1–94.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М.: Наука, 1978. Вып. Г1-12. Ч. 2. С. 1–104.
- Археологическая карта Курганской области* / Сост. Н.Б. Виноградов. Курган: Зауралье, 1993. 348 с.
- Вдовченко Е.В.* Социальная история сарматов Нижнего Подонья / Отв. ред. С.А. Яценко. М.: Аквилон, 2017. 236 с.
- Генинг В.Ф.* Большие курганы лесостепного Притоболья // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 72–101.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.* Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–134.
- Корочкова О.Н., Федорова Н.В.* Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы-раннего железного века: Состав, контексты, интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 17–28. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028>
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: Саргатская культура. Свердловск: УрГУ, 1988. 239 с.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 174 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.* Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003, 174 с. (Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование; Вып. 1).
- Погодин Л.И., Сафаров М.Ю.* Красноярский клад // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2000. № 8. С. 126–132.
- Рябина Е.А.* Впускные погребения раннего железного века Могильника Озерное-1 в Верхнем Притоболье // VI Емельяновские чтения: Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы всерос. науч. конф. Курган: Изд-во КурГУ, 2012. С. 59–62.
- Савельев Н.С.* Происхождение Гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины — второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 116–136.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 303 с.
- Стефанов В.И., Стефанова Н.К., Кузьминых С.В.* Металлические изделия поселения Исток IV: Попытка культурно-хронологической атрибуции // Седьмые Берсовские чтения: Материалы всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 85–90.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Древняя история Южного Зауралья. Т. II: Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 494 с.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л.* Исследования Курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008, С. 139–145.
- Федорова Н.В.* Западносибирские клады в контексте исторического развития территории (ранний железный век — средневековье) // Труды Камской археол.-этногр. экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат. Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 88–113.
- Федорова Н.В., Гусев А.В., Подосенова Ю.А.* Горно князевский клад / Отв. ред. О.Н. Корочкова; Науч. центр изучения Арктики. Калининград: РОСДОАФК, 2016. 80 с.
- Шилов С.Н., Буторин С.Е., Дмитриев П.В.* Поселение андроновского времени Черная гора-III // Наука и образование Зауралья. 1999. № 3–4 (6–7). С. 267–271.
- Шилов С.Н., Рябина Е.А.* Клад вещей IV–II вв. до н.э. в Верхнем Притоболье: К вопросу о взаимодействии лесных и степных культур в Южном Зауралье // Клады: Состав, хронология, интерпретация: Материалы тематич. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 200–203.
- Шилов С.Н., Рябина Е.А.* Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правом берегу р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск: ЧелГУ, 2006. С. 102–105.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Uge M.-C.* Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie: les fouilles de 1993 à 1997. P.: Diffusion de Brocard, 2002. 291 p.

ИСТОЧНИКИ

- Петрин В.Т.* Отчет об археологической разведке на территории Курганской области в 1972 г. // Архив археологического музея УрФУ. Ф. II, Д. 136.
- Спиридонов И.А.* Отчет о разведочных работах на территории Белозерского, Притобольного и Шадринского районов Курганской области в 2016 г. Екатеринбург, 2017. // Архив археол. музея УрФУ. Ф. II. Д. 719.

Riabinina E.A.^{a,*}, Maslyuzhenko D.N.^a, Spiridonov I.A.^b, Usachev E.V.^c

^a Kurgan State University, Sovetskaia st., 63, bd. 4, Kurgan, 640020, Russian Federation

^b Ural Federal University, Mira st., 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

^c Research and Production Center for the Protection and Use of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural monuments) Kurgan region, Sovetskaya st., 69, Kurgan, 640020, Russian Federation
E-mail: realdenim77@yandex.ru (Riabinina E.A.); denmas13@yandex.ru (Maslyuzhenko D.N.); z-is5@mail.ru (Spiridonov I.A.); 12RZ12@mail.ru (Usachev E.V.)

The hoard of the Early Iron Age at the settlement of Dianovo-II (Belozersk district of the Kurgan region)

In 2016, in the area of Dianovo village of the Belozersk district of the Kurgan region (West Siberia), a hoard of the Early Iron Age artifacts was found. While examining the area for the identification of structures of the Civil War period, a round-bottomed vessel was accidentally discovered. Inside the container, there was a massive rectangular bronze plate, glass beads, and fragments of jewelry, including bronze strings, bronze plaques in the shape of fish and four-petal plaques strung on leather cords, all wrapped in organic material (felt?). In total, the Dianovo treasure contains 370 objects made of bronze and glass, assembled within a single set, classified as women's. At present, this is one of very few elements of the women's costume of the Early Iron Age that have been best preserved in the Southern Trans-Urals. These finds were transferred to the archaeological laboratory of the Kurgan State University, and later the archaeological survey was carried out at the discovery location by I.A. Spiridonov. The purpose of this research is a typological description of the contents of the hoard, its chronological analysis, and a possible reconstruction of the bronze ornament. The main research materials are the container in which the treasure was found — a ceramic round-bottomed vessel, a set of bronze objects that piece together a female (breast?) adornment, a set of glass beads of three types (rounded blue, black (square and rounded) with festoon-like white and yellow pattern), and a massive bronze plate with traces of manufacturing, which probably had the purpose of an ingot. Based on the analysis of the materials, it has been established that the hoard was most likely left by the population of the Gorokhovskaya Culture. This conclusion was made on the basis of the shape and features of the ceramic vessel. This is also supported by the location of the treasure and the general dating of individual items: glass beads of the Black Sea origin have numerous similarities in the sites and are quite clearly dated by these analogues to the 4th–3rd c. BC. The dating of other items of the hoard — elements of the bronze ornament and a bronze ingot-plate is complicated due to the lack of clearly dated analogues or chronological duration of their use. Judging by the composition and carefulness of packing of the items, this hoard apparently was of a situational (possibly in the event of an attack) and returnable character.

Keywords: Western Siberia, Tobol basin region, Early Iron Age, hoards, Gorokhovo Culture, women's jewelry.

Funding. Research is supported by the within the framework of the State task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FEUZ-2023-0018.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. (1975). Antique beads of the Northern Black Sea Coast. In: *Svod arheologicheskikh istochnikov*, (G1-12/1). Moscow: Nauka, 1–94. (Rus.).
- Alekseeva, E.M. (1978). Antique beads of the Northern Black Sea Coast. In: *Svod arheologicheskikh istochnikov*, (G1-12/2). Moscow: Nauka, 1–104. (Rus.).
- Daire, M.-Y., Koryakova, L., Buldashov, V., Courtaud, P., Epimajov, A., Gonzalez, E., Kovrigin, A., Kosintsev, P., Langouet, L., Makhonina, G., Marguerie, D., Pautreau, J.-P., Rajev, D., Sharapova, S., Uge, M.-C. Habitats et necropoles de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie: les fouilles de 1993 à 1997. Paris: Diffusion de Brocard.
- Fedorova, N.V. (2018). West Siberian treasures in the context of historical development of the Territory (Early Iron Age — The Middle Ages). In: N. Krylasova (Ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. Vyp. XIV: Srednevekovaia arkheologija Evrazii: ot lamala do Karpat*. Perm': PGGPU, 88–113. (Rus.).
- Fedorova, N.V., Gusev, An.V., Podosenova, Yu.A. (2016). *Gornoknyazevo hoard*. Kaliningrad: ROS-DOAFK. (Rus.)
- Gening, V.F. (1993). Large mounds of the forest-steppe Tobol basin region. In: A.D.Tairov (Ed.). *Kochevniki Uralo-kazakhstanskikh stepei*. Ekaterinburg: Nauka, 72–101. (Rus.)
- Kiryushin, Yu.F., Kungurov, A.L. (1996). Burial ground of the Early Iron Age Staroaleika 2. In: Yu. Kiryushin, A. Kungurov (Eds.). *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 115–134. (Rus.)
- Koriakova, L.N. (1988). *Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia: Sargatka culture*. Sverdlovsk: UrGU. (Rus.).

* Corresponding author.

Korochkova, O.N, Fedorova, N.V. (2019). Ural and West Siberian hoards (Bronze Age — Early Iron Age): Composition, context and interpretation. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 17–28. (Рус.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028>

Matveeva, N.P. (1993). *The Sargatka culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Рус.).

Matveeva, N.P., Volkov, E.N., Ryabogina, N.E. (2003). *New monuments of the Bronze and Early Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Рус.).

Pogodin, L.I., Safarov, M.Iu. (2000). *Krasnoyarsk treasure*. In: *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, (8), 126-132. (Рус.).

Ryabinina, E.A. (2012). Entrance burials of the Early Iron Age Burial Ground Ozernoye-1 in the Upper Tobol. In: D. Masliuzhenko (Ed.). *VI Emel'ianovskie chteniia: Ural i Sibir' v kontekste razvitiia rossiiskoi gosudarstvennosti: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Kurgan. Izdatel'stvo Kurganskogo gos. universiteta, 59–62. (Рус.).

Savel'ev, N.S. (2008). The origin of the Gafuri complex of the forest–steppe of the Southern Urals in the middle — second half of the I millennium BC. In: L.T. Iablonskii (Ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Orenburg. Izdatel'stvo OGPU, 116–136. (Рус.).

Shilov, S.N., Butorin, S.E., Dmitriev, P.V. (1999). Settlement of Andronovo time Black Mountain-III. In: *Nauka i obrazovanie Zaural'ia*, 3–4 (6–7), 267–271. (Рус.).

Shilov, S.N., Ryabinina, E.A. (2002). The treasure of things of the IV–II centuries BC in the Upper Tobol: on the issue of the interaction of forest and steppe cultures in the Southern Trans-Urals. In: D. Savinov (Ed.). *Klady: Sostav, khronologiya, interpretatsiya: Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 200–203. (Рус.).

Shilov, S.N., Ryabinina, E.A. (2006). The complex of monuments «Dachny» in the system of interactions of cultures of the early Iron Age on the right bank of the Miass river. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: Materialy III regional'noi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, 102–105. (Рус.).

Skripkin, A.S. (1990). *Asian Sarmatia: Problems of chronology and its historical aspect*. Saratov: Izdatel'stvo Saratov un-ta. (Рус.).

Stefanov, V.I., Stefanova, N.K., Kuzminykh, S.V. (2016). Metal Things from Settlement Istok IV: the Attempt of Cultural and Chronological Attribution. In: *Sed'mye Bersovskie chteniia: Materialy vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yekaterinburg: Kvadrat, 85–90. (Рус.).

Tairov, A.D., Botalov, S.G. (2000). *Ancient history of the Southern Trans-Urals. Vol. 2: Early Iron Age and Middle ages*. Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU. (Рус.).

Tairov, A.D., Botalov, S.G., Pleshanov, M.L. (2008). Studies of the Kichigino burial mound in 2007 (preliminary results). In: L.T. Iablonskii (Ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rannie kochevniki luzhnogo Priural'ia v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii'»*. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 139–145. (Рус.).

Vdovchenkov, E.V. (2017). *Social history of the Sarmatians of the Lower Don region*. Moscow: Aquilon. (Рус.).

Vinogradov, N.B. (Ed.) (1993). *Archaeological map of the Kurgan region*. Kurgan: Zauralie. (Рус.).

Рябинина Е.А., <https://orcid.org/0000-0003-3854-1817>

Маслюженко Д.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8302-1277>

Спиридонов И.А., <https://orcid.org/0000-0002-9121-0585>

Усачев Е.В., <https://orcid.org/0000-0002-2269-4926>

Сведения об авторах:

Рябинина Елена Алексеевна, преподаватель, Курганский государственный университет, г. Курган.

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет, г. Курган.

Спиридонов Иван Андреевич, лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург.

Усачев Евгений Валерьевич, директор, НПЦ по охране памятников истории и культуры, г. Курган.

About the authors:

Ryabinina Elena A., Assistant, Kurgan State University, Kurgan.

Maslyuzhenko Denis N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Humanitarian Institute, Kurgan State University, Kurgan.

Spiridonov Ivan A., research laboratory assistant, Ural Federal University, Yekaterinburg.

Usachev Evgeniy V., Director, Scientific and Practical Center for the Protection of Historical and Cultural Sites, Kurgan.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Кащей О.А., Недашковский Л.Ф.*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008
E-mail: shukunja@mail.ru (Кащей О.А.); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru (Недашковский Л.Ф.)

ХРОНОЛОГИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ КАРАКИЯСАЯ II

Изложена методика определения хронологии изобразительного ряда петроглифов Каракиясяя II (Северо-Восточный Узбекистан), которая базируется на анализе количественных признаков, характеризующих наиболее многочисленные изображения — фигуры сибирского горного козла. Система обмера фигур животных, кластерный, стратиграфический и планиграфический анализы позволили провести хронологическую атрибуцию не только отдельных фигур и групп изображений, но и всех сюжетных композиций памятника.

Ключевые слова: Западный Тянь-Шань, Узбекистан, Каракиясай, петроглифы, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, изобразительный ряд, фигуры горного козла, хронология наскальных изображений, количественные признаки, кластерный анализ, палимпсесты, планиграфия.

Введение

Скопление наскальных изображений в верховьях горной реки Каракиясай — один из крупных комплексов с петроглифами Западного Тянь-Шаня, расположенный на южных склонах хребта Каржантау, в 17 км от г. Газалкента Бостанлыкского района Ташкентской области Республики Узбекистан.

Впервые сведения о наскальных изображениях на хребте Каржантау (Куржайляу) приводятся в небольшой заметке Т.Р. Агзамходжаева [1960], в которой сообщается о находке 250 камней с петроглифами и дается их предварительная датировка: конец II — начало I тыс. до н.э. В 1971 г. Пскемским археологическим отрядом в верховьях рек Каракиясай, Чукурсай и местности Куль было открыто свыше 1000 изображений. По мнению руководителя отряда Дж. Кабирова, «стиль, тематика и сюжет указывает на их разный возраст от I тыс. до н.э. до I тыс. н.э.» [1974 с. 24].

В 1980–1983 гг. указанный изобразительный памятник был более детально исследован М.М. Хужаназаровым [1995]. В монографии «Наскальные изображения Ходжакента и Каракиясяя» дается общая характеристика петроглифов Каракиясяя¹ (всего автором было выявлено 90 камней с 1015 изображениями), сюжетно-тематическая, стилистическая классификации, анализируются особенности техники их исполнения, а также затрагиваются вопросы хронологии наскальных изображений, их смысла и назначения. Принцип хронологии петроглифов Каракиясяя в исследовании М.М. Хужаназарова основан преимущественно на сопоставлении стилистических особенностей ведущих образов эпох и фигур других животных. Для эпохи бронзы ведущим образом являлись быки-туры и изображения колесниц, для раннего железного века — образ оленя², а для древнетюркского времени — по аналогии с однотипными рисунками на других памятниках — лошади и верблюда [Там же, с. 58–80]. По данным, которые приводит автор, образы быков (а не туров) встречаются в пяти случаях, причем все они в публикации сопровождаются знаком вопроса. В действительности на прорисовках, опубликованных в монографии, удалось идентифицировать лишь одно изображение, внешне более сходное с фигурой быка, а не первобытного быка (тура) [Там же, с. 25–46, 49–50, рис. 24, камень 12]. Анализ технических характеристик семи известных изображений колесного транспорта из Каракиясяя указывает на более широкие хронологические рамки распространения подобных изображений (вторая половина II тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.) [Kashchey, Nedashkovsky, 2018a]. Похожие вопросы возникают и относительно хронологической атрибуции изображений последующих эпох: к примеру, упомя-

* Corresponding author.

¹ Местонахождение петроглифов, которое в XX в. изучалось указанными авторами и было введено в научный оборот под названием «Каракиясай», в нашем исследовании обозначено как «Каракиясай I».

² Определение «периода колесниц и дикого быка» для эпохи бронзы и «периода оленя» для раннего железного века впервые было предложено М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым для характеристики наскальных изображений хребта Каратау [1977, с. 162, 183].

нутых выше лошади и верблюда, внешне сходных все с той же фигурой быка [Хужаназаров, 1995, с. 79, рис. 19, 31].

Хронологические рамки создания петроглифов Каракияся в разных публикациях у М.М. Хужаназарова расходятся: если в монографии автор выделяет три хронологических этапа существования памятника (эпоха бронзы, ранний железный век и древнетюркское время), то в последующей работе по наскальному искусству Узбекистана почему-то указывает только два — эпоху бронзы и ранний железный век (ср.: [Хужаназаров, 1995; Khujanazarov, 2011, p. 108]).

Изучение комплекса с петроглифами на хребте Каржантау осуществляется О.А. Кащей с 2016 г. В ходе ежегодных разведок были выявлены и исследованы шесть основных скопления: петроглифы Каракияся I [Kashchey, Nedashkovsky, 2018b] и Куля II, созданные на крупных камнях и скальных выходах водораздельного гребня между Каракиясяем и Аулиесаем; наскальные изображения Каракияся II [Кащей, 2019], выполненные на рассыпанных каскадами камней на обособленном отроге в ущелье Каракия; петроглифы Куля I — на небольшой группе камней при входе в одноименное урочище; скопление изображений на левобережье Аулиеса [Кащей, 2020b] — на крупных валунах, среднеобломочных осыпях и скальных выходах горного цирка; наскальные изображения Караташа [Кащей, 2020a], сконцентрированные на крупном обломке горной породы под западной вершиной Мингбулака (рис. 1, 1).

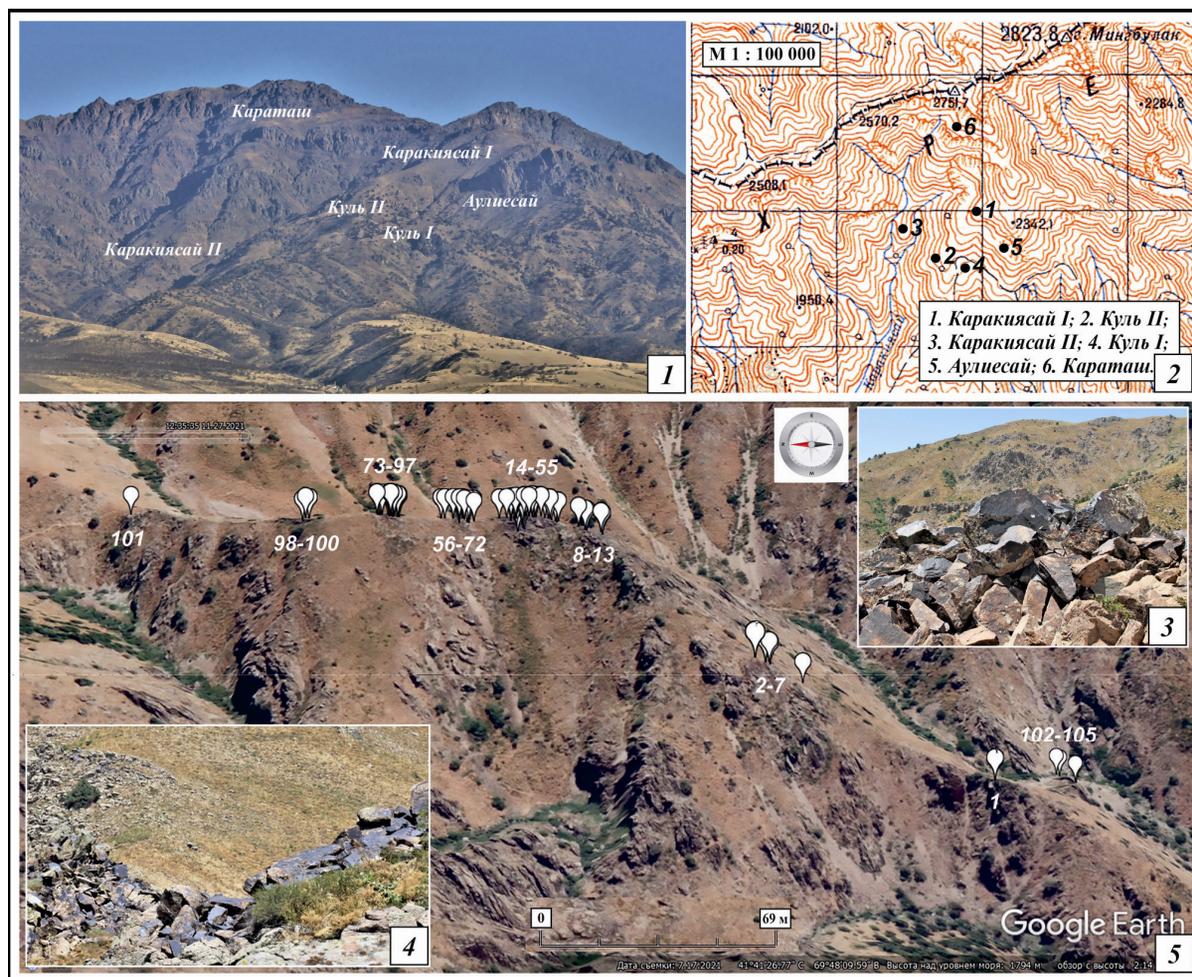

Рис. 1. Пространственная организация комплекса Каракиясай:

1, 2 — расположение основных скопления на хребте Каржантау; 3, 4 — геоморфологические особенности скопления Каракиясай II; 5 — расположение камней с петроглифами на Каракиясяе II.

Fig. 1. Spatial organization of the Karakiyasay complex:

1, 2 — location of the main assemblages of Karakiyasay on the Karzhantau ridge; 3, 4 — geomorphological features of the Karakiyasay II assemblage; 5 — the location of stones with petroglyphs on Karakiyasay II.

Хронология наскальных изображений Каракияся II

Высоты скоплений над уровнем моря — от 1700 до 2550 м. Всего на южных склонах хребта Каржантау было зафиксировано около 750 отдельных камней и скальных выходов более чем с 3800 петроглифами³.

Так как методика, которая применялась для определения хронологии изображений Каракияся в прошлом, была взята «извне» и подразумевала хронологическую атрибуцию лишь небольшого количества изображений, настоящая работа нацелена на поиск нового подхода, который бы позволил хронологизировать все изображения комплекса, на примере анализа петроглифов одного из скоплений Каракияся — Каракиясай II.

Объекты исследования

Скопление с наскальными изображениями Каракиясай II было выбрано для реализации поставленной цели не случайно. Во-первых, оно представляет собой достаточно крупный обособленный комплекс, который отделен от остальных скоплений Каракияся ущельем глубиной более 300 м. Петроглифы сконцентрированы на гребне, представляющем собой контрфорс, который с двух сторон охватывают два рукава р. Каракиясай (рис. 1, 2–5). Во-вторых, данное скопление исследовано полностью (в отличие, например, от Каракияся I и Аулиесая, где еще имеются неизученные участки), и, следовательно, нам известен предел генеральной совокупности изображений (405 фигур), что позволяет провести хронологический анализ всего изобразительного ряда данного участка комплекса и статистическую обработку естественной выборки (объектами одноранговой системы в данном случае будут являться все обнаруженные здесь фигуры горного козла — 169 изображений). В-третьих, на Каракиясае II имеются палимпсесты — наложения изображений козлов, стратиграфический анализ которых позволяет определить хронологическую последовательность создания данных фигур (рис. 2, 7–10, 15). И в-четвертых, большой интерес представляет планиграфия сюжетного ряда скопления. Как правило, на одной поверхности с петроглифами удается выделить «ядро» — раннюю композицию и «периферию» — более поздние добавления отдельных фигур или групп к ранее созданным центральным «сценам», которые явно отличаются манерой и техникой исполнения (рис. 2, 3, 4, 9, 10, 15, 18, 19). Таким образом, представляется возможным обозначить следующие смысловые элементы организации изобразительных пластов на одной поверхности с петроглифами: одиночные, парные и многофигурные «сцены» (от трех и более фигур).

Изобразительный ряд Каракияся II построен на различных сочетаниях нескольких ведущих зооморфных образов (рис. 2): сибирский горный козел (169)⁴, собака (31), лошадь (20), верблюд (19), бык (5), крупная птица (?) (2) — и единичных изображений животных — оленя, снежного барса, кабана (?), а также антропоморфных фигур (75), полиморфных изображений (3), повозки (1) (рис. 2, 7), саней/плуга (?) (1) (рис. 2, 11), солярных знаков — окружностей с четырьмя радиусами (11) (рис. 2, 12) со сплошной выбивкой внутри (6) (рис. 2, 1, 3), с точкой в центре (1) (рис. 2, 6) и неясных знаков (15) (рис. 2, 9, 16). Из-за плохой сохранности 43 фигуры не определены.

1. Одиночные фигуры встречаются на 45 камнях — горный козел (29), собака (5), антропоморфное изображение (5), знак (2), верблюд (2), лошадь (1), повозка (1).

2. Парные изображения также можно разделить:

а) на однородные — два горных козла зафиксированы в четырех случаях (рис. 2, 19), парные антропоморфные изображения — в двух (рис. 2, 6), два верблюда встречаются один раз;

б) разнородные фигуры — антропоморфное/полиморфное изображение и зооморфный образ (горный козел/лошадь/верблюд) (6 сочетаний) (рис. 2, 2, 10), две зооморфные фигуры, представленные парой животных разных видов (5 сочетаний), всадник на лошади (2 сочетания), зооморфный образ и знак (2 сочетания), полиморфный образ и знак (1 сочетание) (рис. 2, 1), лошадь с санями/плугом (?) (1 сочетание) (рис. 2, 11).

3. Многофигурные «сцены» (три фигуры и более) могут быть представлены:

а) группами зооморфных изображений, которые иногда сопровождаются знаками (без участия антропоморфных образов), что отмечено в 19 случаях (максимальное количество различных видов животных в групповых «сценах» доходит до пяти (горный козел, собака, лошадь, бык, олень), а животных одного вида (горные козлы) — до семи; общее количество фигур животных в одной группе изображений не превышает 11 фигур, группы по три и четыре фигуры горных козлов встречаются по два раза) (рис. 2, 18);

³ Количественные данные по скоплениям (название — количество камней/количество изображений): Каракиясай I — 359/2077; Каракиясай II — 105/405; Куль I — 14/52; Куль II — 40/155; Аулиесай — 237/930; Караташ и окрестности 7/229.

⁴ В скобках приводится количество изображений.

Рис. 2. Изобразительный ряд Каракияся II. Черным цветом выделены наложения фигур (палимпсесты), черным пунктиром — ранние «слои», белым пунктиром — возможные поздние добавления фигур/«сцен» к ранее созданным фигурам/сюжетным композициям.

Fig. 2. The pictorial series of Karakiyasay II. Overlays of figures (palimpsests) are highlighted in black, early "layers" are highlighted in black dotted line, and possible late additions of figures/"scenes" to previously created figures/plot compositions are highlighted in white dotted line.

Хронология наскальных изображений Каракияся II

б) «сюжетными композициями» с участием зооморфных и антропоморфных/полиморфных образов — таких «сцен» на Каракиясяе II зафиксировано 32 (максимальное количество антропоморфных изображений доходит до 15 (рис. 2, 13), а животных одного вида (горных козлов) — до девяти, наибольшее количество участников «сцены» — 23 фигуры, сочетание антропоморфное изображение и два горных козла повторяется три раза (рис. 2, 12, 14), сочетание антропоморфное изображение, горный козел и собака — 2 раза) (рис. 2, 4).

Все петроглифы на Каракиясяе II созданы с помощью трех приемов: силуэтного — туловище показано более массивным, чем остальные детали, с удалением материала по всей площади туловища; контурного — изображено также массивное туловище, но с удалением материала лишь по линии, ограничивающей контур фигуры; линейного — все детали, в том числе туловище, показаны линиями одинаковой толщины.

Из 105 камней с петроглифами, выявленных на памятнике, 75 камней содержат изображения горных козлов, а на 30 представлены другие образы и знаки.

Методика исследования

Н.Л. Подольский в 1963 г. первым в истории исследования наскальных изображений применил метод математической статистики для разработки типологии и относительной хронологии петроглифов Саймалы-Таша. Методика статистической обработки материала Н.Л. Подольского состояла в следующем: первоначально он выполнил сортировку изображений по наиболее заметным качественным признакам, а после выявления устойчивых сочетаний качественных признаков произвел обмер фигур и выделил самый устойчивый количественный признак. Особый интерес представляет система обмера фигур животных, которая была положена автором в основу определения групп однородных типов изображений. Первую группу, состоящую из восьми типов, он выделил на основании определения отношения средней высоты корпуса фигуры животного к длине корпуса, а вторую группу, состоящую из четырех типов, — по измерению угла между ногами и туловищем. Таким образом, он определил 12 типов изображений фигур животных и, вычислив коэффициенты частных взаимосвязей (встречаемость изображений разных типов на одном участке), обозначил пять основных групп петроглифов Саймалы-Таша, которые сопоставил с классификацией А.Н. Бернштама [Подольский, 1966; Бернштам, 1950]. Известно, что в прошлом столетии на Саймалы-Таше не были выявлены случаи перекрывания одних фигур другими, а также сочетания различных планиграфических «слоев» на одной изобразительной поверхности [Агафонова, 1977, с. 28, 66], поэтому хронологическая последовательность выделенных типов у Н.Л. Подольского основывалась на определении плотности загара фигур.

Современные программные комплексы открывают широкие возможности для статистического анализа и классификации больших массивов данных, что и послужило толчком для разработки более строгих критериев анализа материала и создания алгоритма определения хронологии фигур горных козлов на примере изображений из Каракияся II.

Первоначально мы определили ряд количественных признаков, характеризующих манеру исполнения 169 фигур горных козлов из Каракияся II, расширив и дополнив другими количественными показателями систему обмера фигур, предложенную Н.Л. Подольским. Перечень выделенных признаков: 1) средняя высота корпуса к его длине (H/L , где H — это сумма H_1 и H_2 , деленная на 2); 2) длина ног к длине корпуса (M/L , где M — сумма длины всех ног, деленная на их количество); 3) длина шеи к длине корпуса (S/L); 4) длина головы к длине корпуса (G/L) (рис. 3, 1); 5) измерение угла между ногами и туловищем; 6) измерение угла между шеей и туловищем (рис. 3, 2); 7) количество ног (2 или 4); 8) количество рогов (1 или 2); 9) разворот фигуры (1 — Л, влево или 2 — П, вправо).

Замеры указанных величин производились на фотографиях петроглифов, снятых в ортогональной проекции, в программном комплексе Corel PHOTO-PAINT 2019, с использованием направляющих линий. Для стандартизации процедуры обмера все фигуры выравнивались по корпусу в горизонтальной проекции, а изображения фигур, обращенные вправо, были отражены в левую сторону. При проведении процедуры обмера наклонные линии разворачивались в горизонтальные, и уже после этого записывались данные по обмеру. Точность измерений составила 0,001 мм. Данные по замерам вносились в программу Microsoft Excel и были структурированы таким образом, чтобы каждой строке соответствовало одно изображение горного козла, а в столбцах отражались девять количественных признаков. Здесь же и производился расчет отношения величин H/L , M/L , S/L , G/L .

На следующем этапе в программном комплексе STATISTICA Version 10 для выделения однородных групп изображений был проведен кластерный анализ, цель которого — определение таких групп, внутри каждой из которых фигуры отличались бы не сильно, но между группами имелись бы существенные различия (для реализации поставленной задачи при проведении

кластерного анализа в настройках были выбраны «Метод Варда», «Евклидово расстояние»⁵). Алгоритм проведения кластерного анализа:

1. Готовый файл Excel с полученными данными был импортирован в таблицу данных комплекса STATISTICA.

2. Был произведен анализ описательных статистик выделенных количественных признаков фигур (переменных). График стандартных отклонений показал, что отклонение двух признаков: угла наклона ног и угла наклона шеи — существенно выше, чем стандартное отклонение остальных признаков, и если проводить анализ с этими данными, то кластеры будут выделяться по этим переменным. Для того чтобы учитывать все переменные одинаково, необходимо провести процедуру стандартизации данных.

3. Перед проведением кластерного анализа следует определить количество кластеров в данных с помощью метода «иерархической кластеризации». Результаты отражены на древовидной диаграмме (дендрограмме), которая указывает на наличие трех кластеров данных (рис. 3, 3).

4. Следующий этап анализа — выделение с помощью процедуры кластеризации — метода «К средних» самих кластеров. Результаты кластерного анализа отражены на «графике средних» (рис. 3, 4), где каждая цветная линия соответствует своему кластеру и характеризует его определяющие признаки.

Анализ выделенных кластеров показал, что в первый и во второй кластеры попали достаточно разнородные изображения, поэтому для выявления сходных групп фигур в первых двух кластерах по предложенному алгоритму был также проведен кластерный анализ. Набор и количество переменных (признаков) в каждом из них определялись путем визуального сравнения с учетом особенностей исполнения изображений.

Кластер 1 — *H/L*, *M/L*, *S/L*, $\backslash M$. Для анализа фигур данного кластера был введен еще один дополнительный признак: силуэтное (1)/контурное (2) изображение животного, так как данные изображения, помимо «сосуществования» в «сценах» (рис. 2, 4, 8), встречаются в самостоятельных сюжетных композициях (рис. 2, 5).

Кластер 2 — *H/L*, *S/L*, $\backslash S$.

Таким образом, удалось классифицировать все изображения горного козла, выделив три кластера (группы) фигур и подгруппы однородных типов в первых двух кластерах, характеризующихся рядом сходных признаков (рис. 3, 5–7). А в ходе последующего сравнительного анализа данных типов удалось определить еще ряд сходных признаков, которые ранее не были очевидными (описание выделенных типов приводится в разделе «Результаты исследования»).

На заключительном этапе с помощью планиграфического анализа (сравнения манеры исполнения фигур животных и их возможной встречаемости в группах фигур и в «сценах», созданных на одной каменной плоскости) и стратиграфического анализа (выявления последовательности наложений изображений друг на друга) из скопления Каракиясай II (рис. 2) и других участков комплекса (рис. 3, 8–12) были перепроверены результаты кластерного анализа и определена хронологическая последовательность выделенных типов изображений.

После хронологической атрибуции выделенных типов стало возможным на 75 камнях по изображениям козлов определить хронологию всех фигур, а на оставшихся 30 камнях — сделать это по сопоставлению манеры исполнения фигур горного козла выделенных типов с фигурами других животных и по общей тенденции оформления изобразительного ряда памятника (см., например, единообразие манеры исполнения различных видов животных в единой композиции на рис. 2, 20).

Результаты исследования

Итак, в результате кластерного анализа были получены три кластера (группы) изображений, для первого из которых характерно наличие четырех ног и двух рогов, для второго — выраженный угол наклона ног и наклона шеи, для третьего — П-образное изображение корпуса. Важно, что изображения, связанные смысловым единством и манерой исполнения, в групповых «сценах» и сюжетных композициях оказались в одном кластере, а более поздние добавления к ранее созданным композициям — в других. Далее приводится описание выделенных типов.

Кластер 1 (рис. 3, 5).

Тип 1. 13 фигур. Силуэтное изображение туловища, шея практически отсутствует, рога присоединяются к верхнему переднему углу туловища, четыре ноги (практически параллельны), два гипертрофированных параллельных рога.

⁵ См. описание методики кластерного анализа в справочном разделе программного комплекса STATISTICA.

Хронология наскальных изображений Каракияся II

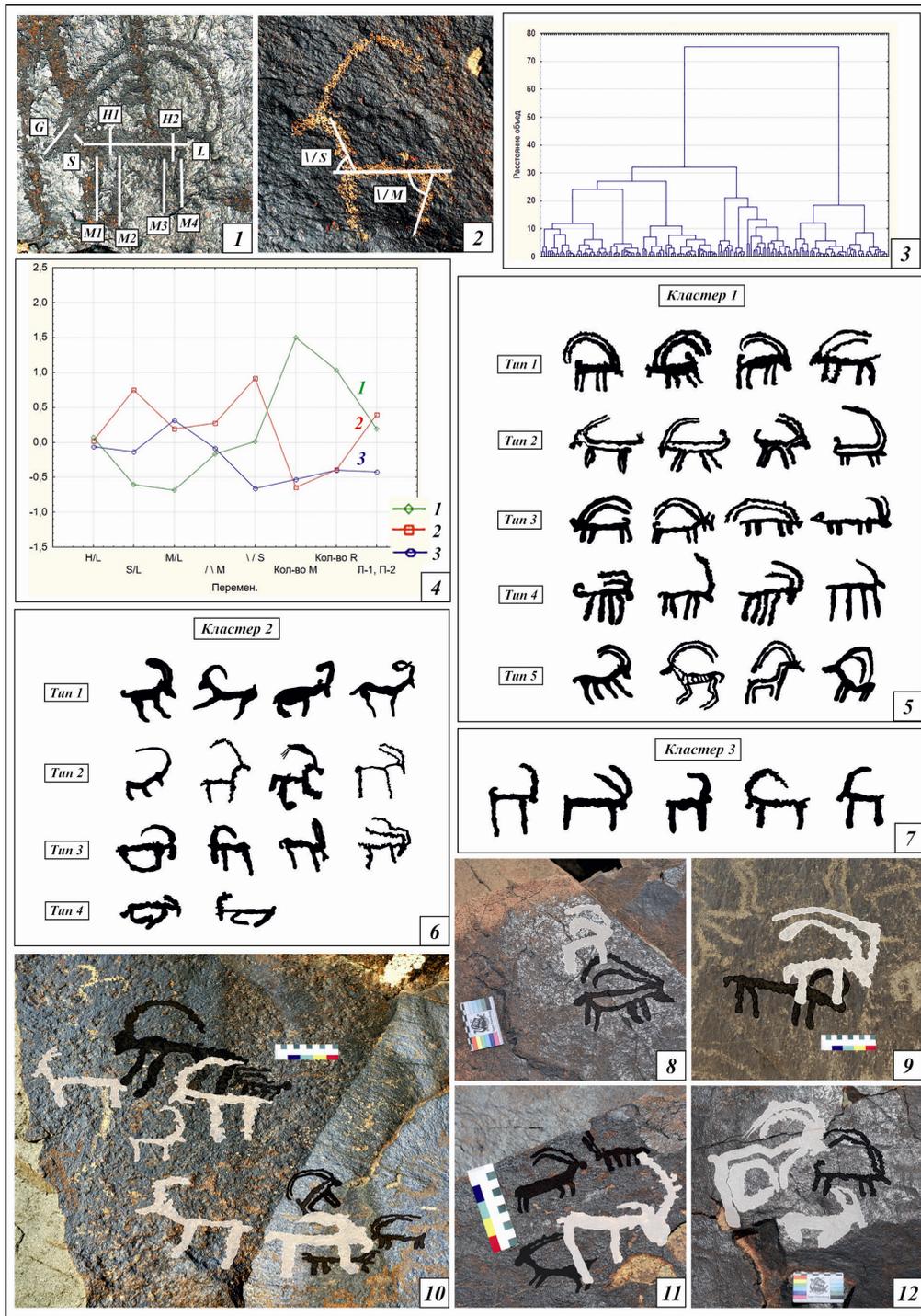

Рис. 3. Материалы к определению хронологии петроглифов Каракияся II:

- 1, 2 — примеры обмера фигур горного козла в программном комплексе Corel PHOTO-PAINT 2019 (H1, H2 — высота корпуса; L — длина корпуса; M1–M4 — длины ног; S — длина шеи; G — длина головы; \ /M — угол наклона ног; \ /S — угол наклона шеи); 3 — дендрограмма, указывающая на наличие трех кластеров для 169 наблюдений; 4 — график средних для каждого кластера; 5–7 — результаты кластерного анализа и выделенные типы; 8–12 — палимпсесты из других участков комплекса Каракияся.

Fig. 3. Materials for determining the chronology of the Karakiyasay petroglyphs II:

- 1, 2 — examples of measuring mountain goat figures in the Corel PHOTO-PAINT 2019 software package (H1, H2 — body height; L — body length; M1–M4 — leg length; S — neck length; G — head length; \ /M — leg angle; \ /S — neck angle); 3 — a dendrogram indicating the presence of three clusters for 169 observations; 4 — a graph of averages for each cluster; 5–7 — results of cluster analysis and selected types; 8–12 — palimpsests from other sites of the Karakiyasay complex.

Тип 2. 6 фигур. Контурное изображение прямоугольного туловища, голова заострена к носу, четыре ноги параллельны или расходятся наружу, два рога.

Тип 3. 15 фигур. Линейное изображение фигуры животного, корпус удлиннен, четыре короткие ноги (практически параллельны), два параллельных рога.

Тип 4. 8 фигур. Линейное изображение фигуры, овальная голова, четыре длинные ноги, один или два рога, которые не представляют собой правильную дугу.

Тип 5. 7 фигур. Сочетает в себе признаки 1 и 2 кластера: четыре ноги и два рога, но при этом как у фигур 2 кластера выражен угол наклона ног, голова и шея удлиненные.

Кластер 2 (рис. 3, 6).

Тип 1. 21 фигура. Силуэтное изображение туловища, изображение динамично, спина прогнута, у ряда фигур проработаны уши, шея длинная, голова заострена к носу, выражен угол наклона ног, две ноги, один рог.

Тип 2. 30 фигур. Линейное изображение фигуры животного, грубое подражание предыдущему типу, удлиненная шея и голова, две ноги, один или два рога, фигуры преимущественно обращены вправо.

Тип 3. 47 фигур. Линейное изображение корпуса фигуры, удлиненная голова опущена вниз, шея короче, чем у предыдущего типа и является продолжением горизонтальной линии корпуса, две ноги, один или два рога, хвост короткий или отсутствует.

Тип 4. 2 фигуры. Линейное изображение лежащего животного, две ноги, один короткий рог, шея — продолжение горизонтальной линии туловища, голова заострена к носу.

Кластер 3 (рис. 3, 7). 20 фигур. Линейное П-образное изображение фигуры животного с небольшой головой, округленной к носу, шея короткая или отсутствует, две параллельные ноги (чаще удлиненные).

Хронологическая последовательность выделенных типов изображений

Кластер 1. Тип 1 — изображения представляют наиболее ранние «пласты» скопления (эпоха поздней бронзы), в качестве подтверждения можно указать на фигуру верблюда, изображенную как объект охоты (?), сходную с изображением козла данного типа в единой сюжетной композиции (рис. 2, 18). Типы 2, 3 — также следует отнести к ранним «пластам» памятника, так как они в нескольких случаях «сосуществуют» на одной каменной плоскости (рис. 2, 8, 17, 18). Тип 4 — вероятно, также относится к эпохе поздней бронзы, так как встречается с фигурами типа 3 (рис. 2, 13), но не исключена устойчивость данного типа во времени. Тип 5 — переходный, так как сочетает в себе традицию исполнения фигур эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

Кластер 2. Типы 1–4 — имеют характерные черты искусства сако-массагетского круга, культур эпохи раннего железа. Подобные фигуры, как правило, накладываются на изображения, отнесенные к кластеру 1 (рис. 2, 8, 15; 3, 8–12). Отмечены случаи «сосуществования» различных типов фигур на одной каменной плоскости (рис. 2, 10, 12, 19).

Кластер 3 — П-образные изображения фигур горных козлов, помимо сочетаний признаков, характерных для данного кластера (небольшая голова, округленная к носу, короткая шея), встречаются и с другими признаками, характерными для изображений типа 3 кластера 2 (удлиненная, опущенная вниз голова, короткая шея) (рис. 2, 15, 16), и скорее всего их следует отнести к финалу раннего железного века.

Планиграфический анализ типологии фигур горного козла свидетельствует, что не во всех случаях изображения на «периферии» создавались позже, чем в «ядре» (рис. 2, 16, 21), то же можно сказать о палимпсестах — помимо разновременных наложений (рис. 2, 7, 8, 15) выявлены наложения фигур, созданных одновременно (рис. 2, 9, 10); также можно отметить ряд сочетаний типов фигур, отражающих тенденцию в изменении традиции изображения горных козлов в сторону упрощения в каждой из эпох (рис. 2, 18, 19).

Хронология сюжетного ряда Каракияся II

Петроглифы, характерные для эпохи поздней бронзы, выполнены на 25 камнях: 7 одиночных образов, 7 парных фигур, 6 групповых «сцен» и 6 сюжетных композиций (рис. 2, 2, 5, 13, 17, 18). Изобразительный ряд эпохи раннего железа представлен на 56 каменных плоскостях, среди которых 24 одиночных образа, 13 парных фигур, 10 групповых «сцен» и 9 сюжетных композиций (рис. 2, 12, 14, 16, 19–21).

На 15 изобразительных поверхностях пласты эпохи поздней бронзы и раннего железного века «сосуществуют» в виде поздних добавлений и палимпсестов (рис. 2, 3, 4, 7–10). И только в одном случае можно предположить, что сюжетная композиция с участием двух лучников и гор-

Хронология наскальных изображений Каракияся II

ного козла может быть отнесена к древнетюркскому времени, так как у одного из лучников в руках изображен длинный лук (рис. 2, 15); явных отличий в изображении антропоморфных образов в разные эпохи на Каракияся II и на других близлежащих объектах не зафиксировано. Следовательно, три хронологических пласта сюжетов могут быть предварительно отмечены лишь на одном камне Каракияся II. В семи случаях хронологическая атрибуция отдельных и парных фигур (антропоморфные образы и знаки) была проведена по аналогии с подобными фигурами из групповых и сюжетных композиций (рис. 2, 1 и 7, 6 и 13, 11 и 18).

Ориентировка на каменных плоскостях не бессистемна, а как правило подчиняется общей тенденции единого разворота фигур в многофигурных композициях.

Заключение

Как свидетельствуют результаты исследования, скопление петроглифов Каракияся II оформлялось преимущественно в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э. — начало I тыс. до н.э.) — раннем железном веке (VII в. до н.э. — IV в. н.э.). На памятнике зафиксирована лишь одна сюжетная композиция, которая может быть предварительно отнесена к раннему средневековью.

Традиция наскального творчества на Каракияся II впервые была заложена носителями андроновской культурной традиции, вероятно, продолжена племенами бургулюкской культуры, а в дальнейшем и ранними кочевниками — саками и, возможно, другими народами (например, входившими в государство Кангуй), а также не исключено, что в середине I тыс. н.э. — древними тюрками. Сложные процессы формирования и взаимодействия кочевых культур не могли не отразиться в наскальном искусстве. Так, в первых двух кластерах хронологические ряды петроглифов отражают «всплески» и постепенное угасание в пределах двух эпох традиции реалистичной манеры исполнения фигур животных (кластер 1, тип 1–2; кластер 1, тип 5 и кластер 2, тип 1), которая с течением времени трансформируется в грубые, схематичные и статичные изображения (кластер 1, тип 3–4; кластер 2, тип 2–4; кластер 3). В пользу данного тезиса можно также привести схематичное изображение повозки из Каракияся II, созданное слева (скорее всего позже) от «центральной» композиции, выполненной в реалистичной манере (рис. 2, 7)⁶.

В переходный период от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (начало I тыс. до н.э.) прослеживается определенная иконографическая преемственность — новая манера исполнения фигур животных в сакском зверином стиле первоначально частично сохраняет каноны уходящей эпохи: у горных козлов изображаются два рога и четыре ноги (кластер 1, тип 5).

В раннем железном веке «ведущие» образы эпохи поздней бронзы — горный козел, собака, лошадь, верблюд, антропоморфные фигуры продолжают жить в наскальном творчестве (рис. 2, 10, 14, 20, 21), но при этом традиция создания сюжетных композиций в финале раннего железного века «растворяется» в появлении многочисленных одиночных фигур сибирского горного козла (рис. 2, 9, 16, 19), определить этнокультурную принадлежность создателей которых практически невозможно.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90009.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аззамходжаев Т.Р.* Наскальные изображения в Бостандыкском районе Ташкентской области // Научные работы и сообщения АН УзССР. 1960. Кн. 1. С. 80–82.
- Бернштам А.Н.* Наскальные изображения Саймалы Таш // СЭ. 1952. Вып. 2. С. 50–68.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. 232 с.
- Кацей О.А.* Неизвестные наскальные изображения Каракияся // LI Урало-Поволж. археол. студ. конф. (УПАСК, 5–8 февр. 2019 г.): Материалы всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган: Изд-во КурГУ, 2019. С. 43–45.
- Кацей О.А.* Наскальные изображения Караташа // Археология евразийских степей. 2020а. № 5. С. 39–49. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.5.39.49>
- Кацей О.А.* Новое скопление петроглифов в верховьях Аулисая на хребте Каржантау (по итогам экспедиции 2019 г.) // Актуальная археология 5: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых; ИИМК РАН. СПб.: Невская Типография, 2020b. С. 323–327. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-04-0-2020-323-327>

⁶ Изображение указанного колесного транспорта по техническим характеристикам и манере исполнения может быть отнесено ко второй половине или третьей четверти II тыс. до н.э. [Kashchey, Nedashkovsky, 2018a, p. 10–11, fig. 2, 3].

Подольский Н.Л. О классификации наскальных изображений Саймалы-Таш Ферганского хребта // Материалы Вост. комиссии Геогр. о-ва. 1966. Вып. 3. С. 24–41.

Хужаназаров М.М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. Самарканд: Ин-т археологии Респ. Узбекистан, 1995. 174 с.

Kashchey O.A., Nedashkovsky L.F. Images of carts on the petroglyphs of Karakiyasay // *Dilemas Contemporáneas: Educación, Política y Valores*. México, 2018a. Year VI. Special Edition. December. Article No. 46. P. 1–13.

Kashchey O.A., Nedashkovsky L.F. Petroglyphs of Karakiyasay: Scenes compositions, images and stylistics // *Dilemas Contemporáneas: Educación, Política y Valores*. México, 2018b. Year VI. Special Edition. December. Article No. 47. P. 1–15.

Khujanazarov M.M. Rock Art Sites in Uzbekistan // *Rock Art in Central Asia: A Thematic Study*. P.: ICOMOS, 2011. P. 99–113.

ИСТОЧНИКИ

Агафонова Г.А. Наскальные изображения Тянь-Шаня эпохи бронзы и раннего железного века как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.

Кабиров Д. Исследование наскальных изображений в Узбекистане: Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1974.

Kashchey O.A., Nedashkovsky L.F. *

Kazan (Volga region) Federal University

Kremlyovskaya st., 18, Kazan, 420008, Russian Federation

E-mail: shukunja@mail.ru (Kashchey O.A.); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru (Nedashkovsky L.F.)

Chronology of the Karakiyasay II rock art

The article provides a brief description of the history of the study and characteristics of six large assemblages with petroglyphs of the Karakiyasay complex, located on the southern slopes of the Karzhantau mountain ridge (North-Eastern Uzbekistan). Currently, about 600 stones and rock outcrops with more than 3700 images have been identified within the site. The most interesting is the organization of the pictorial series of one of the assemblages — Karakiyasay II, on the materials of which, using cluster, planigraphic and stratigraphic analyses, it was possible to carry out the chronological attribution of almost all images of this section of the complex. For this, the semantic units of the organization of the visual series of the assemblage were initially designated, including single and paired images, multi-figure “scenes” and plot compositions. Then, for the most numerous images — 169 figures of the Siberian mountain goat, by the means of measuring the figures and calculating the ratios of a various quantities characterizing the proportions of the design of body parts of the animals — the ratio of the body height, length of the legs, neck and head to the length of the body, as well as by introducing quantities containing numerical indicators of the way animals are depicted (number of horns, number of legs, turn of the figure, angle of the legs, angle of the neck) — nine quantitative characters were determined. The next stage is the cluster analysis, which allowed us to identify three clusters (groups) of similar figures of mountain goats. Since the data obtained in the first two clusters turned out to be heterogeneous, they were also subjected to cluster analysis, as a result of which it was possible to identify nine types of figures characterized by a number of similar features. Later, using the analysis of planigraphy and stratigraphy, the accuracy of the identified types was verified, their chronological sequence was determined, and, based on the analogies with the manner of completion of figures in these types, the chronological attribution of the entire pictorial series of the site was carried out. The results of the study indicate that the petroglyphs in the Karakiyasay II assemblage were created mainly in the Late Bronze Age (the second half of the 2nd mil. BC — beginning of the 1st mil. BC) — Early Iron Age (7th c. BC — 4th c. AD).

Keywords: Western Tien-Shan, Uzbekistan, Karakiyasay, petroglyphs, Late Bronze Age, Early Iron Age, pictorial series, mountain goat figures, chronology of rock art, quantitative features, cluster analysis, palimpsests, planigraphy.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90009.

REFERENCES

Agzamkhodzhaev, T.R. (1960). Rock Art in the Bostanlyk district of the Tashkent region. In: *Nauchnye raboty i soobshcheniya AN UzSSR*, (1), 80–82. (Rus.).

Bernshtam, A.N. (1952). Rock Art of Saimaly Tash. *Sovetskaya etnografiya*, (2), 50–68. (Rus.).

Kadyrbaev, M.K., Maryashev, A.N. (1977). *Rock Art of Karatau ridge*. Alma-Ata: Nauka KazSSR. (Rus.).

Kashchey, O.A. (2019). Unknown Rock Art of Karakiyasay. In: *LI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studentcheskaya konferentsiya (UPASK, 5–8 fevralia 2019 g.): Materialy vsereossiiskoi (s mezhdunarodnym*

* Corresponding author.

Хронология наскальных изображений Каракияся II

uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 43–45. (Rus.).

Kashchey, O.A. (2020a). Rock Art of Karatash. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*, (5), 39–49. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.5.39.49>

Kashchey, O.A. (2020b). A new Assemblage of Petroglyphs in the Upper Reaches of the Auliesay on the Karzhantau Ridge (according to the results of the 2019 expedition). In: *Aktual'naia arkheologiya 5: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; IIMK RAN*. St. Petersburg: Nevskaiia Tipografiia, 323–327. (Rus.). <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-04-0-2020-323-327>

Kashchey, O.A., Nedashkovsky, L.F. (2018a). Images of carts on the petroglyphs of Karakiyasay. *Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Special Edition*. México. Year VI. December, (46), 1–13.

Kashchey, O.A., Nedashkovsky, L.F. (2018b). Petroglyphs of Karakiyasay: Scenes compositions, images and stylistics. *Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Special Edition*. México. Year VI. December, (47), 1–15.

Khujanazarov, M.M. (1995). *Rock Art of Khodjakent and Karakiyasay*. Samarkand: Institut arkheologii Respubliki Uzbekistan. (Rus.).

Khujanazarov, M.M. (2011). Rock Art Sites in Uzbekistan. *Rock Art in Central Asia: A Thematic Study*. Paris: ICOMOS, 99–113.

Podolsky, N.L. (1966). On the Classification of Rock Art of Saimaly-Tash of the Ferghana ridge. *Materialy Vostochnoi komissii Geograficheskogo obshchestva*, (3), 24–41. (Rus.).

Кащей О.А., <https://orcid.org/0000-0002-0951-7378>

Недашковский Л.Ф., <https://orcid.org/0000-0002-7453-9960>

Сведения об авторах:

Кащей Олеся Анатольевна, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань.

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань.

About the authors:

Kashchey Olesya A., post-graduate student, Kazan Federal University, Kazan.

Nedashkovsky Leonard F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan Federal University, Kazan.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Серегин Н.Н. *, Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); tishkin210@mail.ru (Тишкин А.А.);
matrenins@mail.ru (Матренин С.С.); taty-parshikova@yandex.ru (Паршикова Т.С.)

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Статья посвящена введению в научный оборот, культурно-хронологической и социальной интерпретации воинского погребения, исследованию на некрополе Чобурак-I в Северном Алтае. Анализ представительного инвентаря из захоронения мужчины с лошадью позволяет определить датировку кургана в рамках IV в. н.э. Установлена принадлежность изученного объекта к дялянской погребальной традиции населения булан-кобинской культуры. Состав предметного комплекса демонстрирует высокий прижизненный статус умершего человека.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, жужанское время, воинское погребение, хронология, интерпретация.

Введение

Обширный корпус археологических источников, представленных результатами раскопок погребальных комплексов, демонстрирует большое значение военного дела в системе жизнеобеспечения населения булан-кобинской культуры Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. Подтверждениями этому являются присутствие во многих захоронениях данной общности предметов вооружения, наличие серии кенотафов, а также зафиксированные свидетельства боевого травматизма, в том числе смертельных травм, полученных в ходе столкновений с применением летального оружия [Тур и др., 2018]. Кроме того, показателем высокого уровня милитаризации кочевников обозначенного региона выступает распространение погребений профессиональных воинов, материалы которых отражают высокий прижизненный статус представителей данной группы в социуме кочевников эпохи Великого переселения народов.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Чобурак-I на территории Алтая.

Fig. 1. Map-scheme of the location of the Choburak-I site in Altai.

* Corresponding author.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Важные материалы, позволяющие обратиться к различным аспектам военной деятельности населения Алтая в жужанское время (вторая половина IV — первая половина V в. н.э.), получены в ходе раскопок погребального-поминального комплекса Чобурак-I (рис. 1), расположенного на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай [Серегин и др., 2022]. В результате работ экспедиции Алтайского государственного университета на данном памятнике исследован некрополь булан-кобинской культуры. В большинстве изученных объектов зафиксированы непо потревоженные захоронения мужчин с представительным составом инвентаря. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот и разноплановой интерпретации материалов раскопок кургана № 30, в котором был похоронен профессиональный воин с наиболее многочисленным набором средств ведения дальнего и ближнего боя.

Характеристика источников

Курган № 30 находился в центральной части некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I и являлся самым большим по размеру объектом, входящим во второй ряд насыпей рассматриваемого комплекса. До раскопок он просматривался на местности как небольшое всхолмление с отдельно выступающими на поверхности камнями. После раздерновки и зачистки выявлена плоская наброска округлой формы размерами 6,2×5 м, высотой до 0,5 м (рис. 2, А). При разборке данного сооружения оказалось, что в некоторых местах по внешнему краю конструкции находились более крупные рваные булыжники и валуны, которые первоначально составляли овальную крепиду, вытянутую длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. В границах этой выкладки выявлено пятно могильной ямы овально-вытянутой формы длиной 4,6 м, шириной 1,2 м. Абрис ямы на фоне грунта древнего горизонта хорошо выделялся по более темному цвету заполнения (коричневая гумусированная супесь) и просевшим камням наземной конструкции. В процессе выборки прослежено, что стенки могилы существенно сужались по мере возрастания глубины, вследствие чего ее размеры на уровне дна составили 3,1×0,96 м. Значительная часть заполнения ямы имела плотную забутовку из гальки, валунов и массивных рваных камней.

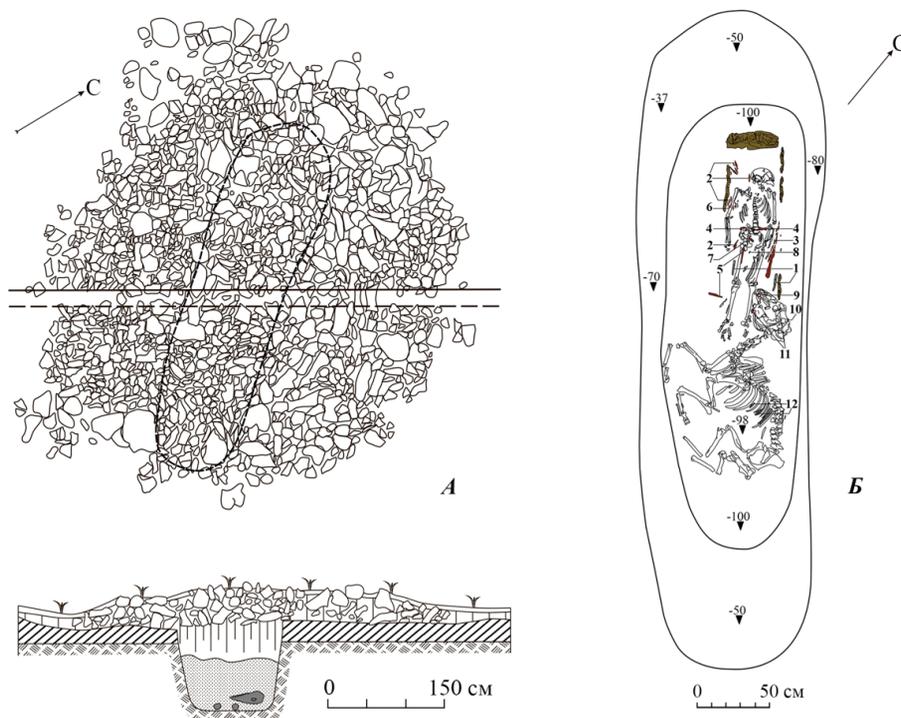

Рис. 2. Чобурак-I, курган № 30. А — план и разрез кургана; Б — план погребения:

1 — накладки на лук; 2 — наконечники стрел; 3 — меч в ножнах; 4 — поясные гарнитуры; 5 — боевые ножи; 6 — коротколезвийный нож; 7 — орудие в виде стержня; 8 — украшение (пронизь); 9 — удила; 10 — уздечная пряжка; 11 — детали узды (бляхи, крепления, тренчик); 12 — цурки.

Fig. 2. Choburak-I, barrow № 30. А — plan and section of the barrow; Б — burial plan:

1 — bow lining; 2 — arrowheads; 3 — sword in sheath; 4 — belt sets; 5 — combat knives; 6 — short-blade knife; 7 — tool in the form of a rod; 8 — decoration (pierce); 9 — bit; 10 — bridle buckle; 11 — details of the bridle (plaques, fastenings, trench coat); 12 — fasteners.

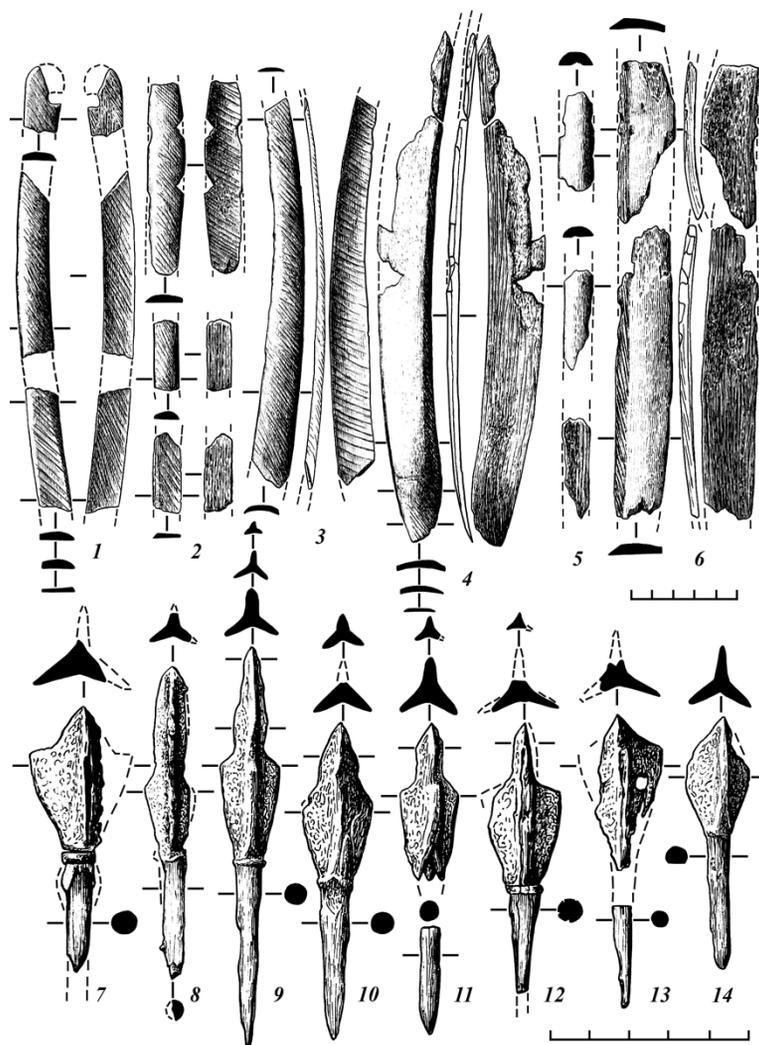

Рис. 3. Чобурак-1, курган № 30.

Костяные (роговые) накладки на лук (1–6) и железные наконечники стрел (7–14).

Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 3. Choburak-1, barrow № 30.

Bone (horn) bow linings (1–6) and iron arrowheads (7–14). The drawings were made by I.A. Chudilin.

В северо-западной части могилы, на глубине 0,94 м от уровня древнего горизонта, прослежены остатки деревянной погребальной камеры в виде колоды. Внутри нее расчищен непотревоженный скелет мужчины 30–35 лет¹, ориентированного головой на северо-запад. Судя по расположению позвоночника и длинных костей, покойный лежал вытянуто на спине с выпрямленными нижними и верхними конечностями (рис. 2, Б). С умершим человеком был помещен разнообразный инвентарь, представленный предметами вооружения, снаряжением, орудиями труда. В разных местах обнаружены разрушенные костяные (роговые) накладки от сложносоставного лука: в районе правого бедра и у левого колена — концевые боковые (рис. 3, 1–3), а с внутренней стороны левого бедра — две срединные боковые (рис. 3, 4, 6) и одна тыльная (рис. 4, 5) пластины. В области рук (с внешней и внутренней стороны), рядом с головой, на груди и в районе пояса лежали железные наконечники стрел, направленные остриями в разных направлениях. Всего учтено не менее 40 таких изделий, половина из которых представлена обломками (рис. 3, 7–14; 4, 1–41). Расположение целых и фрагментированных экземпляров указывало на то, что в момент похорон тело человека было беспорядочно усыпано стрелами. У

¹ Выражаем благодарность к.и.н. С.С. Тур за предоставленные антропологические определения.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

правого плеча умершего выявлен железный коротколезвийный нож (рис. 4, 43). Вдоль левого бока покойного (от локтя до колена) зафиксирован железный меч, ориентированный острием к ступням (рис. 5, 1). Клинок был помещен в ножны, от которых сохранились железные детали и небольшая часть кожного покрытия деревянной основы (рис. 5, 2–8). У правого бедра найдены два железных боевых ножа с длинным лезвием (рис. 5, 9, 10). На тазовых костях и под ними расчищены многочисленные детали железной гарнитуры от наборного пояса: три пряжки с подвижным язычком (рис. 6, 1–3), четыре бляхи-накладки разной формы (рис. 6, 4–7), не менее десяти блях-полуобойм с подвижными кольцами (рис. 6, 8–25), восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 6, 20). Среди них встречен железный стержень (рис. 4, 42). Между бедренных костей зафиксирован фрагмент украшения из цветного металла в виде трубочки-пронизки из согнутой в «пружину» проволоки (рис. 6, 26).

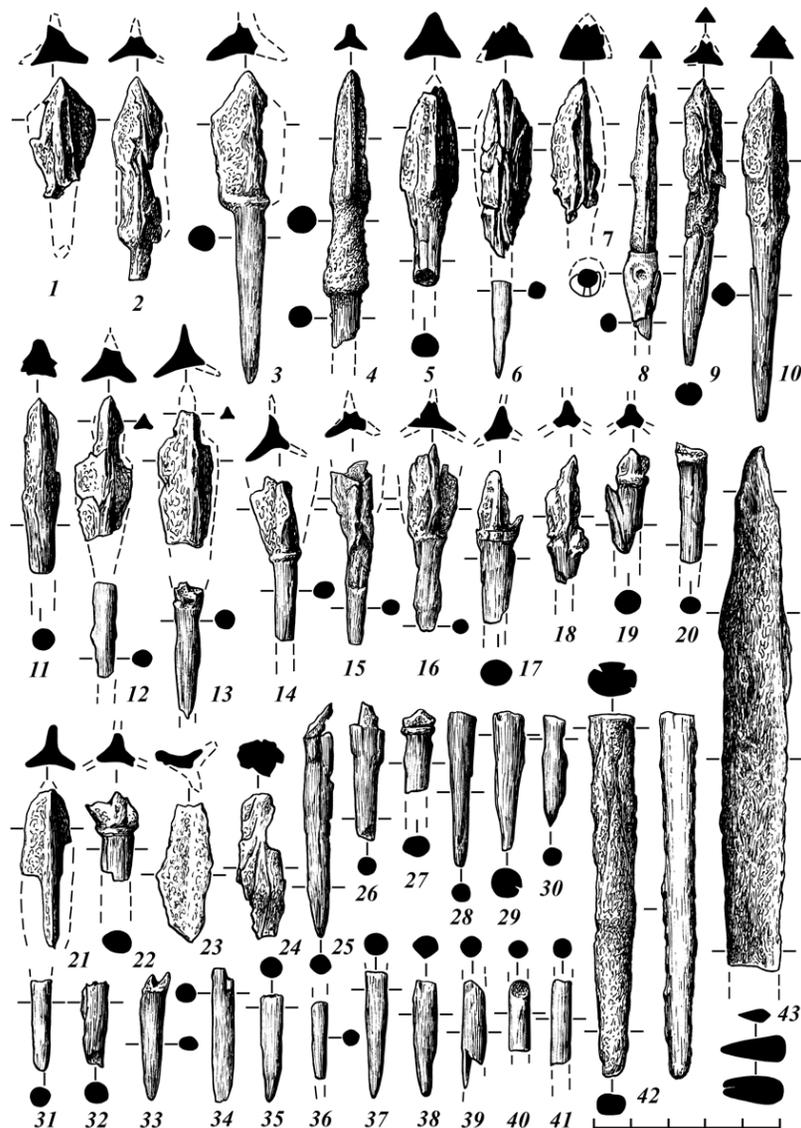

Рис. 4. Чобурак-I, курган № 30.

Железные наконечники стрел (1–41) и орудия труда (42, 43). Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 4. Choburak-I, barrow № 30.

Iron arrowheads (1–41) and tools (42, 43). The drawings were made by I.A. Chudilin.

В юго-восточной части могилы, на глубине 0,98 м от уровня древнего горизонта обнаружено сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на правый бок с подогнутыми конечностями и обращено головой на северо-запад. Череп лошади перекрывал берцовые кости ле-

вой ноги человека. В челюстях животного сохранились железные удила с петлями для повода (рис. 7, 1), а в разных местах рядом с головой — корродированные железные детали узды: пряжка с подвижным язычком и обломанным щитком (рис. 7, 2); четыре фрагментированные бляхи-накладки с шпеньковым креплением (рис. 7, 3–6), тренчик ремня (рис. 7, 7), два восьмерковидных крепления (рис. 7, 8, 9). Среди ребер лошади найдены две костяные (роговые) цурки (рис. 7, 10, 11).

Анализ сопроводительного инвентаря

В ходе раскопок погребения кургана № 30 некрополя Чобурак-I обнаружена многочисленная серия изделий, информативных для определения датировки данного закрытого комплекса, а также для изучения особенностей материальной культуры населения Алтая жужанского времени. Учитывая ограниченный объем статьи, авторы намеренно отказались от развернутой классификации и типологии предметов, ограничившись обзором наиболее значимых аналогий и результатов сравнительного изучения показательных вещей.

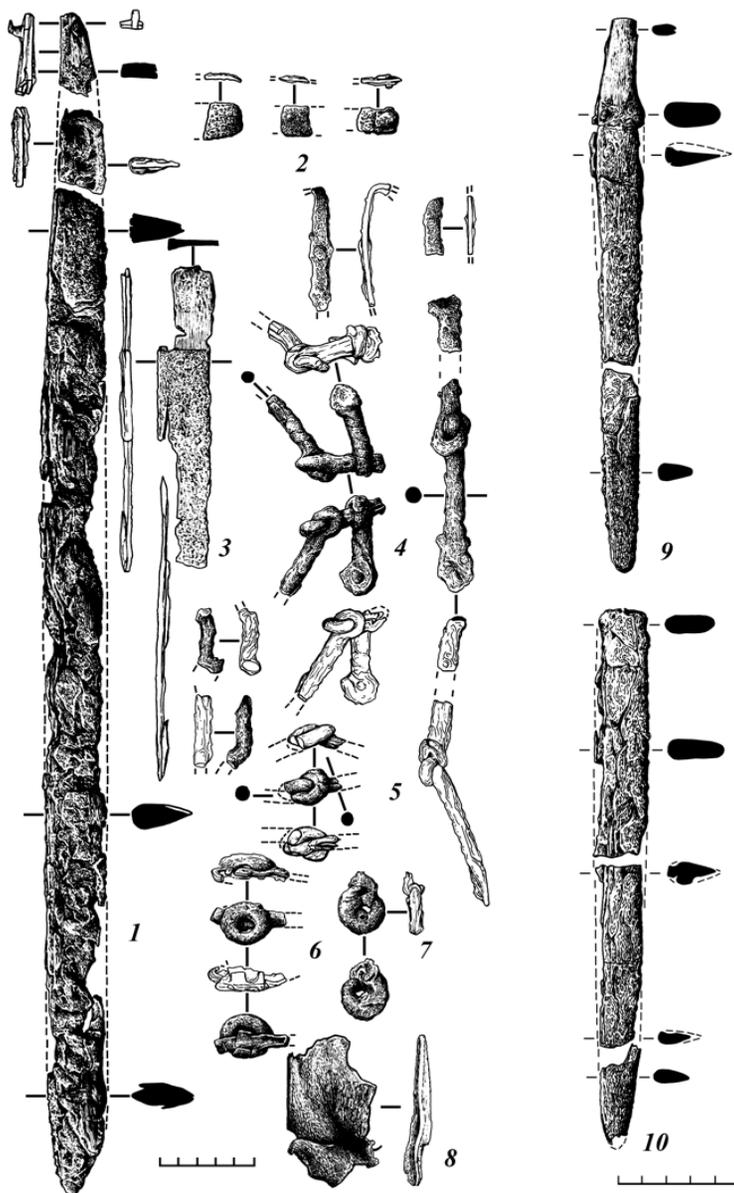

Рис. 5. Чобурак-I, курган № 30.

Железный меч с деталями ножен (1–8) и боевые ножи (9, 10). Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 5. Choburak-I, barrow № 30.

Iron sword with scabbard details (1–8) and combat knives (9, 10). The drawings were made by I.A. Chudilin.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Оружие дальнего боя. В захоронении сохранились фрагментированные костяные (роговые) накладки сложносоставного лука: три концевые боковые (пара верхних и одна нижняя) из тонких (до 0,4 см) слабо изогнутых пластин (длина не менее 25 см) дуговидной формы (рис. 3, 1–3); две срединные боковые дуговидной формы длиной более 23 см, максимальной шириной 2,5 см (рис. 3, 4, 6); тыльная срединная (рис. 3, 5). Расположение концевых накладок *in situ* дает основания для утверждения, что лук был сломан или намеренно разобран на части. Особенности оформления срединных боковых накладок позволяют датировать рассматриваемый образец ручного метательного оружия в рамках II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 15, табл. I, 4, 7, 8, 10; Тишкин и др., 2018, с. 42].

Арсенал средств ведения дальнего боя из погребения кургана № 30 включал не менее 40 железных черешковых наконечников стрел, большинство которых были сильно корродированы и разрушены. Их основную часть составляют трехлопастные модификации с ярусным пером, относящиеся к образцам хуннской и южно-сибирской военных традиций [Мамадаков, 1990, с. 44–53; Неверов, Мамадаков, 1991]. Изделия хуннского облика количественно преобладали и представлены экземплярами с малым верхним ярусом треугольной (рис. 3, 7) и пятиугольной (рис. 3, 10, 11; 4, 12, 13) форм, плавно переходящим в нижний ярус с асимметрично-ромбическим контуром. Данные наконечники стрел являются производными от соответствующих центрально-азиатских образцов и использовались воинами Алтая во II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 38; Тишкин и др., 2018, с. 52–53; Серегин и др., 2020, с. 105–107]. У целых изделий зафиксирован кольцевой упор на черешке, что демонстрирует их более позднюю хронологию по сравнению с хуннскими прототипами. Аналогичные предметы обнаружены во многих погребальных памятниках булан-кобинской культуры [Худяков, 2002, рис. 3, 1, 4, 8; Горбунов, 2006, с. 29, 38, рис. 23, 4, 24; Тишкин и др., 2018, с. 49, 52, табл. 8, 14]. Ярусные наконечники южно-сибирской традиции включают два хорошо сохранившихся экземпляра с равной или большой верхней частью вытянуто-ромбической формы и асимметрично-ромбической нижней, имеющих кольцевой упор (рис. 3, 8, 9). Судя по имеющимся данным, у населения Алтая такие изделия появились в III в. н.э., по-видимому во второй половине этого столетия [Серегин и др., 2020, с. 107].

Зафиксированные в кургане № 30 трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим (рис. 3, 13; 4, 1), ромбическим (рис. 3, 14) и шестиугольным (рис. 4, 2, 3) пером широко использовались кочевниками булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 54]. Редкий для обозначенного региона трехлопастной экземпляр с килевидным пером и цилиндрическим упором (рис. 4, 4) появился, по-видимому, на базе листовидных форм, распространившихся на Алтае в начале IV в. н.э. под влиянием среднеазиатской военной традиции [Там же, 2018, с. 54–55].

В анализируемой серии изделий идентифицирован трехгранно-трехлопастной ярусный наконечник с пятиугольной верхней и асимметрично-ромбической нижней частью пера, имеющий кольцевой упор (рис. 3, 12). Население Алтая могло заимствовать такое оформление пера в IV в. н.э. от носителей кенкольской культуры Тянь-Шаня [Горбунов, 2006, с. 39].

Достаточно необычными являются бронебойные трехгранные наконечники листовидной и килевидной форм (рис. 4, 5–11). Изделия с таким пером наиболее интенсивно разрабатывались населением Средней Азии в III–VIII вв. н.э. [Худяков, 1986, с. 31, рис. 6, 1; 97; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84, рис. 6, 7–10, 13–24; Левина, 1996, рис. 92, 20, 23, 45; Литвинский, 2001, с. 107–110]. На территории Алтая они были распространены, судя по всему, под влиянием оружейного комплекса кенкольской культуры и активно использовались после широкого внедрения железного доспеха во второй половине IV — V в. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 6, 7, 8, 10, 14, 16, 18, 20, 21; Горбунов, 2006, с. 40].

Оружие ближнего боя. В погребении кургана № 30 некрополя Чобурак-I зафиксирован показательный для эпохи Великого переселения народов комплекс клинкового оружия. Особого внимания заслуживает железный однолезвийный меч (длина — 55,6 см, ширина — 3,1 см, толщина спинки — 1,1 см) с полусегментовидным острием, имеющий прямой черен (длина 9,5 см) с одним штифтом для крепления рукояти без перекрестия и навершия (рис. 5, 1).

Распространение однолезвийных мечей на севере Центральной Азии произошло не ранее конца II — III в. н.э. [Соловьев, 1987, с. 70–71; Николаев, 2001, с. 88–89] или второй четверти I тыс. н.э. [Худяков, 1986, с. 131]. Данный процесс мог быть связан с военной активностью сяньби. В Средней Азии однолезвийные мечи встречены в памятниках второй половины III — IV в. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 89, рис. 7, 5, 6, 9]. На территории Северной Азии использование подобных предметов зафиксировано во второй половине IV — V в. н.э. [Молодин, Чикишева, 1990, с. 162, рис. 2, 1; Горбунов, 2006, с. 63, рис. 49, 4–6, 62, 76]. В западной части

степного пояса Евразии такое клинковое оружие известно не ранее конца IV в. н.э. [Засецкая, 1994, с. 33–34]. Похожие мечи обнаружены в погребениях булан-кобинской культуры Алтая второй половины IV — V в. н.э. из комплексов Берель и Верх-Уймон [Сорокин, 1969; Горбунов, 2006, с. 59, 111; Соенов, 2017, с. 120].

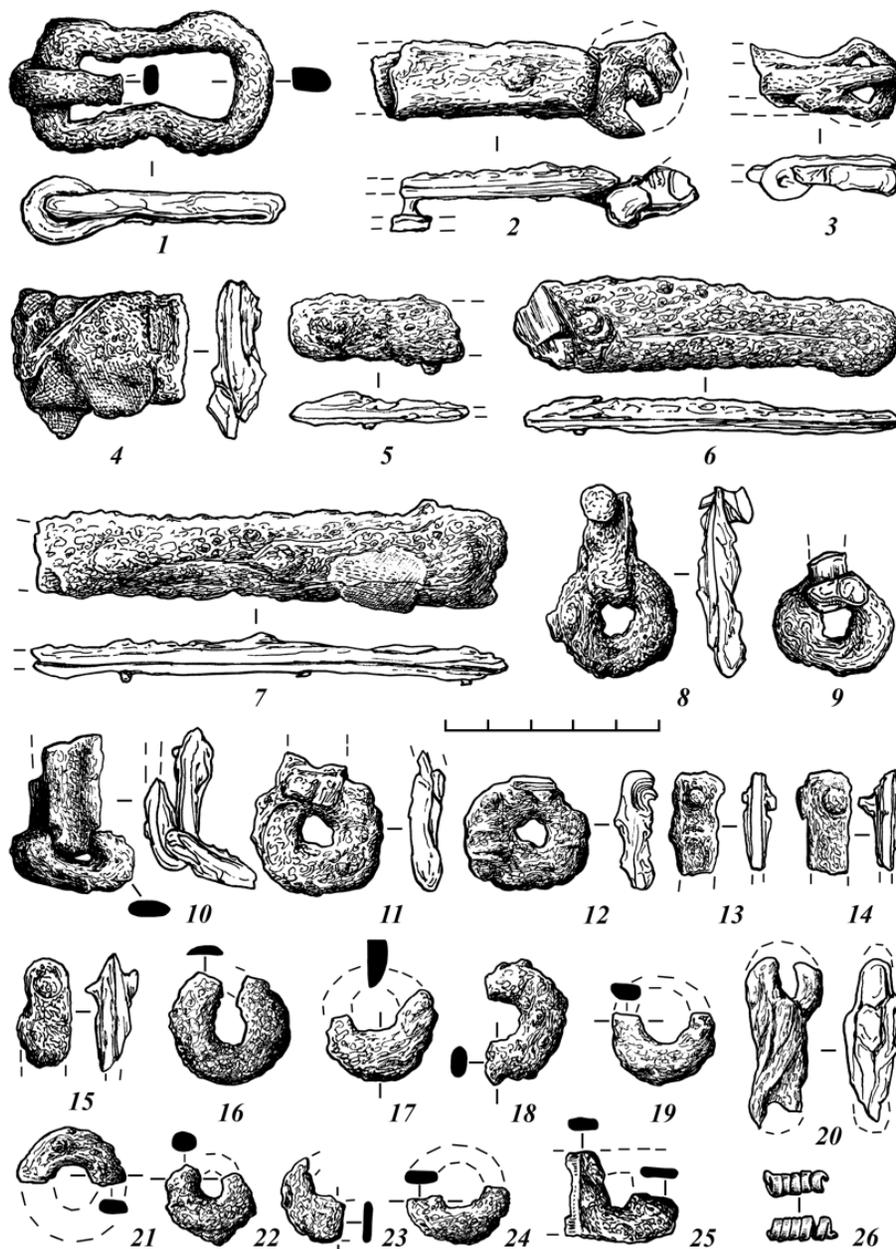

Рис. 6. Чобурак-I, курган № 30.

Поясные пряжки (1–3), бляхи (4–19, 21–25), крепления (20), декоративное изделие из цветного металла (26).

Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 6. Choburak-I, barrow № 30.

Belt buckles (1–3), badges (4–19, 21–25), mounts (20), decorative item made of non-ferrous metal (26).

The drawings were made by I.A. Chudilin.

Отметим, что меч из кургана № 30 был помещен в ножны, от которых сохранились железные детали: оковка устья в виде тонких пластин (рис. 5, 2); крепление из нескольких витых звеньев, два из которых имеют окончание в виде пластин с шпеньком (рис. 5, 4); пластина с кольцом на длинной стороне (рис. 5, 6); полуобойма с кольцом (рис. 5, 7); обломок крепежного

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

звена (рис. 5, 5). Подобные изделия уже неоднократно фиксировались в воинском снаряжении «булан-кобинцев» IV–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 17–25].

Короткоклинковое оружие из анализируемого комплекса представлено двумя ножами, имеющими треугольный в сечении клинок (длина 17 и 19,8 см), прямой и наклоненный в сторону лезвия черен для рукояти без перекрестия и навершия (рис. 5, 9, 10). Боевые ножи с обозначенными морфологическими характеристиками представляют собой довольно частую находку в погребениях булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 58–59].

Поясные принадлежности, орудия труда и украшения. Важным элементом сопроводительного инвентаря воина из кургана № 30 некрополя Чобурак-I был наборный пояс, от которого сохранилось большое количество железных деталей ременных гарнитур.

Пояс застегивался на пряжку с подвижным язычком, закрепленным на основании восьмерковидной рамки (рис. 6, 1). Наиболее близкие аналогии ей зафиксированы в памятниках тесинской культуры I в. до н.э. — II в. н.э. Среднего Енисея и в сянбийских захоронениях конца I — начала IV в. н.э. в Восточном Забайкалье [Вадецкая, 1999, рис. 65; Яремчук, 2005, рис. 96, 3; Кузьмин, 2011, табл. 40, 19, 20]. В булан-кобинской культуре похожие по форме изделия, но снабженные щитком в виде пластины-полуобоймы, происходят из комплексов III–V вв. н.э. [Кубарев и др., 1990, рис. 31, 3; Матренин, 2017, с. 34].

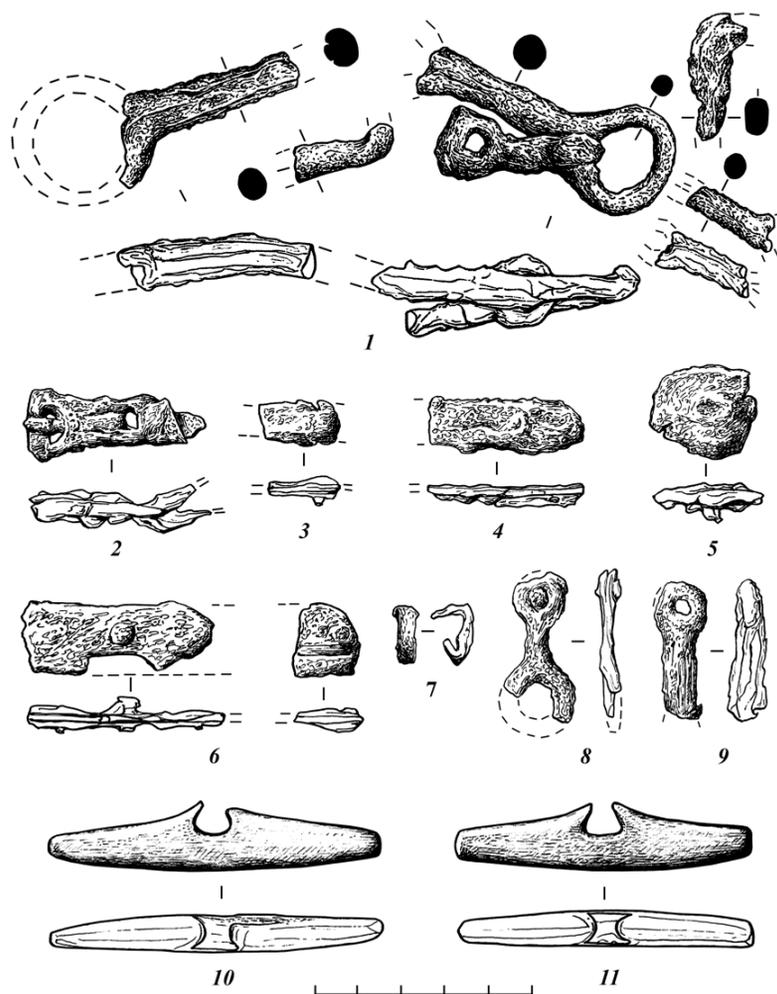

Рис. 7. Чобурак-I, курган № 30.

Железные удила (1), пряжка (2), уздечные бляхи (4–6), тренчик (7), крепления (8, 9), костяные (роговые) цурки (10, 11). Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 7. Choburak-I, barrow № 30.

Iron bits (1), buckle (2), bridle plaques (4–6), trench coat (7), fasteners (8, 9), bone (horn) fasteners (10, 11). The drawings were made by I.A. Chudilin.

Овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком на основании рамки и щитком-полуобоймой вытянуто-прямоугольной формы (рис. 6, 2) относится к модификациям застежек, распространенных у населения Алтая во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 30–31, 42, 47–48]. Пряжка, снабженная подвижным язычком, который закреплен на вертлюге в проеме т-образной рамки (рис. 6, 3), имеет широкий круг датированных аналогий в материалах, использованных при построении периодизационных схем развития снаряжения народов «западной» и «восточной» частей степного пояса Евразии [Малашев, 2000, рис. 3Б, 2, 3; 5А, 3; Николаев, 2000, рис. 3, 2, 8; 4, 2, 5; Горбунова, 2001, рис. 5, 26; Симоненко, 2004, с. 145; и др.]. Носители булан-кобинской культуры использовали такие изделия во второй четверти I тыс. н.э. [Матренин, 2017, с. 50].

Наборный пояс включал четыре бляхи-накладки в виде пластин с прямоугольным, вытянуто-прямоугольным и вытянуто-трапециевидным абрисом разного размера, которые крепились к ремню с помощью шпеньков (рис. 6, 4–7). Похожие экземпляры известны в памятниках Тувы и Восточного Забайкалья первой половины I тыс. н.э. [Панкова, 2003, рис. 4; Яремчук, 2005, рис. 99, 1, 2, 5, 10; 103, 1–4; и др.]. На Алтае такие гарнитуры были сформированы под влиянием традиций материальной культуры саянских племен во II в. н.э. и широко использовались «булан-кобинцами» до V в. н.э. включительно [Матренин, 2017, с. 62, 72].

Другая разновидность поясных блях представлена не менее чем десятью пластинами, согнутыми пополам в полуобойму, имеющими шпеньковое крепление к ремню и подвижное кольцо (рис. 6, 8, 19, 21–25). Похожие гарнитуры являлись элементом наборных поясов у многих народов Центральной Азии в эпоху Великого переселения народов, в том числе у «булан-кобинцев» во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 74–75].

Среди поясных принадлежностей из публикуемого погребения зафиксировано восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 6, 20). Похожее крепление происходит из памятников Тувы (вторая половина III — IV в. н.э.), Среднего Енисея (IV–VI вв. н.э.) и Верхнего Приобья (вторая половина IV — VI в. н.э.) [Грязнов, 1956, табл. XXXII, 22, XLI, 10; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2, 1; 5, 5; 8, 2; 14, 4; 53, 7, 8; Вадецкая, 1999, с. 124–126; Николаев, 2000, рис. 1, 12, 16, 18; 3, 2, 5, 10, 11; Памятники..., 2010, с. 34, 44, 60]. Данные изделия относятся к числу показательных хронологических индикаторов археологических памятников Алтая конца III — V в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 64].

К орудиям труда из анализируемого комплекса относится обломок железного ножа с коротким клинком, имеющим треугольное поперечное сечение, прямую спинку и прямой черен для рукояти, ограниченный со стороны лезвия плечиком (рис. 4, 43). Результаты изучения имеющихся материалов раскопок погребений булан-кобинской культуры показывают, что такие ножи использовались населением Алтая во II–V вв. н.э. [Кубарев и др., 1990, рис. 37, 19; 40, 10; 44, 12–13; 46; Мамадаков, 1990, рис. 85, 12–15; Тишкин и др., 2018, с. 126, табл. 36–37].

Довольно редкой находкой является железный стержень длиной 9,6 см с овальным поперечным сечением, сужающийся к одному концу (рис. 4, 42). Наличие у данного предмета прямой «площадки» позволяет предположить, что он мог использоваться в качестве зубила. Аналогии ему в археологических материалах Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. нам неизвестны.

Единственное украшение из погребения кургана № 30 сохранилось в виде фрагмента бронзовой трубочки-пронижи, выполненной из согнутой в спираль плоской проволоки (рис. 6, 26). В комплексах булан-кобинской культуры похожие экземпляры представлены редкими находками из некрополей саянских племен [Мамадаков, 1990, рис. 23, 6; Трифанова, Соенов, 2019, рис. 26].

Снаряжение верхового коня. В состав уздечного комплекта входят железные удила плохой сохранности, которые могли иметь крюковое соединение грызел (рис. 7, 1). Наличие дополнительных восьмерковидных петель для поводов указывает на относительную хронологию данного предмета не ранее IV в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 112]. Железная уздечная пряжка с язычком на вертлюге в прорези т-образной рамки (рис. 7, 2) имеет аналогии среди датированных деталей поясных гарнитур булан-кобинской культуры III–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 48–49].

Железные уздечные бляхи-накладки с шпеньковым креплением представлены тремя фрагментированными экземплярами из пластин, имеющих абрис прямоугольника с одним округлым краем (рис. 7, 4–6). Такие изделия могут быть производными от поясных блях, встречающихся на Алтае в течение саянских и жужанских периодов [Тишкин и др., 2018, с. 114]. Зафиксированное среди деталей узды восьмерковидное крепление (рис. 7, 8) имеет аналогии в конском снаряжении кочевников рассматриваемого региона, относящемся к IV–V вв. н.э. [Тетерин, 1995, рис. 50; Тишкин и др., 2018, табл. 32, 1].

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Показательным элементом конского снаряжения является пара костяных (роговых) цурок с несомкнутой прорезью (рис. 7, 10, 11). Данные изделия выступают одним из хронологических маркеров предметного комплекса скотоводов Алтая жужанского периода [Тишкин и др., 2018, табл. 32, 7–11; 33, 5–6; Серегин и др., 2020].

Этносоциальная интерпретация погребального обряда

Документированные элементы ингумации свидетельствуют, что курган № 30 некрополя Чобурак-I относится к числу памятников дялянкой погребальной традиции населения булан-кобинской культуры Алтая. Объекты этой группы характеризуются сочетанием следующих наиболее важных признаков: овальная насыпь с крепидой; труположение умершего головой в западный сектор горизонта, обычно с отклонением к северу; сопровождение покойного лошадей, уложенной «в ногах» человека либо частично перекрывающей его и ориентированной головой в одном с ним направлении; преобладание деревянных внутримогильных конструкций [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162]. В рассматриваемом регионе данная традиция известна с хуннского времени (II в. до н.э. — I в. н.э.) и при этом генетически не связана с наследием племен пазырыкской культуры середины VI — III в. до н.э. [Матренин, Тишкин, 2007].

В исторических судьбах «дялянцев» по-прежнему остается много неясного. Вероятно, их формирование на Алтае отражает смешение разных групп пришлого и местного населения. Судя по имеющимся материалам, одним из активных участников этого процесса были «яломанцы» (составляли костяк «этноса-элиты» в булан-кобинском обществе Центрального Алтая), хоронившие с лошадей «сверху» и частично «в ногах» человека, но с ориентировкой головой на восток и преимущественно в каменных ящиках [Матренин, Тишкин, 2007, с. 112–113; Серегин, Матренин, 2016]. Известный на сегодняшний день корпус археологических источников дает основания считать, что ритуал размещения лошади в могиле «сверху» или в «ногах» человека имеет наиболее вероятные истоки в погребальной практике скотоводов Верхнего Прииртышья VIII–III вв. до н.э., оставивших памятники кула-жургинского типа [Черников, 1975, с. 153; Самашев, 1987, с. 102–103; Суразаков, 1988, с. 127–129; Мамадаков, 1990, с. 18; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 144–145]. Важно отметить, что такой вариант оформления сопроводительного захоронения животного сформировался там без влияния «пазырыкцев» [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 145; Марсадалов, 2000, с. 36–37, 48, табл. 4]. С другой стороны, погребение с лошадей в одной яме у заднего борта могилы встречается в майэмирских памятниках северных и северо-западных предгорий Алтая, а над внутримогильной конструкцией — в ранних комплексах быстринской культуры [Савинов, 1987, с. 22–23; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 153; Шульга, 2003, с. 523, рис. 2]. В связи с этим можно допустить, что на сложение комплекса характеристик обрядовой практики «дялянцев» оказали влияние и потомки населения Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени.

Материалы раскопок некрополя Чобурак-I подтверждают сформулированный ранее тезис о том, что носители дялянкой погребальной традиции составляли элиту скотоводов Северного Алтая на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2020, с. 129]. Дальнейшая история данной группы населения весьма фрагментарно обеспечена материалами. Можно предположить, что во второй половине V в. н.э. «дялянцы» были включены в состав этнополитической общности тюрок Алтая-Саянского региона, но, по-видимому, в ней полностью не ассимилировались даже в эпоху существования каганатов. В дальнейшем их потомки при участии племен единцовской культуры Верхнего Приобья были вовлечены в этногенез раннесредневековых народов Алтайской лесостепи. Не исключено, что они выступили одним из компонентов при формировании населения сrostкинской культуры, оставившего могильник Иня-1 [Горбунов, 2020, с. 31–33]. На сегодняшний день это самый ранний и единственный погребальный комплекс обозначенной общности, на котором массово представлен ритуал захоронения с верховым конем, уложенным в «ногах» умершего человека, совершенно нехарактерный для норм обрядности собственно тюрок.

Судя по зафиксированному составу сопроводительного инвентаря, мужчина, погребенный в кургане № 30 некрополя Чобурак-I, имел высокий социальный статус в булан-кобинском обществе. На площади рассматриваемого погребального комплекса публикуемый объект выделялся наиболее крупными размерами наземного сооружения. Ключевым основанием для заключения о прижизненном положении покойного является присутствие в могиле разнообразного набора воо-

ружия, представленного луком, большим количеством стрел с железными наконечниками², двумя боевыми ножами, мечом, а также наборным поясом с многочисленными деталями ременной гарнитуры. Необходимо подчеркнуть, что наиболее показательным элементом паноплии был меч. На сегодняшний день находки данного вида клинкового оружия в памятниках Алтая являются большой редкостью (без учета рассматриваемых материалов зафиксировано 14 изделий). Ранее неоднократно отмечалось, что население булан-кобинской культуры помещало мечи в захоронения военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов [Горбунов, 2006, с. 74; Серегин, Матренин, 2020, с. 39, 91, 93–94, 109, 110]. Представляется возможным утверждать, что в кургане № 30 некрополя Чобурак-I был похоронен представитель верхнего привилегированного слоя кочевников Северного Алтая жужанского времени.

Заключение

Совокупность показателей обрядовой практики, зафиксированных в ходе раскопок кургана № 30 некрополя Чобурак-I, свидетельствует о принадлежности публикуемого объекта к дялянкой погребальной традиции населения Алтая конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. В сопроводительном инвентаре мужского захоронения представлены как широко распространенные, так и весьма редкие типы изделий, характеризующие позднюю стадию белобомского и верх-уймонский этап булан-кобинской культуры. Изучение взаимной встречаемости датированных категорий вещей дает основания для установления хронологии данного комплекса в рамках IV в. н.э., ближе к середине столетия. Такое заключение подтверждается результатами радиоуглеродного датирования серии объектов некрополя Чобурак-I, которые планируется представить в отдельной публикации.

Состав вооружения (лук, большое количество стрел с железными наконечниками, меч, два боевых ножа) и воинского снаряжения (наборный пояс с множеством ременных гарнитур) позволяют сделать вывод о высоком социальном статусе погребенного, который мог быть военачальником, командовавшим крупным подразделением профессиональных воинов, а также, вероятно, предводителем локальной группы кочевников, оставивших некрополь Чобурак-I. Некоторые своеобразные черты мировоззренческих представлений этого населения отражают зафиксированные «нестандартные» черты погребального ритуала, связанные с помещением в могилу сломанного (разобранного?) лука и большого количества стрел, которыми в момент похорон было усыпано тело человека. Дальнейшее исследование объектов рассматриваемого комплекса, а также других памятников Алтая жужанского времени даст возможность существенным образом расширить представления о специфике этнополитических и социальных процессов в этом регионе и на сопредельных территориях на рубеже эпох древности и средневековья.

Финансирование. Анализ и интерпретация публикуемого комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л.* Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.
- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 140–148.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В.* Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. Вып. XXVI. С. 30–36.
- Горбунова Н.Г.* Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // Археологический сборник ГЭ. 2001. Вып. 35. С. 126–151.

² По числу зафиксированных экземпляров его превосходят только колчаные наборы из элитных погребений булан-кобинской культуры второй половины IV — первой половины V в. н.э., раскопанных в Центральном Алтае на памятнике Яломан-II.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в. н.э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература РАН, 1996. 396 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. Т. 2. 528 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д: Терра, 2000. С. 194–232.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 102–115.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1990. С. 161–179.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 70–85.

Панкова С.В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 11. С. 92–106.

Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 95–114.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3. С. 99–118.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1. С. 122–133.

Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 134–173.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. № 8 (20). С. 117–142.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган: (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. Культура и искусство народов Востока. Л.: Сов. художник, 1969. Т. X. С. 208–236.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. 214 с.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 132–137.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 521–527.

ИСТОЧНИКИ

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник: (Феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1987. 245 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Seregin N.N. *, Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S.

Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); tishkin210@mail.ru (Tishkin A.A.);
matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.); taty-parshikova@yandex.ru (Parshikova T.S.)

Burial of a warrior of the Rouran period from Northern Altai

The article introduces into scientific discourse cultural, chronological and social interpretation of the warrior burial, investigated during the excavations of the necropolis of the Bulan-Koby Culture of the Choburak-I funerary and ritual complex. The site is located on the right bank of the Katun River, to the south from the Elanda village of Chermal district, Altai Republic. During the research, a burial of a man with a horse and accompanying equipment, including a representative set of weapons (bow, a large number of arrows with iron tips, a sword, two combat knives), a belt decorated with numerous belt fittings, horse equipment, and other items were studied. A detailed description of the finds, including both widespread and very rare types of items, has been carried out. The indicated circle of analogies from the sites of the Bulan-Koby Culture of Altai, as well as complexes excavated in adjacent territories, allows us to determine the date of burial mound №30 to the 4th c. AD. This conclusion is confirmed by the results of radiocarbon dating of a series of objects from the Choburak-I necropolis. The complex of elements of ritual practice indicates that the burial mound belongs to the previously identified Dialyan burial tradition of the Altai population of the end of the 1st mil. BC — first half of the 1st mil. AD. This is suggested by the combination of the following features: an oval mound with a crepidoma, inhumation burial rite, northwest orientation of the deceased, accompanying of the deceased by a horse laid “at the feet” of the person and its orientation with its head in the same direction as the deceased, inner grave construction in the form of a deck. The composition of the grave goods allows us to conclude that the buried man was of a high social status, possibly a warrior who commanded a large unit of professional warriors, and also, possibly, the leader of a local group of pastoralists who left the Choburak-I necropolis. Some peculiar features of the analysed complex reflect the ideological paradigm of the Bulan-Koby population, such as placement into the grave of a broken (disassembled?) bow and a large number of arrows, covering the person's body at the time of the burial.

Keywords: Altai, Bulan-Koby Culture, Rouran period, warrior burial, chronology, interpretation.

Funding. The analysis and interpretation of the published complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037). Processing materials of the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

REFERENCES

Abdulganeev, M.T., Kungurov, A.L. (1996). Mounds of the Bystryan culture in the interfluvium of the Biya and Chumysh. In: *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia*. Barnaul: Altaiskii universitet, 143–155. (Rus.).

Belikova, O.B., Pletneva, L.M. (1983). *Sites of the Tomsk Ob region in the 5th–8th centuries AD*. Tomsk: Tomsk university. (Rus.).

Bokovenko, N.A., Zadneprovskii, Iu.A. (1992). Early nomads of East Kazakhstan. In: *Stepnaia polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 140–148. (Rus.).

* Corresponding author.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

- Chernikov, S.S. (1975). On the issue of chronological periods in the era of early nomads (based on archaeological materials of East Kazakhstan). In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 132–137. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2006). *Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2020). Accompanying animal burials at the Inya-1 burial ground in the Barnaul Ob region. In: *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia*, (XXVI). Barnaul: Altaiskii universitet, 30–36. (Rus.).
- Gorbunova, N.G. (2001). Pastoralists of Bactria, Sogd and Central Kyzylkum. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, (35), 126–151. (Rus.).
- Griaznov, M.P. (1956). *The history of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the Bolshaya Rechka village*. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (1986). *Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (2002). Armament items from the Ulug-Choltukh monument in Gorny Altai. In: *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii*. Barnaul: Altaiskii universitet, 79–87. (Rus.).
- Kozhombierdiev, I.K., Khudiakov, Iu.S. (1987). Armament complex of the Kenkol warrior. In: *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 75–106. (Rus.).
- Kubarev, V.D., Kireev, S.M., Cheremisin, D.V. (1990). Mounds of the Bike place. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni*. Novosibirsk: Nauka, 43–95. (Rus.).
- Kuz'min, N.Iu. (2011). *Funeral sites of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: The Tesin culture*. St. Petersburg: Aising. (Rus.).
- Levina, L.M. (1996). *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region in I millennium BC — I millennium AD*. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. (Rus.).
- Litvinskii, B.A. (2001). *Temple of Oks in Bactria (Southern Tajikistan): Bactrian weapons in the ancient Eastern and Greek context*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Malashev, V.Iu. (2000). Periodization of belt sets of the late Sarmatian time. In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*. Rostov-na-Donu: Terra, 194–232. (Rus.).
- Matrenin, S.S. (2017). *Equipment of nomads of Altai (II century BC — V century AD)*. Novosibirsk: SO RAN. (Rus.).
- Matrenin, S.S., Tishkin, A.A. (2007). The experience of identifying local-territorial groups of the population of Gorny Altai in the Xiongnu period (based on materials from funerary monuments). In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (3), 102–115. (Rus.).
- Molodin, V.I., Chikisheva, T.A. (1990). Burial of a warrior of IV–V centuries. AD in Baraba. In: *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: IIFIF SO AN SSSR, 161–179. (Rus.).
- Neverov, S.V., Mamadakov, Iu.T. (1991). Problems of typology and chronology of longline arrowheads in Southern Siberia. In: *Problemy khronologii v arkheologii i istorii*. Barnaul: Altaiskii universitet, 121–135. (Rus.).
- Nikolaev, N.N. (2000). Belt sets from the burial ground Kokel. In: *Mirovozzreniye. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura*. St. Petersburg: SPbGU, 70–85. (Rus.).
- Pankova, S.V. (2003). Burials of the middle of the 1st millennium AD in Western Tuva. In: *Drevnosti Altaia*, (11). Gorno-Altaysk: GAGU, 92–106. (Rus.).
- Samashev, Z.S. (1987). Monuments of the Kulazhurga type. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopeniia Shul'binskoi GES*. Alma-Ata: Nauka, 95–114. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *The funeral rite of the nomads of Altai in the II century BC — XI century AD*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on materials from archaeological complexes*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2020). New materials for the study of long-range weapons among the population of the northern Altai in the Rouran time. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (3), 99–118. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2022). Extraordinary burial of a teenager with military equipment from the Choburak-I necropolis of the Rouran period (Northern Altai). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 122–133. (Rus.).
- Shul'ga, P.I. (2003). Gilevo-10 burial ground as a monument of the end of the early Scythian time. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. IX. Ch. I*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 521–527. (Rus.).
- Simonenko, A.V. (2004). Chronology and periodization of the Sarmatian monuments of the Northern Black Sea region. In: *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii*. Krasnodar: Firma NSS, 134–173. (Rus.).
- Soenov, V.I. (2017). Narushennoe voinskoe pogrebeniye na mogil'nike Verkh-Uimon. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*, (8). Gorno-Altaysk: GAGU, 117–142. (Rus.).
- Solov'ev, A.I. (1987). *Military affairs of the indigenous population of Western Siberia: Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Sorokin, S.S. (1969). Big Berel Kurgan (Complete edition of materials from excavations in 1865 and 1959). In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka. T. X*. Leningrad: Sovetskii khudozhnik, 208–236. (Rus.).

Surazakov, A.S. (1988). *Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age: Problems of chronology and cultural delimitation*. Gorno-Altai: Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-va. (Rus.).

Teterin, Iu.V. (1995). Belt sets of the Hun-Sarmatian era of Gorny Altai. In: *Problemy okhrany, izucheniia i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Altaia*. Barnaul: Altaiskii universitet, 131–135. (Rus.).

Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Shmidt, A.V. (2018). *Altai in the Xianbei-Rouran time (based on the materials of the Stepushka monument)*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Trifanova, S.V., Soenov, V.I. (2019). *Ornaments of the Altai population of the Hun-Sarmatian period*. Gorno-Altai. (Rus.).

Tur, S.S., Matrenin, S.S., Soenov, V.I. (2018). Armed violence among the pastoralists of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian period. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 132–139. (Rus.).

Vadetskaia, E.B. (1999). *Tashtyk era in the ancient history of Siberia*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (Rus.).

Zasetskaia, I.P. (1994). *The culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (late 4th — 5th centuries AD)*. St. Petersburg: Ellips. (Rus.).

Серегин Николай Николаевич, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Тишкин Алексей Алексеевич, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Матренин Сергей Сергеевич, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Паршикова Татьяна Сергеевна, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

Сведения об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаулский юридический институт, г. Барнаул.

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель директора музея археологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

About the authors:

Seregin Nikolai N., Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Altai State University, Barnaul.

Tishkin Aleksey A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul.

Matrenin Sergey S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul Law Institute, Barnaul.

Parshikova Tatyana S., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Museum of Archeology, Altai State University, Barnaul.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Лящевская М.С.^{a, *}, Базарова В.Б.^a, Дорофеева Н.А.^b

^a ТИГ ДВО РАН, ул. Радио, 7, Владивосток, 690041

^b ИИАЭ ДВО РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690001

E-mail: lyshevskay@mail.ru (Лящевская М.С.); bazarova@tigidvo.ru (Базарова В.Б.);

dnaal@list.ru (Дорофеева Н.А.)

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ЧЕЛОВЕК В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ — СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ: ОБЗОР

Сделан обзор эволюции природной среды в позднем плейстоцене — голоцене в результате климатических изменений, дано описание археологических культур южного Приморья по хронологическим эпохам. Выявлена определенная синхронность основных палеогеографических событий с миграциями населения, появлением, развитием и исчезновением культур, изменением вектора хозяйственной деятельности в позднем палеолите — средневековье.

Ключевые слова: южное Приморье, изменения климата, археологические культуры, поздний плейстоцен — голоцен, миграции, культурные адаптации, хозяйственная деятельность, ресурсная база.

Введение

Исследования взаимодействия природной среды и древнего человека являются важным научным направлением в географии и археологии юга Дальнего Востока. Этой проблематике на территории Приморья посвящены обобщающие работы Я.В. Кузьмина [2005], по отдельным эпохам — работы А.М. Короткого [2009] и Ю.Е. Вострецова [2013]. Накопление новых геоархеологических данных вызывает необходимость обобщения исследований по обозначенной теме.

Цель работы — установить взаимосвязь изменения природно-климатических факторов с появлением, развитием и исчезновением археологических культур в южном Приморье от позднего палеолита до эпохи средневековья на основании анализа опубликованных данных, включающих авторские материалы и данные других исследователей. Задачи: провести обзор реконструкций развития природной среды позднего плейстоцена — голоцена южного Приморья по палеогеографическим материалам; обобщить материалы по археологическим культурам (хронологические рамки существования, характеристика, особенности адаптационных стратегий); рассмотреть климатические изменения через призму их влияния на ресурсную базу населения; выявить особенности адаптивных реакций человеческого сообщества на климатические изменения.

Район исследования

В качестве района исследования выбрана территория южного Приморья от 42°18' с.ш. до 45°30' с.ш. Основными горными областями являются Южный Сихотэ-Алинь и Восточно-Маньчжурские горы, которые разделяет Западно-Приморская равнина с оз. Ханка (рис. 1, А). Климат края муссонный, в материковой части более континентальный. Средняя годовая температура до +7 °С на южном побережье. Общее годовое количество осадков — 600–900 мм. До 75 % территории края занимают кедрово-широколиственные, елово-пихтовые леса, лиственничники, березняки. Лесостепной комплекс выражен в бассейне оз. Ханка. Животный мир представлен охотничье-промысловыми (лось, изюбр, косуля, кабан, кабарга и др.) и редкими (амурский тигр, леопард, красный волк, уссурийский пятнистый олень и др.) видами. В прибрежных водах Японского моря обитает около 700 видов животных и великое множество водорослей и трав [Ганзей, 2008].

Материалы и методы

Для восстановления особенностей природной среды позднего плейстоцена — голоцена было проанализировано 33 опорных разреза отложений разного генезиса (морские, озерные, аллювиальные, торфяные), 6 из которых изучены авторами (рис. 1, Б). Отложения исследованы палинологическим, диатомовым и радиоуглеродным методами. Местоположение разрезов и

* Corresponding author.

радиоуглеродные определения приведены в табл. Палеоклиматическая реконструкция выполнена по методике В.П. Гричука [1985], кривая колебания уровня Японского моря построена по микропалеонтологическим и радиоуглеродным данным Н.Н. Кузьминой с соавт. [1987], А.М. Короткого [1994] и Л.Б. Хершберга с соавт. [2013] (рис. 2).

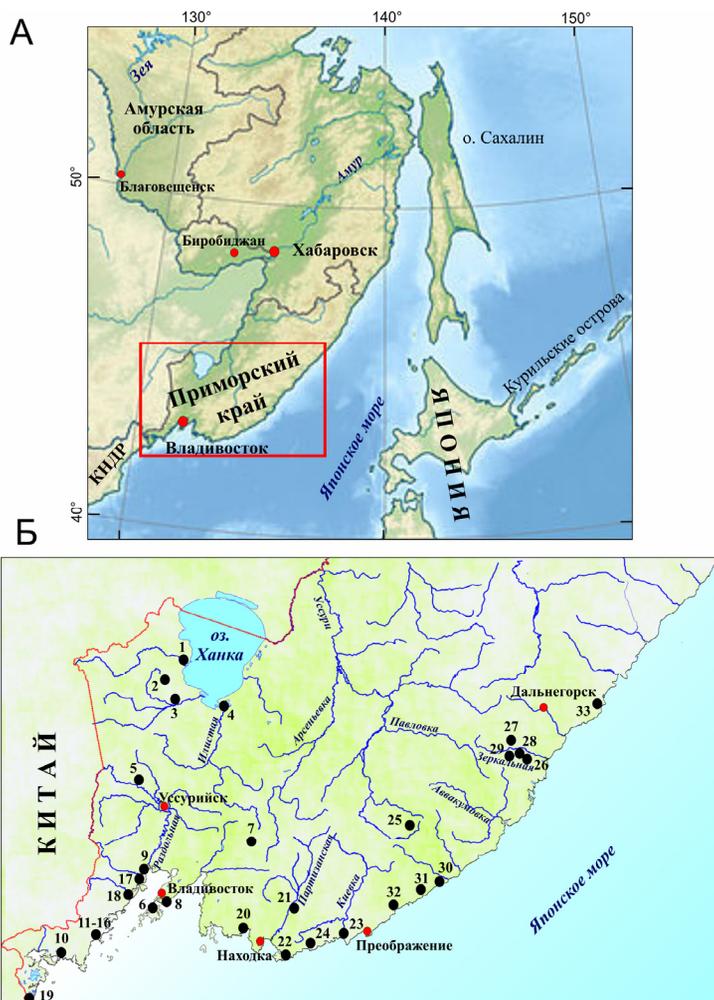

Рис. 1. Карта-схема района исследования:

А — обзорная; Б — местоположение изученных разрезов (номера соответствуют описанию разрезов в табл.).

Fig. 1. Map of the study area:

А — overview map; Б — location of the studied sections (numbers correspond to the description of the sections in table).

Для систематизации археологических культур южного Приморья проанализированы опубликованные данные по памятникам: 14 палеолитическим и 33 неолитическим (рис. 3, А), 30 — эпохи палеометалла и 15 — средневековья (рис. 3, Б), которые были исследованы по археологическим методикам [Холюшкин и др., 2013] с использованием методов естественных наук (палеозоологический, палинологический, палеокарпологический и радиоуглеродный). Периодизация и хронология археологических культур (рис. 2) даны на основании известных исследований в авторском варианте.

Результаты и обсуждение

На основании анализа опубликованных данных, как авторских, так и других исследователей, проведено сопоставление изменений природной среды с культурными событиями в регионе (рис. 2).

Поздний палеолит (16 000–8000 ¹⁴С л.н./19 600–8800 кал. л.н.)

Начавшееся около 21 000 ¹⁴С л.н./24 000 кал. л.н. позднеплейстоценовое похолодание привело к перестройке ландшафтно-растительных зон на территории бассейна Японского моря. Ареалы наиболее теплолюбивых видов флоры переходили в рефугиумы или постепенно исче-

зали, широко распространялись холодолюбивые виды, более приспособленные к экстремальным условиям. На территории Приморья были развиты перигляциальные степи и лесостепи (17 400 ± 125 ¹⁴С л.н.) [Korotkii, 2002]. На восточном побережье Приморья растительность была представлена редкостойными березово-лиственничными лесами с подлеском из кустарниковых берез и ольховника [Короткий и др., 1997]. Современный аналог такой растительности расположен в Северном Приохотье на 55–56° с.ш. Смещение широтных зон к югу было почти на 10°, что предполагает снижение среднегодовых температур не менее чем на 8–9 °С и количества осадков на 100 мм и более [Короткий и др., 1988].

Уровень Японского моря во время максимума последнего оледенения был на 110–130 м ниже современного [Хершберг и др., 2013], увеличивалась его ледовитость. В пределах Ханкайской равнины этот этап сопровождался мощной озерной трансгрессией. Уровень оз. Ханка превышал современный на 1,5–2,0 м. В устьях рек образовывались обширные низинные болота [Короткий и др., 1997].

Из континентальных районов Сибири проникает мамонтовая териофауна. Животный мир был представлен шерстистыми мамонтами, бизонами, лошадьми, лосями, кабанами, северным и благородным оленями, бурым и гималайским медведями, волками. В то же время существовали и региональные особенности — присутствие восточноазиатских видов (тигр, мелкий олень) [Шереметьев, Панасенко, 2013].

Интенсивное потепление в начале голоцена вызвало мощную послеледниковую трансгрессию моря. Уровень Японского моря поднялся и составлял до -48...-49 м по отношению к современному (около 9600 ¹⁴С л.н./10 900 кал. л.н.) [Кузьмина и др., 1987]. В период 9300–8500 ¹⁴С л.н./10 500–9500 кал. л.н. начинается среднебореальное потепление [Хотинский, 1977], когда температурные показатели превосходили современные [Кузьмина и др., 1987]. В лесах увеличивается видовой состав и количество широколиственных пород, в горном обрамлении появляется кедр корейский. В юго-восточном Приморье широкое распространение получили березово-львовые леса. На границе бореального и атлантического периодов отмечается значительное похолодание (8200–7900 ¹⁴С л.н./9100–8700 кал. л.н.) [Короткий и др., 1997]. Во время потепления в начале среднего голоцена (8020 ± 280 ¹⁴С л.н.) в лесах вновь в большом количестве распространились широколиственные породы (дуб, орех маньчжурский, липа, граб) [Korotkii, 2002].

Вопрос о времени появления человека и направлении его миграции на территорию края до сих пор остается спорным. По-видимому, люди заселили эту территорию в конце плейстоцена, мигрируя вслед за стадами животных. Подтверждением этому служат находки дефлированных артефактов на позднепалеолитических памятниках в долинах рек Зеркальной, Иистой, Сергеевки [Дорофеева, 2013]. На сегодняшний день наиболее древними позднепалеолитическими памятниками региона являются комплексы устиновской традиции (15 900–7800 ¹⁴С л.н./19 500–8600 кал. л.н.) [Крупяно, Табарев, 2015]. Наиболее ранние из них найдены в долине р. Зеркальной. Известно более 30 памятников, относящихся к устиновской традиции (рис. 3, А). Для каменной индустрии характерно сочетание макро- и микрорасщепления (подпризматические и микропластинчатые ядрища), а также характерный орудийный набор, указывающий на охотничью направленность хозяйствования [Андреева, 1994]. Концентрация памятников на относительно небольшой территории связана с выходами сырья для изготовления каменных орудий.

Комплексы с подобным морфологическим набором артефактов (бифасы, резцы и рубящие орудия) обнаружены в Приамурье (памятники бассейна р. Селемджи) и на юге Сахалина (стоянка Огоньки-5). Указанные стоянки имеют более древний возраст (19 000–18 000 ¹⁴С л.н./23 000–22 000 кал. л.н.), чем известные приморские материалы, и теоретически эти территории могли быть отправной точкой миграций древнего населения в Приморье [Гладышев, 2019].

На основании серии дат и особенностей каменного инвентаря выделено несколько этапов эволюции устиновской индустрии: ранний (16 000–12 000 ¹⁴С л.н./19 600–14100 кал. л.н.), пластинчатый и микропластинчатый, наиболее полно представлен на всех памятниках долины р. Зеркальной; средний (12 000–10 500 ¹⁴С л.н./14 100–12 000 кал. л.н.) связан с доминированием микропластинчатого комплекса и появлением ряда новых типов артефактов (тонкоретушированные наконечники) и импортного сырья (обсидиана); поздний (10 500–7800 ¹⁴С л.н./12 000–9000 кал. л.н.) — с расширением ареала расселения, широким распространением мелких бифасов, появлением керамики [Крупяно, Табарев, 2015].

На раннем этапе устиновской культурной традиции климатические условия оставались суровыми, в долине р. Зеркальной преобладали березово-лещинные леса (15 105 ± 100 ¹⁴С л.н.)

[Короткий, 2009; Кузьмин, 1998]. На среднем этапе во время потепления аллеред в составе лесной растительности появились широколиственные породы ($11\ 550 \pm 240$ ^{14}C л.н./ $11\ 500 \pm 130$ ^{14}C л.н.) [Короткий, 2009]. Поздний этап традиции пришелся на потепление в начале голоцена, что привело к изменению ресурсной базы и адаптационных стратегий древнего населения. Для археологических комплексов устиновской традиции в восточной части края в этот период отмечено расширение оружейного набора и появление небольших по размерам бифасов (наконечников метательного оружия), что свидетельствует об изменении направленности охотничьего промысла. Увеличение набора артефактов позволяет говорить об использовании широкого спектра природных ресурсов: охота на сухопутных животных, речное и прибрежное рыболовство, сбор моллюсков и дикоросов. Косвенным подтверждением увеличения роли рыболовства являются находки каменных фигурок рыб на стоянках Устиновка-1, Устиновка-3, Суворово-4, Горбатка-3 [Крупяно, Табарев, 2015]. Появляются долговременные стоянки с наземными и углубленными жилищами (Устиновка-4, Устиновка-3) (рис. 3, А) и керамическая посуда для приготовления и приема пищи, хранения запасов. Хронологический интервал ее появления — $10\ 500\text{--}9500$ ^{14}C л.н./ $12\ 000\text{--}10\ 800$ кал. л.н. [Кононенко, 2001].

Угасание устиновской культуры совпадает с кратковременным значительным похолоданием на границе бореального и атлантического периодов голоцена.

Неолит (7800–3500 ^{14}C л.н./8600–3800 кал. л.н.)

Климат в атлантический период ($8000\text{--}4600$ ^{14}C л.н./ $8800\text{--}5300$ кал. л.н.) был наиболее теплым и влажным в голоцене. Среднегодовые температуры воздуха были на $2\text{--}5$ $^{\circ}\text{C}$ выше современных. Количество атмосферных осадков составляло $1000\text{--}1200$ мм [Короткий, Вострецов, 2002]. Среднегодовые температуры водной массы Японского моря также были выше на $3\text{--}6$ $^{\circ}\text{C}$ [Короткий и др., 1997]. Уровень моря достиг максимума подъема около 6000 ^{14}C л.н./ 6700 кал. л.н., превысив современный на $2\text{--}3$ м. Проникновение морских вод вглубь суши происходило на $1\text{--}1,5$ км, образовывались многочисленные теплые мелководные заливы и лагуны с устричными рифами. Береговая линия была очень изрезанной и обеспечивала большое разнообразие морских и прибрежных ландшафтов [Короткий, Вострецов, 2002]. После 6000 ^{14}C л.н./ 6700 кал. л.н. начался постепенный спад уровня моря.

В южном Приморье в начале атлантика (7550 ± 40 ^{14}C л.н.) при прогрессирующем потеплении на прибрежных низменностях исчезли заросли ольховника и сфагновые болота [Белянин и др., 2019]. В середине атлантика (6195 ± 60 ^{14}C л.н. / 5860 ± 65 ^{14}C л.н.) лесистость стала выше современной, преобладали дубовые леса с большим участием граба, ореха и ильма, в горах — кедрово-широколиственные леса [Микишин и др., 2008]. В обрамлении бух. Бойсмана растительность была представлена грабово-дубовыми лесами [Верховская, Кундышев, 1993]. На Приханкайской низменности (7920 ± 135 ^{14}C л.н. / 5690 ± 120 ^{14}C л.н.) были развиты хвойно-широколиственные леса с большим участием, чем в настоящее время, широколиственных пород [Bazarova et al., 2018a].

В начале суббореала ($4600\text{--}4200$ ^{14}C л.н./ $5300\text{--}4700$ кал. л.н.) среднегодовая температура стала ниже современной на $1,5\text{--}2$ $^{\circ}\text{C}$ [Короткий, 1994]. Уровень Японского моря понизился на $2\text{--}4$ м, уровень оз. Ханка повысился [Korotkii et al., 2007]. В южном Приморье распространились дубняки и ольховники [Микишин и др., 2008; Razjigaeva et al., 2019]. На Приханкайской низменности сократились площади лесов, значительно уменьшилось участие широколиственных пород (4710 ± 100 ^{14}C л.н.) [Bazarova et al., 2018a]. На побережье бух. Бойсмана растительность была представлена березовыми лесами и зарослями ольховника (4560 ± 35 ^{14}C л.н.) [Микишин и др., 2008]. На приморских равнинах появилась кустарниковая березка, развились сфагновые болота (4890 ± 40 ^{14}C л.н.) [Белянин и др., 2019]. В верховьях р. Уссури граница пояса кедрово-пихтово-еловых лесов была ниже современной [Razjigaeva et al., 2018].

Во время суббореального максимума ($4200\text{--}3400$ ^{14}C л.н./ $4700\text{--}3700$ кал. л.н.) климат был теплее, чем в настоящее время, уровень моря — выше современного на $1,5$ м [Короткий и др., 1997]. На п-ве Муравьева-Амурского в составе лесной растительности увеличилось участие термофильных элементов. Ограниченные площади занимали чернопихтово-широколиственные леса [Razjigaeva et al., 2019]. На побережье бух. Бойсмана распространились дубовые леса с участием граба, в Восточно-Маньчжурских горах — кедрово-широколиственные леса (3715 ± 60 ^{14}C л.н. / 3425 ± 35 ^{14}C л.н.) [Микишин и др., 2008]. В юго-восточной Приморье в обрамлении бух. Кит были распространены кедрово-широколиственные леса. В среднегорье расширились площади елово-пихтовых лесов (3810 ± 190 ^{14}C л.н.) [Razjigaeva et al., 2018].

Природная среда и человек в позднем палеолите — средневековье в южном Приморье: обзор

Радиоуглеродное определение изученных разрезов отложений южного Приморья

Radiocarbon dates from the sections of the sediments of the southern Primorye

Место расположения	№ на рис.1	Датируемый материал	Глубина отбора, см	Лабораторный номер	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение, л.н.**	Литература
Пойма р. Комиссаровки	1 *	Почва	36–38	SOAN-9018	1135 ± 45	1178–955	Bazarova et al., 2018a
Новоселищенское городище	2 *	Почва	34	IMCES-14C1575	1535 ± 90	1686–1291	Гискарева и др., 2019a
			44	IMCES-14C1570	1556 ± 95	1692–1295	
Пойма р. Мельгуновки	3 *	почва	41–42	SOAN-9008	2190 ± 55	2336–2009	Bazarova et al., 2018b
			56–58	SOAN-9009	3830 ± 120	4570–3885	
			63–65	SOAN-9010	4710 ± 100	5654–5055	
			70–72	SOAN-9011	5690 ± 120	6780–6280	
			98–100	SOAN-9012	7920 ± 135	9124–8421	
			148–152	SOAN-5527	1525 ± 45	1521–1312	
Озеро Ханка, береговой бар	4	Почва	125–130	LU-8855	5150 ± 140	6267–5601	Микишин и др., 2007
Пойма р. Раздольной	5	Почва	90–95	LU-8854	2110 ± 80	2319–1889	Разжигаяева и др., 2020
Северное побережье острова Русский, лагунная терраса	6	Гиттия	240–245	SOAN-7675	5355 ± 85	6296–5937	Микишин, Гвоздева, 2014
			220–225	SOAN-7674	5105 ± 75	5999–5608	
		Торф	200–205	SOAN-7673	4750 ± 80	5600–5314	
			112–117	SOAN-7669	2605 ± 65	2859–2490	
			97–102	SOAN-7668	2040 ± 65	2292–1825	
Шкотовское плато, южная часть Сихотэ-Алиня	7	Торф	100–110	LU-7355	3770 ± 140	4527–3723	Razjigaeva et al., 2017
			85–95	LU-7354	3540 ± 110	4149–3496	
			75–80	LU-7353	2220 ± 90	2430–1946	
			45–50	LU-7352	1510 ± 80	1546–1286	
Озеро Черепашье, бухта Муравинная	8 *	Раковины моллюсков	215–220	D-AMS-16826	5550 ± 21	6395–6296	Razjigaeva et al., 2019
			115–120	LU-8026	1610 ± 80	1699–1319	
		Торф	95–100	LU-8025	2010 ± 90	2296–1719	
			70–75	LU-8023	1080 ± 90	1244–788	
			45–50	LU-8024	820 ± 80	917–652	
Озеро Утиное, лагунная терраса в приустьевой части долины р. Раздольная	9	Древесный уголь	468–471	CAMS-73295	5000 ± 80	5905–5595	Белянин и др., 2019
			345–347	CAMS-76800	3920 ± 40	4515–4188	
		Растительный детрит	221–223	CAMS-76799	2510 ± 60	2744–2369	
			163–166	CAMS-73291	17160 ± 40	20856–20558	
Озеро Карасье, морская терраса, озерные отложения	10	Семена	137–140	CAMS-73290	7550 ± 40	8420–8210	
			121–130	CAMS-74347	5780 ± 40	6672–6454	
			103–104	CAMS-71814	5050 ± 40	5907–5662	
			74–77	CAMS-74346	4890 ± 40	5722–5489	
			43–45	CAMS-74344	3870 ± 40	4414–4155	
Терраса в устье р. Рязановки, правый берег	11	Торф	80	SOAN-285	1310 ± 20	1292–1176	Микишин и др., 2008
Терраса на правом берегу р. Рязановки	Торф	135–139	SOAN-3937	4225 ± 50	4865–4581		
		100–115	SOAN-5054	3715 ± 60	4240–3891		
	13	Древесина	220	SOAN-4995	4560 ± 35	5439–5051	
			151–154	SOAN-4999	3425 ± 35	3825–3571	
Русло р. Рязановки, у правого берега	14	Раковины моллюсков	0–30	AA-36904	5080 ± 40	5918–5730	
Терраса в устье р. Рязановки, правый берег	15	Древесина	210	SOAN-286	2595 ± 120	2754–2723	
Озеро Птичьё, морская терраса	16	Орех	315–320	AA-32675	6195 ± 60	7255–6945	
			305–310	AA-36383	6170 ± 40	7166–6946	
			295–300	AA-32673	5860 ± 65	6845–6495	
			65–80	SOAN-3943	2510 ± 45	2743–2427	
			65–80	SOAN-3943	2510 ± 45	2743–2427	
Река Амба, нижнее течение, Юго-Западное Приморье, обнажение 596	17	Растительный детрит	420–430	Ki-1056	5100 ± 110	6176–5596	Korotkii, 2002
Пойма р. Барабашевки, нижнее течение, обнажение 594, Юго-Западное Приморье	18	Древесина	340–350	MGU-229	7360 ± 180	8537–7840	
Терраса р. Туманной, скважина 25, Юго-Западное Приморье	19	Раковины моллюсков	2700–2720	Ki-2510	8100 ± 90	9398–8645	
Залив Восток, п-ов Трудный, обнажение Тихангоу (Козина — 1846)	20	Торф	50–55	SOAN-136	575 ± 75	669–503	
			120–125	TIG-DVGLU-51	4195 ± 50	4850–4577	
Терраса р. Партизанской, среднее течение	21	Древесина	330–340	Ki-2917	17400 ± 125	21403–20670	
Бухта Спокойная, шельф зал. Петра Великого, скважина 510	22	Раковины моллюсков	230–240	SOAN-288	11500 ± 130	13601–13119	
			190–210	Ki-1050	8700 ± 320	10655–8995	
Мыс Разградского, шельф залива Петра Великого, скважина 515	23	Раковины моллюсков	290–300	MGU-63	8020 ± 280	9544–8327	
			160–180	Ki-1456	8700 ± 60	9893–9541	
Остров Скала Большой Крейсер, бухта Триозерье	24 *	Почва	50–60	LU-7526	2480 ± 120	2846–2183	Лящевская и др., 2017
Урочище Мута, водораздел рек Уссури и Низменка, Южный Сихотэ-Алинь	25	Торф	75–80	LU-7712	3200 ± 80	3619–3214	Разжигаяева и др., 2018
			45–50	LU-7711	1070 ± 100	1247–745	
Археологическая стоянка Суворово-4	26	Уголь	25–30	AA-9463	15105 ± 100	18660–18232	Кузьмин, 1998
Археологическая стоянка Устиновка-7, терраса р. Зеркальной	27	Почва	нет данных	MAG-1537	11461 ± 187	13767–13004	Короткий, 2009
Археологическая стоянка Устиновка-6, р. Зеркальная	28	Уголь	70–75	GEO-1412	11550 ± 240	14218 – 13116	
Терраса ниже пос. Зеркальный	29	Почва	нет данных	SOAN-288	11500 ± 130	13601–13119	
Бухта Неприметная, обнажение Овражный-2, Юго-Восточное Приморье	30	Древесина	95–105	Ki-1966	2220 ± 60	2347–2058	Korotkii, 2002
Река Черная, левый берег, нижнее течение, Юго-Восточное Приморье	31	Торф	50–55	MGU-323	2880 ± 200	3557–2495	
Бухта Кит, береговая низменность	32	Древесина	30–35	TIG-43	1880 ± 60	1940–1625	Razjigaeva et al., 2018
			137–142	LU-7067	4990 ± 60	5895–5598	
		Торфянистый алевит	107–112	LU-7066	4550 ± 70	5461–4972	
			73–75	LU-7338	3810 ± 190	4815–3700	
Торф	39–40	LU-7065	2290 ± 80	2693–2057			
	55–57	LU-7333	1820 ± 80	1922–1540			
Залив Опричник, приустьевая зона р. Опричинки	33*	Торф	40–45	LU-6958	1610 ± 90	1701–1315	Лящевская, 2013
			25–28	LU-6889	860 ± 50	906–680	
			20–23	LU-6894	610 ± 60	667–529	
			20–23	LU-6894	610 ± 60	667–529	

Примечание: * — разрезы, изученные авторами; ** — калибровка дат произведена по базе OxCal (версия 4.4) [Bronk Ramsey, 1995] и калибровочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020] с использованием доверительного интервала 95,4 %.

В среднем голоцене появляются и получают развитие неолитические культуры региона. Руднинская является наиболее ранней (7700–6200 ¹⁴C л.н./8500–6900 кал. л.н.) [Батаршев,

2009]. По особенностям керамической посуды и каменного инвентаря выделено два этапа культуры — ранний (руднинский) и поздний (сергеевский) [Батаршев и др., 2010]. Для комплексов раннего этапа (Рудная пристань, Лузанова Сопка-2) (рис. 3, А) характерно наличие орудий охоты и собирательства, а расположение памятников возле оз. Ханка и около морского побережья позволяет предположить большую роль рыболовства.

В оптимум голоцена произошло дальнейшее расширение ресурсной базы, что привело к увеличению ареала руднинской культуры на позднем этапе (6800–6200 ¹⁴С л.н./7500–6900 кал. л.н.): Сергеевка-1, Дворянка-1, ЛЗП-3-6, Лузанова Сопка-5, Новотроицкое-2, Осиновка, Катериновка-1, Петровицы, Синий Гай-4, Сиротинка, Черниговка-1, Шекляево-7, Бойсмана-2, Устиновка-8, Чертовы ворота (рис. 3, А). Обитатели поселений жили в полуподземных жилищах, имели развитые гончарные традиции и широкий набор каменного инвентаря [Батаршев, 2009], свидетельствующий о многокомпонентном типе хозяйствования, основой которого были охота на наземных животных и собирательство.

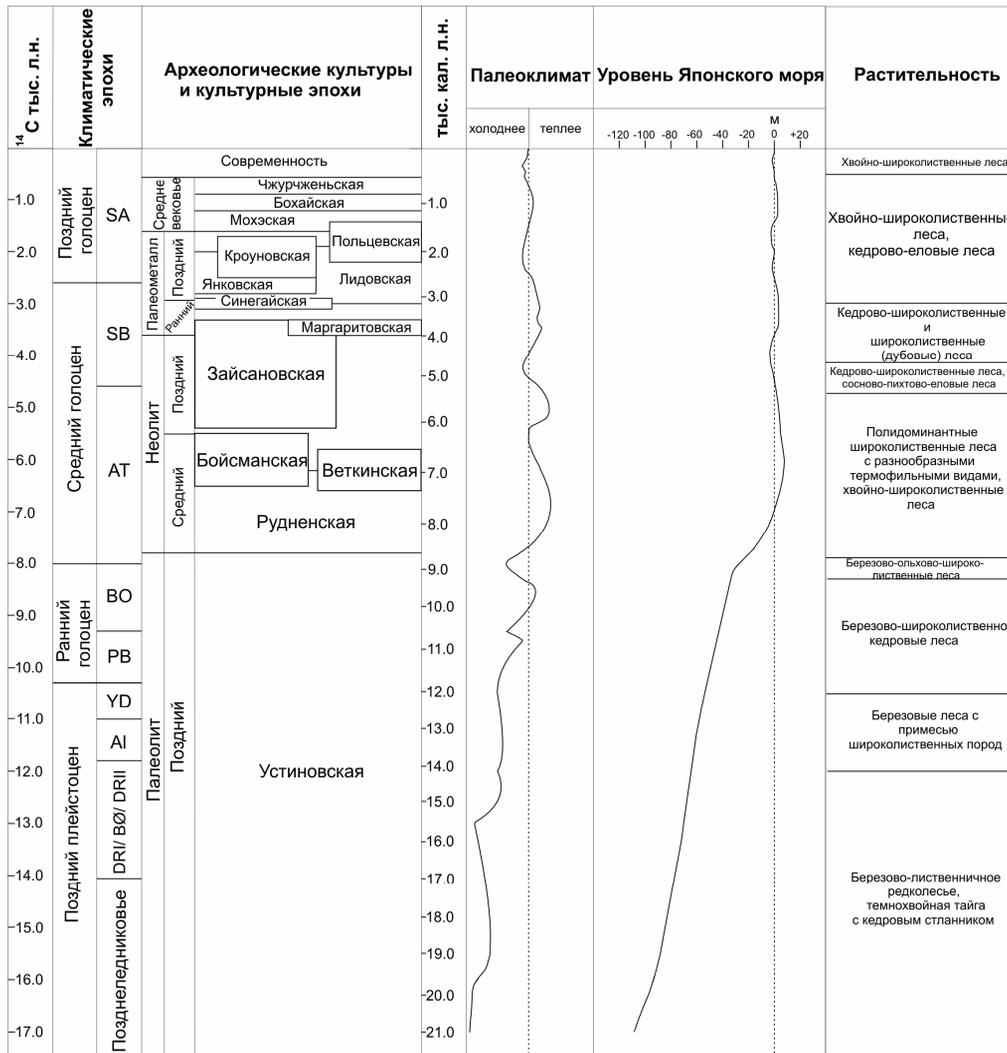

Рис. 2. Изменения природной среды (развитие растительности, колебания уровня Японского моря, климатические флуктуации) и хронология археологических культур Приморья от палеолита до средневековья: DR — дриас, BØ — беллинг, AI — аллеред, YD — поздний дриас, PB — пребореал, BO — бореал, AT — атлантик, SB — суббореал, SA — субатлантик. Палеоклиматическая кривая построена по методике В.П. Гричука [1985]; кривая колебания уровня Японского моря — по Н.Н. Кузьминой с соавт. [1987], А.М. Короткому [1994] и Л.Б. Хершбергу с соавт. [2013].

Fig. 2. Environmental changes (development of vegetation, fluctuations of Sea of Japan level, climate change) and the chronology of the archaeological cultures of Primorye from the Palaeolithic to Middle Ages: DR — Drias, BØ — Bølling, AI — Allerød, YD — Younger Dryas, PB — Preboreal, BO — Boreal, AT — Atlantic, SB — Subboreal, SA — Subatlantic.

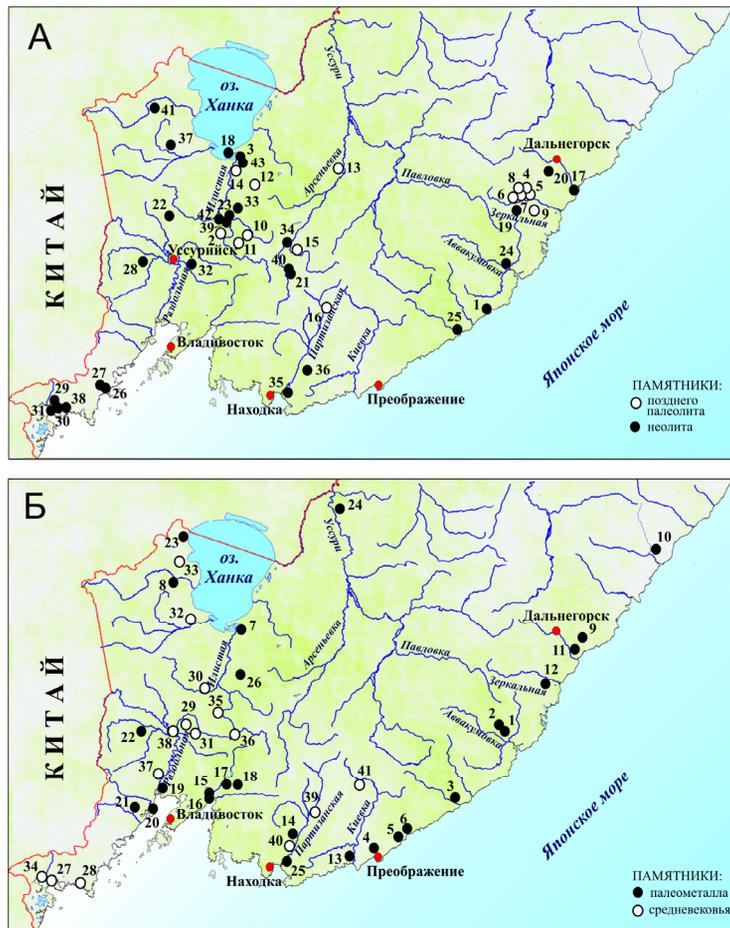

Рис. 3. Схема расположения археологических памятников в южной части Приморья:

- А — позднего палеолита и неолита: 1 — Евстафий-4; 2 — Осиновка; 3 — Синий Гай-4; 4 — Устиновка-1; 5 — Устиновка-3; 6 — Устиновка-4; 7 — Устиновка-6; 8 — Устиновка-7; 9 — Суворово-4; 10 — Илистая-1; 11 — Горбатка-3; 12 — Горный Хутор-11; 13 — Рисовое-1, 4; 14 — Черниговка-1; 15 — Нововарваровка; 16 — Монакино-3; 17 — Рудная Пристань; 18 — Лузанова Сопка-2, 5; 19 — Устиновка-8; 20 — Чертовы Ворота; 21 — Шекляево-7, Новотроицкое-2; 22 — Сергеевка-1; 23 — Катериновка-1; 24 — Ветка-2; 25 — Моряк-Рыболов; 26 — Бойсмана-2; 27 — Бойсмана-1; 28 — Кроуновка-1; 29 — Гвоздево-4; 30 — Зайсановка-1; 31 — Посьет-1; 32 — Боголюбовка-1; 33 — Реттиховка-Геологическая; 34 — Анучино-29; 35 — Сопка Большая; 36 — Водопадное-7; 37 — Новоселище-4; 38 — Зайсановка-7; 39 — Мустанг-1; 40 — ЛЗП-3-6; 41 — Дворянка-1; 42 — Петровици; 43 — Сиротинка.
- Б — палеометалла и средневековья: 1 — Ольга-10; 2 — Синие Скалы; 3 — Моряк-Рыболов; 4 — Преображение-1; 5 — Заря-3; 6 — Глазковка-2; 7 — Синий Гай; 8 — Падь Харинская; 9 — Лидовка-1; 10 — Благодатное-3; 11 — Монастырка-2; 12 — Суворово-6; 13 — Киевка; 14 — Березовая-2; 15 — Олений-1-3, Кировский; 16 — Черепаха-6, 7, 13; 17 — Малая Подушечка; 18 — Солонцовая-2; 19 — Чапаево; 20 — Песчаный-1; 21 — Барабаш-3; 22 — Кроуновка-1; 23 — Падь Семипятная; 24 — Глазковка-городище; 25 — Сопка Булочка; 26 — Реттиховка-геологическая; 27 — Посьет-грот; 28 — Троица-5; 29 — Михайловка-2; 30 — Абрамовка-3; 31 — Раковка-10; 32 — Новоселищенское городище; 33 — Куркуниха; 34 — Краскинское городище; 35 — городище Горбатка; 36 — городище Николаевское-1; 37 — Ананьевское городище; 38 — Красноярское городище; 39 — Шайгинское городище; 40 — Екатеринбургское городище; 41 — Лазовское городище.

Fig. 3. Location of the archaeological sites in the southern part of Primorye:

- A — Late Palaeolithic and Neolithic sites: 1 — Evstafiy-4; 2 — Osinovka; 3 — Sinii Gai-4; 4 — Ustinovka-1; 5 — Ustinovka-3; 6 — Ustinovka-4; 7 — Ustinovka-6; 8 — Ustinovka-7; 9 — Suvorovo-4; 10 — Ilistaya-1; 11 — Gorbatka-3; 12 — Gomy Khutor-11; 13 — Risovoe-1, 4; 14 — Chernigovka-1; 15 — Novovarvarovka; 16 — Monakino-3; 17 — Rudnaya Pristan; 18 — Luzanova Sopka-2, 5; 19 — Ustinovka-8; 20 — Chertovy Vorota; 21 — Sheklyaevo-7; 22 — Novotroitskoe-2; 23 — Sergeevka-1; 24 — Katerinovka-1; 25 — Moryak-Rybolov; 26 — Boismana-2; 27 — Boismana-1; 28 — Krounovka-1; 29 — Gvozdevo-4; 30 — Zaisanovka-1; 31 — Posyet-1; 32 — Bogolyubovka-1; 33 — Rettikhovka-Geologicheskaya; 34 — Anuchino-29; 35 — Sopka Bolshaya; 36 — Vodopadnoe-7; 37 — Novoselyshche-4; 38 — Zaisanovka-7; 39 — Mustang-1; 40 — LZP-3-6; 41 — Dvoryanka-1; 42 — Petrovichi; 43 — Sirotinka.
- B — Palaeometal and Middle Ages sites: 1 — Olga-10; 2 — Sinie skaly; 3 — Moryak-Rybolov; 4 — Preobrazhenie-1; 5 — Zarya-3; 6 — Glazovka-2; 7 — Sinii Gai; 8 — Pad Kharinskaya; 9 — Lidovka-1; 10 — Blagodatnoe-3; 11 — Monastyrka-2; 12 — Suvorovo-6; 13 — Kievka; 14 — Berzovaya-2; 15 — Oleniy-1-3, Kirovsky; 16 — Cherepakha-6, 7, 13; 17 — Malaya Podushechka; 18 — Solontsovaya-2; 19 — Chapaev; 20 — Peschany-1; 21 — Barabash-3; 22 — Krounovka-1; 23 — Pad Semipyatnaya; 24 — Glazovka-gorodishche; 25 — Sopka Bulochka; 26 — Rettikhovka-geologicheskaya; 27 — Posiet-grot; 28 — Troitsa-5; 29 — Troitsa-5; 30 — Abramovka-3; 31 — Rakovka-10; 32 — Novoselyshchenskoye site; 33 — Kurkunikha; 34 — Kraskinskoye site; 35 — Gorodishche Gorbarka; 36 — Nikolaevskoe-1 site; 37 — Ananievskoye site; 38 — Krasnoyarskoye site; 39 — Shaiginskoye site; 40 — Ekaterinovskoye site; 41 — Lazovskoye site.

В это же время в южном Приморье появляются веткинская и бойсманская культуры. Памятники веткинской культуры (6600–5800 ¹⁴С л.н./7400–6500 кал. л.н.) расположены на восточном побережье (Ветка-2, Моряк-Рыболов, Устиновка-8), в западной и южной частях края (Лузана Сопка-2, Шекляево-7) (рис. 3, А) [Батаршев и др., 2017]. Для культуры характерна пластинчатая техника расщепления и орудия на пластинах, а также плоскодонные сосуды простой баночной формы с наlepным и штамповым орнаментом. Эти особенности находят прямые аналогии в новопетровской культуре (Среднее Приамурье) и в культуре ананси (Северо-Восточный Китай) [Батаршев и др., 2017]. Поселения и стоянки располагаются вблизи крупных водоемов (реки, озера). Основными занятиями была охота, рыболовство и собирательство [Батаршев и др., 2017].

Ареал бойсманской культуры (6500–5500 ¹⁴С л.н./7300–6200 кал. л.н.) охватывал все южное побережье Японского моря — от бухты Раджин (Северная Корея) до Славянского залива. Большинство стоянок приурочено к берегам лагун, существовавших во время атлантической трансгрессии [Беседнов, Вострецов, 1997]. Памятники Бойсмана-1 и Бойсмана-2 расположены в одноименной бухте, в 500 м от современного берега (рис. 3, А) [Попов и др., 1997]. Расположение стоянок и особенности инвентарного набора свидетельствуют о доминировании в хозяйственном укладе рыболовства, морского зверобойного промысла и морского собирательства. Обитатели стоянок вылавливали минимум 15 видов рыб [Вострецов, 1998]. На пяти памятниках были найдены раковинные кучи, содержавшие 26 видов брюхоногих и 21 вид двустворчатых моллюсков [Раков, 2014]. Важную роль играла охота на наземных животных и птиц [Алексеева и др., 1999].

Регрессия моря, начавшаяся после 6000 ¹⁴С л.н./6700 кал. л.н., привела к деградации лагун, сокращению ресурсной базы бойсманцев и к исчезновению культуры.

Во время небольшого похолодания и иссушения климата (5600–5400 ¹⁴С л.н./6300–6100 кал. л.н.) из Восточной Маньчжурии на территорию края мигрировали носители зайсановской традиции с новой системой хозяйствования — земледелием [Вострецов, 2005]. Главный объединяющий признак зайсановской традиции — присутствие на всех памятниках региона сосудов простой формы с орнаментом в виде зигзага. В развитии зайсановской культуры выделяется три хронологических этапа. Ранний этап (5500–4300 ¹⁴С л.н./6200–4800 кал. л.н.) объединяет памятники с веревочной орнаментацией керамики (Кроуновка-1, Посыет-1, Бойсмана-2) [Морева и др., 2002].

Ухудшение климата в начале суббореала привело к изменению ареала расселения зайсановцев и, частично, к изменению типа хозяйствования на среднем этапе зайсановской культуры (4300–4000 ¹⁴С л.н./4800–4500 кал. л.н.). К этому этапу относится хасанская группа (верхний зайсановский горизонт Бойсмана-2, Зайсановка-1, Гвоздево-4, Зайсановка-7) (рис. 3, А). Поселения среднего этапа локализуются на побережье залива Петра Великого [Крутых, 2012]. Выход на морское побережье способствовал формированию у зайсановцев совершенно новой формы адаптации — рыболовства и морского собирательства. Так, на памятнике Зайсановка-7 найдено 26 видов костей рыб и раковины моллюсков, преимущественно устриц [Беседнов, Вострецов, 1997]. Поздний этап зайсановской традиции (4000–3300 ¹⁴С л.н./4500–3600 кал. л.н.) представлен памятниками приханкайской (Новоселище-4, Мустанг-1, Боголюбовка-1, Анучино-29, Реттиховка-Геологическая) и юго-восточной (Водопадное-7, Сопка Большая, Евстафий-4) групп (рис. 3, А). Для этого этапа характерно увеличение значения земледелия в системе комплексного хозяйства, усложнение структуры поселений и системы расселения в целом. Земледелие было основано на мотыжной обработке земли и выращивании двух видов культурного проса [Крутых, 2012].

Палеометалл (3600–1200 ¹⁴С л.н./4000–1100 кал. л.н.)

Значительное похолодание на границе суббореала — субатлантик (2500–1900 ¹⁴С л.н./2500–1900 кал. л.н.) сопровождалось понижением уровня Японского моря (на 0,8–1,5 м ниже современного) [Короткий, Вострецов, 2002]. Лагуны и бухты заполнялись осадками, происходило выдвигание аллювиальных дельт. На удалении от современной береговой линии формировались песчаные равнины, в устьях рек — острова. Изрезанность береговой линии уменьшалась [Короткий и др., 1997].

На побережье восточного Приморья на склонах были распространены разреженные дубняки, а в прибрежной части — польнно-разнотравные фитоценозы с кустарниковой березой (2480 ± 120 ¹⁴С л.н./2290 ± 80 ¹⁴С л.н.) [Лящевская и др., 2017; Razjigaeva et al., 2018].

На южном побережье Приморья распространились широколиственно-кедровые леса, в горах — кедрово-елово-широколиственные леса (2010 ± 90 ¹⁴С л.н.) [Razjigaeva et al., 2019]. В долине р. Раздольной были развиты березовые редколесья и ольшаники. В низкоргорье встречались фрагменты широколиственных лесов (2110 ± 80 ¹⁴С л.н.) [Разжигеева и др., 2020].

В это время на территорию края приходит новое население со своими культурными традициями, исследователи именуют этот период эпохой палеометалла. Введение термина «палеометалл» связано с особенностями освоения металла на территории региона. Бронзовые и железные предметы появляются в Приморье достаточно поздно и практически одновременно. Найденные немногочисленные бронзовые предметы являются привнесенными. Выделяют два этапа палеометалла — ранний (эпоха бронзы) и поздний (железный век) [Жущиховская, 2008].

Переходной от неолита к палеометаллу является маргаритовская (пхусунская) культура — 3600–3300 ¹⁴C л.н./4000–3600 кал. л.н., которая существовала во время суббореального максимума. Памятники маргаритовской культуры расположены на восточном побережье края (Ольга-10, Морьяк-Рыболов, Преображение-1, Заря-3, Глазковка-2, Синие Скалы грот) (рис. 3, Б) [Сидоренко, 2016]. Для культуры характерны сосуды закрытых простых форм, в каменном инвентаре значительную долю составляют ретушированные орудия. Расположение поселений в прибрежно-таежной зоне определило приоритетность направлений хозяйства — это охота, морское рыболовство, собирательство, в том числе моллюсков (гребешок). На поселениях Заря-3 и Ольга-10 известны свидетельства существования просяного земледелия [Батаршев и др., 2015].

В эпоху раннего палеометалла основными культурами являются синегайская и лидовская. Население синегайской культуры (3100–2900 ¹⁴C л.н./3300–3100 кал. л.н.) расселилось вокруг оз. Ханка (Синий Гай, Падь Харинская, Кировский) (рис. 3, Б). Оно занималось земледелием, разведением домашних животных (свинья, собака), охотой и собирательством растений [Алексеева и др., 1999]. Для этой культуры характерны жатвенные ножи, шлифованные топоры, неорнаментированные сосуды с выделенной горловиной. На поселении Синий Гай были обнаружены бронзовые предметы [Бродянский, 2013].

Ареал лидовской культуры (3000–1900 ¹⁴C л.н./3200–1900 кал. л.н.) охватывал восточное побережье Приморья (Лидовка-1, Благодатное-3, Монастырка-2, Суворово-6) (рис. 3, Б). Предположительно, приток нового населения происходил по коридору вдоль р. Уссури в юго-восточную часть Приморья и далее на север вдоль побережья [Дьякова, Сидоренко, 2020; Морева, Дорофеева, 2020]. Лидовцы занимались земледелием, добычей прибрежных и морских ресурсов. В комплексе инвентаря присутствуют амфоровидные сосуды, шлифованные орудия, каменные реплики бронзовых орудий, ретушированные орудия. На позднем этапе культуры появляются первые городища, расположенные в стратегически важных местах на побережье. В восточных районах края лидовская культура существовала до IV в. н.э. [Сидоренко, 2016].

В конце суббореального потепления (2800–2550 ¹⁴C л.н.) температура морской воды повысилась, что способствовало увеличению продуктивности прибрежной зоны и появлению нового населения — янковцев и быстрому росту числа поселений янковской культуры (2800–2000 ¹⁴C л.н./2900–2000 кал. л.н.) на южном и юго-восточном побережьях. На текущий момент выявлено более 200 памятников янковской культуры, среди них Песчаный-1, Малая Подушечка, Чапаево, Олений-1–3, Барабаш-3, Березовая-2, Солонцовая-2, Черепаха-13, Черепаха-6, Черепаха-7 и др. (рис. 3, Б). Частые находки в раковинных кучах янковских памятников *Anadara subcrenata* и *A. inaequalis* свидетельствуют, что температура воды была выше современной, но ниже, чем во времена бойсманской культуры [Алексеева и др., 1999]. В улове преобладали тепловодные виды, которые в настоящее время встречаются южнее [Беседнов, Вострецов, 1997]. Ярким признаком поселений являются мощные раковинные кучи, состоящие до 95 % из устриц и содержащие кости рыб, принадлежащих 49 видам [Беседнов, Вострецов, 1997]. Существенную долю в хозяйствовании составляли домашние животные (свинья, собака), охота и собирательство [Алексеева и др., 1999]. Находки железных орудий на памятниках редки и связаны с поздним этапом культуры (Барабаш-3, Малая Подушечка, Черепаха-7) [Клюев, Гридасова, 2013; Никитин, 2017]. Количество известных памятников янковской культуры на побережья Приморья значительно превышает число памятников любой из предшествующих археологических культур, что свидетельствует об успешной адаптации, основанной на эксплуатации морских ресурсов.

Похолодание и снижение уровня моря на границе суббореала — субатлантика привело к сокращению морской ресурсной базы и, возможно, стало причиной продвижения янковцев в континентальную часть края по долинам рек Партизанская, Раздольная, Суходол [Вострецов, 2013]. Для поздних памятников культуры отмечен переход к ведению более интенсивного и эффективного хозяйства: увеличение доли производящего сегмента (скотоводство, земледелие), появление металлических орудий труда. Кроме проса, появляются ячмень и соя [Сергу-

шева, Морева, 2017]. К концу I тыс. до н.э. отмечаются резкий спад численности поселений и сокращение ареала населения янковской культуры, вплоть до ее исчезновения.

Во время похолодания около 2500 ¹⁴C л.н./2500 кал. л.н. в западной части Приморья появляется население кроуновской культуры, в хозяйстве которого доминировало земледелие [Вострецов, 2005]. Появление кроуновцев на этой территории связано с продвижением с юга Маньчжурии на восток и юго-восток культуры туандзе. Кроуновцы заселили пригодные для земледелия территории — западное обрамление оз. Ханка и среднее течение р. Раздольной [Вострецов, 2013]. Поселения расположены в долинах рек (Кроуновка-1, Киевка, Падь Семипятная и др.) (рис. 3, Б). Для культивирования просяных, бобовых, ячменя и пшеницы кроуновцы практиковали грядковую систему земледелия [Вострецов, 1987; Komoto, Obata, 2004]. Население также занималось животноводством (свиньи, коровы, лошади), доля охоты и рыболовства уменьшилась. В хозяйственном инвентаре увеличивается доля железных орудий при резком сокращении количества каменных артефактов.

Примерно в это же время, в IV–III вв. до н.э., на территорию Приморья по р. Амур и далее по р. Уссури и ее притокам проникают носители польцевской культуры (IV в. до н.э. — IV в. н.э.) [Коломиец, 2005; Хон Хен, 2008]. В Приморье к польцевской культуре отнесены памятники Глазовка-городище, Сопка Булочка, Синие Скалы, Малая Подушечка и Реттиховка-Геологическая (рис. 3, Б). Ранние памятники польцевской культуры отмечены в центральной части Приморья. Поздние памятники распространены в южной и восточной частях Приморья (Синие Скалы, Малая Подушечка и др.) (рис. 3, Б). По особенностям керамического материала они выделены в особую, ольгинскую культуру в составе польцевской [Коломиец и др., 2002]. Хозяйство польцевцев базировалось на земледелии. Уровень развития гончарного мастерства и изготовления орудий из железа предполагает развитое ремесленное производство. Поселения польцевской культуры существовали до эпохи раннего средневековья.

Средневековье (IV–XIII вв. н.э.)

Во время похолодания с понижением увлажнения (середина III в. н.э. — начало VII в.) произошла регрессия оз. Ханка, которая привела к обмелению прибрежных мелководий, соединению о. Сопка Лузанова с берегом оз. Ханка [Микишин и др., 2007]. В период VIII–XIII вв. н.э. наступило потепление (средневековый климатический максимум), которое по теплообеспеченности уступало атлантическому оптимуму голоцена. На территории Приморья среднегодовая температура повысилась на 1,0–1,3 °C и увеличилось годовое количество атмосферных осадков [Короткий и др., 1997]. Уровень Японского моря в это время был примерно на 1 м выше современного [Короткий, 1994]. На побережье южного Приморья и в долине р. Раздольной распространились дубово-широколиственные леса. В предгорье Восточно-Маньчжурских гор преобладали хвойно-широколиственные леса [Микишин и др., 2008]. На Приханкайской равнине расширились площади лесов. Уровень оз. Ханка был выше современного на 0,8–1,0 м (1135 ± 45 ¹⁴C л.н.) [Bazarova et al., 2018a]. На восточном побережье Приморья увеличилась лесистость с преобладанием кедрово-дубовых лесов (860 ± 50 ¹⁴C л.н.) [Лящевская, 2013].

С наступлением похолодания (середина III — начало VII в.) резко сокращается количество кроуновских памятников, но появляются памятники новой культуры — мохэской, носители которой мигрировали из Маньчжурии. Многокомпонентность хозяйства мохэ говорит об успешной адаптации этого населения в условиях меняющегося климата [Пискарева и др., 2019b]. На основе систематизации керамического материала выделяется четыре локально-хронологические группы мохэских памятников V–VII вв.: ханкайская (Новоселищенское городище, Куркуниха и др.), прибрежная (Троица-5, Посьет-грот), раковская (Абрамовка-3, Раковка-10, Михайловка-2), кавалеровская (на восточном побережье Приморья) (рис. 3, Б) [Пискарева, 2013].

Концентрация мохэских памятников в южной части Приханкайской низменности, возможно, обусловлена наличием здесь проявлений железа и месторождений керамических глин. К благоприятным факторам также относятся отсутствие крупных наводнений на реках Приханкайской равнины и плодородные пойменные почвы. Археологические данные подтверждают существование у мохэ земледелия, животноводства, охоты, морского и речного собирательства, рыболовства, сбора дикоросов. Археоботанические данные свидетельствуют о расширении списочного состава растений и объема зернового производства [Пискарева и др., 2019b].

Образование государства Бохай совпало со средневековым климатическим максимумом, что способствовало дальнейшему распространению земледелия, увеличению количества выращиваемых культурных видов растений [Сергушева, 2014]. Бохайское государство (698–926 гг.)

располагалось на территориях Маньчжурии, Приморья и Северной Кореи. С его образованием мохэская культура претерпевает значительные изменения, но сохраняет свою самобытность в бохайской культуре. Бохайские города и поселения в Приморье (городища Краскинское, Горбатка, Николаевское-1) (рис. 3, Б) располагались в долинах рек на плодородных землях с очень высоким агроклиматическим потенциалом. Население занималось земледелием, животноводством, таежным промыслом, добычей золота и серебра. Из Краскинского порта начинался морской путь в Японию, по которому осуществлялся дипломатический, торговый и культурный обмен между Бохаем и Страной восходящего солнца [Дьякова, 2014].

В 926 г. государство Бохай было уничтожено киданями. После этого происходит объединение племен хэйшуй мохэ, известных с X в. под именем чжурчжэни. В начале XIII в. на территории Восточной Маньчжурии, северной части Корейского п-ва и в Приморье было создано самостоятельное чжурчжэньское государство Ду Ся. Построенные на территории Приморья укрепленные города — городища Шайгинское, Екатерининское, Красноярское, Ананьевское, Лазовское (рис. 3, Б) и другие дали богатейший материал для изучения хозяйства, культуры и общественно-политического устройства чжурчжэней [Крадин, 2018].

Заключение

На ранних этапах развития человеческого сообщества климатические изменения являлись первоначальным толчком в цепи последующих социальных трансформаций. Условия природной среды определяли возможность заселения того или иного региона, основные источники пищи и виды деятельности древних людей.

По-видимому, люди заселили территорию Приморья в конце плейстоцена, во время развития перигляциальных степей и лесостепей. Из континентальных районов проникала мамонтовая териофауна, вслед за стадами животных мигрировал и человек. Стоянки располагались в местах выхода сырья. Основным занятием являлась охота на крупных наземных животных. Археологические комплексы эпохи позднего палеолита Приморья демонстрируют схожие процессы адаптации и взаимосвязь с древними культурами бассейна р. Амур, о. Сахалин, Корейского п-ва и Северо-Восточного Китая. Все они имеют общую культурную подоснову формирования, но наблюдается и локальное своеобразие, связанное с освоением конкретного региона.

Среднебореальное потепление на финальном этапе устиновской традиции способствовало использованию широкого спектра природных ресурсов: охота, речное и прибрежное рыболовство, сбор моллюсков и дикоросов. Возникают долговременные стоянки с наземными и углубленными жилищами. Угасание устиновской культуры совпадает с кратковременным значительным похолоданием на границе бореального и атлантического периодов.

Появление неолитических памятников совпадает с наступлением среднеголоценового потепления и подъемом уровня моря. Расширение ресурсной базы способствовало широкому распространению неолитического населения в континентальной и прибрежной частях Приморья. Неолитическое население имело устойчивые адаптационные модели, что проявилось в возникновении долговременных поселений и специализации инвентарного набора, многокомпонентном типе хозяйствования, основой которого были охота на наземных животных и собирательство.

В оптимум голоцена произошла миграция носителей новых культур (веткинской и бойсманской) с различными моделями адаптации. Население веткинской культуры, расселившееся в континентальных районах, занималось охотой, собирательством, рыболовством. Бойсманское население занималось морским рыболовством и собирательством моллюсков, а также морским зверобойным промыслом и охотой на наземных животных и птиц.

Одной из причин угасания бойсманской культуры стала регрессия моря в середине атлантика. В это же время небольшое похолодание и иссушение климата способствовало миграции из Восточной Маньчжурии носителей зайсановской традиции с новой системой хозяйствования — земледелием.

Ухудшение климата в начале суббореала привело к изменению ареала расселения зайсановцев. Выход на морское побережье способствовал формированию у зайсановцев совершенно новой формы адаптации — рыболовства и морского собирательства.

Суббореальное потепление способствовало увеличению продуктивности прибрежной зоны и появлению многочисленных поселений янковской культуры на южном и юго-восточном побережьях Приморья. Похолодание и снижение уровня моря на рубеже суббореал — субатлантик привели к сокращению морской ресурсной базы, что стало причиной продвижения янковцев в континентальную часть края и изменению структуры хозяйствования — увеличению значимости

земледелия (кроме проса появились ячмень и соя) и скотоводства. Это же похолодание было причиной миграции с юга Маньчжурии на восток и юго-восток культуры туандзе, известной в Приморье как кроуновская. В IV–III вв. до н.э. на территорию Приморья через р. Амур и далее по р. Уссури и ее притокам проникли носители польцевской культуры. Похолодание с середины III в. н.э. по начало VII в. привело к резкому сокращению числа кроуновских поселений и появлению в крае мохэской культуры, носители которой мигрировали из Маньчжурии, расцвет этой культуры приходится на начало средневекового климатического максимума.

Длительное существование зайсановской, лидовской, янковской и кроуновской культур, по-видимому, объясняется ведением комплексного хозяйства. Гибкость системы давала меньшую зависимость от природно-климатических факторов. Колебания климата приводили только к изменению соотношения и значимости отдельных видов хозяйственной деятельности. В эпоху позднего палеометалла и средневековья большее влияние на сообщества оказывали экономические, политические и военные факторы.

Сопоставление палеогеографических и археологических данных показало определенную синхронность природных изменений и культурных событий. Флуктуации климата приводили к миграциям, колебаниям заселенности территорий, изменению адаптационных стратегий населения, смене вектора направленности хозяйственной активности (рис. 2).

Дальнейшее изучение археологических памятников региона и отложений позднего плейстоцена — голоцена позволит детализировать влияние климатических изменений на древние человеческие сообщества, а также выявить и установить характер и значимость обратного процесса — влияния человека на окружающую природную среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Э.В., Беседнов Л.Н., Бродянский Д.Л., Раков В.А.* Биостратиграфия неолита и палеометалла Приморья // Вестник ДВО РАН. 1999. № 3. С. 40–47.
- Андреева Ж.В.* (отв. ред.). Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. М.: Наука, 1994. 214 с.
- Батаршев С.В.* Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: Рея, 2009. 200 с.
- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Морева О.Л.* Веткинская археологическая культура среднего неолита в Приморье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 12. Ч. 2. С. 30–37.
- Батаршев С.В., Морева О.Л., Кузьмин Я.В.* Руднинская неолитическая культура в Приморье: проблемы периодизации и хронологии // РА. 2010. № 4. С. 5–17.
- Батаршев С.В., Сергушева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б.* Поселение Ольга-10 в юго-восточном Приморье: Новые материалы к дискуссии о маргаритовской культуре // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 26–36.
- Белянин П.С., Андерсон П.М., Ложкин А.В., Белянина Н.И., Арсланов Х.А., Максимов Ф.Е., Горнов Д.А.* Изменения растительности на юге российского Дальнего Востока в среднем и позднем голоцене // Известия РАН. Сер. геогр. 2019. № 2. С. 69–84. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019269-84>
- Беседнов Л.Н., Вострецов Ю.Е.* Морской промысел рыб и млекопитающих в раннем и среднем голоцене в бассейне Японского моря // Известия ТИНРО. 1997. Т. 122. С. 117–129.
- Бродянский Д.Л.* Синий Гай: Поселения неолита и бронзового века в Приморье. Владивосток: Издат. дом Дальневост. фед. ун-та, 2013. 207 с.
- Верховская Н.Б., Кундышев А.С.* Природная среда южного Приморья в неолите и раннем железном веке // Вестник ДВО РАН. 1993. № 1. С. 18–26.
- Вострецов Ю.Е.* Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.
- Вострецов Ю.Е.* Экологические факторы формирования культурной динамики в прибрежной зоне Восточной Азии в эпоху палеометалла // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 109–116.
- Вострецов Ю.Е.* (отв. ред.). Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 390 с.
- Ганзей С.С.* (отв. ред.). Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI вв. Т. 1: Природные геосистемы и их компоненты. Владивосток: Дальнаука, 2008. 428 с.
- Гладышев С.А.* Поздний палеолит Приморья (к вопросу о происхождении) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 80–85. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.080-085>
- Гричук В.П.* Реконструкция скалярных климатических показателей по флористическим материалам и оценка ее точности // Методы реконструкций палеоклиматов. М.: Наука, 1985. С. 20–28.

Природная среда и человек в позднем палеолите — средневековье в южном Приморье: обзор

- Дорофеева Н.А.* Морфо-технологический анализ верхнепалеолитического комплекса памятника Монакино-3 (Приморье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита: ЗабГУ, 2013. Ч. 1. С. 53–61.
- Дьякова О.В.* Государство Бохай: Археология, история, политика. М.: Наука, Вост. лит., 2014. 318 с.
- Дьякова О.В., Сидоренко Е.В.* Корреляция и динамика археологических культур Приморья (от эпохи палеометалла к раннему средневековью) // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2 (37). С. 7–16. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-37-2-7-16>
- Жущиховская И.С.* Поздний неолит — палеометалл бассейна Японского моря: Древнее гончарство как индикатор социально-экономических процессов // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 122–135.
- Клюев Н.А., Гридасова И.В.* Памятник Барабаш-3: Новые аспекты изучения янковской культуры в Приморье // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 149–158.
- Коломиец С.А.* Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 381–393.
- Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А.* Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 142–155.
- Кононенко Н.А.* Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена начале голоцена (Устиновский комплекс, Российский Дальний Восток) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 40–59.
- Короткий А.М.* Колебания уровня моря и ландшафты прибрежной зоны: (Этапы развития и тенденции) // Вестник ДВО РАН. 1994. № 3. С. 29–42.
- Короткий А.М.* Памятники палеолита южного Приморья в свете геологических данных // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 58–74.
- Короткий А.М., Вострецов Ю.Е.* Особенности развития природной среды в позднем вюрме — голоцене в нижнем течении реки Аввакумовки и сопредельных территориях // Синие Скалы — археологический комплекс: опыт Описания многослойного памятника. Владивосток: Дальнаука, 2002. Ч. 1. Гл. 3. С. 45–72.
- Короткий А.М., Гребенникова Т.А., Пушкарь В.С., Разжигаева Н.Г., Волков В.Г., Ганзей Л.А., Мохова Л.М., Базарова В.Б., Макарова Т.Р.* Климатические смены на территории юга Дальнего Востока в позднем плейстоцене — голоцене // Вестник ДВО РАН. 1997. № 3. С. 121–143.
- Короткий А.М., Плетнев С.П., Пушкарь В.С., Гребенникова Т.А., Разжигаева Н.Г., Сахобгареева Е.Д., Мохова Л.М.* Развитие природной среды юга Дальнего Востока (поздний плейстоцен — голоцен). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Крадин Н.Н.* (отв. ред.). Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 2018. 367 с.
- Крупянюк А.А., Табарев А.В.* Палеолит Приморья // Учен. записки Сахалин. ун-та. 2015. 1 (11–12) С. 96–108.
- Крутых Е.Б.* Зайсановская археологическая культура: Проблема интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.
- Кузьмин Я.В.* Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. 282 с.
- Кузьмин Я.В.* (отв. ред.). Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 1998. 127 с.
- Кузьмина Н.Н., Шумова Г.М., Полякова Е.И., Недешева Г.Н.* Палеогеографические реконструкции голоцена северо-западного побережья и шельфа Японского моря // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1987. № 4. С. 78–89.
- Лящевская М.С.* Отражение климатических изменений и аномальных процессов в разрезе береговой низменности залива Опричник (Восточное Приморье) в позднем голоцене // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). Казань: Отечество, 2013. С. 235–238.
- Лящевская М.С., Пшеничникова Н.Ф., Макарова Т.Р.* Реакция растительности на климатические изменения в среднем — позднем голоцене (на примере участка побережья Юго-Восточного Приморья) // Успехи современного естествознания. 2017. № 12. С. 184–194.
- Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г.* Палеосреда острова Русский (Южное Приморье) в среднем — позднем голоцене // Фундаментальные исследования. 2014. № 3. С. 516–522.
- Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Гвоздева И.Г., Попов А.Н., Кузьмин Я.В., Раков В.А., Горбаренко С.А.* Голоцен побережья Юго-западного Приморья // Науч. обозрение. 2008. № 1. С. 8–27.
- Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Попов А.Н., Орлова Л.А.* Палеогеография озера Ханка в позднем голоцене // Науч. обозрение. 2007. № 2. С. 7–13.
- Морева О.Л., Дорофеева Н.А.* Комплекс эпохи раннего палеометалла на поселении Черепиха-13 в Южном Приморье // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. № 1 (26). С. 98–116. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10006>
- Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М.* Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 57–67.
- Никитин Е.Ю.* Предварительные результаты исследования поселения Черепиха-7 в Приморье в 2015 г. // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 77–80.

Пискарева Я.Е. Новые результаты исследований мохэской культуры Приморья // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 80-85.

Пискарева Я.Е., Асташенкова Е.В., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Излиев А.Л., Дорофеева Н.А., Ляцевская М.С., Базарова В.Б., Пшеничникова Н.Ф. Комплексные исследования на Новоселищенском городище в Ханкайском районе Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019а. № 1. С. 88-114.

Пискарева Я.Е., Сергушева Е.А., Дорофеева Н.А., Ляцевская М.С., Шарыйоол М.О. Хозяйство ранне-средневекового населения Приморья (по материалам мохэской археологической культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019б. № 1 (44). С. 25-36. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-44-1-025-036>

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура южного Приморья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.

Раков В.А. Региональные особенности малакофауны из неолитических раковинных куч побережья Японского моря // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 92–100.

Разжигаева Н.Г., Ганзей Л.А., Гребенникова Т.А., Корнюшенко Т.В., Ганзей К.С., Кудрявцева Е.П., Гридасова И.В., Ключев Н.А., Прокопец С.Д. Соотношение природных и антропогенных факторов в развитии ландшафтов бассейна реки Раздольная, Приморье // Известия РАН. Сер. геогр. 2020. 84 (2). С. 246-258. <https://doi.org/10.31857/S2587556620020119>

Разжигаева Н.Г., Ганзей Л.А., Мохова Л.М., Макарова Т.Р., Паничев А.М., Кудрявцева Е.П., Арсланов Х.А. Урочище Мута как архив изменений природной среды: (Национальный парк «Зов Тигра», Россия) // Биота и среда заповедных территорий. 2018. № 1. С. 37–70.

Сергушева Е.А. Сельскохозяйственные растения бохайского населения Приморья по археоботаническим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 111–118.

Сергушева Е.А., Морева О.Л. Земледелие в Южном Приморье в I тыс. до н.э.: Карпологические материалы поселения Черепаха-13 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 195–204. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-195-204>

Сидоренко Е.В. Модели межкультурных коммуникаций в Приморье в эпоху палеометалла // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 170–182.

Хершберг Л.Б., Михайлик Е.В., Пушкарь В.С., Вачаев Б.И. Строение, вещественный состав илистой толщи шельфа юга Приморья и перспективы ее освоения // Тихоокеанская геология. 2013. № 2 (32). С. 90–99.

Холюшкин Ю.П., Витяев Е.Е., Костин В.С. Задачи археологии и методы их решения: Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск: Манускрипт, 2013. Вып. 18. 100 с.

Хотинский Н.А. Голоцен северной Евразии: Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.: Наука, 1977. 200 с.

Шереметьев И.С., Панасенко В.Е. Тенденции изменения ареалов копытных на юге Дальнего Востока (плейстоцен — современность) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 2. С. 41–46.

Bazarova V.B., Lyashchevskaya M.S., Makarova T.R., Makarevich R.A., Orlova L.A. Holocene overbank deposition in the drainage basin of Lake Khanka // Russian Geology and Geophysics. 2018a. 59 (11). P. 1410–1418. <https://doi.org/10.1016/j.rgg.2018.10.002>

Bazarova V.B., Lyashchevskaya, M.S., Makarova T.R., Orlova L.A. Sedimentation Conditions on Floodplains of Rivers of the Khanka Plain (Southern Far East) in the Middle-Late Holocene // Russian Journal of Pacific Geology. 2018b. 12 (6). P. 593–603. <https://doi.org/10.1134/S1819714018060106>

Bronk Ramsey C. Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: The OxCal program // Radiocarbon. 1995. 37. P. 425–430.

Komoto M., Obata H. (Eds.). Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of Excavations in 2002 and 2003: Study on the Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd, 2004. 58 p.

Korotkii A.M. Palynological characteristics and radiocarbon dates of late Quaternary deposits of the Russian Far East (Lower Amur Valley, Primorye, Sakhalin Island, Kuril Islands) // Late Quaternary Vegetation and Climate of Siberia and Russian Far East (Palynological and Radiocarbon Database). Magadan: NESCFEB RAS, 2002. P. 257–337.

Korotkii A.M., Grebennikova T.A., Karaulova L.P., Belyanina N.I. Lacustrine transgressions in the Late Cenozoic Ussuri-Khanka depression (Primorye) // Russian Journal of Pacific Geology. 2007. 1 (4). P. 352–365.

Razjigaeva N.G., Ganzey L.A., Grebennikova T.A., Mokhova L.M., Kudryavtseva E.P., Arslanov Kh.A., Maksimov F.E., Starikova A.A. Landscape and environmental changes along the Eastern Primorye coast during the middle to late Holocene and human effects // Journal of Asian Earth Sciences. 2018. Vol. 158. P. 160–172. <https://doi.org/10.1016/j.jseaes.2018.02.013>

Razjigaeva N.G., Ganzey L.A., Lyashevskaya M.S., Makarova T.R., Kudryavtseva E.P., Grebennikova T.A., Panchich A.M., Arslanov Kh.A., Maksimov F.E., Petrov A. Yu., Malkov S.S. Climatic and human impacts on landscape development of the Murav'ev Amursky Peninsula (Russian Far East) in the middle/late Holocene and historical time // Quaternary International. 2019. Vol. 516. P. 127–140. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2017.12.007>

Razjigaeva N.G., Ganzey L.A., Mokhova L.M., Makarova T.R., Panchich A.M., Kudryavtseva E.P., Arslanov Kh.A., Maksimov F.E., Starikova A.A. Late Holocene environmental changes recorded in the deposits of paleolake of the

Природная среда и человек в позднем палеолите — средневековье в южном Приморье: обзор

Shkotovskoe Plateau, Sikhote-Alin Mountains, Russian Far East // *Journal of Asian Earth Sciences*. 2017. Vol. 136. P. 89–101. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jseaes.2016.12.044>

Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. P. 725–757. <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>

ИСТОЧНИКИ

Вострецов Ю.Е. Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 20 с.

Хон Хен У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н.э. — IV в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 30 с.

Lyashchevskaya M.S.^{a,*}, Bazarova V.B.^a, Dorofeeva N.A.^b

^a Pacific Geographical Institute of Far Eastern Branch RAS
Radio st., 7, Vladivostok, 690041, Russian Federation

^b Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far Eastern Branch RAS
Pushkinskaya st., 89, Vladivostok, 69001, Russian Federation

E-mail: lyshevskay@mail.ru (Lyashchevskaya M.S.); bazarova@tigdvo.ru (Bazarova V.B.); dnaal@list.ru (Dorofeeva N.A.)

Environment and man in the Late Palaeolithic — Middle Ages in the southern Primorye: review

Questions concerning the effect of environment on appearance, development and disappearance of archaeological cultures in the territory of southern Primorye have been addressed in the article. The chronological framework of the research is from the Late Palaeolithic through to the Middle Ages. Thirty three natural sections of different genesis have been examined for reconstruction of the Late Pleistocene — Holocene environment. Palynological, diatomic and radiocarbon methods have been used for their examination. The data on archaeological periods and cultures have been provided based on the analysis of materials of Primorye archaeological sites (including 14 Palaeolithic, 33 Neolithic, 30 Paleometal, and 15 Medieval). Climatic changes have been discussed in terms of their effect on the resource base of people. The earliest Palaeolithic sites, which ¹⁴C date approximately 16,000 years BP, were found in Eastern part of Primorye. Climate warming and rise of sea level in the Early Neolithic (ca. 8,000 years ¹⁴C BP) facilitated the growth of resource base and expansion of the Neolithic people with sustainable adaptation models in Primorye. This manifested in the appearance of long-term settlements and differentiation of the tool sets. The beginning of the sea regression around 6,000 ¹⁴C years BP resulted in the extinction of the Boysman Culture. Slight cooling and aridization of the climate 5,600–5,400 ¹⁴C years BP contributed to the appearance of a new cultural tradition involved with agriculture. The long existence of cultures in the Late Neolithic and Paleometal periods, with significant climatic shifts, can be explained by introducing mixed economy model with increased role of the economy of producing type. In the Late Paleometal and Medieval periods, economic, political and military factors had a great impact on communities, along with environment and climatic factors. Correlation of palaeogeographical and archaeological data demonstrated a certain synchronicity of environmental changes and cultural events. Climatic fluctuations led to migrations, variations in local population density, changes in adaptation strategies of the people, and changes of direction of economic activities.

Keywords: southern Primorye, climate change, Palaeolithic — Middle Ages, archaeological cultures, Late Pleistocene — Holocene, migrations, cultural adaptations, economic activity, resource base.

REFERENCES

Alekseyeva, E.V., Besednov, L.N., Brodiansky, D.L., Rakov, V.A. (1999). Biostratigraphy of Neolithic and Paleometallic artefacts in Primorye. *Vestnik DVO RAN*, (3), 40–47. (Rus.).

Andreeva, Zh.V. (Ed.) (1994). *Essays on the primitive archeology of the Far East*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Batarshv, S.V. (2009). *Rudninskaya archeological culture in Primorsky region*. Vladivostok: Reya. (Rus.).

Batarshv, S.V., Dorofeeva, N.A., Moreva, O.L. (2017). Vietka archeological culture of the Middle Neolithic period in Primorye. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, (12), ch. 2, 30–37 (Rus.).

Batarshv, S.V., Moreva, O.L., Kuzmin, Y.V. (2010). The Rudnaya Neolithic culture in Primorye: Issues of periodization and chronology. *Rossiyskaya arkheologiya*, (4), 5–17. (Rus.).

Batarshv, S.V., Sergusheva, Ye.A., Moreva, O.L., Dorofeyeva, N.A., Krutykh, Ye.B. (2015). The settlement of Olga-10 in the South-East Primorye: New materials to a discussion on the Margaritovka archaeological culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 28(1), 26–36. (Rus.).

* Corresponding author.

- Bazarova, V.B., Lyashchevskaya, M.S., Makarova, T.R., Makarevich, R.A., Orlova, L.A. (2018a). Holocene overbank deposition in the drainage basin of Lake Khanka. *Russian Geology and Geophysics*, 59(11), 1410–1418. <https://doi.org/10.1016/j.rgg.2018.10.002>
- Bazarova, V.B., Lyashchevskaya, M.S., Makarova, T.R., Orlova, L.A. (2018b). Sedimentation Conditions on Floodplains of Rivers of the Khanka Plain (Southern Far East) in the Middle-Late Holocene. *Russian J. of Pacific Geology*, 12(6), 593–603. <https://doi.org/10.1134/S1819714018060106>
- Belyanin, P.S., Anderson, P.M., Lozhkin, V.A., Belyanina, N.I., Arslanov, Kh.A., Maksimov, F.E., Gornov, D.A. (2019). Vegetation Changes in the South of the Russian Far East in middle Holocene. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, (2), 69–84. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019269-84>
- Besednov, L.N., Vostretsov, Yu.E. (1997). Marine fishery of fish and mammals in the early and middle Holocene in the basin of the Sea of Japan. *Izvestiya TINRO*, 122, 117–129. (Rus.).
- Brodyanskiy, D.L. (2013). *Sinii Gai: Neolithic and Bronze Age settlements in Primorye*. Vladivostok: FEFU. (Rus.).
- Bronk Ramsey, C. (1995). Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: The OxCal program. *Radiocarbon*, 37, 425–430.
- Dorofeeva, N.A. (2013). Morpho-technological analysis of the Upper Paleolithic complex of the Monakino-3 site (Primorye). In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri. Ch. 1*. Chita: ZabGU, 53–61. (Rus.).
- Dyakova, O.V. (2014). *Pohai State: Archaeology, history, politics*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Dyakova, O.V., Sidorenko, E.V. (2020). Correlation and dynamics of archaeological cultures of Primorye (from the Paleometal period to the Early Middle Ages). *Uralo-altayskie issledovaniya*, 37(2), 7–16. (Rus.). <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-37-2-7-16>
- Ganzei, S.S. (Ed.) (2008). *Geosystems of Far East of Russia on boundary of XX–XXI centuries. Volume 1: Natural geosystems and their components*. Vladivostok: Dalnauka, (Rus.).
- Gladyshev, S.A. (2019). Late Paleolithic of Primorie (Towards the Problem of the Origins). *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 25, 80–85. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.080-085>
- Grichuk, V.P. (1985). Reconstruction of scalar climatic indicators based on floristic materials and estimation of its accuracy. In: *Paleoclimate reconstruction methods*. Moscow: Nauka, 20–28. (Rus.).
- Khersberg, L.B., Mikhailik, E.V., Pushkar, V.S., Vachaev, B.I. (2013). Structure, the physical composition of shelf on south Primorye and prospects for its development. *Tikhookeanskaya geologiya*, 32(2), 90–99. (Rus.).
- Kholuyshkin, Yu.P., Vityaev, E.E., Kostin, V.S. (2013). *Problems of archeology and methods of their solution: Information technology in humanitarian research. Iss. 18*. Novosibirsk: Manuscript. (Rus.).
- Khotinsky, N.A. (1977). *Holocene of the Northern Eurasia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kluyev, N.A., Gridasova, I.V. (2013). Site Barabash-3: New aspects in the study of Yankovskaya archaeological culture in Primorye. *Rossiya i ATR*, (2), 149–158. (Rus.).
- Kolomiyets, S.A. (2005). The Sites of Poltsevskaya Cultural Community in the South of the Russian Far East. In: Zh.V. Andreeva (Ed.). *Rossiyskiy Dal'niiy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: Otkrytiya, problemy, gipotezy*. Vladivostok: Dalnauka, 381–393. (Rus.).
- Kolomiyets, S.A., Afremov, P.Ya., Dorofeeva, N.A. (2002). Results of field research of the Glazovka-Town archaeological site. In: N.N. Kradin (Ed.). *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka*. Vladivostok: DVO RAN, 142–155. (Rus.).
- Komoto, M., Obata, H. (Eds.) (2004). *Krounovka 1 Site: Excavations in 2002 and 2003*. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd.
- Kononenko, N.A. (2001). Ecology and dynamics of archaeological cultures in the valley of Zerkalnaya River in the Late Pleistocene and Early Holocene (Ustinovka complex, Russian Far East). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 5(1), 40–59. (Rus.).
- Korotkii, A.M. (1994). Fluctuation of sea level and landscapes of coastal zone: (Stages of development and tendencies). *Vestnik DVO RAN*, (3), 29–42. (Rus.).
- Korotkii, A.M. (2002). Palynological characteristics and radiocarbon dates of late Quaternary deposits of the Russian Far East (Lower Amur Valley, Primorye, Sakhalin Island and Kuril Islands). In: P.M. Anderson, A.V. Ljzhkin (Eds.). *Late Quaternary Vegetation and Climate of Siberia and Russian Far East (Palynological and Radiocarbon Database)*. Magadan: NESCFEB RAS, 257–337.
- Korotkii, A.M. (2009). Paleolithic monuments of the southern Primorye in the light of geological data. *Vestnik DVO RAN*, (5), 58–74. (Rus.).
- Korotkii, A.M., Grebennikova, T.A., Karaulova, L.P., Belyanina, N.I. (2007). Lacustrine transgressions in the Late Cenozoic Ussuri-Khanka depression (Primorye). *Russian Journal of Pacific Geology*, 4(1), 352–365.
- Korotkii, A.M., Grebennikova, T.A., Pushkar, V.S., Razhigaeva, N.G., Volkov, V.G., Ganzey, L.A., Mokhova, L.M., Bazarova, V.B., Makarova, T.R. (1997). Climatic Changes in the Southern Russian Far East during Late Pleistocene — Holocene. *Vestnik DVO RAN*, (3), 121–143. (Rus.).
- Korotkii, A.M., Pletnev, S.P., Pushkar, V.S., Grebennikova, T.A., Razhigaeva, N.G., Sakhebgareeva, E.D., Mokhova, L.M. (1988). *Development of environment on south of Far East (Late Pleistocene-Holocene)*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Природная среда и человек в позднем палеолите — средневековье в южном Приморье: обзор

- Korotky, A.M., Vostretsov, Yu.E. (2002). Features of the development of the natural environment in the Late Wurm — Holocene in the lower reaches of the Avvakumovka River and adjacent territories. In: Zh.V. Andreeva (Ed.). *Sinie Skaly — arkheologicheskiy kompleks: Opyt opisaniya mnogoslennogo pamyatnika*. Vladivostok: Dal'nauka, 45–72. (Rus.).
- Kradin, N.N. (Ed.) (2018). *Cities of medieval empires of the Far East*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. (Rus.).
- Krupyanko, A.A., Tabarev, A.V. (2015). Paleolithic of Primorye. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo universiteta*, 1(11–12), 96–108. (Rus.).
- Krutykh, Ye.B. (2012). Zaisanovskaya archaeological culture: The problem of interpretation. *Rossiya i ATR*, (1), 139–154. (Rus.).
- Kuzmin, Y.V. (2005). *Geochronology and paleoenvironment in the Late Paleolithic and Neolithic of temperate East Asia*. Vladivostok: TIG DVO RAN, (Rus.).
- Kuzmin, Y.V. (Ed.) (1998). *Radiocarbon chronology of the stone age of Northeast Asia*. Vladivostok: TIG DVO RAN, (Rus.).
- Kuzmina, N.N., Shumova, G.M., Polyakova, E.I., Nedesheva, G.N. (1987). Paleogeographic reconstructions of the Holocene of the northwestern coast and shelf of the Sea of Japan. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya*, (4), 78–89. (Rus.).
- Lyashchevskaya, M.S. (2013). Records of climate changes and abnormal processes in peat bog of Oprichnik Bay Coast Lowland (Eastern Primorye) in the Late Holocene. In: Askeyev I.V., Ivanov D.V. (Eds.). *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene: Materialy Tre'tey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*. Kazan: Otechestvo, 235–238. (Rus.).
- Lyashchevskaya, M.S., Pshenichnikova, N.F., Makarova, T.R. (2017). Reaction of vegetation to climatic changes in Middle-Late Holocene (at the example of a coast site in South-East Primorye). *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, (12), 184–194. (Rus.).
- Mikishin, Yu.A., Gvozdeva, I.G. (2014). Paleoenvironment of Russian Island (southern Primorye) in middle-late Holocene. *Fundamental'nye issledovaniya*, 3 (3), 516–522. (Rus.).
- Mikishin, Yu.A., Petrenko, T.I., Gvozdeva, I.G., Popov, A.N., Kuzmin, Ya.V., Rakov, V.A., Gorbarenko, C.A. (2008). Holocene of the coast of south western Primorye., *Nauchnoe obozrenie*, (1), 8–27. (Rus.).
- Mikishin, Yu.A., Petrenko, T.I., Popov, A.N., Orlova, L.A. (2007). Paleogeography of Khanka ake in Late Holocene. *Nauchnoe obozrenie*, (2), 7–13. (Rus.).
- Moreva, O.L., Dorofeeva, N.A. (2020). A complex of early Paleo-Metal Epoch at the Cherepakha-13 Site in Southern Primorye. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 26(1), 98–116. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10006>
- Moreva, O.L., Popov, A.N., Fukuda, M. (2002). Ceramics with rope ornament in the Neolithic of Primorye. In: N.N. Kradin (Ed.). *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i tsentral'noy Azii*. Vladivostok: DVO RAN, 57–67. (Rus.).
- Nikitin, E.Yu. (2017). Preliminary results of the study of Cherepakha-7 Site in Primorye in 2015. In: V.E. Rodinkova, A.N. Fedorina (Eds.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: ot arkheologicheskikh dannykh k istoricheskim rekonstruktsiyam*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 77–80. (Rus.).
- Piskareva, Ya.E. (2013). New results of studies of the Mohe Culture of Primorye. *Vestnik TGU. Istoriya*, 22(2), 80–85. (Rus.).
- Piskareva, Ya.E., Astashenkova, E.V., Prokopets, S.D., Sergusheva, E.A., Ivliev, A.L., Dorofeyeva, N.A., Lyashchevskaya, M.S., Bazarova, V.B., Pshenichnikova, N.F. (2019a). Complex studies at Novoselischenskoye ancient fortified town site in Khanka Region of Primorye. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, (1), 88–114. (Rus.).
- Piskareva, Ya.E., Sergusheva, E.A., Dorofeeva, N.A., Lyashchevskaya, M.S., Sharyi-ool, M.O. (2019b). Economy of the early mediaeval population of Primorye (based on archaeological evidence for the Mohe Culture). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 4(1), 25–36. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-44-1-025-036>
- Popov, A.N., Chikisheva, T.A., Shpakova, E.G. (1997). *Boisman archaeological culture of southern Primorye*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Rakov, V.A. (2014). Regional malacofaunal peculiarities in Neolithic shell middens on the shores of Sea of Japan. In: *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*. Vladivostok: Dalnauka, 92–100. (Rus.).
- Razjigaeva, N.G., Ganzey, L.A., Grebennikova, T.A., Kornushenko, T.V., Ganzey, K.S., Kudryavtseva, E.P., Gridasova, I.V., Klyuev, N.A., Prokopets, S.D. (2020). Interaction of Natural and Anthropogenic Factors in Landscape Development of Razdolnaya River Basin, Primorye. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 84 (2), 246–258. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S2587556620020119>
- Razjigaeva, N.G., Ganzey, L.A., Grebennikova, T.A., Mokhova, L.M., Kudryavtseva, E.P., Arslanov, Kh.A., Maksimov, F.E., Starikova, A.A. (2018). Landscape and environmental changes along the Eastern Primorye coast during the middle to late Holocene and human effects. *Journal of Asian Earth Sciences*, 158, 160–172. <https://doi.org/10.1016/j.jseaes.2018.02.013>
- Razjigaeva, N.G., Ganzey, L.A., Lyashchevskaya, M.S., Makarova, T.R., Kudryavtseva, E.P., Grebennikova, T.A., Panichev, A.M., Arslanov, Kh.A., Maksimov, F.E., Petrov, A.Yu., Malkov, S.S. (2019). Climatic and human impacts on

landscape development of the Murav'ev Amursky Peninsula (Russian Far East) in the middle/late Holocene and historical time. *Quaternary International*, 516, 127-140. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2017.12.007>

Razjigaeva, N.G., Ganzey, L.A., Mokhova, L.M., Makarova, T.R., Panichev, A.M., Kudryavtseva, E.P., Arslanov, Kh.A. (2018). Urotshistshe Muta as archives of environmental changes (National Park "Zov Tigra"). *Biota i sreda zapovednykh territoriy*, (1), 37–70. (Rus.).

Razjigaeva, N.G., Ganzey, L.A., Mokhova, L.M., Makarova, T.R., Panichev, A.M., Kudryavtseva, E.P., Arslanov, Kh.A., Maksimov, F.E., Starikova, A.A. (2017). Late Holocene environmental changes recorded in the deposits of paleolake of the Shkotovskoe Plateau, Sikhote-Alin Mountains, Russian Far East. *Journal of Asian Earth Sciences*, 136, 89–101. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jseaes.2016.12.044>

Reimer, P.J., Austin, W.E.N., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., et al. (2020). The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 62, 725–757. <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>

Sergusheva, E.A. (2014). Cultivated plants of the Bohai population of Primorye according to archaeobotanical data. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 42(2), 111–118. (Rus.).

Sergusheva, E.A., Moreva, O.L. (2017). Agriculture in Southern Primorye in the I millennium BC according to archaeobotanical data from the settlement of Cherepakha-13. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 39(4), 195–204. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-195-204>

Sheremetev, I.S., Panasenko, V.E. (2013). The trends of distribution changes in the Far Eastern ungulate species: The Pleistocene — the present day. *Vestnik DVO RAN*, (2), 41–46. (Rus.).

Sidorenko, E. (2016). Models of intercultural communication in Primorye in the Paleometal Epoch. *Rossiya i ATR*, (2), 170–182. (Rus.).

Verkhovskaya, N.B., Kundyshev, A.S. (1993). Southern Primorie environment during Neolithic and Early Iron Age. *Vestnik DVO RAN*, (1), 18–26. (Rus.).

Vostretsov, Yu.Ye. (2005). The Interaction of Marine and Agricultural Adaptations in the Basin of the Sea of Japan. In: Zh.V. Andreeva (Ed.). *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: Otkrytiya, problemy i gipotezy*. Vladivostok: Dalnauka, 159–186. (Rus.).

Vostretsov, Yu.Ye. (2013). Ecological factors of the forming of cultural dynamic on the East Asia coastal zone during Bronze and Iron Ages. *Vestnik DVO RAN*, (1), 109–116. (Rus.).

Vostretsov, Y.E. (Ed.) (1998). *The first fishers in the Peter the Great Bay: Nature and ancient man in Boisman Bay*. Vladivostok: DVO RAN. (Rus.).

Zhushchikhovskaya, I.S. (2008). The Late Neolithic — Paleometal epoch of the Sea of Japan basin: Prehistoric pottery-making as the indicator of socio-economical processes. *Vestnik DVO RAN*, (5), 122–135. (Rus.).

Лящевская М.С., <https://orcid.org/0000-0002-5624-3015>

Базарова В.Б., <https://orcid.org/0000-0001-8680-5544>

Дорофеева Н.А., <https://orcid.org/0000-0003-1381-9261>

Сведения об авторах:

Лящевская Марина Сергеевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток.

Базарова Валентина Батуевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток.

Дорофеева Наталья Алексеевна, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

About the authors:

Lyashchevskaya Marina S., Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the RAS, Vladivostok.

Bazarova Valentina B., Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the RAS, Vladivostok.

Dorofeeva Natalya A., Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the RAS, Vladivostok.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

Чернышева Е.В. *, Каширская Н.Н., Дущанова К.С.

ФИЦ ПНЦБИ РАН, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
ул. Институтская, 2, Пушкино, 142290

E-mail: e.chernyysheva@yandex.ru (Чернышева Е.В.); nkashirskaya81@gmail.com (Каширская Н.Н.);
kamilla.dushchanova@gmail.com (Дущанова К.С.)

ПОЧВЕННЫЕ БИОХИМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ПРИСУТСТВИЯ ЖИРА В РАЗЛИЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ

Обосновывается возможность использования комплексного биохимического подхода для реконструкции присутствия жировых субстратов в различных археологических контекстах. Проведенный модельный эксперимент по изучению динамики разложения различных липидов дал основания для реконструкции исходного присутствия жира. Использование указанного методического подхода на археологических объектах позволило выявить наличие жиросодержащих продуктов в заполнениях сосудов из погребений, а также уточнить особенности хозяйственного использования территории поселения.

Ключевые слова: археологическая микробиология, биологическая память почв, микробные сообщества, ферментативная активность, культурный слой.

Введение

Возможность реконструкции начального присутствия тех или иных органических материалов с помощью почвенно-микробиологических методов трудно переоценить. Археологические изыскания, как правило, основываются на изучении хорошо сохраняющихся в культурном слое минеральных или минерализованных материалов, таких как камень, металл, керамика и др. Лишь в исключительных случаях, на памятниках с мокрым слоем или, напротив, с очень низкой влажностью воздуха, а также на памятниках в вечной мерзлоте, при отрицательных температурах, отсутствии воздуха и влаги, создаются условия, в которых органика практически не разлагается, что позволяет изучать органические остатки.

Минерализация органических материалов приводит к потере большого пласта материальной культуры, реконструировать которую долгое время не представлялось возможным. Поступление в почву любого органического материала приводит к изменению параметров микробного сообщества почвы, а именно происходит увеличение численности определенных групп микроорганизмов, которые ответственны за разложение конкретного органического субстрата. После утилизации органики в почвенном микробном сообществе остается увеличенной доля тех микроорганизмов, которые отвечают за разложение того или иного субстрата. Кроме того, при поступлении в почву любого органического материала изменяются не только показатели почвенного микробного сообщества, но и почвенная ферментативная активность [Giacometti et al., 2013; Liu et al., 2010; Lori et al., 2017]. Так, в результате микробного разложения органического субстрата в почве будут накапливаться ферменты различных классов, которые могут, с незначительной потерей активности, сохраняться в составе почвенного органического вещества неопределенно долгое время [Nannipieri et al., 2002; Skujins, 1976; Dick et al., 1994]. В связи с этим культурные слои археологических памятников выступают в качестве уникального почвенного тела, которое в прошлом, на протяжении достаточно точно известного времени, обогащалось органическими материалами (белки, жиры, мочевины, крахмал, целлюлоза, лигнин и др.). При попадании этих субстратов в почву происходил взрывной рост биомассы микроорганизмов, ответственных за их разложение, при непрерывном синтезе специфических ферментов. В итоге в почвах увеличивалось количество определенных ферментов и групп микроорганизмов, и эти изменения ферментативного и микробного пула могли сохраняться до наших дней. Все вышесказанное формирует феномен биологической памяти почв [Marfenina et al., 2008; Borisov et al., 2021].

Сущность биологической памяти почв впервые была раскрыта при изучении сообщества почвенных микроскопических грибов культурных слоев разновозрастных поселений [Ivanova, Marfenina, 2015]. Авторами было показано, что антропогенно-преобразованные почвы поселе-

* Corresponding author.

ний имеют определенные микологические свойства, которые отличаются от свойств фоновых почв, что позволило уточнить характер древнего антропогенного воздействия. Исследование ферментативной активности впервые было применено при изучении культурного слоя поселений кобанской культуры бронзового века на Северном Кавказе [Борисов и др., 2013]. Показано, что уреазная активность может сохраняться длительное время в почвах, подвергшихся воздействию человека более 3000 лет назад. На другом археологическом памятнике пространственное варьирование значений уреазной активности культурного слоя на различных участках поселения дало возможность установить инфраструктурные особенности памятника и выявить жилые и производственные зоны, а также зону интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности и, в некоторых случаях, уточнить характер последней в связи с общей планировкой и расположением конкретных сооружений [Гак и др., 2014]. В дальнейшем стала возможной реконструкция внесения органических удобрений в почвы древних полей [Chernysheva et al., 2015, 2017]. Так, в почвах земледельческих полей поселений аланского времени (V–VIII вв. н.э.) наблюдались повышенная уреазная активность и высокая численность термофильных бактерий. В дальнейшем были начаты исследования фосфатазной активности культурных слоев поселений. Показано, что высокий уровень фосфатазной активности, соответствующий уровню современных почв, наблюдался в почвах, погребенных под курганами эпохи бронзы и раннего железного века в степной зоне юга России [Kashirskaya et al., 2020]. В культурных слоях средневекового времени отмечено повышение фосфатазной активности, связанное с особенностями формирования культурного слоя в различные периоды функционирования памятника [Kashirskaya et al., 2020].

Другим перспективным методом для реконструкций особенностей бытовой деятельности древнего человека, не получившим пока широкого применения, является исследование спектра поглощения легкодоступных источников углерода на основе анализа дыхательного отклика почвенного микробного сообщества. Утилизируя различные низкомолекулярные индукторы, микроорганизмы дают дыхательные отклики всего микробного сообщества или его отдельных (специфических) группировок, благодаря чему достигается возможность оценить функциональное разнообразие конкретного микробного сообщества. Ранее было показано, что использование данного метода позволяет разделить ритуальные пищевые продукты на уровне «азотистые — безазотистые субстраты» и, в свою очередь, диагностировать исходное присутствие белковой пищи или жиров в сосудах из курганных захоронений [Хомутова и др., 2020].

В данной работе мы предлагаем новый биохимический подход для реконструкции исходного присутствия жиросодержащих продуктов в различных археологических контекстах (керамические сосуды из погребений, образцы грунта в различных частях скелета и культурные слои археологических памятников). В основе этого подхода заложена оценка качественных и количественных изменений параметров микробного сообщества, а именно специфических групп микроорганизмов (липолитиков), ряда липолитических ферментов, а также спектра поглощения легкодоступных низкомолекулярных субстратов.

Жир является биомолекулой, наиболее устойчивой к деградации в окружающей среде, в частности в почве, в первую очередь благодаря своим гидрофобным свойствам, что препятствует его вымыванию грунтовыми водами из места первоначального поступления в почву [Evershed, 2008]. Жиры (липиды) это нерастворимые в воде органические молекулы, состоящие главным образом из углерода, водорода и кислорода. Их структура представляет собой линейный, разветвленный или циклический углеродный скелет [Evershed, 1993]. В окружающей среде липиды разрушаются под действием ферментов липаз [Ленинджер, 1985]. Липазы катализируют гидролиз триглицеридов на свободные жирные кислоты и глицерин в присутствии незначительного количества воды и часто в присутствии органических растворителей. Продуцируются эти ферменты многими микроорганизмами, растениями и животными [Palacios et al., 2014].

Объекты исследования

Модельный эксперимент по изучению динамики разложения липидов в почве. Для изучения динамики разложения субстратов липидной природы и обоснования возможности реконструкции исходного присутствия жиров в различных археологических контекстах методами почвенной микробиологии и биохимии в апреле 2020 г. был заложен долгосрочный модельный лабораторный эксперимент. В почву (чернозем) вносили следующие субстраты: оливковое масло, сливочное масло, говяжий жир, бараний и свиной жир. Количество вносимого субстрата было уравновешено по содержанию стеариновой кислоты ($C_{18:0}$) (табл. 1). Содержание стеариновой кислоты в вышеуказанных субстратах было определено по справочникам [Скурихин, Волгарев,

Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах

1986]. В каждый вариант вносили 1,5 % вещества в пересчете на стеариновую кислоту. Перед внесением сливочное масло, бараний и говяжий жир предварительно были растоплены и далее тщательно перемешаны с почвой. Образцы почвы (1 кг) с субстратами разместили в полиэтиленовые боксы и инкубировали в термостате при 25 °С, при этом постоянно контролировали влажность на уровне 60 % ПВ (полной влагоемкости). Измерения проводились через каждые шесть месяцев. В статье показаны результаты измерений микробиологических параметров через 1,5 года после начала эксперимента.

Таблица 1

Количество внесенных субстратов в вариантах модельного эксперимента и среднее содержание в них стеариновой кислоты

Table 1

The amount of substrates introduced into the variants of the model experiment and the average content of stearic acid

Субстрат	Средние содержание C _{18:0} / 100 г продукта	Масса вносимого в почву субстрата, г
Сливочное масло	10	150
Оливковое масло	5	300
Бараний жир	30	50
Говяжий жир	26	60
Свиной жир	14	100

Археологические контексты. В качестве тестовых объектов для реконструкции исходного присутствия жира были использованы три типа грунта из различных археологических контекстов.

1. Почвенно-грунтовые образцы из сосудов (кружки, миски, кувшины и кувшинчики), обнаруженные в погребениях аланской культуры в курганных могильниках Октябрьский I, Киевский I (Республика Северная Осетия — Алания) и Братские 1-е курганы (Чеченская Республика) III — первой половины V в. н.э. Всего было исследовано 20 сосудов. Образцы грунта для анализа отбирались из нижней части заполнения сосудов. Целью исследования было установить наличие жира в качестве ритуальной пищи в горшках.

2. Почвенно-грунтовые образцы, отобранные под разными частями скелета (под черепом, грудным отделом позвоночника, тазом, коленями и ступнями) в погребениях аланской культуры из вышеуказанных курганных могильников, а также в погребениях могильника Бейсужек-35 новотиторской культуры эпохи бронзы (Краснодарский край). Был проанализирован грунт из шести погребений; еще в трех погребениях грунт отбирался только под черепом. В качестве фона использовали образцы грунта со дна могильных ям на максимальном удалении от скелета, а также образец верхнего горизонта фоновой каштановой почвы. При выборе данных объектов мы исходили из предположения, что в теле человека заведомо присутствует жир и его обнаружение с помощью методов почвенной микробиологии и биохимии позволит перейти к реконструкции исходного присутствия жира в горшках из погребений.

3. Культурный слой поселения Ксизово-1 (катакомбная культура, XXIV–XXIII вв. до н.э., Липецкая обл.). Целью исследования данного типа грунта было установление инфраструктурных особенностей памятника, выявление мест приготовления пищи и хранения продуктов.

Методы исследования

Потенциальная ферментативная активность была измерена с помощью процедуры гетеромолекулярного обмена [Fornasier, Margon, 2007; Cowei et al., 2013]. В работе проведено исследование активности шести липаз, гидролизующих субстраты с различной длиной углеродной цепи: бутират-эстераза (C₄), октаноат-липаза (C₈), додеканат-липаза (C₁₂), мирилат-липаза (C₁₄), пальмитат-липаза (C₁₆) и стеарат-липаза (C₁₈). Кратко: 0,4 г почвы помещали в микроцентрифужные пробирки, приливали 1,4 мл 3 % раствора лизоцима в NaCl (pH 6,8, 0,1 M), содержащий стеклянные шарики и шарики из оксида циркона. Затем образцы были измельчены на вибрационной шаровой мельнице с целью разрушения микробных клеток и почвенных частиц при 30 ударах/сек в течение трех минут с последующим центрифугированием в течение пяти минут при 20 000 g и температуре 10 °С. Полученный супернатант помещался в микропланшет, в каждой ячейке которого содержался модифицированный универсальный буфер (pH 7,5). Затем приливали хромогенно меченные субстраты на основе 4-нитрофенола и инкубировали при 37 °С в течение часа. Оптическую плотность образовавшегося 4-нитрофенола измеряли при длине волны

410 нм на микропланшетном ридере xMark™ фирмы Bio-Rad. Все измерения были сделаны в четырех повторностях. Ферментативная активность выражалась в нмоль 4-НФ/г почвы в час.

Для идентификации субстратов липидной природы применялась среда, разработанная для культивирования липолитических бактерий следующего состава (г/л): Твин-80 — 10, мясной пептон — 10, хлорид натрия — 5, хлорид кальция — 0,01. Навеска почвы 1 г разводилась в 10 мл раствора, содержащего 0,5 % пирофосфата натрия и 0,1 % пирувата натрия. Суспензия почвы доводилась до третьего разведения. Инкубация продолжалась в течение 3–5 дней при 30 °С. Колонии липолитических микроорганизмов определялись по наличию ореола кальциевых солей жирных кислот в виде пузырьков внутри среды или пленки на ее поверхности.

Анализ спектра поглощаемых субстратов почвенным микробным сообществом был осуществлен с использованием микрореспираторного метода, система MicroResp™ [Degens, Harris, 1997; Campbell et al., 2003]. В качестве субстратов использовались низкомолекулярные органические вещества, относящиеся к классам аминокислот, карбоновых кислот и простых углеводов. Всего было использовано 25 субстратов. Образец почвы, предварительно увлажненный до 60 % ПВ и прединкубированный в течение трех дней, помещался в планшет с глубокими лунками, к почве добавляли 25 мкл субстрата. В качестве контроля добавляли воду. Измерения были сделаны в трех повторностях. Планшеты накрывали резиновыми ковриками с вентилирующими отверстиями и микропланшетами с детекционным гелем. Измерения проводили на микропланшетном ридере xMark™ фирмы Bio-Rad при длине волны 570 нм. В результате выделения углекислого газа при дыхании микробных сообществ, в зависимости от его концентрации, окраска детекционного геля изменялась в градиенте малиновый — желтый. Дыхательную активность микробного сообщества выражали в мкг C–CO₂/г почвы в час.

Результаты и обсуждение

Модельный эксперимент. Численность липолитических микроорганизмов в жировых вариантах модельного эксперимента, кроме варианта с добавлением оливкового масла, существенно превышала контроль (рис. 1). Максимальные значения выявлены в варианте с бараньим жиром, где численность липолитиков составила 38 млн КОЕ/г почвы. В вариантах со сливочным маслом, говяжьим и свиным жиром обилие микроорганизмов было ниже, но превышало контрольный вариант в 2–3 раза. Невысокая численность липолитических бактерий в варианте с оливковым маслом может быть связана с неполным разложением субстрата и, возможно, изменением водно-воздушных свойств почвы, что обусловило снижение биомассы микроорганизмов в этом варианте.

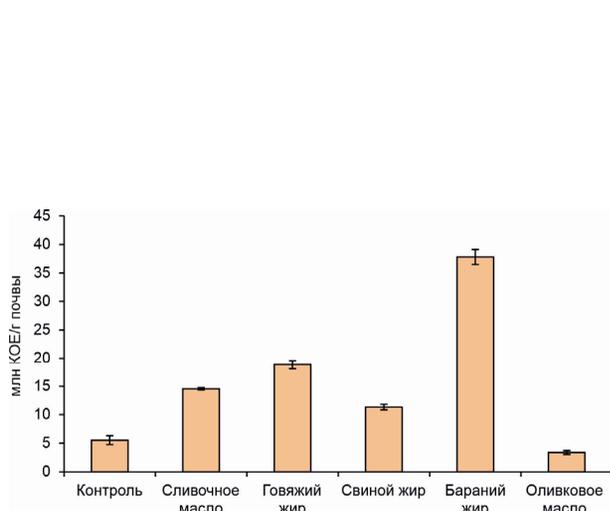

Рис. 1. Численность липолитических микроорганизмов в вариантах модельного эксперимента.

Fig. 1. Abundance of lipolytic microorganisms in model experiment treatments.

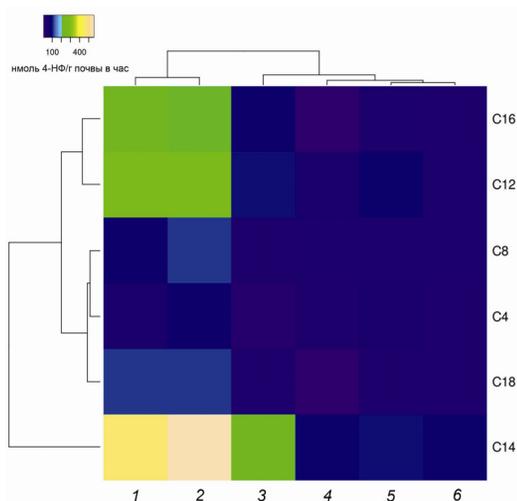

Рис. 2. Кластеризованная тепловая карта активности липаз в вариантах модельного эксперимента:

1 — говяжий жир; 2 — бараний жир; 3 — сливочное масло; 4 — контроль; 5 — свиной жир; 6 — оливковое масло.

Fig. 2. Clustered heatmap of lipase activities in model experiment treatments:

1 — beef fat; 2 — lamb fat; 3 — butter; 4 — control; 5 — pork fat; 6 — olive oil.

Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах

Активность бутират-эстеразы (C_4) и октаноат-липазы (C_8) существенно не различалась в вариантах модельного эксперимента (табл. 2; рис. 2, на рисунке бежевый и желтый цвет отражают максимальную ферментативную активность, зеленый — умеренную, фиолетовый и синий — минимальную). Можно лишь отметить возрастание активности фермента C_4 в варианте с бараньим жиром и фермента C_8 в вариантах с говяжьим и бараньим жиром. Однако в отношении додеканат-липазы (C_{12}), миристант-липазы (C_{14}), пальмитат-липазы (C_{16}) и стеарат-липазы (C_{18}) было выявлено заметное увеличение во всех жировых вариантах, но в особенности в вариантах с бараньим и говяжьим жиром. Причем ферментативная активность между этими вариантами существенно не различалась.

Таблица 2

Липазная активность в вариантах модельного эксперимента

Table 2

Lipase activities in model experiment treatments

Вариант	Ферментативная активность (нмоль 4-НФ/г почвы в час)					
	C_4	C_8	C_{12}	C_{14}	C_{16}	C_{18}
Контроль	44 ± 4	69 ± 5	59 ± 5	88 ± 5	15 ± 1	8 ± 3
Сливочное масло	33 ± 2	51 ± 2	103 ± 6	217 ± 4	79 ± 3	46 ± 2
Говяжий жир	55 ± 3	84 ± 3	276 ± 6	463 ± 4	219 ± 2	112 ± 2
Свиной жир	52 ± 4	65 ± 4	89 ± 5	98 ± 4	70 ± 4	41 ± 3
Бараний жир	84 ± 4	114 ± 3	275 ± 7	557 ± 8	211 ± 3	111 ± 2
Оливковое масло	44 ± 4	66 ± 3	71 ± 5	91 ± 4	48 ± 5	49 ± 3

Следует отметить, что по мере увеличения количества атомов углерода в углеродной цепи происходило увеличение липазной активности относительно контроля. Согласно классификации ферменты, разрушающие субстраты, состоящие из низших жирных кислот (меньше шести атомов углерода), относятся к эстеразам, тогда как к «истинным» липазам (специфический вид эстераз) относятся ферменты, гидролизующие водно-нерастворимые субстраты, такие как триглицериды (жиры), состоящие из длинноцепочечных высших жирных кислот [Casas-Godoy et al., 2012]. Иными словами, активность именно длинноцепочечных липаз должна указывать на исходное присутствие жира. Это согласуется с полученными нами результатами. Из полученных данных по изучению разложения жировых субстратов следует, что наиболее информативными ферментами для выявления жировых субстратов являются липазы C_{12} , C_{14} , C_{16} и C_{18} .

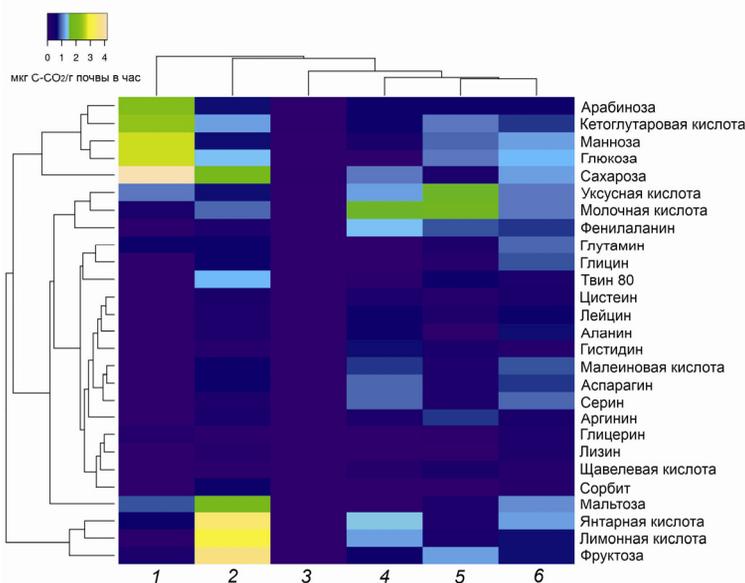

Рис. 3. Кластеризованная тепловая карта спектра поглощения легкодоступных источников углерода в различных вариантах модельного эксперимента:

1 — бараний жир; 2 — говяжий жир; 3 — контроль; 4 — свиной жир; 5 — сливочное масло; 6 — оливковое масло.

Fig. 3. Clustered heatmap of utilization spectrum of easily available carbon sources in model experiment treatments:

1 — lamb fat; 2 — beef fat; 3 — control; 4 — pork fat; 5 — butter; 6 — olive oil.

Спектр поглощения легкодоступных источников углерода существенно изменялся в вариантах модельного эксперимента (рис. 3, на рисунке бежевый и желтый цвет отражают максимальный ответ микробного сообщества на внесение индуктора, зеленый — умеренный, фиолетовый и синий — минимальный). Это указывает на существенное различие в функциональном разнообразии микробных сообществ в ходе их сукцессии, вызванной внесением различных липидных субстратов. Суммарный респираторный отклик в жировых вариантах был выше в 10–19 раз суммарного отклика в контрольном варианте. Особенно выделяются варианты с говяжьим и бараньим жиром. Согласно кластерному анализу бараний жир выделяется по высоким респираторным откликам на внесение сахарозы, глюкозы, маннозы, кетоглutarовой кислоты и арабинозы, говяжий жир — по высоким откликам на фруктозу, янтарную и лимонные кислоты, а также на мальтозу и сахарозу. В варианте со сливочным маслом выявлены повышенные отклики на уксусную и молочную кислоту. Значительный отклик на внесение молочной кислоты также был обнаружен в варианте со свиным жиром.

Таким образом, полученные предварительные данные по изучению динамики разложения жировых субстратов дают основания для реконструкции исходного присутствия жира в различных археологических контекстах методами почвенной микробиологии и биохимии. Однако для более точной экстраполяции результатов модельного эксперимента на археологические объекты необходимо больше точек наблюдения во времени, так как внесение субстратов с различными свойствами и составом может провоцировать сукцессию микробного сообщества по разным типам. Следовательно, равновесное состояние микробного сообщества в каждом варианте опыта будет достигнуто в разное время.

Археологические памятники

Заполнение погребальных сосудов. В образцах грунта из погребений курганных могильников Октябрьский I, Киевский I и Братские 1-е курганы было проведено определение численности липолитических микроорганизмов и активности шести липаз (рис. 4). Липолитические микроорганизмы и липазная активность были обнаружены во всех изученных сосудах, но повышенные значения выявлены только в 15–20 % сосудов. В отношении только одной кружки была выявлена высокая липазная активность и численность липолитиков. Причем высокая ферментативная активность достигалась за счет активности именно длинноцепочечных липаз (C_{14} , C_{16} и C_{18}), ответственных за разложение жиров. Это с большой вероятностью указывает на исходное наличие жиров в данной кружке. В целом же следует отметить, что показатели количественного учета колоний на чашках в большей степени зависят от внешних факторов (глубина, химические свойства почв, влажность и др.), чем активность ферментов, поэтому результаты могут не совпадать.

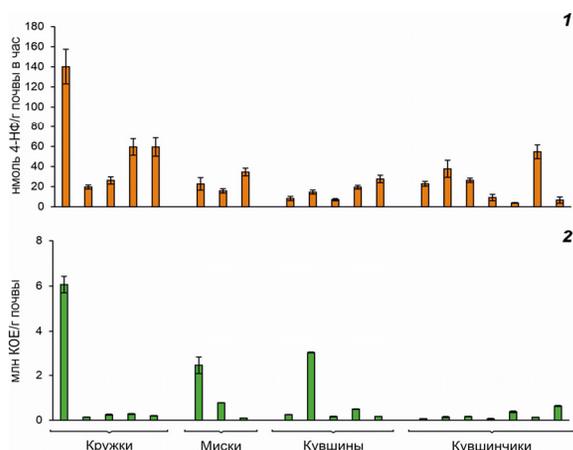

Рис. 4. Суммарная липазная активность (1) и численность липолитических микроорганизмов (2) в сосудах из погребений курганных могильников Октябрьский I, Киевский I и Братские 1-е курганы.

Fig. 4. Total lipase activity (1) and abundance of lipolytic microorganisms (2) in vessels from kurgan cemeteries Oktyabrsky I, Kievsky I and Bratsky 1st kurgans.

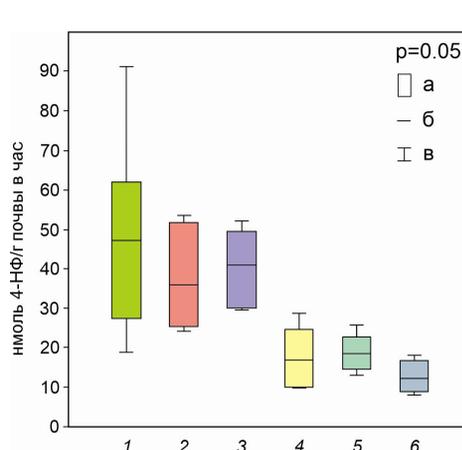

Рис. 5. Суммарная липазная активность в грунте из погребений:

а — межквартильное расстояние; б — медиана; в — min-max. 1 — череп; 2 — грудь; 3 — таз; 4 — колени; 5 — ступни; 6 — фон.

Fig. 5. Total lipase activity of soils of burials: а — interquartile range; б — median; в — min-max. 1 — skull; 2 — chest; 3 — pelvis; 4 — knees; 5 — feet.

Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах

Результаты анализа позволяют говорить, что жир, хотя и не являлся каким-то экзотическим либо эпизодическим (сезонным) продуктом, тем не менее всегда находился в частом (или постоянном) дефиците и ценился весьма высоко, представляя собой продукт статусный. Очевидно, жир не столь широко использовался в погребальном обряде в качестве ритуальной пищи, а если и присутствовал, то помещался в сосудах малого объема (кружки, миски).

Грунт из погребений. Здесь было проведено исследование только липазной активности (рис. 5). Во всех случаях высокая липазная активность была обнаружена в грунте под черепом. Учитывая, что, независимо от конституции человека, в черепе содержится до 2–3 л жировой ткани, полученный результат позволяет считать данный подход весьма информативным. Также высокая липазная активность была выявлена в образцах грунта в области грудного отдела и таза, т.е. в участках, где заведомо в теле человека содержится больше жира. В грунте под коленями и ступнями активность липолитических ферментов была значительно ниже, лишь немного выше, чем в образцах фона, отобранных в различных частях погребальной камеры. Таким образом, как мы и предполагали, исследование грунта под различными участками скелета показывает возможность реконструкции исходного содержимого сосудов методами почвенной микробиологии и биохимии.

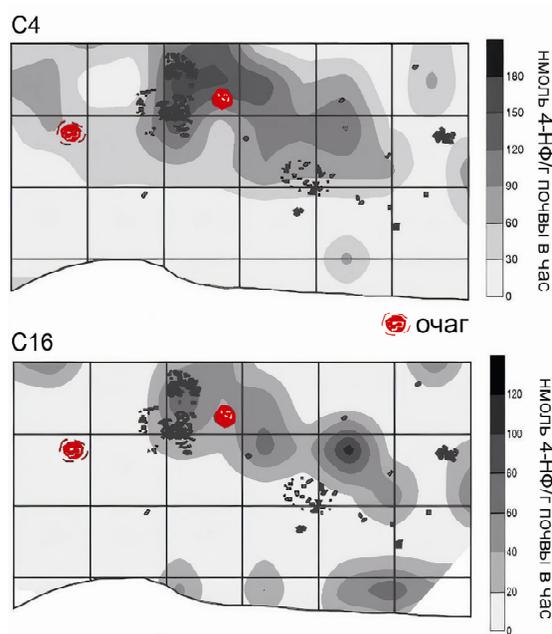

Рис. 6. Распределение липазной активности на территории поселения Ксизово-1.

Fig. 6. Distribution of lipase activities at settlement Ksizovo-1.

Культурный слой поселения Ксизово-1. Проведено исследование культурного слоя модельного участка поселения площадью 84 м². Образцы были отобраны сплошной площадью с каждого квадратного метра культурного слоя на одном уровне зачистки (40–60 см), соответствующей пласту с наибольшей концентрацией археологического материала [Потапова и др., 2020]. В пределах каждого квадратного метра отбирали репрезентативно образцы из пяти точек, а для дальнейшего лабораторного анализа использовали усредненный образец. На основании полученных данных были построены площадные диаграммы. В образцах грунта проведено исследование активности бутират-эстеразы (C₄) и пальмитат-липазы (C₁₆). Сравнительный анализ полученных данных с распределением археологических объектов позволил установить, что повышенные значения активности липазы, ответственной за разложение жиров, были выявлены в местах концентрации керамики вблизи очагов (рис. 6). Приуроченность липазных аномалий к очагам может указывать на поступление в почву субстратов липидной природы и служить в качестве индикаторов мест приготовления пищи на памятниках.

Заключение

Численность липолитических микроорганизмов и уровень ферментативной активности в почве прямо зависит от количества поступающего органического субстрата, в разложении кото-

рого они участвуют. После разложения органических остатков в почве формируется микробный и ферментный пул, который может сохраняться на протяжении длительного периода времени. В основе этого положения лежит концепция биологической памяти почв [Borisov et al., 2021].

В данном исследовании впервые показана возможность реконструкции исходного присутствия жиросодержащих субстратов в различных археологических контекстах, а именно: в почвенно-грунтовом заполнении сосудов из погребений, в грунте под различными частями скелета, а также в культурном слое на различных участках поселения.

Обоснованность такой реконструкции была показана на примере изучения динамики разложения жировых субстратов в модельном эксперименте. Но для более точной экстраполяции результатов модельного эксперимента на археологические объекты необходимо больше точек наблюдения во времени, так как внесение субстратов с различными свойствами и составом может провоцировать сукцессию микробного сообщества по разным типам. Следовательно, равновесное состояние микробного сообщества в каждом варианте опыта будет достигнуто в разное время. В связи с этим исследования динамики разложения липидных субстратов будут продолжены нами в дальнейшем. Сейчас можем сказать, что по высокой численности липолитических микроорганизмов и активности липаз с длинной углеродной цепью (C_{12} – C_{18}) возможно с большой вероятностью реконструировать присутствие жиров животного происхождения.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность археологам д.и.н. Д.С. Коробову, к.и.н. Е.И. Гаку, к.и.н. М.В. Ивашову, к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н. В.Ю. Малашеву за предоставленную возможность работы на памятниках, содействие в проведении полевых исследований, отборе образцов и консультации.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 22-28-01725.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С. Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н.э.) в окрестностях г. Кисловодска // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2013. № 4. С. 142–162.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Чернышева Е.В. Биологическая память почв об изменениях условий почвообразования и антропогенной деятельности в прошлом: микробная и ферментная составляющие // Почвоведение. 2021. № 7. С. 849–861. <https://doi.org/10.31857/S0032180X21070029>

Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // РА. 2014. № 4. С. 19–28.

Ленинджер А. Основы биохимии. М.: Мир, 1985. Т. 1. 367 с.

Скурихин И.М., Волгарев М.Н. (отв. ред.). Химический состав пищевых продуктов. Кн. 2: Справочные таблицы содержания аминокислот, жирных кислот, витаминов, макро- и микроэлементов, органических кислот и углеводов. М.: Агропромиздат, 1987. 360 с.

Хомутова Т.Э., Дуцанова К.С., Борисов А.В. Микробиологический подход к реконструкции исходного содержимого горшков из подкурганых захоронений // Нижневолж. археол. вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 188–201. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.10>

Потапова А.В., Пинской В.Н., Гак Е.И., Каширская Н.Н., Борисов А.В. Изменчивость свойств культурного слоя поселения эпохи бронзы Ксизово-1 в лесостепном Подонье // РА. 2020. № 1. С. 60–75. <https://doi.org/10.31857/S086960630008254-8>

Borisov A.V., Demkina T.S., Kashirskaya N.N., Khomutova T.E., Chernysheva E.V. Changes in the past soil-forming conditions and human activity in soil biological memory: Microbial and enzyme components // Eurasian Soil Science. 2021. Vol. 54 (7). P. 1078–1088. <https://doi.org/10.1134/S1064229321070024>

Campbell C.D., Chapman S.J., Cameron C.M., Davidson M.S., Potts J.M. A rapid microtiter plate method to measure carbon dioxide evolved from carbon substrate amendments so as to determine the physiological profiles of soil microbial communities by using whole soil // Applied and Environmental Microbiology. 2003. Vol. 69. P. 3593–3599. <https://doi.org/10.1128/AEM.69.6.3593-3599.2003>

Casas-Godoy L., Duquesne S., Bordes F., Sandoval G., Marty A. Lipases: An overview // Methods of molecular biology. 2012. Vol. 861. P. 3–30.

Chernysheva E., Korobov D., Borisov A. Thermophilic microorganisms in arable land around medieval archaeological sites in Northern Caucasus, Russia: Novel evidence of past manuring practices // Geoarchaeology. 2017. Vol. 32. P. 494–501. <https://doi.org/10.1002/gea.21613>

Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V. Urease activity in cultural layers at archaeological sites // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 57. P. 24–31. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.01.022>

Cowie A., Lonergan, V.E., Rabbi F.S.M., Fornasier F., Macdonald C., Harden S., Kawasaki A., Brajesh K., Singh B.K. The impact of carbon farming practices on soil carbon in northern New South Wales // Soil Research. 2013. Vol. 51. P. 707–718. <https://doi.org/10.1071/SR13043>

Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах

Degens B.P., Harris J.A. Development of physiological approach to measuring the catabolic diversity of soil microbial communities // *Soil Biology & Biochemistry*. 1997. Vol. 29. P. 1309–1320. [https://doi.org/10.1016/S0038-0717\(97\)00076-X](https://doi.org/10.1016/S0038-0717(97)00076-X)

Dick R.P., Sandor J.A., Eash N.S. Soil enzyme activities after 1500 years of terrace agriculture in the Colca Valley, Peru // *Agriculture, Ecosystem & Environment*. 1994. Vol. 50. P. 123–131. [https://doi.org/10.1016/0167-8809\(94\)90131-7](https://doi.org/10.1016/0167-8809(94)90131-7).

Evershed R.P. Biomolecular archaeology and lipids // *World Archaeology*. 1993. Vol. 25. P. 74–93

Evershed R.P. Organic residues in archaeology: The archaeological biomarker revolution // *Archaeometry*. 2008. Vol. 50. P. 895–924. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>

Fornasier F., Margon A. Bovine serum albumin and Triton X-100 greatly increase phosphomonoesterases and arylsulphatase extraction yield from soil // *Soil Biology & Biochemistry*. 2007. Vol. 39. P. 2682–2684. <https://doi.org/10.1016/j.soilbio.2007.04.024>

Giacometti C., Demyan M.S., Cavani L., Marzadori C., Ciavatta C., Kandeler E. Chemical and microbiological soil quality indicators and their potential to differentiate fertilization regimes in temperate agroecosystems // *Applied Soil Ecology*. 2013. Vol. 64. P. 32–48. <https://doi.org/10.1016/j.apsoil.2012.10.002>

Inanova A., Marfenina O. Soil fungal communities as bioindicators of ancient human impacts in medieval settlements in different geographic regions of Russia and southwestern Kazakhstan // *Quaternary International*. 2015. Vol. 365. P. 212–222. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2014.10.016>

Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Chernisheva E.V., Eltsov M.V., Udaltsov S.N., Borisov A. V. Temporal and Spatial Features of Phosphatase Activity in Natural and Human-Transformed Soils // *Eurasian Soil Science*. 2020. Vol. 53 (1). P. 97–109. <https://doi.org/10.1134/S1064229320010093>

Liu E., Yan C., Mei X., Wenqing H., Bing S. H., Ding L., Liu Q., Liu S., Fan T. Long-term effect of chemical fertilizer, and manure on soil chemical and biological properties in northwest China // *Geoderma*. 2010. Vol. 158. P. 173–180. <https://doi.org/10.1016/j.geoderma.2010.04.029>

Lori M., Symnaczyk S., Mäder P., de Deyn G., Gattinger A. Organic farming enhances soil microbial abundance and activity — A meta-analysis and meta-regression // *PLoS One*. 2017. Vol. 12. P. e0180442. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0180442>

Marfenina O.E., Ivanova A.E., Kislova E.E., Sacharov D.S. The mycological properties of medieval culture layers as a form of soil 'biological memory' about urbanization // *Journal of Soils and Sediments*. 2008. Vol. 8. P. 340–348. <https://doi.org/10.1007/s11368-008-0032-2>

Nannipieri P., Giagnoni L., Landi L., Renella G. Role of phosphatase enzymes in soil // Bunemann E, Oberson, A., Frossard, E. (Eds.). *Phosphorus in action: Biological processes in soil phosphorus cycling: Soil biology*. Vol. 26. Springer, Heidelberg, 2011. P. 215–243.

Palacios D., Busto M.D., Ortega N. Study of a new spectrophotometric end-point assay for lipase activity determination in aqueous media // *LWT — Food Science and Technology*. 2014. Vol. 55. P. 536–542. <https://doi.org/10.1016/j.lwt.2013.10.027>

Skujins J.J. Extracellular enzymes in soil // *Critical Review in Microbiology*. 1976. Vol. 4. P. 383–421.

Chernysheva E.V. *, Kashirskaya N.N., Dushchanova K.S.

FRC PSCBR RAS, Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science

Institutskaya st., 2, Pushchino, 142290, Russian Federation

E-mail: e.chernysheva@yandex.ru (Chernysheva E.V.); nkashirskaya81@gmail.com (Kashirskaya N.N.);

kamilla.dushchanova@gmail.com (Dushchanova K.S.)

Soil biochemical indicators of initial presence of fat in different archaeological contexts

The article proposes a new biochemical approach for the reconstruction of the initial presence of fat-containing products in different archaeological contexts (ceramic vessels from burials, soil samples in different parts of the skeleton and cultural layers of archaeological sites) based on the study of qualitative and quantitative changes in the parameters of the soil microbial community, namely, specific groups of microorganisms (lipolytics), a number of lipolytic enzymes, as well as the utilization spectrum of readily available low molecular weight substrates. Ground samples of the studied objects were collected in the following regions: ceramic vessels — the Republic of North Ossetia-Alania and the Chechen Republic; burials — Krasnodar Krai; the cultural layer of the settlement — Lipetsk region. The number of lipolytic microorganisms and the level of enzymatic activity in the soil directly depend on the amount of the incoming substrate, in the decomposition of which they participate. After the decomposition of organic residues in the soil, a microbial and enzyme pools are formed, which can persist for a long period. The obtained preliminary data on the study of the decomposition dynamics of fatty substrates give us possibility for the reconstruction of the initial presence of fat in different archaeological contexts using the methods of soil microbiology and biochemistry. But, for a more accurate extrapolation of the results of a model experiment to archaeological objects, more points of observation in time are needed, since the introduction of substrates with

* Corresponding author.

different properties and composition can provoke microbial community succession in different ways. Hence, the equilibrium state of the microbial community in each variant of the experiment will be reached at different times. However, the results of the study of soils and cultural layers of archaeological sites of Bronze Age and early medieval time have convincingly shown the possibility of applying our approach. As we assumed, the maximum lipase activity was found in the soil samples under the skull, chest and pelvis, i.e. in areas of human body with the highest content of fat tissues. This showed the possibility for reconstruction the original contents of the vessels from burials using the methods of soil microbiology and biochemistry. A high number of lipolytic microorganisms and lipase activity were detected only in 15–20 % of the vessels. We suggest that fat food may not have been as widely used in the funeral rite as ritual food. The study of lipase activity made it possible to clarify the features of the economic usage of the territory of archaeological site, to identify possible places for cooking.

Keywords: archaeological microbiology, soil biological memory, microbial communities, enzyme activity, cultural layers.

Acknowledgements. The authors express their deep gratitude to the archaeologists: doctor of historical sciences D.S. Korobov and candidates of historical sciences: E.I. Gak, M.V. Ivashov, A.A. Kleshchenko and V.Yu. Malashev for the opportunity to work on archaeological sites, assistance in field research, sampling and consultation.

Funding. The work was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-01725.

REFERENCES

- Borisov, A.V., Peters, S., Chernysheva, E.V., Korobov, D.S., Reinhold, S. (2013). Chemical and microbiological properties of cultural layers of Koban culture settlements in the vicinity of c. Kislovodsk. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 142–162. (Rus.).
- Borisov, A.V., Demkina, T.S., Kashirskaya, N.N., Khomutova, T.E., Chernysheva, E.V. (2021). Changes in the past soil-forming conditions and human activity in soil biological memory: Microbial and enzyme components. *Eurasian Soil Science*, 54(7), 1078–1088. <https://doi.org/10.1134/S1064229321070024>
- Campbell, C.D., Chapman, S.J., Cameron, C.M., Davidson, M.S., Potts, J.M. (2003). A rapid microtiter plate method to measure carbon dioxide evolved from carbon substrate amendments so as to determine the physiological profiles of soil microbial communities by using whole soil. *Applied and Environmental Microbiology*, 69, 3593–3599. <https://doi.org/10.1128/AEM.69.6.3593-3599.2003>
- Casas-Godoy, L., Duquesne, S., Bordes F., Sandoval, G., Marty, A. (2012). Lipases: An overview. *Methods of molecular biology*, 861, 3–30.
- Chernysheva, E., Korobov, D., Borisov, A. (2017). Thermophilic microorganisms in arable land around medieval archaeological sites in Northern Caucasus, Russia: Novel evidence of past manuring practices. *Geoarchaeology*, 32, 494–501. <https://doi.org/10.1002/gea.21613>
- Chernysheva, E.V., Korobov, D.S., Khomutova, T.E., Borisov, A.V. (2015). Urease activity in cultural layers at archaeological sites. *Journal of Archaeological Science*, 57, 24–31. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.01.022>
- Cowie, A., Lonergan, V.E., Rabbi, F.S.M., Fornasier, F., Macdonald, C., Harden, S., Kawasaki, A., Brajesh, K., Singh, B.K. (2013). The impact of carbon farming practices on soil carbon in northern New South Wales. *Soil Research*, 51, 707–718. <https://doi.org/10.1071/SR13043>
- Degens, B.P., Harris, J.A. (1997). Development of physiological approach to measuring the catabolic diversity of soil microbial communities. *Soil Biology & Biochemistry*, 29, 1309–1320. [https://doi.org/10.1016/S0038-0717\(97\)00076-X](https://doi.org/10.1016/S0038-0717(97)00076-X)
- Dick, R.P., Sandor, J.A., Eash, N.S. (1994). Soil enzyme activities after 1500 years of terrace agriculture in the Colca Valley, Peru // *Agriculture, Ecosystem & Environment*, 50, 123–131. [https://doi.org/10.1016/0167-8809\(94\)90131-7](https://doi.org/10.1016/0167-8809(94)90131-7)
- Evershed, R.P. (1993). Biomolecular archaeology and lipids. *World Archaeology*, 25, 74–93.
- Evershed, R.P. (2008). Organic residues in archaeology: The archaeological biomarker revolution. *Archaeometry*, 50, 895–924. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>
- Fornasier, F., Margon, A. (2007). Bovine serum albumin and Triton X-100 greatly increase phosphomonoesterases and arylsulphatase extraction yield from soil. *Soil Biology & Biochemistry*, 39, 2682–2684. <https://doi.org/10.1016/j.soilbio.2007.04.024>
- Gak, E.I., Chernysheva, E.V., Khodhaeva, A.K., Borisov, A.V. (2014). An experience of systematization of infrastructural features of the settlement of the Rykan-3 catacomb culture in the forest-steppe Don region. *Rossiyskaya arkheologiya*, (4), 19–28.
- Giacometti, C., Demyan, M.S., Cavani, L., Marzadori, C., Ciavatta, C., Kandeler, E. (2013). Chemical and microbiological soil quality indicators and their potential to differentiate fertilization regimes in temperate agroecosystems. *Applied Soil Ecology*, 64, 32–48. <https://doi.org/10.1016/j.apsoil.2012.10.002>
- Ivanova, A., Marfenina, O. (2015). Soil fungal communities as bioindicators of ancient human impacts in medieval settlements in different geographic regions of Russia and southwestern Kazakhstan. *Quaternary International*, 365, 212–222. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2014.10.016>
- Kashirskaya, N.N., Plekhanova, L.N., Chernisheva, E.V., Eltsov, M.V., Udaltsov, S.N., Borisov, A.V. (2020). Temporal and Spatial Features of Phosphatase Activity in Natural and Human-Transformed Soils. *Eurasian Soil Science*, 53(1), 97–109. <https://doi.org/10.1134/S1064229320010093>

Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах

Khomutova, T.E., Dushchanova, K.S., Borisov, A.V. (2020). Microbiological approach to reconstruction of the original content of pots from the burials. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 19(1), 188–201. (Rus.). <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.10>

Lehninger, A.L. (1985). *Principles of biochemistry*. Moscow: Worth Publishers. (Rus.).

Liu, E., Yan C., Mei, X., Wenqing, H., Bing, S.H., Ding, L., Liu, Q., Liu, S., Fan, T. (2010). Long-term effect of chemical fertilizer, and manure on soil chemical and biological properties in northwest China. *Geoderma*, 158, 173–180. <https://doi.org/10.1016/j.geoderma.2010.04.029>

Lori, M., Symnaccik, S., Mäder, P., de Deyn, G., Gattinger, A. (2017). Organic farming enhances soil microbial abundance and activity — A meta-analysis and meta-regression. *PLoS One*, 12, e0180442. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0180442>

Marfenina, O.E., Ivanova, A.E., Kislova, E.E., Sacharov, D.S. (2008). The mycological properties of medieval culture layers as a form of soil 'biological memory' about urbanization. *Journal of Soils and Sediments*, 8, 340–348. <https://doi.org/10.1007/s11368-008-0032-2>

Nannipieri, P., Giagnoni, L., Landi, L., Renella, G. (2011). Role of phosphatase enzymes in soil. In: Bunnemann E., Oberson A., Frossard E. (Eds.) *Phosphorus in action: Biological processes in soil phosphorus cycling: Soil biology*, 26, Springer, Heidelberg.

Palacios, D., Busto, M.D., Ortega, N. (2014). Study of a new spectrophotometric end-point assay for lipase activity determination in aqueous media. *LWT — Food Science and Technology*, 55, 536–542. <https://doi.org/10.1016/j.lwt.2013.10.027>

Potapova, A.V., Pinskoy, V.N., Gak, E.I., Kashirskaya, N.N., Borisov, A.V. (2020). Variability of the cultural layer properties of the Bronze Age settlement Kszizovo-1 in the forest-steppe Don region. *Rossiyskaya arheologiya*, (1), 60–75. <https://doi.org/10.31857/S086960630008254-8>

Skujins, J.J. (1976). Extracellular enzymes in soil. *Critical Review in Microbiology*, 4, 383–421.

Skurikhin, I.M., Volgarev, M.N. (Eds.) (1987). *Chemical composition of food products. Book 2: Reference tables for the content of amino acids, fatty acids, vitamins, macro- and microelements, organic acids and carbohydrates*. Moscow: Agropromizdat. (Rus.).

Чернышева Е.В., <http://orcid.org/0000-0002-8526-4798>

Каширская Н.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Душанова К.С., <https://orcid.org/0000-0002-7980-9560>

Сведения об авторах:

Чернышева Елена Владиславовна, кандидат биологических наук, научный сотрудник, ФИЦ Пушинский научный центр биологических исследований РАН, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения, г. Пушкино.

Каширская Наталья Николаевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, ФИЦ Пушинский научный центр биологических исследований РАН, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения, г. Пушкино.

Душанова Камилла Савировна, научный сотрудник, ФИЦ Пушинский научный центр биологических исследований РАН, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения, г. Пушкино.

About the authors:

Chernysheva Elena V., Candidate of Biological Sciences, Researcher, Pushchino Scientific Center for Biological Research RAS, Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science, Pushchino.

Kashirskaya Natalya N., Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Pushchino Scientific Center for Biological Research RAS, Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science, Pushchino.

Dushchanova Kamilla S., Researcher, Pushchino Scientific Center for Biological Research RAS, Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science, Pushchino.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-61-2-10>

УДК 572.08

Федотова Т.К., Горбачева А.К. *

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, ул. Моховая, 11, Москва, 125009
E-mail: tatiana.fedotova@mail.ru (Федотова Т.К.); angoria@yandex.ru (Горбачева А.К.)

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОСТОВЫХ ПРОЦЕССОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛОВОГО ДИМОРФИЗМА РАЗМЕРОВ ТЕЛА (НА МОДЕЛИ ДЕТЕЙ РАННЕГО И ПЕРВОГО ДЕТСТВА)

Обсуждается процесс формирования величины и направления половых соматических различий в раннем и первом детстве, особенности показателя полового диморфизма (ПД) в 3–6 лет; этническая гетерогенность динамики полового диморфизма основных антропометрических размеров. Обобщение обширных материалов по детям РФ и бывшего СССР 1950–2010-х гг. (более 200 выборок) позволило показать чувствительность ПД размеров тела как индикатора этнотерриториального разнообразия соматического статуса и ростовой динамики в раннем и первом детстве.

Ключевые слова: *ауксология, габаритные размеры тела, межполовые различия, дети 3 и 6 лет, широкий спектр этнотерриториальных групп, антропологическая изменчивость.*

Введение

Половой диморфизм (ПД) размеров тела человека является такой же объективной и информативной характеристикой межгруппового разнообразия, как и абсолютные значения самих соматических размеров. Половые соматические различия суть следствие дифференцированного влияния факторов среды на морфологические показатели мужчин и женщин, разной по полу экокочувствительности и фенотипической пластичности. Ряд исследований подтверждает факт неслучайности половых различий соматических размеров и их изменчивости в процессе адаптации к комплексу факторов среды [Stini, 1972; Stinton, 1985; Leonard et al., 1990; Buffa et al., 2001; Gustafsson, Lindenfors, 2009; Stulp et al., 2012; Wells, 2007, 2012; Nikitovic, Bogin, 2014; Morrow, 2015; Koepke et al., 2018; Wells et al., 2019; Waxenbaum, Feiler, 2020].

Межгрупповое распределение стандартизованных значений ПД длины тела для набора выборок взрослых мужчин и женщин, широко представляющих географические регионы земного шара, имеет нормальную форму и коэффициент асимметрии уровня всего 0,20 [Дерябин, 2008]. Этот факт можно рассматривать в качестве подводящего некоторый итог длительной научной дискуссии о приоритетных факторах варибельности ПД, к числу которых относятся генетические факторы и целый спектр экологических — климато-географических, социоэкономических (от доходов населения до статуса питания и режима двигательной активности), социокультурных (гендерных) [Чижикова, Смирнова, 2005; Гудкова и др., 2012; Зимина, 2019; Eveleth, 1975; Wolfe, Gray, 1982; Sexual dimorphism..., 1982; Holden, Mace, 1999; Kanazawa, Novak, 2005; Rosenfeld, 2005; Blanckenhorn et al., 2006; Gustafsson, Lindenfors, 2009; Kirchengas, 2014; Nikitovic, 2018; Zajitschek et al., 2020].

В метаанализе по материалам РФ [Дерябин, 2008], охватывающим блок традиционных сельских выборок (русских, бурят, чукчей, эскимосов, таджиков, туркмен, каракалпаков и казахов), нормированные уровни ПД, выраженные в сигмальной мере (дивергенция Кульбака) и, следовательно, полностью сопоставимые для разных признаков, имеют величину уровня 1,7–2,2 внутригрупповых средних квадратических отклонений для многих соматических размеров. Половые различия между отдельными антропометрическими показателями в периоде онтогенеза от рождения до подросткового возраста существенно меньше и могут быть недостоверны, по этой причине объектом исследований дифференцированной по полу фенотипической пластичности, как правило, оказывается взрослое население с выраженными половыми соматиче-

* Corresponding author.

скими различиями и реализованным фенотипом. Однако различия по полу в составе тела, в частности доминирование жировой массы тела у женской части выборки и тощей массы тела у мужской, фиксируются от момента рождения до старости [Antoszewska, Wolanski, 1992; Greil, 2006; Greil, Lange, 2007; Wells, 2007, 2012]. Специфика этих различий обсуждается для ряда этнолокальных групп [Webster-Gandy et al., 2003; Gültekin et al., 2005; Chrzanowska, Suder, 2008; Vizmanos et al., 2009; Addo, Himes, 2010]. При этом временные характеристики динамического процесса формирования направления и величины итоговых половых различий совсем неочевидны, если учитывать, помимо прочего, сложную стратегию роста *Homo sapiens*: взрывной внутриутробный рост и интенсивная морфофункциональная дифференцировка в младенческом возрасте, продолженное детство, еще один ростовой спурт в пубертате, отсутствие устойчивых количественных половых различий в дефинитивных размерах, в частности длине тела, от популяции к популяции.

Задачей настоящей работы является количественная оценка межгруппового разнообразия ПД размеров тела в 3 года (раннее детство) и в 6 лет (первое детство). Шесть лет — возраст полуростового скачка, в пространстве описательных статистик связанный со значительным повышением уровней коэффициента асимметрии размеров тела [Сонькин, 2006]; точный хронологический возраст, длительность и интенсивность полуростового скачка имеют популяционные особенности. Три года — пограничный возраст между физиологически и поведенчески зависимым и относительно автономным организмом; начало более/менее устойчивой индивидуальной и групповой ростовой траектории: на всем протяжении возрастного интервала 3–17 лет межгрупповое соотношение морфологических показателей непостоянно, однако в возрасте 3 года соответствует таковому в 17 лет (практически в дефинитивном возрасте) [Дунаевская, 1974].

Работа продолжает цикл исследований авторов, посвященных закономерностям изменчивости ПД размеров тела на восходящем отрезке онтогенеза. Ранее на российских материалах было показано [Горбачева, Федотова, 2021; Gorbacheva, Fedotova, 2022], что на старте постнатального онтогенеза, в периоде новорожденности и грудном, вариации ПД размеров тела регулируются надпопуляционными и надэтническими механизмами: разная по полу цена адаптации к материнскому организму в периоде внутриутробного роста, компенсаторный рост в грудном периоде, выравнивающий обстоятельства (ограничения) пренатального развития. Этническая специфика ростовой динамики фиксируется не ранее второго полугодия первого года жизни. Показано значительно большее отставание по соматическим показателям девочек коренных этнических групп от мальчиков своих этнических групп по сравнению с выборками русских детей для латышей и русских Риги, калмыков и русских Элисты и др.

Объект исследования

К работе привлечен большой блок выборок (рис. 1) детей 3 и 6 лет 1950–2010-х гг. обследования с советского и постсоветского пространства (общая численность групп в 3 года — 153, в 6 лет — 197; численность каждой половозрастной группы около 100 чел.). Основной источник материала — сборники по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей РФ и СССР, данные собраны и обработаны по единым методическим стандартам НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков и полностью сравнимы [Гольдфельд и др., 1962, 1965; Мерков и др., 1977; Канеп и др., 1986; Максимова, Подунова, 1988; Сердюковская и др., 1998; Баранов, Кучма, 2013; Кучма и др., 2019]. Каждая выборка содержит минимальный необходимый набор статистических характеристик — численность, средние арифметические значения каждого из основных антропометрических размеров (длины тела как обобщенного показателя скелетного развития, массы тела как интегрального показателя обменных процессов, обхвата груди как показателя поперечного развития тела и пропорциональности телосложения) и средние квадратические отклонения для каждого размера.

Методика

Для количественной оценки величины полового диморфизма использована дивергенция Кульбака [Кульбак, 1967], аналог расстояния Махаланобиса. Для одномерного варианта стандартизованная величина полового диморфизма некоторого признака с использованием формулы Кульбака будет выглядеть следующим образом:

$$D = \pm \left[\frac{(X_m - X_f)^2}{2S_m^2} + \frac{(X_m - X_f)^2}{2S_f^2} \right]^{1/2},$$

где X_m , S_m , X_f и S_f — значения средних арифметических величин и средних квадратических отклонений для мужского и женского пола соответственно. Знак «±» принимает значение (+) при $X_m > X_f$ или (-) при $X_m < X_f$. Выражение признаков в долях средних квадратических отклонений обеспечивает их полную сравнимость вне зависимости от их размерности, абсолютной величины, степени внутригрупповой вариабельности и позволяет решить вопрос о степени достоверности морфологических различий — случайная величина нормированных различий при объемах выборок около 100 наблюдений имеет уровень примерно 0,2–0,3 сигмы, неслучайная превышает уровень 0,3 сигмы.

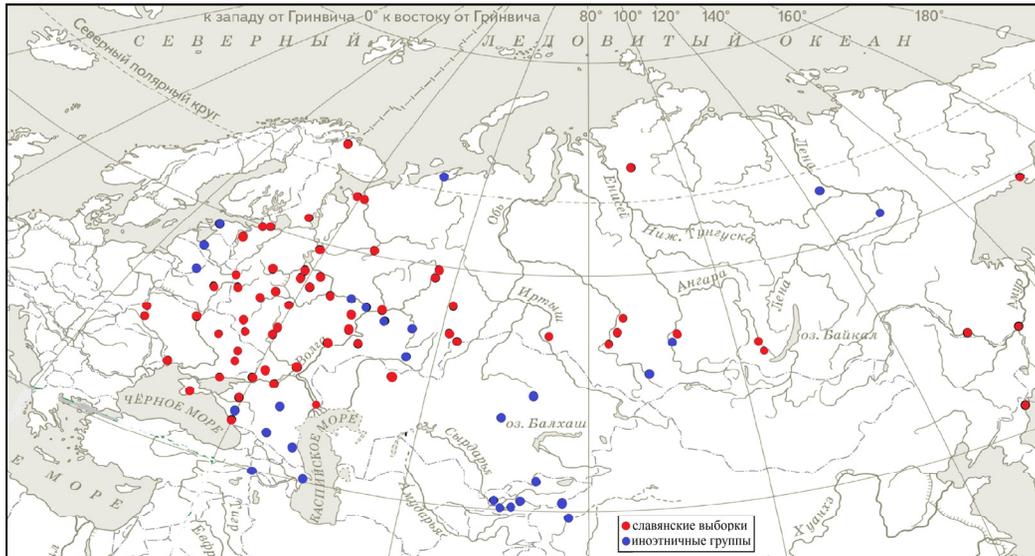

Рис. 1. Географическое расположение обследованных групп (красные кружки — славянские выборки, синие кружки — иноэтнические группы).

Fig. 1. Geographical location of examined groups (red circles — Slavic groups, blue circles — groups of different ethnicity).

При построении межгруппового распределения стандартизованных величин полового диморфизма длины тела в 3 и 6 лет был использован весь массив данных, оценка уровня корреляций стандартизованных величин ПД размеров тела со средними уровнями самих размеров рассчитывалась с привлечением только выборок 1960–1970-х гг. обследования ($N = 87$ для 3-летних детей, $N = 98$ для 6-летних детей). Далее для максимально возможного устранения «шумов», создаваемых прочими возможными факторами изменчивости ПД (климатогеографическими, экономическими, секулярными), и наиболее корректного учета вклада в вариации ПД именно этнического фактора из общего массива данных подобраны пары выборок разной этнической принадлежности (коренное население и русские), но из одной и той же экологической ниши. Для них проведена сравнительная оценка изменчивости ПД разных размеров тела в двух возрастных срезах, 3 и 6 лет. Всего таких пар 14, все выборки городские, все материалы принадлежат примерно к одному историческому срезу (советские 1960–1980-е — эпоха традиционного общества), за исключением одной пары выборок — татары и русские Казани 1992 г. обследования.

Для уточнения этноспецифических паттернов годовой динамики ПД в раннем и первом детстве привлечены из тех же указанных выше источников два набора выборок разной этнической принадлежности, обследованных поперечным методом с возрастным интервалом в 1 год. Как и в предыдущем случае, для устранения «шумов» подобраны выборки из одной и той же экологической ниши: 1) г. Салават, Башкирия, 1980 г., башкиры, татары и русские в возрастном интервале 3–7 лет; 2) Ненецкий н/о, 1957–1959 гг., ненцы, коми и русские в возрастном интервале 2–6 лет.

Для иллюстрации полученных результатов построены графики, представляющие линии возрастной динамики ПД, сглаженные по методу наименьших квадратов.

Результаты

Межгрупповое распределение стандартизованных величин ПД длины тела, построенное для всего массива данных (рис. 2, а и б), имеет примерно нормальную форму в 3 года, что соответствует вкладу большого числа факторов разной природы в формирование вариабельности ПД, каждый

Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела...

из которых вносит небольшую лепту в общий итог. В 6 лет распределение ожидаемо несколько асимметричное, с учетом повышенной ростовой активности в возрасте полуростового скачка, который не совпадает по хронологическому возрасту и интенсивности для разных популяций.

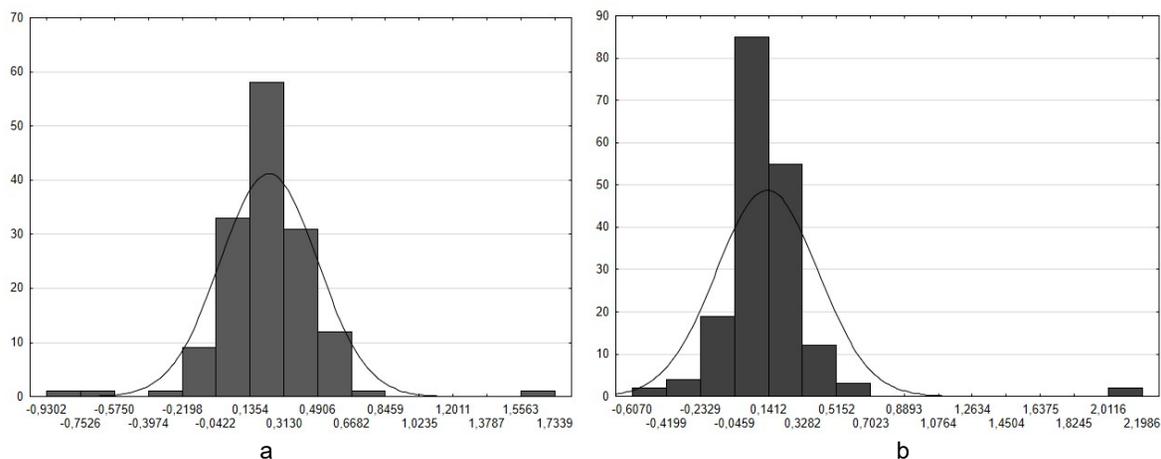

Рис. 2. Межгрупповое распределение стандартизованных величин полового диморфизма длины тела детей 3 (а) и 6 (б) лет по материалам бывшего СССР 1960–1970-х; ось X — половой диморфизм (дивергенция Кульбака), ось Y — число групп.

Fig. 2. Intergroup distribution of standardized values of sexual dimorphism of height of children aged 3 (a) and 6 (b) years on data from former USSR 1960–1970th; axe X — sexual dimorphism (Kullback divergence), axe Y — number of groups.

Примерно такая же картина зафиксирована для ПД массы тела и обхвата груди, с поправкой на то, что масса тела во всех возрастах восходящего онтогенеза от 3 до 17 лет имеет небольшой положительный коэффициент асимметрии, что отражается и на ПД размера. ПД обхвата груди в 6 лет, как и в случае с длиной тела, характеризуется распределением с небольшой левосторонней асимметрией.

Уровень корреляций стандартизованных величин ПД размеров тела со средними уровнями самих размеров (табл. 1), рассчитанный с привлечением выборок 1960–1970-х гг. обследования, колеблется в среднем в пределах 0,2–0,5. Наименее тесные связи фиксируются для длины тела с ПД длины тела у детей обоего пола, наиболее значимые корреляции среднего уровня 0,44–0,55 по абсолютной величине — для обхвата груди. Обращают на себя внимание положительные знаки ассоциаций размера и его ПД у мальчиков (исключение — масса тела в 6 лет) и неизменно отрицательные у девочек. То есть ПД тем больше, чем выше значения размера у мальчиков и чем ниже значения размера у девочек.

Из табл. 2 следует, что число достоверных этнических различий уровня ПД для 14 пар выборок по трем размерам в двух возрастах (3 и 6 лет) невелико и составляет 24 (отмечены полужирным шрифтом) из общего числа 84. Систематические различия ПД фиксируются для чувашей и русских Чебоксар 1981 г. — по длине и массе тела и обхвату груди чувашские мальчики значительно опережают чувашских девочек в 3 и 6 лет, о чем свидетельствуют высокие положительные значения ПД. В то время как для русских детей Чебоксар половые различия либо невелики, либо даже имеют отрицательный знак, т.е. русские девочки не уступают русским мальчикам по темпам роста в этой экологической нише.

Для татар и русских Казани 1992 г. в 6 лет фиксируется значительное отставание девочек татарок от мальчиков своей этнической группы по показателям поперечного развития тела — масса тела и обхват груди (ПД 0,73–1,05 соответственно) при незначительном отставании в длине тела (ПД всего 0,13 сигмы). То есть татарские мальчики в возрасте полуростового скачка имеют относительно девочек более плотное телосложение. У русских Казани обратная картина — более значительное отставание русских девочек от русских мальчиков по длине тела (ПД 0,53 сигмы) при менее значительных различиях по показателям поперечного развития тела. То есть русские мальчики относительно более акселерированы по длине тела (скелетному развитию) и одновременно более лептосомны относительно девочек.

Межгрупповые коэффициенты корреляции средних уровней длины и массы тела и обхвата груди мальчиков и девочек 3 и 6 лет со стандартизированной величиной полового диморфизма этих признаков

Table 1

Intergroup correlation coefficients of mean values of height, weight and chest girth of boys and girls aged 3 and 6 years with standardized values of sexual dimorphism of these parameters

Признак	3 года		6 лет	
	М	Д	М	Д
Длина тела	0,29*	-0,24*	0,16	-0,19*
Масса тела	0,15	-0,35*	-0,20*	-0,60*
ОГК	0,46*	-0,20	0,55*	-0,44*

* — достоверные корреляции ($p < 0,05$).

Таблица 2

Изменчивость ПД размеров тела в связи с этнической принадлежностью выборки (в 3 и 6 лет) (полу жирным выделены пары показателей ПД, различия между которыми превышают 0,3)

Table 2

Variability of sexual dimorphism of body dimensions in connection with ethnicity of group (3 and 6 years). (pairs of SD values with difference more then 0,3 are marked with bold font)

Группа	Этнич. принадл.	Длина тела		Масса тела		Окружность груди	
		3 года	6 лет	3 года	6 лет	3 года	6 лет
Объединенные данные	Этн.	0,26	0,33	0,31	0,37	0,53	0,56
	Рус.	0,11	0,19	0,28	0,06	0,35	0,37
Караганда 1964	Казахи	-0,03	0,13	0,43	0,15	0,48	0,45
	Русские	0,17	0,10	0,26	0,04	0,58	0,56
Ташкент, 1969	Узбеки	0,15	0,27	0,14	0,42	0,50	0,70
	Русские	0,28	0,02	0,25	-0,17	0,57	0,34
Рига, 1969	Латыши	-0,02	-0,06	0,10	-0,09	0,38	0,11
	Русские	0,16	0,32	0,06	-0,07	0,28	0,36
Фрунзе, 1972	Киргизы	0,19	0,23	0,68	0,03	0,54	0,36
	Русские	0,22	0,08	0,59	0,13	0,47	0,35
Баку, 1976–1977	Азерб.	-0,65	0,32	0,29	0,18	0,46	0,55
	Русские	0,34	0,14	0,34	0,17	0,90	0,55
Казань, 1992	Татары	0,39	0,13	0,60	0,73	0,11	1,05
	Русские	0,22	0,53	0,00	0,11	0,09	0,47
Якутск, 1989	Якуты	0,09	0,20	0,00	0,13	0,29	0,35
	Русские	0,19	0,18	0,24	0,20	0,52	0,45
Салават, 1980	Башкиры	0,28	0,24	0,25	0,11	0,43	0,51
	Русские	0,26	0,14	0,26	0,10	0,47	0,68
Набережные Челны, 1981	Татары	0,28	0,16	0,13	0,55	1,37	0,79
	Русские	0,12	0,58	1,60	0,36	-0,31	0,37
Казань, 1981	Татары	0,52	0,20	0,33	0,66	0,21	0,51
	Русские	-0,06	-0,02	0,03	0,22	0,14	0,34
Чебоксары, 1961	Чуваши	0,36	0,04	0,34	0,06	0,65	0,62
	Русские	0,32	0,21	0,40	0,19	0,59	0,64
Чебоксары, 1981	Чуваши	2,03	2,14	1,06	1,46	1,68	1,10
	Русские	-1,03	0,31	-0,33	-0,59	0,12	-0,22
Джезказган, 1980	Казахи	0,02	0,19	0,06	0,25	0,30	0,48
	Русские	0,27	-0,21	0,27	-0,08	0,44	0,22
Караганда, 1984	Казахи	0,08	0,17	0,00	0,22	0,09	0,37
	Русские	0,28	0,24	0,06	0,32	0,27	0,35

В Ташкенте 1969 г. у узбеков 6 лет девочки значительно отстают от мальчиков своей этнической группы по поперечному развитию тела (масса и окружность груди), т.е. более лептосомны; для русских Ташкента половые различия по поперечному развитию тела в 6 лет незначительны. В Баку 1976 г. азербайджанские девочки в 3 года значительно опережают мальчиков по темпам прироста длины тела (ПД -0,65 сигмы), но уступают им по поперечному развитию тела (обхват груди), т.е. более акселерированы по длине тела и одновременно более лептосомны

Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела...

сравнительно с мальчиками; у русских картина противоположная — девочки мало отличаются от мальчиков по темпам прироста длины тела, но значительно отстают от них по показателю поперечного развития тела (ПД 0,90 сигмы). В итоговой строке таблицы «Объединенные данные» (усредненные по 14 парам рассматриваемых выборок) значения ПД свидетельствуют, что различия в этнических группах в среднем незначительно выше сравнительно с русскими группами, в первую очередь это касается обхвата груди, т.е. мальчики иноэтнических групп в среднем несколько более макросомны относительно девочек своих этнических групп, чем русские мальчики относительно русских девочек.

Что касается подовой динамики ПД. Для г. Салавата (рис. 3–5) наиболее стабильные значения ПД всех трех размеров (длина и масса тела, обхват груди) сквозь весь интервал наблюдений 3–7 лет имеют русские дети: русские мальчики незначительно опережают русских девочек по весоростовым показателям (значения ПД колеблются на уровне 0,1–0,3 сигмы) и несколько больше по обхвату груди (ПД 0,4–0,6 сигмы). У татар динамика ПД также «равномерна» и невелика, значения колеблются на уровне отметки -0,1–0,1 для длины тела, 0,0–0,1 для массы, и на уровне 0,3–0,6 сигм для обхвата груди. Т.е. уровень половых различий размеров тела для русских и татар Салавата мало меняется с возрастом и, в данном случае, незначительно отличается у татарских и русских пар выборок. Иная динамика ПД у башкирских детей: в 5-летнем возрасте башкирские девочки значительно обгоняют мальчиков своей этнической группы по весоростовым показателям, в то время как в 3–4 года и в 6–7 лет соотношение размеров между полами «классическое» - мальчики крупнее девочек. По обхвату груди половые различия сохраняются на уровне 0,4–0,6 сигмы на возрастном интервале 3–6 лет, как и для двух других этнических групп, но существенно возрастают у 7-летних детей до уровня 1,1 сигмы.

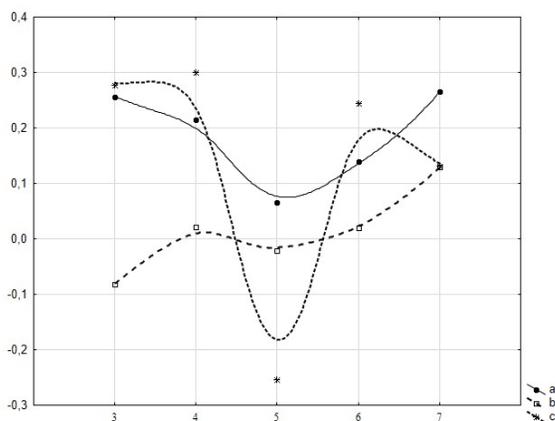

Рис. 3. Возрастная динамика стандартизованных значений ПД длины тела русских (а), татарских (б) и башкирских (с) детей 3–7 лет г. Салавата.

По оси X отмечен возраст в годах, по оси Y — половой диморфизм (дивергенция Кульбака).

Fig. 3. Age dynamics of standardized values of sexual dimorphism of height of Russian (a), Tatar (b) and Bashkir (c) children aged 3–7 years of Salavat. Axe X — age, years, axe Y — sexual dimorphism (Kullback divergence).

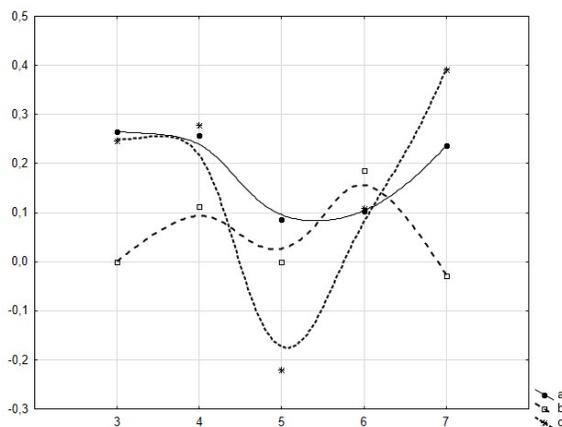

Рис. 4. Возрастная динамика стандартизованных значений ПД массы тела русских (а), татарских (б) и башкирских (с) детей 3–7 лет г. Салавата.

По оси X отмечен возраст в годах, по оси Y — половой диморфизм (дивергенция Кульбака)

Fig. 4. Age dynamics of standardized values of sexual dimorphism of weight of Russian (a), Tatar (b) and Bashkir (c) children aged 3–7 years of Salavat. Axe X — age, years, axe Y — sexual dimorphism (Kullback divergence).

Для Ненецкого н/о (ныне АО) в 1950-х гг. динамика ПД русских детей 2–6 лет очень незначительна для длины (рис. 6) и массы тела, показатели колеблются вокруг нулевого уровня, т.е. сами половые различия невелики; по обхвату груди — чуть выше и составляют 0,2–0,7 сигмы. У ненецких детей динамика ПД по длине тела в целом стабильна и колеблется в коридоре $\pm 0,1$ сигма, по массе тела выражена ярче и уровни ПД составляют в 4 года -0,4 сигмы, т.е. ненецкие девочки в 4 года имеют существенно более плотное телосложение на фоне мальчиков своей этнической группы; в 6 лет половые различия составляют 0,4 сигмы, т.е. мальчики вновь опережают девочек. По обхвату груди динамика ПД в целом в противофазе к массе тела: небольшие отрицательные уровни в 3 и 6 лет и положительные в 4–5 лет.

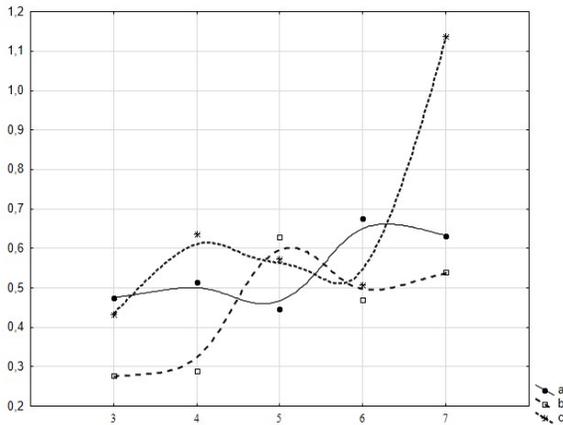

Рис. 5. Возрастная динамика стандартизованных значений ПД окружности груди русских (а), татарских (b) и башкирских (с) детей 3–7 лет г. Салавата. По оси Х отмечен возраст в годах, по оси Y — половой диморфизм (дивергенция Кульбака)

Fig. 5. Age dynamics of standardized values of sexual dimorphism of chest girth of Russian (a), Tatar (b) and Bashkir (c) children aged 3–7 years of Salavat. Axe X — age, years, axe Y — sexual dimorphism (Kullback divergence).

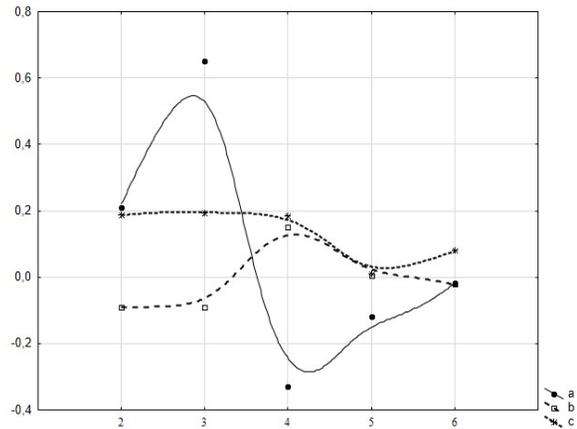

Рис. 6. Возрастная динамика стандартизованных значений ПД длины тела детей коми (а), ненцев (b) и русских (с) 2–6 лет Ненецкого АО. По оси Х отмечен возраст в годах, по оси Y — половой диморфизм (дивергенция Кульбака).

Fig. 6. Age dynamics of standardized values of sexual dimorphism of height of Komi (a), Nenets (b) and Russian (c) children aged 3–7 years of Nenets AO. Axe X — age, years, axe Y — sexual dimorphism (Kullback divergence).

Самый значительный размах динамики ПД зафиксирован для детей коми: от -0,4 до 0,7 сигмы по длине тела, от 0 до 1,4 сигмы (!) по массе и от -0,4 до 0,9 сигмы (!) по обхвату груди. В случае детей коми наибольшая синхронность возрастной динамики половых различий отмечается для показателей скелетного развития — длины тела и обхвата груди с отрицательными уровнями в 4 года (-0,4 сигмы) и последующим восстановлением в 6 лет до нулевого уровня по длине тела и уровня 0,6 сигмы по обхвату груди. Одновременно для ПД массы тела также отмечается падение уровня с последующим восстановлением, но этот «цикл» имеет место годом раньше: минимум ПД (нулевой уровень) в три года сравнительно с четырьмя для скелетных размеров и максимум (1,4 сигмы) в пять лет сравнительно с шестью для скелетных размеров.

Обсуждение

Выявленные закономерности изменчивости межгруппового распределения ПД размеров тела в раннем детстве повторяют таковые для взрослого населения [Дерябин, 2008] и дефинитивного морфологического статуса (реализованного фенотипического статуса). Распределение ПД имеет примерно нормальную форму на фоне умеренных темпов роста в 3 года, как и распределение самих антропометрических показателей, с которыми антропологи имеют дело в повседневной практике. Симметричность распределения ожидаемо нарушается в первом детстве в возрасте полуростового скачка (6 лет) на фоне увеличения скоростей роста, интенсивность и точный хронологический возраст этого эффекта имеют популяционную специфику. Картина нормального распределения ПД показана и для детей грудного возраста в метаанализе с привлечением 77 этнотерриториальных выборок, охватывающих всю территорию бывшего СССР [Горбачева, Федотова, 2021], что позволяет, видимо, считать эту закономерность почти «сквозной» и достаточно устойчивой вне зависимости от возраста контингента, нарушаемой только в возрасте ростовых скачков (с оговоркой, что межгрупповые значения ПД размеров тела детей подросткового возраста еще не были проанализированы авторами).

Корреляции стандартизованных уровней ПД размеров с усредненными значениями самих размеров различаются по знаку у мальчиков и девочек и в раннем, и первом детстве — положительные ассоциации для мальчиков и отрицательные для девочек. Сходная картина описана для мальчиков и девочек грудного возраста, но величина достоверных связей в грудном возрасте колеблется в узком коридоре 0,32–0,37 и касается только обхватных размеров (головы и груди). Одновременно для взрослых обсуждаемые корреляции имеют положительный знак и для мужчин, и для женщин, но в первом случае уровень корреляций средний (0,4), во втором пренебрежимо малый (0,1), что, видимо, отражает больший консерватизм фенотипической из-

Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела...

менчивости женщин. Таким образом, у взрослых с реализованным фенотипическим потенциалом вклад размеров тела в их ПД обеспечивается практически полностью соматической изменчивостью мужской части выборки, у детей на старте постнатального онтогенеза вплоть до полуростового скачка, на фоне активного становления фенотипического статуса,— изменчивостью представителей обоего пола.

Средние уровни стандартизованных значений ПД размеров тела в раннем и первом детстве невелики, колеблются в интервале от 0,11 до 0,55 и достоверно не различаются по разным системам признаков. Аналогичный уровень ПД и отсутствие различий в зависимости от «содержания» признака зафиксирован и для детей грудного возраста. Эти цифры значительно отличаются от абсолютных уровней ПД дефинитивных скелетных размеров тела и жировых складок взрослых — 1,7–2,2 [Дерябин, 2008]. У взрослых ПД для скелетных размеров имеет положительный знак, для жировых складок отрицательный, что маркирует дифференцированные по полу стратегии динамики состава тела — жировой и тощей массы, жировой как репродуктивного ресурса женщин и тощей как ресурса физической крепости мужчин. В нашем массиве данных жировые складки отсутствуют и знаки ПД в основном положительные. Отдельные отрицательные значения ПД маркируют не разный по полу биологический статус компонентов тела (тощая vs жировая масса), но разный по полу темпоритм ростовой динамики, связанный, очевидно, не только с этногенетическими различиями, но и с этнокультурными и другими возможными неучтенными факторами. Так, для выборок Чебоксар 1981 г. отмечается некоторая макросоматизация русских девочек относительно мальчиков, что свидетельствует об их относительно более высокой ростовой активности; на фоне «классических» половых различий детей-чувашей — мальчики крупнее девочек. При этом для выборок Чебоксар 1961 г. этнических различий по ПД не выявлено, мальчики обеих этнических групп несколько крупнее девочек своих этнических групп. Причину вариаций возрастной динамики ПД для детей 1981 г., таким образом, следует искать не в этногенетических различиях, но в каких-то социально-экономических факторах или иных особенностях выборки. Аналогичное изменение вектора половых различий размеров тела приводится для новорожденных г. Барановичи, Беларусь: для выборок новорожденных 1971 г. обследования показатели длины тела, окружностей головы и груди у девочек значительно превышали показатели мальчиков ($P < 0,001$) [Боом, 2019], для современных новорожденных г. Барановичи спустя 40 лет соотношение размеров по полу «классическое», т.е. мальчики крупнее девочек.

Этнические особенности ростовых процессов фиксируются при рассмотрении материалов под бóльшим увеличением, «точечно» для отдельных экологических ниш. Этническую специфику паттернов динамики ПД подтверждают результаты анализа подовой динамики ПД разных этнических групп в единой экологической нише для возрастного отрезка, охватывающего всю последовательность возрастов раннего и первого детства. Полученные динамические кривые свидетельствуют о достаточно синхронных по полу темпах роста русских детей в разных экологических нишах — Ненецкий АО, самый малонаселенный субъект РФ, входящий в состав сухопутных территорий Арктической зоны РФ, и г. Салават, крупнейший промышленный центр Башкортостана, расположенный в зоне умеренно континентального климата. Аналогичную по полу синхронность ростовых процессов обнаруживают татары г. Салавата и ненцы Ненецкого АО. Одновременно у башкир г. Салавата и коми Ненецкого АО половые различия в темпах роста значительнее, в частности, отрицательные значения ПД весоростовых показателей у детей башкиров в 5 лет и отрицательные значения ПД скелетных размеров у 4-летних детей-коми, т.е. в возрастах, предшествующих полуростовому скачку. Это, видимо, закономерные явления, которые могут иметь следующую причину: активизации ростовых процессов предшествует фаза дифференцировок в сочетании с замедлением темпов роста, некоторым краткосрочным торможением роста, для обнаружения которого данные массовых поперечных исследований недостаточно чувствительны из-за значительного разнообразия индивидуальной скорости ростовых процессов. Тем не менее для некоторых однородных по этническому составу региональных групп такое торможение зафиксировано — для мальчиков-латышей Риги в 4,5 года и мальчиков-узбеков Ташкента в 5 лет [Сонькин, 2006]; в приведенных ростовых исследованиях, помимо прочего, динамика показателей фиксировалась с полугодовым интервалом. Не исключено, что именно это торможение ростовой активности перед полуростовым скачком у мужской части выборок и фиксируют наши материалы по детям-башкирам в 5-летнем возрасте и детям-коми в 4-летнем. А короткий период торможения ростовой активности перед полуростовым скачком в других группах пришелся, возможно, на промежуточные возрасты 4,5 или 5,5 года, к тому же был «смазан»

меньшей однородностью выборок — и не мог быть установлен. Напомним, что региональные ростовые стандарты для возрастного периода 3–6 лет часто, но далеко не всегда делаются гигиенистами с интервалом в полгода, что, видимо, более точно отражает паттерны ростовой активности в раннем и первом детстве. Хотя обычно для задач аукологических исследований, для целей антропологической стандартизации годовые интервалы оказываются вполне информативны [Дунаевская, 1974].

Проблеме динамики темпов онтогенеза и размеров тела детского населения разных этно-территориальных групп, этнической специфики морфофункционального статуса детей и молодежи юношеского возраста посвящен большой блок аукологической литературы, в том числе самой современной [Пермякова и др., 2022; Sineva et al, 2017; Negasheva et al., 2018; Козлов и др., 2020; Batzevich et al., 2018a, 2018b; Бацевич и др., 2020; Godina et al., 2017, 2019, 2021]. Однако в подобных работах редко уделяется специальное внимание проблеме полового диморфизма морфофункционального статуса и ростовых процессов как количественной характеристике и маркеру межгруппового разнообразия. В настоящей работе подтверждено, что ПД размеров тела является, вне зависимости от возраста обследованного контингента, самостоятельным информативным количественным индикатором межгруппового соматического разнообразия, маркируя разные стратегии адаптации и разную экочувствительность мужского и женского пола в целом [Зими́на, 2019; Stinson, 1985; Stulp et al., 2012; Morrow, 2015], в том числе в связи с этническим фактором [Дерябин, 2008; Зими́на, 2019; Holden, Mace, 1999; Marini et al., 2005; Ozer et al., 2011].

Заключение

Изменчивость ПД в раннем и первом детстве имеет примерно нормальную форму распределения, как и сами антропометрические показатели. Достоверные корреляции стандартизованных уровней ПД размеров со средневыборочными значениями самих размеров имеют разные знаки у мальчиков и девочек — положительные в первом случае, отрицательные во втором, что можно рассматривать как подтверждение вклада соматической изменчивости детей обоего пола в формирование половых различий.

Разные по полу стратегии адаптации касаются не только представителей дефинитивного возраста с реализованным фенотипом, но и детей в процессе роста и развития. Итоги работы указывают на важность корректной и строгой организации материала при анализе механизмов роста в раннем и первом детстве. Метаанализ массивов данных не дает, видимо, исчерпывающего представления о соотносительной динамике ростовых процессов этнических групп на фоне достаточно высоких скоростей роста в целом в периоде раннего и первого детства. Однако при рассмотрении данных под бóльшим увеличением — «точечное» локальное сравнение ограниченного числа этнических групп одной экологической ниши — ПД позволяет выявить межгрупповую специфику ростовой динамики. Например, известную синхронность по полу ростовой динамики у русских детей, когда люфт между абсолютными значениями размеров тела остается достаточно стабильным и незначительным на протяжении рассматриваемого периода онтогенеза. Причем половые различия размеров тела мало меняются от одной выборки русских к другой (табл. 2), за исключением обсужденной выше выборки Чебоксар 1981 г., при том что сами выборки каждый раз оказываются в иноэтнической (чужеродной) культурной среде (католическая Рига, исламский Ташкент, Казань с переплетением православия и ислама суннитского толка) и непривычной климатической среде (от Якутска в зоне вечной мерзлоты до субтропического Ташкента). Связь ПД с экологическими факторами будет рассмотрена в отдельной публикации, а в настоящей работе эти факты проливают, по-видимому, некоторый свет на причины этнических различий ростовых процессов, в частности этногенетические, этнокультурные. Возможно, экономические — социальный статус семей: низкий социальный статус семей, иначе, «низкое качество среды» может не только уменьшать, но и полностью нивелировать половой диморфизм размеров тела в возрастном интервале 6–17 лет [Nikitovic, Bogin, 2013; Bogin et al., 2017]. Синхронность по полу ростовой динамики зафиксирована также для некоторых иноэтнических групп. Для других иноэтнических групп, видимо, наиболее гомогенных по этническому составу, с помощью динамики ПД размеров тела удалось зафиксировать хорошо известный из возрастной физиологии эффект торможения ростовой активности перед полуростовым скачком, который приходится на дифференцированный по популяциям хронологический возраст.

Таким образом, описание процесса формирования окончательных/дефинитивных половых соматических различий на восходящем отрезке онтогенеза представляет собой достаточно

Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела...

трудоемкую, но актуальную задачу в контексте поиска дополнительных информативных маркеров межгрупповой изменчивости и анализа механизмов онтогенеза в целом.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках темы НИР «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (АААА-А19-119013090163-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А.А., Кучма В.Р. (ред.). Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: Сборник материалов. М.: ПедиатрЪ, 2013. Вып. VI. 191 с.

Бацевич В.А., Пермьякова Е.Ю., Машина Д.А., Ясина О.В., Хрусталева О.В. Сравнение городкой и сельской групп детей школьного возраста Республики Тыва по данным биоимпедансного анализа в условиях «трансформации» традиционного образа жизни // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 148–160. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-13>

Боом Ю.В. Динамика основных показателей физического развития новорожденных детей г. Барановичи (1971–2013 гг.) // Актуальные вопросы антропологии. Мн.: Ин-т истории НАН Беларуси, 2019. Вып. 14. С. 232–242.

Гольдфельд А.Я., Мерков А.М., Цейтлин А.Г. (ред.). Материалы по физическому развитию детей и подростков. М.: Медгиз, 1962. Вып. 1. 375 с.

Гольдфельд А.Я., Мерков А.М., Цейтлин А.Г. (ред.). Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР. Л.: Медицина, 1965. Вып. 2. 670 с.

Горбачева А.К., Федотова Т.К. Изменчивость полового диморфизма антропометрических размеров тела грудных детей: Этнические аспекты // Новые исследования. 2021. № 3. С. 46–58. <https://doi.org/10.46742/2072-8840-2021-67-3-46-58>

Гудкова Л.К., Перевозчиков И.В., Балахонова Е.И., Кочеткова Н.И., Маурер А.М. и др. Антропология мигрантов Камчатки // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2012. № 1. С. 17–32.

Дерябин В.Е. Лекции по общей соматологии человека. М.: Биол. факультет МГУ, 2008. Ч. III. 242 с.

Дунаевская Т.Н. Морфологические особенности и ростовые процессы у детей // Размерная типология населения стран — членов СЭВ. М.: Легкая индустрия, 1974. С. 247–255.

Канеп В.В., Сердюковская Г.Н., Серенко А.Ф., Овчаров В.К. (ред.). Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР. М.: ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко, 1986. Вып. IV. Ч. I. 171 с.

Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Бацевич В.А., Машина Д.А. Пищевой статус сельских детей севера европейской части РФ и Сибири (по данным антропометрии) // Новые исследования. 2020. № 3. С. 11–20. <https://doi.org/10.46742/2072-8840-2020-63-3-11-20>

Кульбак С. Теория информации и статистика. М.: Наука, 1967. 408 с.

Кучма В.Р., Скоблина Н.А., Милушкина О.Ю. (ред.). Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации: Учеб. пособие. М.: Литтерра, 2019. Вып. VII. 176 с.

Максимова Т.М., Подунова Л.Г. (ред.). Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей Российской Федерации. М.: НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко РАМН, 1998. Вып. 5. 192 с.

Мерков А.М., Серенко А.Ф., Сердюковская Г.Н. (ред.). Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР. М.: Медицина, 1977. Вып. III. 496 с.

Пермьякова Е.Ю., Бацевич В.А., Красильникова В.А., Зимина С.Н., Хафизова А.А. и др. Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 237–252. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>

Сердюковская Г.Н., Канеп В.В., Серенко А.Ф., Овчаров В.К. (ред.). Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР. М.: ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко, 1988. Вып. IV. Ч. II. 223 с.

Сонькин В.Д. Полуростовой скачок и готовность к школе // Физиология роста и развития детей и подростков: (Теоретические и клинические вопросы). М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. Т. 1. С. 271–279.

Чижикова Т.П., Смирнова Н.С. Изменчивость соматических характеристик как показатель состояния популяции // Вопросы антропологии. 2005. Вып. 92. С. 165–175.

Addo O.Y., Himes J.H. Reference curves for triceps and subscapular skinfold thicknesses in US children and adolescents // American Journal of Clinical Nutrition. 2010. Vol. 91. № 3. P. 635–642. <https://doi.org/10.3945/ajcn.2009.28385>

Antoszewska A., Wolański N. Sexual dimorphism in newborns and adults // Studies in Human Ecology. 1992. № 10. P. 23–38.

Batsevich V.A., Butovskaya M.L., Kobylansky E. Rates of ontogenesis, dynamics of morphological changes and adaptive status in three present-day pastoral populations, retaining traditional way of living // Moscow University Anthropology Bulletin. 2018a. № 3. P. 5–20. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.005-020>

Batsevich V.A., Yasina O.V., Sukhova A.V. Secular and age-related dynamics of biological characteristics in the rural population of Mongolia: A study of environmental adaptation // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2018b. Vol. 46. № 1. P. 144–153. (Рус.). <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.1.144-153>

- Blanckenhorn W.U., Stillwell R.C., Young K.A., Fox C.W., Ashton K.G. et al.* When Rensch meets Bergmann: Does sexual size dimorphism change systematically with latitude? // *Evolution*. 2006. Vol. 60. № 10. P. 2004–2011.
- Bogin B., Scheffler C., Hermanussen M.* Global effects of income and income inequality on adult height and sexual dimorphism in height // *American Journal of Human Biology*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 1–11. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22980>
- Buffa R., Marini E.M., Floris G.* Variation in sexual dimorphism in relation to physical activity // *American Journal of Human Biology*. 2001. № 13. P. 341–348. <https://doi.org/10.1002/ajhb.1057>
- Chrzanowska M., Suder A.* Ontogenesis changes and sex dimorphism of subcutaneous fat distribution: 12-year longitudinal study of children and adolescents from Cracow, Poland // *American Journal of Human Biology*. 2008. Vol. 20. № 4. P. 424–430. <https://doi.org/10.1002/ajhb.20749>
- Eveleth P.B.* Differences between ethnic groups in sex dimorphism of adult height // *Annals of Human Biology*. 1975. Vol. 2. № 1. P. 35–39. <https://doi.org/10.1080/03014467500000541>
- Godina E.Z., Gundegmaa L., Permiakova E.Yu.* Comparative analysis of total body parameters and functional characteristics of Mongolian rural and urban children and adolescents // *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2019. № 1. P. 35–48. (Rus.).
- Godina E.Z., Gundegmaa L., Permyakova E.Y.* Morphofunctional Characteristics of Mongolian Children and Adolescents Living in Different Ecological Zones // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49. № 1. P. 146–153. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2021.49.1.146-153>
- Godina E.Z., Khomyakova I.A., Zadorozhnaya L.V.* Patterns of Growth and Development in Urban and Rural Children of the Northern Part of European Russia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2017. Vol. 45. № 1. P. 146–156. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.1.146-156>
- Gorbacheva A.K., Fedotova T.K.* Intergroup variability of age dynamics of sexual dimorphism of body dimensions in infancy in connection with ethnic factor // *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2022. № 2. P. 17–29. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2022.2.017-029>
- Greil H.* Patterns of sexual dimorphism from birth to senescence // *Collegium Antropologicum*. 2006. Vol. 30. № 3. P. 637–641.
- Greil H., Lange E.* Sexual dimorphism from birth to age 60 in relation to the type of body shape // *Anthropologischer Anzeiger*. 2007. Vol. 65. № 1. P. 61–73.
- Gustafsson A., Lindenfors P.* Latitudinal patterns in human stature and sexual stature dimorphism // *Annals of Human Biology*. 2009. Vol. 36. № 1. P. 74–87. <https://doi.org/10.1080/03014460802570576>
- Gültekin T., Akin G., Ozer B.K.* Gender differences in fat patterning in children living in Ankara // *Anthropologischer Anzeiger*. 2005. Vol. 63. № 4. P. 427–437.
- Holden C., Mace R.* Sexual dimorphism in stature and women's work: A phylogenetic crosscultural analysis // *American Journal Physical Anthropology*. 1999. Vol. 110. № 10. P. 127–145.
- Kanazawa S., Novak D.L.* Human sexual dimorphism in size may be triggered by environmental cues // *Journal of Biosocial Science*. 2005. № 37. P. 657–665. <https://doi.org/10.1017/S0021932004007047>
- Kirchengast S.* Human sexual dimorphism — a sex and gender perspective // *Anthropologischer Anzeiger*. 2014. Vol. 71. № 1–2. P. 123–133. <https://doi.org/10.1127/0003-5548/2014/0376>
- Koepke N., Floris J., Pfister C., Rühli F.J., Staub K.* Ladies first: Female and male adult height in Switzerland, 1770–1930 // *Economics and Human Biology*. 2018. № 29. P. 76–87. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2018.02.002>
- Leonard W.R., Leatherman T.L., Carey J.W., Thomas R.B.* Contributions of nutrition vs. hypoxia to growth in rural Andean populations // *American Journal of Human Biology*. 1990. Vol. 2. № 6. P. 613–626. <https://doi.org/10.1002/ajhb.1310020605>
- Marini E., Rebato E., Racugno W., Buffa R., Salces I. et al.* Dispersion dimorphism in human populations // *American Journal Physical Anthropology*. 2005. Vol. 127. № 3. P. 342–350. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20134>
- Morrow E.H.* The evolution of sex differences in disease // *Biology of Sex Differences*. 2015. Vol. 6. № 5. P. 1–7. <https://doi.org/10.1186/s13293-015-0023-0>
- Negasheva M.A., Zimina S.N., Sineva I.M., Yudina A.M.* Morphofunctional adaptation of young students, living in different cities of Russia // *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2018. № 3. P. 41–54. (Rus.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.041-054>
- Nikitovic D.* Sexual dimorphism (humans) // *Wiley Online Library*. 2018. <https://doi.org/10.1002/9781118584538.ieba0443>
- Nikitovic D., Bogin B.* Ontogeny of sexual size dimorphism and environmental quality in Guatemalan children // *American Journal of Human Biology*. 2014. Vol. 26. № 2. P. 117–123. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22492>
- Ozer B.K., Sağır M., Ozer I.* Secular changes in the height of the inhabitants of Anatolia (Turkey) from the 10th millennium B.C. to the 20th century A.D // *Economics and Human Biology*. 2011. Vol. 9. № 2. P. 211–219. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2010.12.003>
- Rosenfeld R.G.* Sexual Dimorphism in the Growth of Homo sapiens: Facts, Inferences and Speculation // *Deciphering Growth*. Berlin: Springer, 2005. P. 19–26. https://doi.org/10.1007/3-540-28902-X_2
- Sexual dimorphism in Homo sapiens. A question of size.* N. Y.: Preager, 1982. 429 p.

Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела...

Sineva I.M., Negasheva M.A., Popov Yu.M. Comparative analysis of physical development of students from different cities of Russia // *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2017. № 4. P. 17–27. (Rus.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2017.4.017-027>

Stini W.A. Reduced sexual dimorphism in upper arm muscle circumference associated with protein-deficient diet in a South American population // *American Journal Physical Anthropology*. 1972. Vol. 36. № 3. P. 341–352. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330360304>

Stinson S. Sex differences in environmental sensitivity during growth and development // *Yearbook of Physical Anthropology*. 1985. № 28. P. 123–147.

Stulp G., Kuijper B., Buunk A.P., Pollet T.V., Verhulst S. Intralocus sexual conflict over human height // *Biology Letters*. 2012. Vol. 8. № 6. P. 976–978. <https://doi.org/10.1098/rsbl.2012.0590>

Vizmanos B., Llop-Viñolas D., Quezada-Figueroa N., Sánchez-Sucilla M., Fernández-Ballart J.D. et al. Body fat at pubertal genital stage 2: A comparison between Spanish and Mexican boys // *European Journal of Clinical Nutrition*. 2009. Vol. 63. № 6. P. 732–738. <https://doi.org/10.1038/ejcn.2008.37>

Waxenbaum E.B., Feiler M.E. Influence of climatic stress on nonmetric sexually dimorphic features of the skull and pelvis // *American Journal Human Biology*. 2020. Vol. 33. № 6. P. 1–18. <https://doi.org/10.1002/ajhb.23559>

Webster-Gandy J., Warren J., Henry C.J. Sexual dimorphism in fat patterning in a sample of 5 to 7-year-old children in Oxford // *International Journal of Food Science and Nutrition*. 2003. Vol. 54. № 6. P. 467–471. <https://doi.org/10.1080/09637480310001322323>

Wells J.C.K. Sexual dimorphism of body composition // *Best Practice and Research: Clinical Endocrinology and Metabolism*. 2007. Vol. 21. № 3. P. 415–430. <https://doi.org/10.1016/j.beem.2007.04.007>

Wells J.C.K. Sexual dimorphism in body composition across human populations: Associations with climate and proxies for short- and long-term energy supply // *American Journal of Human Biology*. 2012. Vol. 24. № 4. P. 411–419. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22223>

Wells J.C., Saunders M.A., Lea A.C., Cortina-Borja M., Shirley M.K. Beyond Bergmann's rule: Global variability in human body composition is associated with annual average precipitation and annual temperature volatility // *American Journal Physical Anthropology*. 2019. Vol. 170. № 1. P. 75–87. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23890>

Wolfe L.D., Gray P. Latitude and intersocietal variation of human sexual dimorphism of stature // *Human Ecology*. 1982. Vol. 10. № 3. P. 409–416.

Zajitschek S.R.K., Zajitschek F., Bonduriansky R., Brooks R.C., Cornwell W. et al. Sexual dimorphism in trait variability and its eco-evolutionary and statistical implications // *eLife*. 2020. № 9. P. 1–17. <https://doi.org/10.7554/eLife.63170>

ИСТОЧНИКИ

Зимина С.Н. Вариабельность полового диморфизма соматических признаков человека под влиянием факторов среды: Дис. ... канд. биол. наук. М., 2019. 176 с.

Fedotova T.K., Gorbacheva A.K. *

Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation
Email: angoria@yandex.ru (Gorbacheva A.K.); tatiana.fedotova@mail.ru (Fedotova T.K.)

Ethnic variability of growth processes through the prism of sexual dimorphism of body dimensions (based on data of early and first childhood children)

Abstract. The study deals with the process of forming of the level and vector of sex somatic differences through early and first childhood, specific peculiarities of sexual dimorphism at 3–6 years of age as compared to the sexual dimorphism of adults, ethnic heterogeneity of sexual dimorphism dynamics of main anthropometric dimensions (height, weight, chest girth); most adequate algorithms of analysis of data considering age peculiarities. Generalization of vast material on children of Russia and former USSR of 1950s–2010s (over 200 samples) allowed to describe convincing conformities of intergroup distribution of sex somatic dimorphism; different by sex vector of significant correlations of standardized levels of sexual dimorphism of dimensions with average population values of dimensions themselves — positive for boys, negative for girls, which may be interpreted as confirmation of the contribution of somatic variability of both sexes to forming of sexual differences. When analyzed of data locally, under greater enlargement, sexual dimorphism allowed to estimate inter-ethnic specificity of somatic growth dynamics. In particular, definite sex synchrony of growth dynamics of Russian children regardless of the ecological niche of development through early and first childhood; similar synchrony for some groups of different ethnicity. To fix well known in age physiology effect of decreasing of growth activity before semigrowth spurt, which chronological age differs between populations, for the case of more homogeneous groups. Thus, the

* Corresponding author.

results show the sensitivity of sexual dimorphism of body dimensions as the informative indicator of ethno-territorial diversity of somatic status and growth dynamics through early and first childhood.

Keywords: auxology, total body dimensions, intersex distinctions, children aged 3 and 6 years, wide specter of ethnic groups, anthropological variability.

Funding. The work was carried out within the research theme “Anthropology of Eurasian populations (biological aspects)” (AAAA-A19-119013090163-2).

REFERENCES

- Addo, O.Y., Himes, J.H. (2010). Reference curves for triceps and subscapular skinfold thicknesses in US children and adolescents. *American Journal of Clinical Nutrition*, 91(3), 635–642. <https://doi.org/10.3945/ajcn.2009.28385>
- Antoszewska, A., Wolański, N. (1992). Sexual dimorphism in newborns and adults. *Studies in Human Ecology*, (10), 23–38.
- Baranov, A.A., Kuchma, V.R. (Eds.) (2013). *Physical development of children and adolescents of Russian Federation. Collection of materials. Issue VI*. Moscow: Pediatr. (Rus.).
- Batsevich, V.A., Butovskaya, M.L., Kobylansky, E. (2018a). Rates of ontogenesis, dynamics of morphological changes and adaptive status in three present-day pastoral populations, retaining traditional way of living. *Moscow University Anthropology Bulletin*, (3), 5–20. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.005-020>
- Batsevich, V.A., Permiakova, E.Yu., Mashina, D.A., Yasina, O.V., Khrustaleva, O.V. (2020). Comparison of urban and rural groups of school-age children of the Tuva Republic according to Bioelectrical Impedance Analysis in the context of “transformation” of traditional lifestyle. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 51(4), 148–160. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-13>
- Batsevich, V.A., Yasina, O.V., Sukhova, A.V. (2018b). Secular and age-related dynamics of biological characteristics in the rural population of Mongolia: A study of environmental adaptation. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 46(1), 144–153. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.1.144-153>
- Blanckenhorn, W.U., Stillwell, R.C., Young, K.A., Fox, C.W., Ashton, K.G. et al. (2006). When Rensch meets Bergmann: Does sexual size dimorphism change systematically with latitude? *Evolution*, 60(10), 2004–2011.
- Bogin, B., Scheffler, C., Hermanussen, M. (2017). Global effects of income and income inequality on adult height and sexual dimorphism in height. *American Journal of Human Biology*, 29(2). <https://doi.org/10.1002/ajhb.22980>
- Boom, Yu.V. (2019). Dynamics of basic parameters of physical development of newborns of Baranovich (1971–2013). In: *Aktualnie voprosy antropologii*, (14). Minsk: Institut istorii NAN Belarusi, 232–242. (Rus.).
- Buffa, R., Marini, E.M., Floris, G. (2001). Variation in sexual dimorphism in relation to physical activity. *American Journal of Human Biology*, (13), 341–348. <https://doi.org/10.1002/ajhb.1057>
- Chizhikova, T.P., Smirnova N.S. (2005). Variability of somatic characteristics as indicator of status of population. *Voprosy antropologii*, (92), 165–175. (Rus.).
- Chrzanoska, M., Suder, A. (2008). Ontogenesis changes and sex dimorphism of subcutaneous fat distribution: 12-year longitudinal study of children and adolescents from Cracow, Poland. *American Journal of Human Biology*, 20(4), 424–430. <https://doi.org/10.1002/ajhb.20749>
- Deryabin, V.E. (2008). *Lectures on total somatology of human. Part III*. Moscow: Biologicheskii facul'tet MGU. (Rus.).
- Dunaevskaya, T.N. (1974). Morphological peculiarities and growth processes of children. In: *Razmernaya tipologiya naseleniya stran — chlenov SEV*. Moscow: Lyogkaya industriya, 247–255. (Rus.).
- Eveleth, P.B. (1975). Differences between ethnic groups in sex dimorphism of adult height. *Annals of Human Biology*, 2(1), 35–39. <https://doi.org/10.1080/03014467500000541>
- Godina, E.Z., Gundegmaa, L., Permiakova, E.Yu. (2019). Comparative analysis of total body parameters and functional characteristics of Mongolian rural and urban children and adolescents. *Moscow University Anthropology Bulletin*, (1), 35–48.
- Godina, E.Z., Gundegmaa, L., Permyakova, E.Y. (2021). Morphofunctional Characteristics of Mongolian Children and Adolescents Living in Different Ecological Zones. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 49(1), 146–153. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2021.49.1.146-153>
- Godina, E.Z., Khomyakova, I.A., Zadorozhnaya, L.V. (2017). Patterns of Growth and Development in Urban and Rural Children of the Northern Part of European Russia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 45(1), 146–156. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.1.146-156>
- Goldfeld, A.Ya., Merkov, A.M., Tseytlin, A.G. (Eds.). (1962). *Materials on physical development of children and adolescents. Issue 1*. Moscow: Medgiz. (Rus.).
- Goldfeld, A.Ya., Merkov, A.M., Tseytlin, A.G. (Eds.). (1965). *Materials on physical development of children and adolescents of cities and rural regions of the USSR. Issue 2*. Leningrad: Meditsina. (Rus.).
- Gorbacheva, A.K., Fedotova, T.K. (2021). Variability of sexual dimorphism of anthropometrical dimensions in infancy: Ethnic aspects. *Noviye issledovaniya*, (3), 46–58. (Rus.). <https://doi.org/10.46742/2072-8840-2021-67-3-46-58>
- Gorbacheva, A.K., Fedotova, T.K. (2022). Intergroup variability of age dynamics of sexual dimorphism of body dimensions in infancy in connection with ethnic factor. *Moscow University Anthropology Bulletin*, (2), 17–29. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2022.2.017-029>
- Greil, H. (2006). Patterns of sexual dimorphism from birth to senescence. *Collegium Antropologicum*, 30(3), 637–641.

Этническое многообразие ростовых процессов сквозь призму полового диморфизма размеров тела...

- Greil, H., Lange, E. (2007). Sexual dimorphism from birth to age 60 in relation to the type of body shape. *Anthropologischer Anzeiger*, 65(1), 61–73.
- Gudkova, L.K., Perevozchikov, I.V., Balahonova, E.I., Kochetkova, N.I., Maurer, A.M. et al. (2012). Anthropology of Kamchatka migrants. *Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII, Antropologiya*, (1), 17–32. (Rus.).
- Gustafsson, A., Lindenfors, P. (2009). Latitudinal patterns in human stature and sexual stature dimorphism. *Annals of Human Biology*, 36(1), 74–87. <https://doi.org/10.1080/03014460802570576>
- Gültekin, T., Akin, G., Ozer, B.K. (2005). Gender differences in fat patterning in children living in Ankara. *Anthropologischer Anzeiger*, 63(4), 427–437.
- Holden, C., Mace, R. (1999). Sexual dimorphism in stature and women's work: A phylogenetic crosscultural analysis. *American Journal Physical Anthropology*, 110(10), 127–145.
- Kanazawa, S., Novak, D.L. (2005). Human sexual dimorphism in size may be triggered by environmental cues. *Journal of Biosocial Science*, (37), 657–665. <https://doi.org/10.1017/S0021932004007047>
- Kanep, V.V., Serdyukovskaya, G.N., Serenko, A.F., Ovcharov, V.K. (Eds.) (1986). *Materials on physical development of children and adolescents of cities and rural regions of the USSR. Issue VI. Part I.* Moscow: Vsesoyuzniy NII sotsialnoy gigieny i organizatsii zdavoohraneniya imeni N.A. Semashko. (Rus.).
- Kirchengast, S. (2014). Human sexual dimorphism — a sex and gender perspective. *Anthropologischer Anzeiger*, 71(1–2), 123–133. <https://doi.org/10.1127/0003-5548/2014/0376>
- Koepke, N., Floris, J., Pfister, C., Rühli, F.J., Staub, K. (2018). Ladies first: Female and male adult height in Switzerland, 1770–1930. *Economics and Human Biology*, (29), 76–87. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2018.02.002>
- Kozlov, A.I., Vershubskaya, G.G., Batzevich, V.A., Mashina, D.A. (2020). Nutritional status of rural children from the European North of Russia and Siberia (assessed by anthropometry). *Noviye issledovaniya*, (3), 11–20. (Rus.). <https://doi.org/10.46742/2072-8840-2020-63-3-11-20>
- Kuchma, V.R., Skoblina, N.A., Milushkina, O.Yu. (Eds.) (2019). *Physical development of children and adolescents of Russian Federation: Textbook. Issue VII.* Moscow: Litterra. (Rus.).
- Kullback, S. (1967). *Information Theory and Statistics.* Moscow: Nauka. (Rus.).
- Leonard, W.R., Leatherman, T.L., Carey, J.W., Thomas, R.B. (1990). Contributions of nutrition vs. hypoxia to growth in rural Andean populations. *American Journal of Human Biology*, 2(6), 613–626. <https://doi.org/10.1002/ajhb.1310020605>
- Maksimova, T.M., Podunova, L.G. (Eds.) (1998). *Materials on physical development of children and adolescents of cities and rural regions of Russian Federation. Issue V.* Moscow: NII sotsialnoy gigieny, ekonomiki i upravleniya zdavoohraneniem imeni N.A. Semashko RAMN. (Rus.).
- Marini, E., Rebato, E., Racugno, W., Buffa, R., Salces, I. et al. (2005). Dispersion dimorphism in human populations. *American Journal Physical Anthropology*, 127(3), 342–350. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20134>
- Merkov, A.M., Serenko, A.F., Serdyukovskaya, G.N. (Eds.) (1977). *Materials on physical development of children and adolescents of cities and rural regions of the USSR. Issue III.* Moscow: Meditsina. (Rus.).
- Morrow, E.H. (2015). The evolution of sex differences in disease. *Biology of Sex Differences*, 6(5), 1–7. <https://doi.org/10.1186/s13293-015-0023-0>.
- Negasheva, M.A., Zimina, S.N., Sineva, I.M., Yudina, A.M. (2018). Morphofunctional adaptation of young students, living in different cities of Russia. *Moscow University Anthropology Bulletin*, (3), 41–54. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.041-054>
- Nikitovic, D. (2018). Sexual dimorphism (humans). *Wiley Online Library.* <https://doi.org/10.1002/9781118584538.ieba0443>
- Nikitovic, D., Bogin, B. (2014). Ontogeny of sexual size dimorphism and environmental quality in Guatemalan children. *American Journal of Human Biology*, 26(2), 117–123. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22492>
- Ozer, B.K., Sağır, M., Ozer, I. (2011). Secular changes in the height of the inhabitants of Anatolia (Turkey) from the 10th millennium B.C. to the 20th century A.D. *Economics and Human Biology*, 9(2), 211–219. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2010.12.003>
- Permyakova, E.Yu., Batzevich, V.A., Krasilnikova, V.A., Zimina, S.N., Khafizova, A.A., et al. (2022). A comparison of morphofunctional adaptation of student youth in Kyzyl and Moscow (under different ethical and environmental conditions). *Novye issledovaniya Tuvy*, (1), 237–252. (Rus.). <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>
- Rosenfeld, R.G. (2005). Sexual Dimorphism in the Growth of Homo sapiens: Facts, Inferences and Speculation. In: *Deciphering Growth.* Berlin: Springer, 19–26. https://doi.org/10.1007/3-540-28902-X_2
- Serdyukovskaya, G.N., Kanep, V.V., Serenko, A.F., Ovcharov, V.K. (Eds.) (1988). *Materials on physical development of children and adolescents of cities and rural regions of the USSR. Issue VI. Part II.* Moscow: Vsesoyuzniy NII sotsialnoy gigieny i organizatsii zdavoohraneniya imeni N.A. Semashko. (Rus.).
- Sineva, I.M., Negasheva, M.A., Popov, Yu.M. (2017). Comparative analysis of physical development of students from different cities of Russia. *Moscow University Anthropology Bulletin*, (4), 17–27. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2017.4.017-027>
- Sonkin, V.D. (2006). Semi-growth spurt and readiness to school. In: A.A. Baranov, K.A. Scheplyagina (Eds.). *Fiziologiya rosta i razvitiya detey i podrostkov: (Teoreticheskie i klinicheskie voprosy). T. 1.* Moscow: GEOTAR-Media, 271–279. (Rus.).

Stini, W.A. (1972). Reduced sexual dimorphism in upper arm muscle circumference associated with protein-deficient diet in a South American population. *American Journal Physical Anthropology*, 36(3), 341–352. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330360304>

Stinson, S. (1985). Sex differences in environmental sensitivity during growth and development. *Yearbook of Physical Anthropology*, (28), 123–147.

Stulp, G., Kuijper, B., Buunk, A.P., Pollet, T.V., Verhulst, S. (2012). Intralocus sexual conflict over human height. *Biology Letters*, 8(6), 976–978. <https://doi.org/10.1098/rsbl.2012.0590>

Vizmanos, B., Llop-Viñolas, D., Quezada-Figueroa, N., Sánchez-Sucilla, M., Fernández-Ballart, J.D., et al. (2009). Body fat at pubertal genital stage 2: A comparison between Spanish and Mexican boys. *European Journal of Clinical Nutrition*, 63(6), 732–738. <https://doi.org/10.1038/ejcn.2008.37>.

Waxenbaum, E.B., Feiler, M.E. (2020). Influence of climatic stress on nonmetric sexually dimorphic features of the skull and pelvis. *American Journal Human Biology*, 33(6), 1–18. <https://doi.org/10.1002/ajhb.23559>

Webster-Gandy, J., Warren, J., Henry, C.J. (2003). Sexual dimorphism in fat patterning in a sample of 5 to 7-year-old children in Oxford. *International Journal of Food Science and Nutrition*, 54(6), 467–471. <https://doi.org/10.1080/09637480310001322323>

Wells, J.C.K. (2007). Sexual dimorphism of body composition. *Best Practice and Research: Clinical Endocrinology and Metabolism*, 21(3), 415–430. <https://doi.org/10.1016/j.beem.2007.04.007>

Wells, J.C.K. (2012). Sexual dimorphism in body composition across human populations: Associations with climate and proxies for short- and long-term energy supply. *American Journal of Human Biology*, 24 (4), 411–419. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22223>

Wells, J.C., Saunders, M.A., Lea, A.C., Cortina-Borja, M., Shirley, M.K. (2019). Beyond Bergmann's rule: Global variability in human body composition is associated with annual average precipitation and annual temperature volatility. *American Journal Physical Anthropology*, 170(1), 75–87. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23890>

Wolfe, L.D., Gray, P. (1982). Latitude and intersocietal variation of human sexual dimorphism of stature. *Human Ecology*, 10(3), 409–416.

Zajitschek, S.R.K., Zajitschek, F., Bonduriansky, R., Brooks, R.C., Cornwell, W., et al. (2020). Sexual dimorphism in trait variability and its eco-evolutionary and statistical implications. *eLife*, (9), 1–17. <https://doi.org/10.7554/eLife.63170>

Федотова Т.К., <https://orcid.org/0000-0001-7750-7924>

Горбачева А.К., <https://orcid.org/0000-0001-5201-7128>

Сведения об авторах:

Федотова Татьяна Константиновна, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Горбачева Анна Константиновна, кандидат биологических наук, научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

About the authors:

Fedotova Tatyana K., Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Gorbacheva Anna K., Candidate of Biological Sciences, Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

Фоминых Т.А. *, Киселев В.В., Захарова А.Н., Уланов В.С.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
просп. Акад. Вернадского, 4, Симферополь, 295007
E-mail: tanusha.ark@gmail.com (Фоминых Т.А.); vivaxx@mail.ru (Киселев В.В.);
annazakh1970@gmail.com (Захарова А.Н.); ylyan4ik@mail.ru (Уланов В.С.)

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГЕРАСИМОВ (1907–1970) И ЕГО МЕТОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

Статья посвящена великому советскому и российскому антропологу, археологу и скульптору, доктору исторических наук Михаилу Михайловичу Герасимову, создателю методики восстановления лица по черепу, внесшему неоценимый вклад в развитие методов идентификации личности, портретной реконструкции, криминалистики и судебной медицины. Представлены краткая биография ученого, основные достижения и ссылки на наиболее известные научные труды М.М. Герасимова и его учеников.

Ключевые слова: восстановление лица по черепу, Михаил Михайлович Герасимов, историческая портретная реконструкция, идентификация личности, судебно-медицинская антропология.

В современной судебной медицине приобретает все большую актуальность метод краниофациальной реконструкции как способ идентификации личности по имеющимся костным останкам, а именно по черепу. Наряду с тем, что он является наиболее субъективным методом в судебной антропологии, это самый наглядный, а порой и единственный способ воссоздания облика неопознанной личности, исторического персонажа или доисторического человека [Paysan at al., 2009; Stavrianos at al., 2007]. Несмотря на негативное отношение крупнейших зарубежных медиков конца XIX — начала XX в. к самой идее восстановления внешнего облика человека по его черепу, идея эта овладела молодым М.М. Герасимовым, который первым создал такой метод, показал его разрешительные возможности и доказал результативность применения на криминалистическом материале [Лебединская, 1973]. Известный советский ученый-антрополог М.М. Герасимов — один из создателей методики восстановления лица по черепу, автор методики пластической реконструкции и ряда исключительно интересных монографий, посвященных данному вопросу. Работы Герасимова считаются классикой реконструкции и часто служат основой проведения исследований в сочетании с самыми современными методами визуализации и построения 3D-моделей [Удальцова, 2017; Gibson, 2008; Rinchon at al., 2018; Ullrich, 2016].

Михаил Михайлович Герасимов родился в 1907 г. в Санкт-Петербурге в семье врача. В 1912 г. семья отправилась в Иркутск вслед за отцом, Михаилом Петровичем, открывшим врачебную практику в Иркутском переселенческом пункте [Герасимова, Герасимова, 2007; Раушенбах, 1997]. Мальчик рос в атмосфере любви к природе и естественным наукам — в библиотеке отца кроме медицинской литературы было много книг по археологии, геологии, а также сочинения Дарвина. С детства Миша увлекался музыкой и художественным творчеством. Вероятно, склонность к лепке и рисованию передалась ему по наследству — его мать, Ксения Сергеевна, была дочерью профессионального художника [Герасимова, Медведев, 1998; Удальцова, 2017].

Чтение исторической литературы пробудило в мальчике интерес к археологии, и, когда в 1919 г. в Иркутск прибыл из Петрограда профессор Б.Э. Петри для проведения раскопок в области Верхоленской Горы, где еще в 1883 г. была обнаружена стоянка древнего человека, Михаил принял участие в этом исследовании. А уже в возрасте 14 лет М. Герасимов под руководством Б.Э. Петри произвел раскопки неолитического погребения под Иркутском (в предместье Глазково) [Герасимова, Медведев, 1998]. В 1925 г. Герасимов также самостоятельно обнаружил и исследовал стоянку времен палеолита неподалеку от Переселенческого пункта, а в 1926 г. опубликовал статью об этих раскопках в сборнике «Записки студенческого научного кружка краеведения» [Герасимов, 1926]. Руководителем и советчиком в первых исследованиях Герасимова был Б.Э. Петри, основатель иркутской этнографо-археологической (палеоэтнологической) школы, впоследствии названной в его честь школой Петри [Удальцова, 2017].

* Corresponding author.

В 1927–1928 гг. Герасимов обнаружил несколько местонахождений: стоянки времен мезолита у с. Осиновка возле Хабаровска и на Ангаре (Усть-Белая), а также китойское погребение под Иркутском и важнейший объект времен палеолита — стоянку у д. Мальта [Удальцова, 2017]. Поводом для раскопок послужила находка мамонтового бивня. На площади около 1 га были обнаружены во множестве костяные статуэтки, фигурки птиц и гравировки-орнаменты на кости возрастом примерно 24 тыс. лет. В 1931 г. Герасимов опубликовал небольшую монографию об этих раскопках [Герасимов, 1928, 1931].

Еще подростком Михаил познакомился с работами известного ученого-естественника Жоржа Кювье по воссозданию облика вымерших животных, что вызвало у него живейший интерес и определило сферу интересов на будущее. Параллельно Миша изучал анатомию под руководством судебного медика, проф. А.Д. Григорьева и анатома А.И. Казанцева, посещая анатомический музей при Иркутском университете [Удальцова, 2017]. В дальнейшем увлечение анатомией очень пригодилось ученому в разработке методики портретной реконструкции, где необходимо точное знание строения мускулатуры лица, особенностей костного рельефа лицевого черепа и нюансов распределения мягких тканей (рис. 1) [Taylor, 2001; Wilkinson, 2004]. В 1927 г. Михаил Михайлович впервые попытался произвести реконструкцию облика питекантропа и неандертальца по муляжам черепов, хранящихся в Иркутском краеведческом музее, а в петербургском Музее антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая выставлена первая работа Герасимова — реконструкция головы шимпанзе [Раушенбах, 1997].

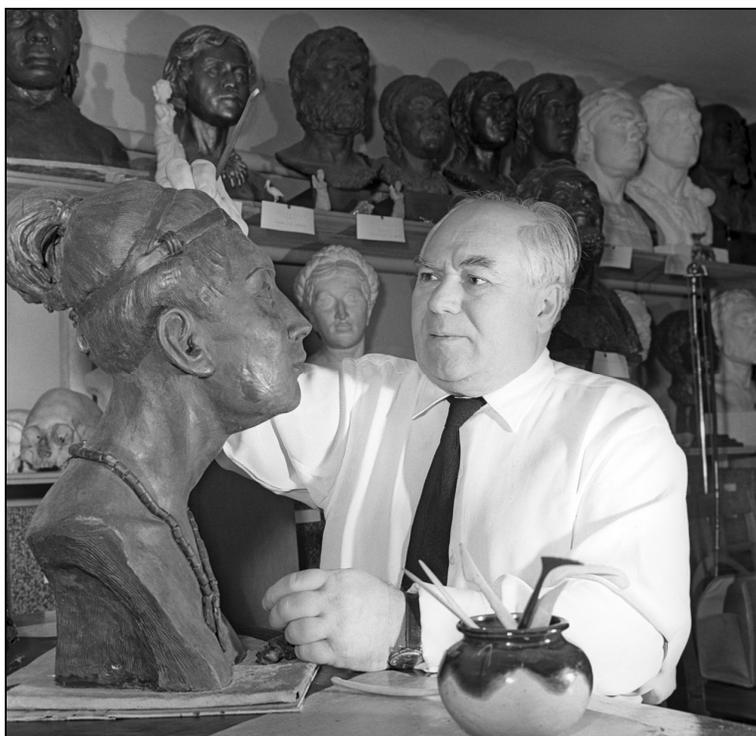

Рис. 1. М.М. Герасимов за работой (реконструкция облика женщины бронзового века) (01.02.1960, фото А. Чепрунова, <https://rus.team/people/gerasimov-mikhail-mikhajlovich>).

Fig. 1. M.M. Gerasimov at work (reconstruction of image of a Bronze Age woman) (01.02.1960, photo by A. Cheprunov).

На базе приобретенного опыта и знания анатомии с учетом особенностей взаимоотношения мягких тканей и скелетной основы лица М. Герасимов смог создать уникальную методику восстановления облика человека по имеющимся костным останкам. Используя мастику собственного изготовления (в составе которой присутствовал пчелиный воск в смеси с канифолью и живописным маслом), Михаил Михайлович на костной основе выстраивал объемную модель лица при помощи перегородок, отображающих толщину мягких тканей в различных отделах, для сравнения выстраивая последнюю поочередно на каждой половине черепа [Ullrich, Stephan, 2011, 2016]. Методика подвергалась различным проверкам. Так, известен интересный случай,

Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970) и его метод восстановления лица по черепу

когда Герасимову предложили восстановить облик человека по неизвестному черепу (на самом деле это был череп папуаса, но ученому об этом не сказали). Скептики были уверены, что в результате получат портрет европейца, однако Герасимов, благодаря точности своей методики, воссоздал облик именно папуаса. Подлинность этой истории подтверждается, кроме прочего, прижизненными фотографиями упомянутого папуаса, хранящимися вместе с черепом в этнографическом музее [Герасимов, 1955; Лебединская, 1973; Удальцова, 2017].

В 1931 г. М. Герасимов обучался в аспирантуре ленинградской Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). В 1933 г. его в качестве младшего научного сотрудника перевели в отдел палеолита. В период с 1934 по 1937 г. ученый продолжил раскопки в окрестностях д. Мальта. В 1937 г. Михаил Михайлович заведовал реставрационной мастерской Эрмитажа [Раушенбах, 1997; Удальцова, 2017].

В конце 1940 г. и начале 1941 г. был поставлен массовый контрольный опыт на основе анатомической базы Лефортовского морга в Москве при участии профессора кафедры судебной медицины III Московского медицинского института А.Д. Григорьева. В распоряжение М.М. Герасимова поступали черепа, которые присылались из Москвы в Ленинград только с указанием номеров протоколов. Контрольными материалами для опознания служили прижизненные или посмертные фотографии, предоставленные уголовным розыском и хранящиеся вместе с протоколами в Москве. Полученные реконструкции сопоставлялись с контрольными фотографиями. Все 12 контрольных опытов показали портретное сходство [Герасимов, 1955].

Кроме криминалистических опытов и описанного выше восстановления головы папуаса был проведен еще один контрольный опыт: для работы по восстановлению Герасимову передали череп из московского кладбищенского склепа, принадлежавшего родственникам известного писателя, но без уточнений. По окончании работы Михаил Михайлович заявил, что череп принадлежал матери писателя Ф.М. Достоевского, Марии. Реконструкцию сравнили с прижизненным портретом Марии Достоевской, и сходство оказалось поразительным [Раушенбах, 1997].

В этот период жизни и работы М.М. Герасимова очень поддерживал его учитель, проф. А.Д. Григорьев. В монографии «Основы восстановления лица по черепу», изданной в 1949 г., ученый высказывает ему слова благодарности (за эту книгу Герасимов был награжден Сталинской премией в 1950 г.) [Герасимов, 1949; Wilkinson, 2004].

На момент начала работ М.М. Герасимова по восстановлению лица по черепу уже имелись некоторые антропологические наработки, такие как обмеры толщины мягких тканей лица, не говоря уже о том, что строение и рельеф костей черепа были хорошо изучены и описаны задолго до того. Однако отсутствовали работы, в которых бы существовала привязка толщины мягких тканей к костному рельефу, к тому же полагаться на имеющиеся результаты измерений не приходилось, так как, например, известный ученый Г. Вирхов исследовал только фиксированные формалином и спиртом препараты, в которых трудно было учесть степень усадки или разбухания тканей, о чем он сам же и писал. Поэтому Михаил Михайлович разработал ряд собственных методик и провел огромное количество измерений, которое позволило достичь определенной точности и достоверности полученных результатов. Ученый комбинировал препаровку с методичными проколами мягких тканей подкопченной иглой, производил серийные распилы замороженных голов в поперечном и продольном направлении, широко использовал рентгенографию [Герасимов, 1949].

В 1938 г. в пещере Тешик-Таш в Узбекистане было обнаружено древнее погребение времен каменного века с хорошо сохранившимся скелетом мальчика-неандертальца. Герасимов провел реконструкцию доисторического ребенка в полный рост, что вызвало горячее обсуждение среди ученых-естественников на предмет объективности и достоверности результата [Герасимов, 1948; Раушенбах, 1997].

В июне 1941 г. М.М. Герасимов был рекомендован своим учителем и коллегой, крупным исследователем антропологии Узбекистана Л.В. Ошаниным в рабочую комиссию для участия во вскрытии усыпальницы Тимура (Тамерлана) и Тимуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде и в дальнейшем — для создания документальных портретов представителей этой династии.

Реконструкции Тимуридов явились большим научным прорывом в исторической антропологии. К сожалению, ни одного прижизненного изображения Тимура до нас не дошло, все портретные миниатюры были изготовлены в более поздние времена и мало соответствуют действительности, так как Тимур на них — явный европеоид, а по историческим сведениям эмир происходил из монгольского племени барласов.

Кроме того, Герасимов воссоздал облики Тимуридов, в частности сыновей Тимура Шахруха и Мирон-шаха, а также его внука — знаменитого астронома Улугбека, на основе изучения черепов которых проследил кровное родство так непохожих на Тимура потомков, рожденных, вероятнее всего, от разных наложниц, и смог сделать выводы о закономерностях формирования морфологии антропологических особенностей современных узбеков (рис. 2) [Герасимов, 1947; Удальцова, 2017].

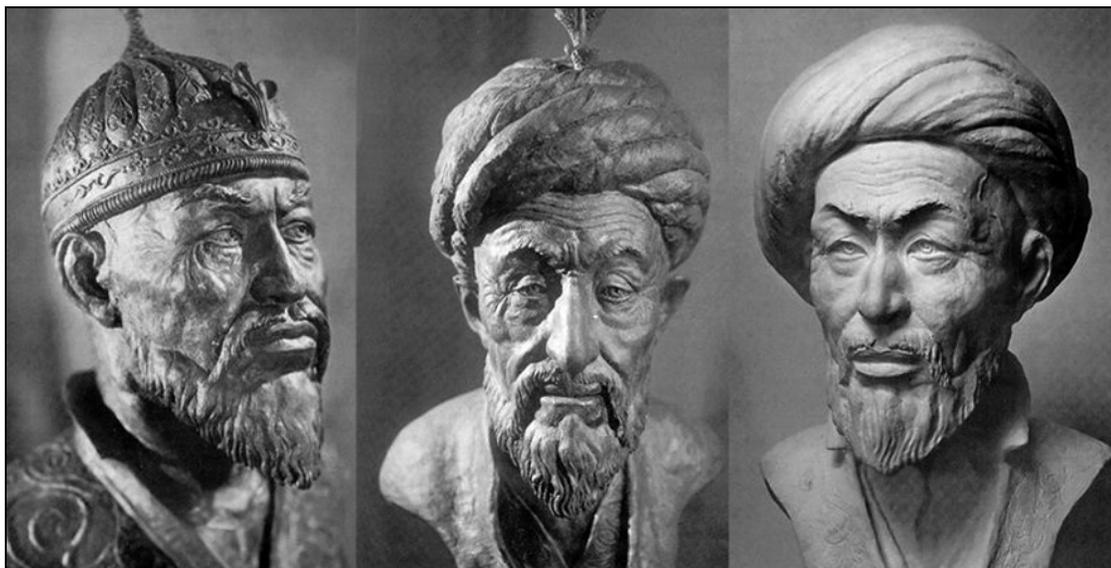

Рис. 2. Гипсовые бюсты:

Слева направо: Тимур (Тамерлан) (1336–1405) (создан в 1941 г.); Шахрух (1377–1447) (1941 г.); Улугбек (1394–1449) (1942 г.) (<https://www.darwinmuseum.ru/blog/gerasimov>) [Удальцова, 2017].

Fig. 2. Gypsum busts:

From left to right: Timur (Tamerlane) (1336–1405) (made in 1941); Shahrukh (1377–1447) (1941); Ulugbek (1394–1449) (1942).

Работы экспедиции под руководством М.М. Герасимова в Средней Азии также позволили добыть ряд доказательств интересных исторических фактов. Так, история о том, как Тамерлан в юности перехватил рукой поднятую саблю, подтвердилась обнаруженными Герасимовым следами на костях кисти эмира в виде костных мозолей как результата удара клинка сабли. Вскрытие могилы Улугбека (внука Тамерлана) и изучение его останков подтвердили достоверность легенды о том, что Улугбек был обезглавлен наемными убийцами [Удальцова, 2017].

С 1944 г. М. Герасимов жил в Москве и работал в Институте истории материальной культуры (ИИМК). А в 1950 г. после признания его научных достижений и получения Сталинской премии III степени при Институте этнографии Академии наук СССР (ИЭ АН СССР) была организована указом Президиума АН СССР Лаборатория пластической реконструкции под руководством М.М. Герасимова [Gibson, 2008]. В 1955 г. была опубликована книга «Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек)» (в 1956 г. защищенная автором как докторская диссертация) [Герасимов, 1955; Герасимова М.М., Герасимова К.М., 2007].

Параллельно с работами по реконструкции Герасимов проводил раскопки. Так, с 1956 по 1958 г. ученый продолжил исследования стоянки Мальта, в итоге в 1964 г. вышла увлекательная книга «Люди каменного века» [Герасимов, 1964; Удальцова, 2017].

Интересна история реконструкции облика прославленного адмирала Ф.Ф. Ушакова. По распоряжению наркома Военно-морского флота Н.Г. Кузнецова в 1944 г. была создана комиссия под руководством М.М. Герасимова для определения точного места захоронения тела адмирала Ф.Ф. Ушакова и последующей идентификации обнаруженных останков. Михаил Михайлович произвел реконструкцию внешности адмирала по найденному черепу. Однако полученный результат не соответствовал существующим портретам Ушакова — лицо адмирала в реальности оказалось шире и короче, чем на портрете. И этому есть объективное объяснение. Во времена Александра I модные художники писали портреты в соответствии с «давидовским канонem», т.е. изображали лица удлиненными для придания им аристократизма, но с сохранением характерных черт прототипа [Герасимов, 1949]. В настоящее время есть исследователи, сомневающиеся в том, что Герасимов воссоздал истинный облик прославленного полководца. Появление современных тех-

Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970) и его метод восстановления лица по черепу

нологий позволяет более точно обрабатывать антропометрические данные, и повторное исследование останков Ф.Ф. Ушакова выявило некоторые неточности в расчетах М. Герасимова, однако в целом не опровергло правоты автора первичной реконструкции (рис. 3) [Звягин, 2015].

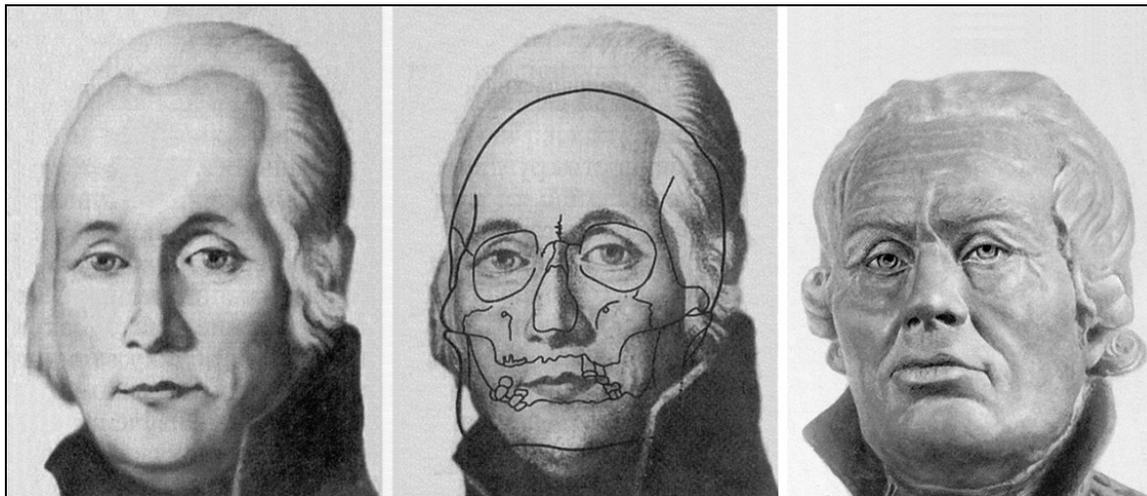

Рис. 3. Совмещение живописного портрета адмирала Ушакова с контурами черепа и результат реконструкции авторства М.М. Герасимова (<https://www.darwinmuseum.ru/blog/gerasimov>) [Удальцова, 2017].

Fig. 3. The combination of the graphical portrait of admiral Ushakov with the contours of the skull and the result of the reconstruction by M.M. Gerasimov.

Благодаря накопленному опыту М. Герасимов систематизировал признаки, на базе которых можно определить пол, возраст и некоторые другие особенности морфологии исследуемой личности. Поверхностная структура костей отражает степень упитанности и развития мускулатуры; вес костей и соотношение в них губчатого и компактного вещества также помогают уточнить конституционный тип человека. И, конечно, тщательная морфометрия костных останков позволяет определить индивидуальные особенности субъекта. Так, разница в длине нижних конечностей скелета, обнаруженного в гробнице Ярослава Мудрого, подтвердила исторические данные о хромоте князя. Реконструкция облика князя оказалась достоверной, что было доказано позднее, в 1941 г., когда в Софийском соборе под слоями поздней штукатурки была обнаружена фреска с изображением Ярослава [Удальцова, 2017]. Методика восстановления контура «бывшего» носа традиционно была основана на построении схемы из линий, продолжающих оси расположения носовых костей, и одноименной ости верхней челюсти (так называемый «метод двух касательных», позволяющий довольно точно определить локализацию кончика носа), при этом большое значение в определении формы носа имеет определение направления оси носового отростка лобной кости. М.М. Герасимов указал на возможные ошибки при использовании этого метода (рис. 4) без учета толщины мягких тканей (автор проанализировал большое количество рентгенограмм), а также подчеркнул значение параметров грушевидного отверстия для определения контуров наружного носа [Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Jong, 2022; Ulrich, Stephan, 2011]. Как оказалось, сложнее всего воссоздавать ушные раковины, особенно их форму. Однако Герасимову удалось провести параллели между длиной носа и ушных раковин, выявить взаимосвязь строения носовых отростков и степени «оттопыренности» ушей [Герасимов, 1955; Рахматуллин, 2013; Iscan, Steyn, 2013; Wilkinson, Rynn, 2012].

Иногда воссозданные лица поражали несоответствием с существующими представлениями, но анализ жизни персонажа подтверждал предположения реставратора. Так получилось с реконструкцией останков Андрея Боголюбского (сына Юрия Долгорукого), «монголоидная» внешность которого в исполнении Герасимова вызвала горячие обсуждения среди ученых-специалистов. Изучение родословной князя давало обоснование результатам работы Михаила Михайловича: мать князя, вторая жена Юрия Долгорукого, была дочерью половецкого хана. Однако более детальный анализ, проведенный спустя десятилетия, все-таки опроверг предположения о «монголоидности» князя Андрея [Раушенбах, 1997; Васильев, 2012]. Не менее интересным явилось морфологическое объяснение того, что, по преданиям, Андрей Боголюбский

был очень надменным и не склонял головы перед послами иностранных держав. Оказалось, что у князя несколько шейных позвонков срослись между собой, и Андрей физически не мог осуществить поклон или иные движения головой [Рохлин, 1965; Раушенбах, 1997].

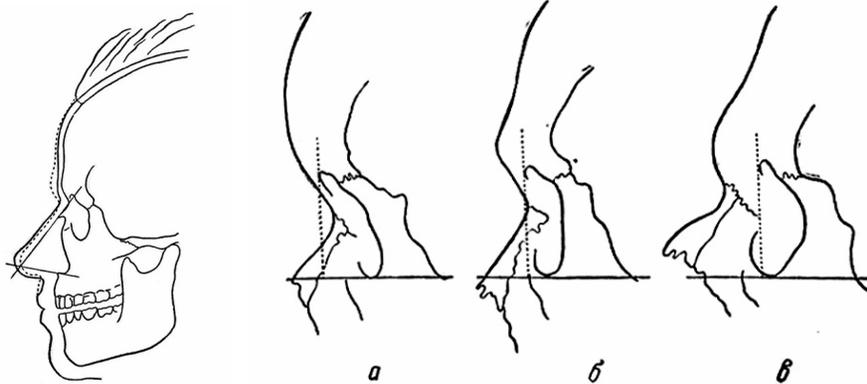

Рис. 4. Контур лица и построение контура носа (слева). В иллюстрацию Бехли и Кольмана внесены коррективы Герасимова (пунктирная линия), исправляющие неточности отображенного контура мягких тканей. Варианты различного направления носового отростка лобной кости (справа) [Герасимов, 1955].
Fig. 4. The contour of the face and the construction of the contour of the nose (on the left). Böchli and Kolman's illustration was corrected by Gerasimov (dashed line) to correct inaccuracies in the displayed soft tissue contour. Variants of different directions of the nasal process (right).

Кроме упомянутых исторических персонажей М.М. Герасимов восстановил облики Ивана Грозного и его сына Федора, скифского царя Скилура и князя Всеволода Буй-Тура, средневекового врача и ученого Абу-Али ибн Сины, предводителя горцев Хаджи-Мурата, поэтов Шиллера и Рудаки и многих других [Герасимова, Герасимова, 2007]. Также ученый создал портретный ряд представителей различных исторических периодов от эпохи палеолита до средневековья [Герасимов, 1948, 1950, 1964; Веселовская и др., 2013].

Работы М. Герасимова были широко известны не только в научных кругах, к ученому за помощью неоднократно обращались криминалисты. История сохранила ряд случаев привлечения Михаила Михайловича к процессу идентификации останков людей, когда ученому удавалось восстановить внешность без вести пропавших до портретной точности благодаря его авторской методике пластической реконструкции. В 1939 г. в Ленинградской области в лесу был обнаружен скелет со следами травм в затылочной области. Работники правоохранительных органов не смогли самостоятельно опознать личность погибшего и обратились за помощью к М. Герасимову. На основе переданного черепа Михаил Михайлович произвел реконструкцию мальчика примерно 13 лет от роду, была сделана серия фотоснимков реконструкции. Снимки вместе с другими фотографиями пропавших детей показали жителям окрестных селений. Родители одного из детей, находившихся в розыске, опознали по фотографиям реконструкции своего 13-летнего сына [Герасимов, 1949; Раушенбах, 1997]. А в одном из сюжетов реконструкция облика якобы «пропавшей» беременной женщины (известная история опознания Валентины Косовой) на основе останков, обнаруженных в лесу, до такой степени точно совпала с оригиналом, что «безутешный муж» при виде портрета авторства Герасимова тут же раскаялся в содеянном преступлении — убийстве собственной супруги [Герасимов, 1949; Раушенбах, 1997; Gibson, 2008; Taylor, 2001]. Это сотрудничество прибавило авторитета Михаилу Михайловичу — безошибочное совпадение реконструкций Герасимова с оригиналами в практике уголовного розыска пресекло в корне бытовавшие до того скептические мнения о приблизительно-сти работ ученого, «домысливании» им образов восстанавливаемых лиц [Раушенбах, 1997].

Многолетняя работа по изучению морфологии лица позволила М. Герасимову создать шкалу распределения толщины мягких тканей и выявить некоторые закономерности их взаимоотношений с рельефом и формой костей, очень важные для практической деятельности. Например, сильно выраженные надбровные дуги практически всегда сочетаются с повышенной толщиной мягких покровов в этой зоне. Толщина мягких частей у основания носа зависит не от расы, а от индивидуальных особенностей — выраженности и характера рельефа костей лица в этой области, а также от угла выступания носовых костей. И конечно же колоссальное значение имеют осо-

бенности строения зубочелюстного аппарата (в частности, выявлено, что при прогнатизме толщина губ более выражена) (рис. 5) [Герасимов, 1955; Iscan, Steyn, 2013; Jong, 2022].

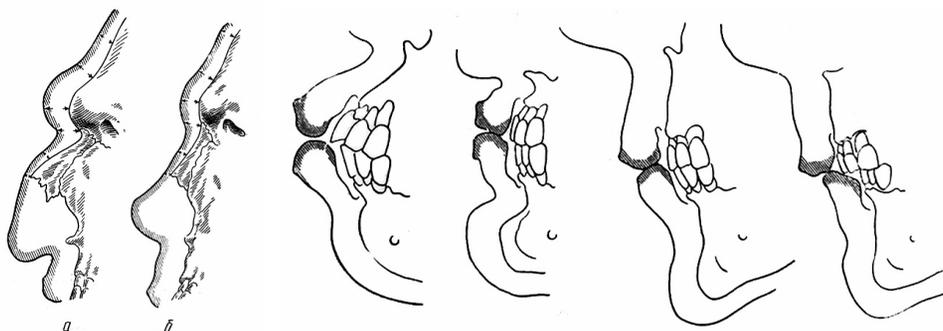

Рис. 5. Варианты толщины мягких тканей в определенных точках в зависимости от выраженности рельефа костей (слева). Изменчивость контуров нижнего отдела лица в зависимости от строения альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти (справа) [Герасимов, 1955].

Fig. 5. Variants of the thickness of soft tissues at certain points, depending on the severity of the bone relief (on the left). Variability of the contours of the lower face depending on the structure of the alveolar processes (right).

Ученики проф. Герасимова в основанной им Лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН продолжили работы по реконструкции облика исторических персонажей, дополнив банк данных по вариантам толщины мягких тканей лица и расширив методы исследования современными технологиями [Балуева, Веселовская, 2015; Веселовская и др., 2019]. В частности, наряду и даже вместо рентгенографии сейчас применяют методы ультразвукового исследования, которые можно использовать и на живых людях, что, безусловно, повысило точность измерений. Исследуются различные этнические группы, продолжается изучение возрастных и половых особенностей и различий в закономерностях распределения толщины мягких тканей лица. Решаются давние проблематичные вопросы, такие как прогнозирование размеров и формы хрящевой части наружного носа. Например, одна из учениц Михаила Михайловича, Г.В. Лебединская, проанализировав громадное количество рентгенограмм, сделала оригинальный вывод, что параметры хрящевой части носа находятся в прямой зависимости от размеров и формы грушевидного отверстия [Лебединская, 1989; Taylor, 2001]. Ученица Лебединской Е.В. Веселовская, на основе трудов Герасимова, Лебединской и Балуевой и собственных работ, с привлечением зарубежного опыта, предложила обобщающую программу «Алгоритм внешности», позволяющую рассчитать и спрогнозировать прижизненные черты лица [Веселовская, 2018]. Программа предназначена для использования в работе археологов, антропологов, историков и криминалистов. Под руководством Т.С. Балуевой была разработана уникальная программа краниофациального соответствия, позволяющая создать «словесный портрет» на основе параметров черепа, также очень востребованная криминалистами. Сотрудники лаборатории, являясь внештатными экспертами Следственного комитета, продолжают традицию сотрудничества с правоохранительными органами и помогают в розыске пропавших людей, эффективно используя собственные и современные мировые наработки в плане идентификации лиц. В багаже ученых — сотни успешно проведенных судебно-медицинских экспертиз по восстановлению облика неопознанных лиц (рис. 6) [Веселовская, 2021; Веселовская и др., 2013; Veselovskaya, 2014; Wilkinson, 2004].

Среди учеников и последователей М.М. Герасимова необходимо отметить ряд известных ученых, таких как С.А. Никитин, главный специалист Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Москвы, разработчик комбинированного графического метода реконструкций, выполнивший более 600 скульптурных и графических реконструкций и внесший неоценимый вклад в развитие прикладного направления антропологической реконструкции, воспитавший следующее поколение приверженцев школы М.М. Герасимова, среди которых антропологи А.И. Нечвалода, Е.А. Алексеева; судебный медик В.Н. Звягин, основатель новых методов судебно-медицинской соматологии и дерматоглифики, многое сделавший для внедрения современных компьютерных и информационных технологий в антропологические исследования. Ученики М.М. Герасимова не только значительно расширили ряд портретных реконструкций исторических лиц, но и внесли серьезный вклад в исследовательские работы государственной важности, такие как опознание

останков членов царской семьи или установление личности героев Великой Отечественной войны; привлекаются специалисты также к работе в правительственных комиссиях по исследованию останков неизвестных, погибших в ходе вооруженных конфликтов и в результате террористических актов.

Рис. 6. Михаил Герасимов с учениками (фото из архива Лаборатории пластической реконструкции при Институте этнологии и антропологии РАН) (<https://naked-science.ru/article/column/metod-gerasimova-kak-genij-plasticheskoy-rekonstruktsii-vernul-ushakovu-litso-a-germanii-shillera>).

Fig. 6. Mikhail Gerasimov with students (photo from the archive of the Laboratory of Plastic Reconstruction at the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS).

Методика восстановления лица по черепу, разработанная М.М. Герасимовым, в зарубежной литературе именуется «русским методом», ссылки на который обязательно приводятся в тематических статьях и монографиях [Stavrianos at al., 2007; Rinchon at al., 2018]. Однако в целом метод Герасимова за рубежом недооценен, а представление о его работах зачастую минимально и ошибочно (главные причины этому — неточность переводов публикаций М.М. Герасимова и крайне малое количество переводов как таковых, что затрудняет знакомство зарубежных читателей с работами ученого) [Gerasimov, 1971; Ullrich, Stephan, 2011, 2016]. Так, например, в статье S. Gupta с соавт. [2015] говорится: «Русский анатомический метод был разработан Герасимовым в 1971 г. В этой методике не учитывались данные о глубине мягких тканей, но использовались данные об анатомическом положении лицевых мышц. Реконструкция осуществлялась моделированием мышц, желез и хрящей на черепе слой за слоем. В наши дни эта методика не используется. Она требует значительно больше времени, чем американская, и более глубокого знания анатомии. Этот метод применялся при реконструкции по ископаемым черепам». Как известно, Михаил Михайлович скончался в 1970 г., а сам метод был разработан и апробирован несколькими десятилетиями ранее. Главное же заблуждение авторов — в том, что в методе Герасимова не учитывается толщина мягких тканей и что сегодня эта методика не используется. На самом деле в монографиях М. Герасимова в приложениях к описанию изменчивости распределения мягких тканей дан ряд таблиц с цифровыми показателями толщины покровов в разных отделах лица и проведена корреляция с возрастом, расой, национальностью. Что касается хорошего знания анатомии — это замечание верно, и это знание действительно необходимо. Остается лишь сожалеть, что упоминаемые иностранными авторами другие методики не требуют такого качественного знания анатомии, на котором принципиально должен строиться метод портретной реконструкции, что блестяще было доказано нашим соотечественником [Герасимов, 1955; Kundu, 2021; Taylor, 2001; Ullrich, Stephan, 2011; Wilkinson, 2004; Wilkinson, Rynn, 2012].

В настоящее время методику восстановления лица по черепу часто именуют судебно-медицинской аппроксимацией лица [Stephan at al., 2019]. С каждым годом интерес к указанной методике растет (судя по количеству публикаций), и, несмотря на то что сегодня почти весь ручной труд в процессе реконструкций заменен компьютерными технологиями [Gietzen at al., 2019; Rinchon

Михаил Михайлович Герасимов (1907–1970) и его метод восстановления лица по черепу

et al., 2018], в основе всех расчетов и 3D-моделирования лежат базы данных по толщине мягких тканей и принципиальные техники, разработанные в числе первых нашими учеными во главе с проф. М.М. Герасимовым [Maltais-Lapointe et al., 2015; Thompson, Black, 2006; Saxena et al., 2012].

Благодарности. Авторы выражают искреннюю благодарность к.и.н., ведущему научному сотруднику Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН М.М. Герасимовой за ценные замечания, уточнения и дополнения к данной работе.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interest.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балуева Т.С., Веселовская Е.В.* Восстановление внешнего облика великого князя Олега Ивановича Рязанского // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2015. Т. 9. № 152. С. 45–54.
- Васильев С.В., Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Халдеева Н.И.* Антропологическое исследование костных останков великого князя Андрея Боголюбского: спустя 70 лет // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2012. № 4. С. 54–69.
- Веселовская Е.В.* «Алгоритм внешности» — комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2018. № 2. С. 38–54. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.2.038-054>
- Веселовская Е.В.* Как выглядели наши предки, или Что может антропологическая реконструкция? // Жизнь Земли. 2021. Т. 43. № 3. С. 336–348. https://doi.org/10.29003/m2439.0514-7468.2020_43_3/347-360
- Веселовская Е.В., Пестряков А.П., Кобылянский Е.Д.* Татьяна Сергеевна Балуева и Российская школа антропологической реконструкции // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2013. № 4. С. 29–41.
- Веселовская Е.В., Синева И.М., Борисова Е.Б.* Новые данные к реконструкции по черепу среднего этажа лица // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2019. № 1. С. 5–17. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.1.005-017>
- Герасимов М.М.* Палеолитические находки у Переселенческого пункта в Иркутске // Краеведение. Иркутск, 1926. № 3. С. 22–28.
- Герасимов М.М.* Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях гор. Хабаровска // Известия ВСОРГО. 1928. № 53. С. 135–140.
- Герасимов М.М.* Мальта: Палеолитическая стоянка: (Предварительные данные): Результат работ 1928–1929 гг. Иркутск: Иркут. краевой музей, 1931. 34 с.
- Герасимов М.М.* Портрет Тамерлана: (Опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе) // КСИИМК. 1947. № 17. 14–21.
- Герасимов М.М.* К вопросу о восстановлении облика ископаемого человека: (Мальчик неандерталец из грота Тешик-Таш) // Ученые записки МГУ. Вып. 115: Труды Музея антропологии. М., 1948. С. 169–197.
- Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука. 1949. 185 с.
- Герасимов М.М.* Методика восстановления внешнего вида ископаемого человека по его черепу // Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950. № 2. 166–177.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 1955. 585 с.
- Герасимов М.М.* Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 171 с.
- Герасимова М.М., Герасимова К.М.* Михаил Герасимов: Я ищу лица. О восстановлении внешнего облика исторических лиц. М.: Наука, 2007. 173 с.
- Герасимова М.М., Медведев Г.И.* Человек, воссоздавший прошлое // Наука в России. 1998. № 5. С. 73–80.
- Звягин В.Н.* Адмирал Ушаков: Медико-криминалистическое исследование // Антропология. 2015. № 4. С. 49–65.
- Лебединская Г.В.* Соотношение между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 38–56.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу: (Методическое руководство). М.: Старый сад. 1998. 125 с.
- Раушенбах Б.В.* Пристрастие. М.: Аграф, 1997. С. 18–28.
- Рахматуллин Н.Р.* Построение ушной раковины при пластической реконструкции лица по черепу // Поволжская археология. 2013. Т. 3. № 5. С. 155–168.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Удальцова В.А.* Гений научной реконструкции, к 110-летию со дня рождения М.М. Герасимова // Труды Государственного Дарвиновского музея. Вып. XXI: К 110-летию музея / Под общ. ред. А.И. Ключиной. М.: ГДМ, 2017. С. 197–228.
- Gerasimov M.M.* The face finder. L.: Hutchinson & Co, 1971. 199 p.
- Gibson L.* Facial Reconstruction from skeletal remains // Forensic Art Essentials: A Manual for Law Enforcement Artists. Chapter 7. 2008. P. 252–329. <https://doi.org/10.1016/b978-012370898-4.50008-7>
- Gietzen T., Brylka R., Achenbach J., zum Hebel K., Schömer E., Botsch M., Schwanecke U., Schulze R.* A

- method for automatic forensic facial reconstruction based on dense statistics of soft tissue thickness // PLoS ONE. 2019. Vol. 14. № 1. e0210257. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210257>
- Gupta S., Gupta V., Vij H., Vij R., Tyagi N. Forensic facial reconstruction: The final frontier // Journal of Clinical and Diagnostic Research. 2015. Vol. 9. № 9. ZE26-8. <https://doi.org/10.7860/JCDR/2015/14621.6568>
- Iscan M.Y., Steyn M. The human skeleton in forensic medicine. Charles C. Thomas Publisher, 2013. P. 517.
- Jong L. On the persistence of race: Unique skulls and average tissue depths in the practice of forensic craniofacial depiction // Social Studies of Science. 2022. P. 1–25. <https://doi.org/10.1177/03063127221112073>
- Kundu A., Streed M., Galzi P.J., Johnson A. A detailed review of forensic facial reconstruction techniques // Medico-Legal Journal. 2021. Vol. 89. № 2. 106–116. <https://doi.org/10.1177/0025817221989591>
- Maltais-Lapointe G., Lynnerup N., Hoppa R.D. Validation of the new interpretation of Gerasimov's nasal projection method for forensic facial approximation using CT data // Journal of Forensic Sciences. 2015. Vol. 61. P. 193–200. <https://doi.org/10.1111/1556-4029.12920>
- Paysan P., Lüthi M., Albrecht T., Lerch A., Amberg B., Santini F., Vetter T. Face reconstruction from skull shapes and physical attributes. In: Denzler J., Notni G., Süße H. (Eds.). Pattern Recognition. DAGM 2009. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5748. Berlin; Heidelberg Springer, 2009. P. 232–241. https://doi.org/10.1007/978-3-642-03798-6_24
- Rinchon S., Arpita S., Mahipal S., Rajeev K. 3D Forensic Facial Reconstruction: A review of the traditional sculpting methods and recent computerised developments // International Journal of Forensic Sciences. 2018. Vol. 3. № 1. 000134. <https://doi.org/10.23880/IJFSC-16000134>
- Saxena T., Panat S.R., Sangamesh N.C., Choudhary A., Aggarwal A., Yadav N. Facial soft tissue thickness in north indian adult population // Journal of Indian Academy of Oral Medicine and Radiology. 2012. Vol. 24. № 2. P. 121–125. <https://doi.org/10.5005/jp-journals-10011-1275>
- Stavrianos Ch., Stavrianou I., Zouloumis L., Mastagas D. An introduction to facial reconstruction // Balkan Journal of Stomatology. 2007. № 11. P. 76–83.
- Stephan C.N., Caple J.M., Guyomarc P., Claesc P. An overview of the latest developments in facial imaging // Forensic Sciences Research. 2019. Vol. 4. № 1. P. 10–28. <https://doi.org/10.1080/20961790.2018.1519892>
- Taylor K. Forensic art and illustration. Boca Raton: CRC Press. 2001. P. 608.
- Thompson T., Black S. Forensic Human Identification: An Introduction // CRC Press. 2006. 500 p.
- Ullrich H., Stephan C.N. On Gerasimov's plastic facial reconstruction technique: New insights to facilitate repeatability // Journal of Forensic Sciences. 2011. Vol. 56. № 2. P. 470–474. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2010.01672.x>
- Ullrich H., Stephan C.N. Mikhail Mikhailovich Gerasimov's authentic approach to plastic facial reconstruction // Anthropologie. 2016. Vol. 54. № 2. P. 97–107.
- Veselovskaya E., Grigoryeva O., Rasskazova A. Modern Russian facial reconstruction school // Вестник МГУ. Сер. 23. Антропология. 2014. № 3. С. 47.
- Wilkinson C. Forensic Facial Reconstruction. Cambridge University Press. 2004. P. 290. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107340961>
- Wilkinson C., Rynn Ch. (Eds.). Craniofacial Identification. N. Y.: Cambridge University Press. 2012. P. 263.

Fominykh T.A. *, Kiselev V.V., Zakharova A.N., Ulanov V.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

prosp. Vernadskogo, 4, Simferopol, 295007, Russian Federation

E-mail: tanusha.ark@gmail.com (Fominykh T.A.); vivaxx@mail.ru (Kiselev V.V.);

annazakh1970@gmail.com (Zakharova A.N.); ylyan4ik@mail.ru (Ulanov V.S.)

Mikhail Mikhailovich Gerasimov (1907–1970) and his method of face reconstruction from the skull

The article is dedicated to the 115th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Gerasimov, a world-famous scientist, pioneer of historical and forensic portrait reconstruction, founder of the Plastic Reconstruction Laboratory at the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the Soviet Union (currently the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences). M.M. Gerasimov created the most famous gallery of sculptural portraits of a number of historical persons, and also recreated the appearances of fossil people from the available bone remains. A man of encyclopedic knowledge, anthropologist, archaeologist and sculptor rolled into one, Gerasimov laid the foundations of craniofacial reconstruction and created his own scientific school. For his invaluable contribution to science and practical anthropology, as well as to forensic medicine and forensic science, the scientist was awarded the State Prize in 1950, as well as the title of Honored Scientist of the RSFSR in 1969. The method of facial reconstruction developed by Gerasimov formed the basis of modern methods equipped with advanced imaging and computer technologies. The laboratory created by M.M. Gerasimov exists and is actively functioning up to the present days, and his students successfully continue the work he

* Corresponding author.

started. For decades, the authority of M.M. Gerasimov in anthropological reconstruction has remained unshakable, the method of reconstruction of the appearance of fossil people, developed by the scientist, has received worldwide recognition, and it is fundamental for modern researchers. Followers of M.M. Gerasimov continue to develop and improve the method, which is of paramount importance in paleoanthropology, ethnography, historical sciences, and which has found practical application in forensic science, forensic medicine and plastic surgery.

Keywords: craniofacial reconstruction, Mikhail Mikhailovich Gerasimov, historical portrait reconstruction, personal identification, forensic anthropology.

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to Margarita Mikhailovna Gerasimova, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Center for Physical Anthropology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences for valuable comments, clarifications and additions to this work.

REFERENCES

- Balueva, T.S., Veselovskaya, E.V. (2015). Reconstruction of the look of Oleg Ivanovich, the Grand Prince of Ryazan. *Vestnik RGGU. Seriya Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, (152), 45–54. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1926). Paleolithic finds at the colonization post in Irkutsk. *Kraevedenie*, (3). Irkutsk, 22–28. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1928). New sites of prehistoric man of the stone period in the vicinity of Khabarovsk. *Izvestiya VSORGO*, (53), 135–140. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1931). *Malta: Paleolithic site: (Preliminary data): The result of the work of 1928–1929*. Irkutsk: Irkutskij kraevoj muzej. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1947). Portrait of Tamerlane: (An experience of sculptural reproduction on a craniological basis). *KSIIIMK*, (17), 14–21. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1948). On the issue of restoring the appearance of a fossil man: (A Neanderthal boy from the Teshik-Tash grotto). *Uchenye zapiski MGU. Vyp. 115: Trudy Muzeya antropologii*. Moscow, 169–197. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1949). *Principles of reconstruction of the face on the skull*. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1950). A technique for restoring the appearance of a fossil man from his skull. In: *Materialy po chetvertichnomu periodu SSSR*, (2), 166–177. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1955). *Reconstruction of the face from the skull: (Modern and fossil man)*. M.: Izd-vo AN SSSR, 585. (Russ.).
- Gerasimov, M.M. (1964). *Stone age people*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gerasimov, M.M. (1971). *The face finder*. London: Hutchinson & Co, 199.
- Gerasimova, M.M., Gerasimova, K.M. (2007). *Mikhail Gerasimov: I'm looking for faces: On the restoration of the external appearance of historical persons*. Moscow: Nauka. (Rus.),
- Gerasimova, M.M., Medvedev, G.I. (1998). The man who recreated the past. *Nauka v Rossii*, (5), 73–80. (Rus.)
- Gibson, L. (2008). Facial Reconstruction from skeletal remains. In: *Forensic Art Essentials: A Manual for Law Enforcement Artists. Chapter 7*, 252–329. <https://doi.org/10.1016/b978-012370898-4.50008-7>
- Gietzen, T., Brylka, R., Achenbach, J., zum Hebel, K., Schömer, E., Botsch, M., Schwanecke, U., Schulze, R. (2019). A method for automatic forensic facial reconstruction based on dense statistics of soft tissue thickness. *PLoS ONE*, 14(1), e0210257. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210257>
- Gupta, S., Gupta, V., Vij, H., Vij, R., Tyagi, N. (2015). Forensic facial reconstruction: The final frontier. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*, 9(9), ZE26-8. <https://doi.org/10.7860/JCDR/2015/14621.6568>
- Iscan, M.Y., Steyn, M. (2013). *The human skeleton in forensic medicine*. Charles C. Thomas Publisher.
- Jong, L. (2022). On the persistence of race: Unique skulls and average tissue depths in the practice of forensic craniofacial depiction. *Social Studies of Science*, 1–25. <https://doi.org/10.1177/03063127221112073>
- Kundu, A., Streed, M., Galzi, P.J., Johnson, A. (2021). A detailed review of forensic facial reconstruction techniques. *Medico-Legal Journal*, 89(2), 106–116. <https://doi.org/10.1177/0025817221989591>
- Lebedinskaya, G.V. (1973). The ratio between the upper part of the facial skull and the tissues covering it. In: *Antropologicheskaya rekonstruktsiya i problemy paleoetnografii*. Moscow: Nauka, 38–56. (Rus.).
- Lebedinskaya, G.V. (1998). *Facial reconstruction from the skull: (Methodological guide)*. Moscow: Stary Sad. (Rus.).
- Maltais-Lapointe, G., Lynnerup, N., Hoppa, R.D. (2015). Validation of the new interpretation of Gerasimov's nasal projection method for forensic facial approximation using CT data. *Journal of Forensic Sciences*, 61, 193–200. <https://doi.org/10.1111/1556-4029.12920>
- Paysan, P., Lüthi, M., Albrecht, T., Lerch, A., Amberg, B., Santini, F., Vetter, T. (2009). Face reconstruction from skull shapes and physical attributes. In: Denzler J., Notni G., Süße H. (Eds.). *Pattern Recognition. DAGM 2009. Lecture Notes in Computer Science*, 5748. Springer, Berlin, Heidelberg, 232–241. https://doi.org/10.1007/978-3-642-03798-6_24
- Rahmatullin, N.R. (2013). Construction of the auricle in the course of plastic reconstructing a face from the cranium. *Povolzhskaya arkheologiya*, (5), 155–168. (Rus.).
- Raushenbakh, B.V. (1997). *Predilection*. Moscow: Agraf, 18–28. (Rus.).
- Rinchon, S., Arpita, S., Mahipal, S., Rajeev, K. (2018). 3D Forensic Facial Reconstruction: A review of the traditional sculpting methods and recent computerised developments. *International Journal of Forensic Sciences*, 3(1), 000134. <https://doi.org/10.23880/IJFSC-16000134>

- Rokhlin, D.G. (1965). *Diseases of ancient men*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Saxena, T., Panat, S.R., Sangamesh, N.C., Choudhary, A., Aggarwal, A., Yadav, N. (2012). Facial soft tissue thickness in north indian adult population. *Journal of Indian Academy of Oral Medicine and Radiology*, 24(2), 121–125. <https://doi.org/10.5005/jp-journals-10011-1275>
- Stavrianos, Ch., Stavrianou, I., Zouloumis, L., Mastagas, D. (2007). An introduction to facial reconstruction. *Balkan Journal of Stomatology*, (11), 76–83.
- Stephan, C.N., Caple, J.M., Guyomarc, P., Claesc, P. (2019). An overview of the latest developments in facial imaging. *Forensic Sciences Research*, 4(1), 10–28. <https://doi.org/10.1080/20961790.2018.1519892>
- Taylor, K. (2001). *Forensic art and illustration*. Boca Raton: CRC Press.
- Thompson, T., Black, S. (2006). *Forensic Human Identification: An Introduction*. CRC Press.
- Udal'tsova, V.A. (2017). The genius of scientific reconstruction, to the 110th anniversary of the birth of M.M. Gerasimov. *Trudy Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya. Vyp. XXI: K 110-letiyu muzeya*. Moscow: GDM, 197–228. (Rus.).
- Ullrich, H., Stephan, C.N. (2011). On Gerasimov's plastic facial reconstruction technique: new insights to facilitate repeatability. *Journal of Forensic Sciences*, 56(2), 470–474. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2010.01672.x>
- Ullrich, H., Stephan, C.N. (2016). Mikhail Mikhaylovich Gerasimov's authentic approach to plastic facial reconstruction. *Anthropologie*, 54(2), 97–107.
- Vasiliev, S.V., Gerasimova, M.M., Borutskaya, S.B., Khaldeeva, N.I. (2012). Anthropological study of the bone remains of Grand Duke Andrei Bogolyubsky: 70 years later. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya*, (4), 54–69. (Rus.).
- Veselovskaya, E.V. (2018). "Appearance algorithm" — the comprehensive program of craniofacial reconstruction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*, (2), 38–54. (Rus.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.2.038-054>
- Veselovskaya, E.V. (2021). What did our ancestors look like? Or, the capabilities of anthropological reconstruction. *Zhizn' Zemli*, (3), 336–348. (Rus.). https://doi.org/10.29003/m2439.0514-7468.2020_43_3/347-360
- Veselovskaya, E., Grigoryeva, O., Rasskazova, A. (2014). Modern Russian facial reconstruction school. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya*, (3).
- Veselovskaya, E.V., Pestyakov, A.P., Kobylanskij, E.D. (2013). Tatiana Sergeevna Balueva and Russian school of anthropological reconstruction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya*, (4), 29–41. (Rus.).
- Veselovskaya, E.V., Sineva, I.M., Borisova, E.B. (2019). New data on forensic reconstruction of the middle part of the face. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya*, (1), 5–17. (Rus.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.1.005-017>
- Wilkinson, C. (2004). *Forensic Facial Reconstruction*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107340961>
- Wilkinson, C., Rynn, Ch. (Eds.) (2012). *Craniofacial Identification*. New York: Cambridge University Press.
- Zvyagin, V.N. (2015). Admiral Ushakov: A medical criminalistics study. *Antropologiya*, (4), 49–65. (Rus.).

Фоминых Т.А., <https://orcid.org/0000-0001-6572-2387>

Киселев В.В., <https://orcid.org/0000-0001-6425-0111>

Захарова А.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6243-3360>

Уланов В.С., <https://orcid.org/0000-0002-4096-2787>

Сведения об авторах:

Фоминых Татьяна Аркадьевна, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой судебной медицины, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Киселев Виктор Владимирович, кандидат медицинских наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Захарова Анна Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Уланов Владимир Сергеевич, кандидат медицинских наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.

About the authors:

Fominykh Tatyana A., Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Forensic Medicine, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Kiselev Viktor V., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Zakharova Anna N., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Ulanov Vladimir S., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-61-2-12>

УДК 398.3

Бадмаев А.А.

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

СОБОЛЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Анализ лингвистических, фольклорных и этнографических материалов позволил выявить образ соболя в традиционной культуре бурят. Показано утилитарное и символическое значение данного животного для бурят. Определено, что в традиционном мировоззрении бурят образ соболя был многозначен и характеризовался амбивалентностью коннотации. Выяснено, что в семейной и шаманской обрядности бурят у соболя был высокий семиотический статус.

Ключевые слова: бурятская культура, мифологические представления, обрядность, пушные зверьки.

Введение

Вопрос восприятия человеческим социумом дикой фауны является актуальным для отечественной этнографии. К числу диких животных, образ которых был инкорпорирован в традиционное мировоззрение большого числа народов России, относится соболь. В истории России этот пушной зверек сыграл особую роль. Издревле выступая в качестве «мягкой рухляди», он ценился за драгоценный мех, который продавали или обменивали на рынках Европы и Азии. Покорение Сибири произошло, в частности, из-за стремления Русского государства обрести новые территории, богатые соболями: в царскую казну брался ясак пушшиной, взимаемой с сибирских аборигенов. Помимо утилитарной ценности, соболь у народов Евразии имел символическое значение: например, у славян с ним ассоциируется определенная символика (мужская, брачная, хтоническая, ткаческие мотивы и т.п.) [Гура, 1997, с. 255, 257].

Образ соболя представлен в бурятской культуре, но еще не раскрыт исследователями. Цель работы — выявить этот зооморфный образ в традиционном мировоззрении и обрядности бурят. Источниковую базу исследования составили письменные источники (лингвистические, фольклорные, этнографические). Прежде всего это этнографо-фольклорные материалы, собранные П. Полтарадневым, Г.Н. Потаниным, М.Н. Хангаловым и др. Языковые данные преимущественно взяты из двуязычных словарей монгольских народов (бурят, монголов, калмыков и др.). В работе использованы сравнительно-сопоставительный и структурно-семиотический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Из всех пушных зверей буряты особенно выделяли соболя. Известно, что Байкальский регион — место обитания баргузинского соболя (*Martes zibellina princeps*), обладающего среди соболей самым ценным мехом с темным окрасом волоса (коричневого и черного оттенков). Головные уборы и верхняя одежда, пошитые с использованием такого меха, символизировали материальный достаток и служили показателем высокого статуса человека в бурятском традиционном обществе. Во второй половине XVII — XVIII в. ввиду дороговизны соболиных шкурок, называемых «мягким золотом», их включали в собираемый с бурят ясак, часть добываемой пушнины являлась предметом торговли, пользуясь высоким спросом за границей (например, в Китае и Монголии).

Об утилитарной ценности соболя, например, говорит бурятская загадка: «Хотя мохнат, а все его любят» (соболя) [Материалы для изучения..., 1911, с. 132]. Любопытно, что точно такое же метафорическое выражение существует и в отношении другого представителя семейства куных — выдры [Болдонов, 1949, с. 122]. Вероятно, это связано с тем, что у бурят предбайкальских родов, а именно им принадлежит загадка, мех этого зверька особенно ценился и активно использовался в народном костюме (при пошиве зимней шапки *халюун малгай* 'выдровая шапка', в качестве декоративной отделки зимней верхней одежды и др.) [Бадмаев, 2021, с. 254–255].

В лексике бурят из биологических признаков соболя опять-таки выделяли его пышную и густую шерсть, что отражено во фразеологическом выражении: *Булган нидхэ* — букв. 'соболиные брови, густые брови, придающие выразительность взгляду' [Буряад-ород толи, 2010, с. 151].

Этого пушного зверька относили к категории «чистых» животных, чье мясо считалось съедобным [Миллер, 2009, с. 254–255], но редко использовалось в пищу. Действовал запрет на употребление его мяса непосредственно во время промысла. Более того, полагалось воздушное погребение туши данного хищника в дупле дерева или на крыше дома [Полтараднев, 1929, с. 102]. Из пушных зверей так поступали только с соболем. Думается, такая форма захоронения животного определялась представлением о его якобы небесном происхождении.

Двойное отношение бурят к убитому соболю объясняется по-разному: в одном случае проявляется их древняя вера — анимизм; в другом — верх берет прагматическое отношение к мясу добытого зверя. Последнее имело место в традиции использования вареного мяса соболя и полученного из него отвара в лечебных целях: такой бульон применяли при лечении домашнего скота от кашля [Там же], а отварное мясо зверька давали для родовспоможения беременным женщинам [Потанин, 1881, с. 100].

Оговоримся, что с медицинской точки зрения употребление мяса данного животного в пищу небезопасно для здоровья человека. Но оно представляет собой диетический продукт, содержащий ряд полезных микроэлементов и витаминов. Вероятно, некоторые буряты ценили его полезные свойства и, несмотря на специфический запах и вкус, включали в рацион, а также использовали в народной медицине и ветеринарии.

Этимология бурятского названия соболя позволяет говорить о его общемонгольском происхождении: ср.-монг. *bulyan* 'соболь' [Поппе, 1938, с. 125]; бур. *булган* 'соболь' [Буряад-ород толи, 2010, с. 150]; монг. *булга(н)* 'соболь' [Большой академический... словарь, 2001–2002, с. 432]; калм. *булһн* 'соболь' [Русско-калмыцкий словарь, 1964, с. 661]; хамн. *булага(н)* 'соболь' [Хамниганско-русский словарь, 2015, с. 69]; дагур. *балэг* 'соболь' [Краткий дагурско-русский словарь, 2014, с. 22]; халх. *булуун, булуу, булык*; дюрб. *булгун* [Потанин, 1883, с. 160]. Гендерные обозначения соболя тоже находят параллели в языках преимущественно монгольских народов: бур. *улэгшэн булган* 'самка соболя'; бур. *гэндэ, гэндэ булган* 'самец соболя' [Буряад-ород толи, 2010, с. 150–151]; монг. *гэндуу* 'самец плотоядных' [Большой академический...словарь, 2001–2002, с. 651]; монг. *ологчин* 'самка плотоядных' [Там же, с. 715]; калм. *генди булһн* 'самец соболя', калм. *олгчн булгһн* 'самка соболя' [Хальмг-орс толь, 1977, с. 118].

Как и во время охоты на других промышляемых зверей, буряты, сообщая о соболе, использовали различные иносказания. Г.Н. Потанин упоминал одно из таких названий хищника, употребляемое аларскими (предбайкальскими) бурятами, — *хошун (хошуун* 'административная единица в Монголии XVI — первой трети XX в., в 1920-е гг. в Бурятии'. — *Авт.*) [1883, с. 160], но, вероятно, имел в виду слово *хушуун* 'морда (у животных)'. Тункинские охотники между собой называли это животное *ан(е)* 'зверь' [Полтараднев, 1929, с. 103], а нижнеудинские (предбайкальские) — *хуул* 'хвост' [Хангалов, 1959, с. 27].

О женском начале соболя в суждениях бурят, в частности, свидетельствует былое распространение у них женского имени Булган, омонимичного названию хищника [Митрошкина, 1987, с. 82].

Неслучайной видится в народных приметах ассоциация добытого соболя с ребенком: «(Если во сне) нашел ребенка или хоть держал — соболя добудешь» [Полтараднев, 1929, с. 102]. Дело в том, что в представлениях бурят и тот, и другой воспринимались как *эрдени* 'драгоценность'. В то же время приснившийся зверек, как верили, служит дурным знаком для охотника [Там же].

Образ рассматриваемого пушного зверька наиболее представителен в традиционной обрядности бурят и связанной с ней шаманской поэзии.

Мифическими хозяевами соболя считались дух-хозяин тайги Хангай, духи-хозяева речек, протекающих в местах обитания этого мелкого хищника [Там же, с. 100–101]. Охотники, совершая обряды кормления упомянутых выше мистических персонажей, как бы получали от них согласие на добычу зверя или таким образом благодарили их за убитого соболя. При этом покровителем охоты являлся дух Анда Бара, которому тоже посвящали специальный обряд кормления. Глубокая регламентация охотничьей обрядности у бурят прослеживается и в проведении особого обряда после успешной охоты на соболя, аналогию которому можно обнаружить у других народов севера Центральной Азии и Сибири [Эрдэнэболд, 2012, с. 115].

В традиционной семейной обрядности бурят образ соболя прежде всего соотносится с фетишем-онгоном, выполнявшим функцию защиты детей от нечистой силы. Под ним скрывается

имя шаманки, почитаемой как дикое животное. По легенде, бабушка Хан Макшаа (*Хаан* 'Самая почитаемая') после своей смерти обратилась в соболя и стала известна как *Булгата онгон* 'Соболий фетиш' [Дампилова, 2005, с. 115]. По Г.Н. Потанину, такой семейный пенат аларские буряты называли *Хан Булгаша* (*Хаан Булгаша* 'Самый почитаемый (старший) Соболевщик') или просто *Булгаша* [1883, с. 115].

Оба указанных выше фетиша представляли собой цельные заячьи шкурки, причем у первого была соболья мордочка, а второй украшали пришитые в определенных местах шелковые кисти. Использование вместо собольего меха менее ценного, заячьего произошло по прагматическим соображениям, но при этом, вероятно, исходило еще из того, что в представлениях бурят заячий фетиш *Шандагатан онгон* выполняет ту же охранительную функцию — защиту детей и представляет женский образ.

Весьма показателен текст призыва, с которым обращались к онгону Хаан Булгаша: «В виде мыши не возрождайся, в виде бурундука не возрождайся, на ели **перелетывающий черный соболь** хубилган мой, на сосне **перелетывающий тонкий соболь** (выделено мной. — *Авт.*), хубилган мой! Твой род Тумэн происходит от Унгутов, (весь) улус вполне прибег к Ирин игын шошолыку, бабушке Хан булгаша! С чужой стороны присоединившийся друг мой, великий ружейный шаман! Девяносто девять тэнгри гремело. Великого шаманского плаща воротник накиннул, от девяти бубнов колотушку держал. Стражем у столбика в изголовье кровати стал. Решетчатую люльку не трясина, из кустарника (сделанную) люльку не трясина, лежащего в пеленках наблюдай, лежащего в люльке охраняй. В жилище ядовитых вещей не терпи, в жилище, наполненном ящиками, вредных вещей не терпи» [Потанин, 1883, с. 116]. При разборе приведенного выше фрагмента выясняется, что движения соболя уподобляются полету птицы, которая, по воззрениям бурят, опять-таки наделяется небесной символикой. Заметим, что в природе данный зверек, в отличие от некоторых других куньих, перемещается в основном по земле. Интересно также имеющаяся в тексте шаманского призыва метаморфоза мужского персонажа (охотника-шамана Ирин игын шошолыка) в женский образ (*Хаан булгаша*). Кстати, отсюда становится понятным, почему этому фетишу дано такое название.

Хранителем детей считался другой фетиш предбайкальских бурят — *Хэрмэшэн нойон* 'господин Белковщик' и *Булгаша хатун* 'госпожа Соболевица'. Судя по тому, что он помещался у светодымового отверстия юрты, символизировавшего Верхний мир, это мифическая супружеская пара и ассоциируемые с ней дикое животное (белка и соболь) имели небесную природу. Причем воплощенных в этом онгоне духов-покровителей относили к «светлой» стороне неба: им брызгали исключительно «белой» пищей (простоквашей и молочной водкой) [Агапитов, Хангалов, 1883, с. 29].

Из сказанного выше можно заключить, что у бурят с образом соболя ассоциируются женские персонажи, а это еще раз указывает на его женское начало.

Добавим, что о приписываемом бурятами охранительном свойстве меха соболя, а вместе с ним и самого зверька позволяют утверждать строки песни, исполняемой во время обряда укладывания младенца в колыбель: «Мальчик, желанный, долгожданный, войди в колыбель из дерева вяза, войди под покров из собольей шкуры» [Нацов, 1995, с. 36]. Конечно, в жизни детские собольи покрывала, в силу дороговизны такого меха, не имели распространения, поэтому важно акцентировать внимание на семантике животного, из меха которого изготовлялись эти вещи.

Вероятно, соболь мог быть тотемом у части далеких предков предбайкальских бурят. На эту мысль наталкивает, например, упоминаемое в сочинении Рашид-ад-дина [1952, с. 122] одно из этнических объединений Предбайкалья XII–XIII вв. — булагачины (*булагашэн* 'соболевщик'), в основе названия которых лежит номинация соболя. Позднее данный культ ими мог быть утрачен в связи с вхождением в состав более крупного объединения.

По материалам Г.Н. Потанина, предбайкальские буряты почитали, наряду с мифическими прародителями Буха-нойон и Будан-хатан, их сына *Булган хара хубун* 'Соболь черный сын' [1883, с. 84]. Однако, по более известной легенде, их сына звали Булагат, и он считался родоначальником одноименного племени булагатов (*булагад* 'соболя'), в свою очередь потомком которого как раз был Булаган хара [Цыдендамбаев, 1972, с. 285]. Вероятно, в его имени и названии упомянутого выше этнического подразделения бурят содержится намек на бытование в прошлом культа соболя. Хотя есть мнение Ц.Б. Цыдендамбаева, исключающее возможность того, что соболь мог быть тотемом булагатов [Там же, с. 284]. На основе приведенных выше сведений также можно предположить, что у предбайкальских бурят произошел переход от зооморфизма (*Булган хара*) к антропоморфизму (*Булагат*).

В шаманской обрядности бурят с соболем связывается определенная атрибутика: соболюшки были эмблемой одного из шаманских родов — черных тарсайских шаманов предбайкальских бурят [Агапитов, Хангалов, 1883, с. 56], поклонявшихся «темной» стороне неба.

Еще одной функцией соболя, согласно шаманской поэтике, является выполнение им роли транспортного средства для шамана в его передвижениях в другие миры. Согласно одной из легенд, «названная шаманка, желая испытать своего чубарого коня, поднялась на нем на вершину горы Шарсын. Конь, осердившись, вознесся на желтощекое небо. Оставшаяся на вершине горы без коня шаманка поймала там черного соболя и на нем спустилась с горной вершины. Перед своею смертью она просила бурят не одарять ее конями, а жертвовать ей соболей, так как на этом животном она будет ездить на том свете» [Зеленин, 1936, с. 282].

Кроме того, образ соболя увязывается с фетишем, воплощавшим духа-помощника шамана и представляющим собой соболюшку шкуру, украшаемую лентами. Ее наряду с другими шкурами-онгонами почитаемых диких животных, составляющими *табан хушуута* 'пять почетных', вывешивали, например, на месте коллективного жертвоприношения, посвященного Ажирай Бухэ, мифическому духу-хозяину устья Ангары и приближенному владыки подземного мира Эрлен хана. Вместе с соболем в данную категорию сакральных диких животных входили белка, горноста, колонок/хорек и заяц. Причем заячий онгон бурятский шаман получал во время своего первого посвящения, а остальные шкуры-фетиши позже. После его смерти эти онгоны оставались на месте сожжения тела умершего привязанными к стволу берез. Верили, что эти духи-помощники будут сопровождать шамана в загробной жизни. Согласно бурятскому мифу «Небо и земля», перечисленные выше животные были посланы *Үндэр тэнгэри* 'Высоким небом' подслушать мудрого *Заряя Азарга* 'Еж-самец', как освободить солнце и луну от *Үлгэн Дэлхэй* 'Широкой земли'. Первым передал слова Заряя Азарга заяц, поэтому он считается первым среди табан хушуута [Хангалов, 1960, с. 11–12].

На хтоническую природу соболя может указывать встречающийся в шаманской поэзии мотив обращения в него души умершего. Иллюстрирует это, например, история упомянутой выше шаманки Макшаа: после смерти ее душа обретает соболиный облик. Принадлежность этого зверька к подземному миру, вероятно, также обуславливалась символикой черного цвета — наличием у него черного меха.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в традиционной культуре бурят образ соболя был полисемантический. Это дикое животное предположительно могло быть тотемом у части предков бурят предбайкальских родов. В мифологических представлениях бурят зверек воспринимался как драгоценность, что, вероятно, обуславливалось его утилитарным значением. Соболю наделялся небесной природой. Ему приписывалось женское начало. Между тем обнаруживается и негативная коннотация: это животное связывали с хтоническим миром. В традиционной семейной обрядности бурят с образом зверька ассоциировался соболиный фетиш, который выполнял охранительную функцию для детей и представлял женский образ. Соболюшка являлась атрибутом шамана: у некоторых черных шаманов она представляла эмблему рода. Кроме того, в шаманской обрядности бурят с этим диким животным связывался фетиш, воплощающий духа-помощника шамана. В шаманской поэтике душа умершего шамана якобы перевоплощалась в соболя, помимо этого, зверек наделялся функцией транспортного средства шамана в его мистических путешествиях в иные миры.

Финансирование. «Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири: Шаманство у бурят. Иркутск: Тип. Н.Н. Сеницына, 1883. 169 с.
- Бадмаев А.А. Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: Генезис и динамика. Новосибирск: СО РАН: ИАЭТ СО РАН, 2021. 379 с.
- Болдонов Н.С. Загадки бурят-монголов: Из старинного сборника Харбасарова // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 120–125.
- Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Буряад-ород толи: Бурятско-русский словарь: В 2 т. / Сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров. Т. 1: А–Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 636 с.

Соболь в традиционной культуре бурят

- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: Символика и поэтика. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.
- Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Тр. ИААЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. XIV: Этнографическая серия. Вып. 3. 436 с.
- Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1911. Т. 42. С. 111–136.
- Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов // Источники по истории Сибири и Аляске из российских архивов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. Т. VIII. I: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Ч. 1. 456 с.
- Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
- Полтараднев П. Пушной промысел в Тункинском районе: Процесс охоты на соболя // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 99–106.
- Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб // Труды ИВ АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. XIV. 566 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. 2: Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 220 с.
- Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И.К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
- Хальме-орс толь: Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. язык, 1977. 768 с.
- Хамниганско-русский словарь / Сост. Д.Г. Дамдинов, Е.В. Сундуева. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2. 444 с.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные: (Историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.) / Пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С.Б. Миягашева, Ж.Б. Бадагаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

Badmaev A.A.

Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Sable in the traditional culture of the Buryats

The work is aimed at identifying the image of the sable in the traditional worldview and rituals of the Buryats. The chronological boundaries of the study are determined by the time of functioning and translation of the complex of traditional beliefs and rituals among the Buryats — the end of the 19th — middle of the 20th century. Geographically, the study is focused on the Baikal region, which encompasses the ethnic Buryatia. Linguistic, folklore and ethnographic sources have been used for this research. Comparison-collation and structural-semiotic methods have been used to explore the research topic. As a result of assessing the utilitarian value of the sable, it has been determined that the animal's fur was used in sewing winter outerwear and hats, and its meat was occasionally eaten, as well as applied in folk and veterinary medicine. The all-Mongolian origin of the term for sable, and its gender nominations, is proved. It is assumed that this predator could be revered as a totem by some of the ancestors of the Buryats of the pre-Baikal clans. It has been found that in the traditional Buryat culture, the image of sable was ambiguous. In the traditional views of the Buryats, sable was endowed with a heavenly nature. It acted as a female symbol. At the same time, a negative characteristic of this fur-bearing animal has been determined: it was associated with the chthonic world. In the traditional family ritual of the Buryats, a sable fetish was associated with the image of this fur-bearing animal, which performed a protective function for children and represented a female image. The sable skin was an attribute of the shaman: for some black shamans, it represented the emblem of the clan. Furthermore, in the shamanic ritual of the Buryats, a fetish, embodying the shaman's spirit-assistant, was associated with this animal. In shamanic poetics, the soul of a deceased shaman turned into a sable; this predatory animal was endowed with the function of a shaman's transport in his mystical travels to other worlds.

Keywords: Buryat culture, mythological representations, rituals, fur-bearing animals.

Funding. The work was carried out within the framework of the research project of IAET SB RAS No. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the XVII–XXI centuries".

REFERENCES

- Agapitov, N.N., Khangalov, M.N. (1883). *Materials for the study of shamanism in Siberia: Shamanism among the Buryats of Irkutsk province*. Irkutsk. (Rus.).
- Badmaev, A.A. (2021). *Traditional culture of life support of buryats: Genesis and dynamics*. Novosibirsk: SO RAN: IAET SO RAN. (Rus.).
- Boldonov, N.S. (1949). Riddles of the buryats-mongols: From the ancient collection of Kharbasarov. In: *Sbornik trudov po filologii*. Ulan-Ude: Burmongiz, 120–125. (Buryat., Rus.).
- Cheremisov, K.M., Shagdarov, L.D. (Eds.) (2010). *Buriad-oroḍ toi: Buryat-Russian dictionary. Vol. I*. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia. (Buryat., Rus.).
- Damdinov, D.G., Sundueva, E.V. (Eds.) (2015). *Hamnigan-Russian dictionary*. Irkutsk: Ottisk. (Hamnigan., Rus.).
- Dampilova, L.S. (2005). *Shamanic chants of the Buryats: Symbolism and poetics*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Rus.).
- Erdenebold, L. (2012). *Traditional beliefs of the oirat mongols (late XIX — early XX century)*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Rus.).
- Gura, A.V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Ilishkin, I.K. (Ed.) (1964). *Russian-Kalmyk dictionary*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. (Kalm., Rus.).
- Khangalov, M.N. (1959). *The collected works: In 3 vol. Vol. II*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Khangalov, M.N. (1960). *The collected works: In 3 vol. Vol. III*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Miller, G.F. (2009). *Description of the Siberian peoples*. Moscow. (Rus.).
- Mitroshkina, A.G. (1987). *Buryat anthroponymy*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Muniev, B.D. (Ed.) (1977). *Khal'mg-ors toi: Kalmyk-Russian dictionary*. Moscow: Russkii iazyk. (Kalm., Rus.).
- Natsov, G.-D. (1995). *Materials on the history and culture of the buryats*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Rus.).
- Piurbeev, G.Ts. (Ed.) (2001–2002). *Large academic Mongolian-Russian dictionary*. Moscow: Academia. (Mong., Rus.).
- Podgorbunskii, I. (Ed.) (1911). Materials for the study of buryat folk literature and language. *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 42, 111–136. (Rus.).
- Poltaradnev, P. (1929). Fur fishing in the Tunka district: The process of hunting sable. *Zhizn' Buriatii*, (1), 99–106. (Rus.).
- Poppe, N.N. (1938). *Mongolian dictionary of Muqaddimat Al-Adab. Serii Trudy Instituta vostokovedeniia Akademii nauk SSSR. T. XIV*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Medieval-Mong., Rus.).
- Potaniin G.N. (1881). *Essays on Northwestern Mongolia. Vyp. 1*. St. Petersburg. (Rus.).
- Potaniin, G.N. (1883). *Essays on Northwestern Mongolia. Vyp. 4*. St. Petersburg. (Rus.).
- Rashid-ad-din. (1952). *Collection of chronicles. Vol. 1. Book 1*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Tsydendambaev, Ts.B. (1972). *Buryat historical chronicles and genealogies: (Historical and linguistic research)*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Tumurdei, G., Tsybenov, B.D. (Eds.) (2014). *Short Dagur-Russian dictionary*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (Dagur., Rus.).
- Zelenin, D.K. (1936). *The cult of the ongons in Siberia: Remnants of totemism in the ideology of the Siberian peoples. Serii Trudy Instituta antropologii, arkheologii i etnografii AN SSSR. T. XIV. Vyp. 3*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).

Бадмаев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Сведения об авторе:

Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

About the author:

Badmaev Andrey A., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

Чудова Т.И.

СГУ им. Питирима Сорокина, Октябрьский проспект, 55, Сыктывкар, 167001
E-mail: ChudovX@mail.ru

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПИТАНИИ СЫСОЛЬСКИХ КОМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

К началу XX в. у сысольских коми сформировалась зерново-мясомолочная модель питания с включением промышленной продукции и дикоросов. Она близка к кухне прилузских коми, что объясняется близостью их проживания. Социально-экономические преобразования в стране привели к инновациям: замещение зерна картофелем, сокращение промышленной продукции. В годы Великой Отечественной войны сложилась картофелеовощная модель питания с включением дикоросов. Природные ресурсы позволяли обеспечить минимальный уровень продуктового набора.

Ключевые слова: сысольские коми, первая половина XX в., продуктивное сырье, блюда, модель питания, традиции и инновации.

Введение

Изучение традиций питания актуально и востребовано в современной этнологической науке, при этом, как отмечают исследователи, «пища и питание выходят на первый план в качестве объекта серьезного практического, методического и теоретического осмысления» [Фаис-Леутская, Мартынова, 2020, с. 6]. В дореволюционный период культура питания коми (зырян) в целом была представлена в работах П.А. Сорокина, который отмечал, что зырянин питается в общем лучше, чем огромное большинство русского крестьянства [Сорокин, 1999, с. 78]. С ним был солидарен С.И. Сергель [1928]. В советский период антропологию питания рассматривали В.Н. Белицер [1958] и Л.Н. Жеребцов [1978]. В начале XXI в. исследовательская оптика направлена на изучение локальных традиций питания [Бойко, Чудова, 2012; Чудова, 2015, 2016; 2019а], в том числе самой северной, ижемской группы [Колчина, 2004; Повод, 2006; Чудова, 2014; Ким Хе Чжин, Истомин, 2015]. Однако пищевые традиции сысольских коми никогда не были отдельной темой исследования, хотя небольшие сюжеты нашли отражение в студенческих работах, написанных по итогам этнографической практики [Канашкина, 2004; Муравьева, 2005, Куратов, 2006].

Цель работы — показать состав продуктового сырья и блюда из него, а также выяснить инновации в пищевых традициях сысольских коми в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования определены первой половиной XX в., когда в традиционные практики питания вносятся инновации.

Территориальные рамки исследования — бассейн р. Сысола в границах Койгородского, Сысольского и Сыктывдинского районов Республики Коми, где проживают сысольские коми.

Основу источниковой базы составляют полевые материалы, собранные студентами-историками в ходе этнографической практики под руководством автора и отложившиеся в Научном архиве музея археологии и этнографии Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина [НА МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э)]. Интервью с носителями культуры записывались как на русском, так и на коми языке. Возраст информантов варьируется от 1915 до 1937 г.р. Дополнительно используются собственные полевые сборы [ПМА, 2000, 2016]. Кроме того, текст статьи опирается на обобщенные данные, приведенные автором статьи в диссертации на тему «Этнокультурные особенности системы питания коми (зырян) в XX — начале XXI в.: традиции и инновации» [Чудова, 2019b].

Методы исследования. Теоретическая разработка понятий «традиция» и «инновация» была представлена в статье Э.С. Маркаряна, по мнению которого «культурная традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [1981]. Фактически это означает, что традиция представляет собой механизм сохранения, передачи и реализации человеческого опыта. При этом происходит стереоти-

пизация опыта, который сохраняется в коллективной памяти и передается из поколения в поколение. Как отмечал Э.С. Маркарян, динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов стереотипов и образование новых [Там же, с. 81]. Соответственно если культура «живая», то она способна впитывать инновации, которые адаптированы традицией и функционируют в ее составе. В традиционной культуре материальное производство реализовалось в устойчивых типах, но в варьирующих формах. Поэтому стабильность в традиционно-бытовой сфере сочеталась с вариативностью [Чистов, 1986, с. 108–122]. Механизмом возникновения инноваций может быть вариативность, выступающая питательной средой локальности. Специфика формирования населения также может обуславливать локальную особенность культуры, при этом инновации могут выступать своеобразной формой выживания, при этом она (инновация) дает начало любой традиционной черте [Морозов, 2015, с. 5–12].

Пищевые традиции сысольских коми

Зерновые культуры. Народная кухня отражает экосистему, которая создает условия для выработки определенных культурных навыков в стратегии питания. Основу повседневного питания составляют базовые продукты, как простые и общедоступные, которые могут быть одинаковыми для многих народов, но различаться сочетанием, способами обработки и приготовления блюд [Павловская, 2016, с. 65–66]. У сысольских коми сложилась специфическая модель комплексного хозяйства, в которой наряду с земледелием и животноводством охота и рыболовство имели большой удельный вес. Эксплуатация природных ресурсов к началу XX в. исчерпала возможности своего роста, хотя присваивающие отрасли хозяйства продолжали оставаться одним из видов деятельности. Такая система жизнеобеспечения была наиболее удачной в данном регионе. Природно-географические условия проживания не всегда давали желаемый урожай зерновых культур, поэтому недостаток зерна восполнялся за счет торговых операций, а возможность приобретать его предоставляли доходы от промысловой деятельности.

Основу питания составляли зерновые культуры, из которых готовили разнообразную выпечку, каши, похлебки и напитки. Тесто готовили двумя способами: безопарным и опарным: «важён ёд дрожжиёд эз вёв. Шузёдан рокоёсён. Тагья рокёс» (раньше дрожжей не было, сбраживали закваской. Закваска [была] из хмеля) [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 278а]. «Ми пöжалім сю пызысь, сэсся ид пызь вöлі. Тупёсь пöжалан да пирог ид пызысь. Сэсся рудзёгсьысь пöжалан, чöлпанён шуины, гöгрёс пöжалан сю пызысь» (мы выпекали из ржаной муки, потом ячменная мука была. Хлеб выпекали да пироги из ячменной муки. Потом [хлеб] из ржаной [муки] выпекали, «чöлпан» называли, круглой формы выпекали из ржаной муки) [Там же, д. 272а]. В состав праздничной выпечки входили шаньги, в названии которых отражаются технологические особенности приготовления теста: шаньги из дрожжевого теста определяют как «дыш шаньга» (букв. «ленивые шаньги»), так как при их формовке не требовалась сноровка, а из пресного теста — «вёсньёд шаньга» («тонкие шаньги»). В зависимости от начинки их называли по-разному: с крупяной — «шыдёса шаньга», с творогом — «рыська шаньга», с брусникой — «пувъя шаньга», с черникой — «чödья шаньга», с грибами — «тшака шаньга», с конопляным жмыхом — «чазья шаньги» [Там же, д. 273а]. Открытые двухслойные пироги («пирөг») готовили из муки двух видов: корку — из ржаной, а начинку — из ячневой. Начинку для открытых пирогов могли также готовить из крупы («шыдёса пирөг»). Были характерны закрытые пирожки из ржаного пресного теста с разнообразной начинкой. В ассортиментный перечень выпечки входили сочни («сöчён»), которые в зависимости от добавления в тесто сдобы определялись как «дрöчöна» (дрочен), «выя сöчён» (масляный сочень), «нöкья сöчён» (сметанный сочень). В качестве начинки для рыбников использовали речную рыбу с головой: «оз вöлі убирайтны юрсö» (голову не убирали) [Там же, д. 278а], многие предпочитали щуку: «сійö кыз яя да чöскыд» (она мясистая да вкусная) [Там же, д. 276а]. Рыбник с мелкой рыбой определяли как «ара нянь», где «ар» — мелкая рыба, а «нянь» — хлеб. Для придания особого вкуса в рыбник добавляли лук [Там же, д. 272а]. Для обозначения оладий используется несколько названий: «öладдя» (оладьи), «көрöвай» (каравай), «шомтöм көрöвай» (бездрожжевой каравай). Обязательным блюдом обрядового стола были блины: «Блинъясö только свадьба дырйи пöжавлісны. Зять кө локтас ылісянь, ме блин пöжала» (блины только на свадьбу пекли. Когда зять издалека приедет, я блины пеку) [Там же, д. 272а]; «Зять кө локтö, блин кө абу, мат локтö» (если зять идет, а блинов нет, то беда идет) [Там же, д. 274а]. «На Рождество выпекались фигурки животных. Мы играли сначала ими, а потом ели» [Там же, д. 272а]. «Пекли такие фигурки накануне Рождества, после Василия дня съедали» [Там же, д. 273а]. Общее название этих фигурок «чибö» («жеребенок»).

Традиции и инновации в питании сысольских коми в первой половине XX в.

После выпечки к «лошадке» могли быть приделаны миниатюрные сани: «нарoшно вoчасны кора додь» (специально делали сани) [Там же, д. 276а] (рис. 1). Сохранение уникальной практики выпекания фигурного печенья характерно только для сысольских коми. Единственный раз была зафиксирована информация о том, что удорские коми выпекали такие фигурки, но они были плоскостными, как у архангелогородцев. Поиск материалов в этом направлении не дал положительных результатов.

Рис. 1. Миниатюрные саночки «кора додь» для обрядовой выпечки «чибо», с. Куратово, Сысольский район, Республика Коми. Фото А.В. Панюкова, 1990 г.

Fig. 1. Miniature sleigh “kora dod” for ritual baking “chibo”, Kuratovo, Sysolsky district, Komi Republic. Photo by A.V. Panyukov, 1990.

Существовало два способа в технологии приготовления каш: заварные готовили из муки или толокна, а распаренные — из крупы. Заварную кашу «ид пызя рок» (каша из ячневой муки) готовили из ячневой муки [Там же, д. 228а], ее готовили в постные дни. Такая же каша, но хорошо сдобренная сливочным маслом, подавалась по случаю окончания сельскохозяйственных работ и на свадьбу [Там же, д. 273а], а когда предлагали работникам, то ее уже называли «помоч» (букв. помощь) [Там же, д. 232а]. «[Роксö] йöвнас да ва сорöн, быд ногыс. Кашникъясын пулисны пачын» ([кашу] на молоке да на смеси молока и воды, по-разному [варили]). В глиняной посуде («кашник») варили в печи [Там же, д. 260а], т.е. крупу распаривали в печи. В печи из крупы готовили запеканку («рач»): «вöлöма сей тасьтi, сэтчö шыдöс пуктам, кисьтан йöв да сол и сюян пачö» (была глиняная тарелка [рач], туда крупу клали, наливали молоко, солили и в печь ставили) [Там же, д. 346], соответственно в номинации крупяной запеканки закрепилось название посуды для ее приготовления. К распаренным кашам относится кутья («куття», «шобдi куття» — пшеничная кутья, «макуття» — кутья с медом), при готовке которой использовали дополнительно горох. Сладкие каши из соложенного теста («юм») относятся к распаренным, в такие каши добавляли ягоды, например бруснику («пувья юм»). Готовили сладкие каши из соложенной муки с добавлением ягод, назывались они «ляз»: «чöдья ляз» (ляз с черникой), «пувья ляз» (ляз с брусникой), «контуса ляз» (ляз с конопляными семенами), «льöмья ляз» (ляз с черемухой). Последнее блюдо готовили из смеси черемуховой и ржаной муки, которая лучше всего подвергается соложению. Варили крупяную похлебку: «азя шыдсö сiйö бара идйысь, сiйö гырысь шыдосыс, сiйö нöкъядласгы да рысьва пуктасын, азя шыд, шома шыд ми шудимö» (азя шыд — это из ячменя, из крупной крупы [перловки], добавляли сметану и сыворотку, суп из борщевика сибирского, кислый суп мы называли) [Там же, д. 272а]. Раньше для придания приятной кислинки в крупяную похлебку добавляли рассол борщевика сибирского (азь), что и закрепилось в названии. Такую похлебку чаще всего готовили в пост, хотя подавали и в скоромные дни, но в этом случае с добавлением сметаны. Готовили мучные кисели, их определяли как «шома кисель» (кислый кисель) или «няня кисель» (хлебный кисель) [Там же, д. 276а]. Значительно реже готовили гороховый кисель (анькытша кисель). Густой мучной и гороховый кисель в скоромные дни ели с молоком [Там же, д. 348]. Из зерновых культур сысольские коми готовили сусло («чужва»), квас («ырöш») и пиво («сур»). Основу этих напитков составляло сусло. Для получения кваса в сусло добавляли кусок ржаного хлеба и настаивали два-три дня. Существовал и другой способ приготовления кваса: ржаной хлеб клали в теплую воду. Считалось, что

когда хлеб осядет на дно, то квас готов к употреблению. При сбраживании сусли получали домашнее пиво, которое подавали только на празднично-обрядовый стол.

Мясомолочные продукты. Из молока готовили творог (рысь), сметану (нөк), масло (вый). Цельное молоко входило в рацион питания только маленьких детей, взрослые предпочтение отдавали кисломолочным напиткам, объясняется это тем, что взрослые плохо переваривают свежее молоко [Боринская и др., 2009]. Сметану томили в печи, называя ее «пөжөм нөк» (топленая сметана). Из сыворотки («лөзва») готовили прохладительный напиток. Из молозива готовили «бычелюк»: при подаче на стол хозяйка легонько ударяла старшего ребенка в лоб, говоря фразу «Быче люк» (Теленок бодается), далее это повторяли дети от старшего к младшему [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 277а]. Кур держали мало, яйца хранили на Пасху, иногда из них готовили «яисничу» (яичницу) с добавлением молока [Там же, д. 233а].

Из мяса готовили бульон («яя шыд»): «зэв тшөкыда пулісны яя шыд» (очень редко варили мясной суп) [Там же, д. 235а], что связано с практикой соблюдения христианских постов: «сійө ена соблюдайтісны важөн» (их строго соблюдали раньше) [Там же, д. 278а], которых в году насчитывалось более 200 дней. В русской печи из мяса получался густой насыщенный бульон: «нинөм яя кынлзи эг пукталөй шыдас» (ничего кроме мяса не клали в суп) [Там же, д. 344]. Практика заправки бульона крупой [Жеребцов, 1978, с. 44] связана с отсутствием мяса в достаточном количестве. Мясо как отдельное блюдо готовили на праздничный стол: «вөлі татшөм противень, шусьө ли, көрт лис, да сэтчө жаритасны, сідз неуна сольштасны, дерт. Сідз жаритан да сійө зэв чөскыда сеян» (были такие противни или называли их «железный лист», там жарили, немного посолишь. Так жарили да это очень вкусная еда») [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 395а]. В основном готовили из баранины: «ыж яйысы джык. Войнаөдзыд ыж джык видзлісны, а война бөрад сэсся бырөдісны ставсө» (баранина в основном [была]. До войны овец держали, после войны все уничтожили) [Там же, д. 278а]. Редко лепили пельмени: «[няньшомсө] шусьтөг вөчлывла, пельмень вылад еджыд пызь колө» ([тесто] без дрожжей готовили, для пельменей белая мука нужна) [Там же, д. 270а]. Почки, печень, легкие пряжили в русской печи, редко добавляя крупу или картофель. Из ног домашней скотины готовили студень. При забое скота собирали кровь, которую запекали в глиняной крышке (латка) в печи [Там же, д. 281а]. Весной мясо солили или сушили на тонких шестах в доме (рис. 2).

Рис. 2. Способ сушения мяса на подвешенных шестах в доме. д. Заречье, Сысольский район, Республика Коми. Фото В. Кутсар, 1976 г. Из фондов Национального музея Республики Коми.
Fig. 2. A method of drying meat on hanging poles in the house, Zarechye, Sysolsky district, Komi Republic. Photo by V. Kutsar, 1976. From the funds of the National Museum of the Komi Republic.

Овощные культуры и другие продукты. Овощи в рационе питания в начале XX в. были слабо представлены. Излюбленный способ посола капусты — засолка в вареном виде. Кочаны капусты рубили на две-четыре части, клали в котел с кипящей водой, для вкуса добавляли анис или смородиновые листья. Варили пять-семь минут, если хотели получить хрустящую капусту, и десять-двадцать минут — если мягкую. Затем отварную капусту укладывали в бочки и квасили. Хранили в голбце. Редьку натирали на терке, при подаче на стол заливали квасом [Там же, д. 236а]. Готовили паренчу: «пач тырыс сюяласны серкни и клеитасны, ломтасны пачсö да сюясны, сэсся небзяс сійö сутки выдзясны да. Сэсся сэтысь вöчан паренча» (в печь кладут репу и [глиной] замазывают [заслонку], печь затопят да кладут, потом распарится в течение суток. Потом из нее паренча получается) [Там же, д. 272а]. Готовые овощи подавали на стол, а из сушеных овощей варили «компот» («паренча ва») и квас: «пуом галанкасö пуктавлім сямöд тиусö, медым шоммас, квас пьдди вöлі» (вареную галанку клали в берестяной туес, чтобы заквасилось, вместо кваса пили) [Там же, д. 344]. Картофельводство у коми (зырян) ощутимо стало развиваться поздно, с 1870-х гг. (Котов, 2000, с. 312). Поэтому картофель в начале XX в. был слабо представлен в рационе питания (История, 2004, с. 68).

Из семян конопли выжимали сок (контуся сөк): «нырöны контусьсö, сөк [лоö]» (семена конопли толкут, сок [получится]) [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 276а], который использовали при варке разных супов, его добавляли в тесто, им заправляли грибы и овощи. В меню включали толченное конопляное семя (контуся выйдөм), похожее на халву [ПМА, 2000].

Несмотря на хозяйственные риски, в некоторых хозяйствах занимались пчеловодством. Ограниченные возможности пчеловодства способствовали тому, что мед был слабо представлен в составе пищевых ресурсов: «[мед] в то время ела только раз в году. Да и сейчас не очень люблю» [ПМА, 2016].

Продукция рыболовства и лесных промыслов. В хозяйственной стратегии сохранился охотничий промысел, поэтому дичь представлена в продуктовом наборе: «тарьяс да уткаяс сейлывлісны важөн, дозмөрьяс да» (тетерева да утку раньше ели, да глухаря) [Там же, д. 260а], готовили бульоны, редко, как и мясной бульон, заправляя мукой или крупой. Из рябчика («сьöла») готовили бульон или пряжили в печи. Зайца («кöч») преимущественно пряжили в печи. Медвежатина и лосятина реже появлялась на столе, только в тех хозяйствах, где были охотники. Хотя некоторые считали, что медвежатину есть нельзя: «уна гыжъя. Уна гыжъя кань яй, пон яй, кöч яй [оз пöзь сейны], но кöчтö Енмыс пасійöма, сійöс пöзьö сейны» (много когтей. С когтями кошачье, собачье и заячье мясо есть нельзя, но Бог зайца отметил, зайчатину можно есть) [Там же, д. 396а]. По рассказам моего отца, когда не было возможности вывезти из леса все мясо медведя, то забирали филе, язык и жир, который использовали как лекарственное средство при простудных заболеваниях. К горячим первым блюдам относится уха («юква»), которую готовили из речной свежей или соленой рыбы (хариус, щука, окунь, лещ, язь, плотва, пескарь, елец, ерш, налим и др.). При варке головы рыб считались наиболее лакомым куском. Рыбу (*чери*) после готовности вынимали и подавали как отдельное блюдо. Но чаще из рыбы готовили вторые блюда [Жеребцов, 1978, с. 42], ее пряжили в печи («пражитөм чери»), с молоком — «йöла чери», что делало любую рыбу нежной на вкус. Редко рыбу солили («сола чери») или сушили («кос чери»), последнюю ели, заварив кипятком из самовара.

Трубчатые грибы (белые, подберезовики, подосиновики и др.) сушили в печи. Из сухих (кос тшак) или свежих грибов (тшак) варили супы («тшаква» — букв. грибная вода). Пластинчатые грибы (грузди, сыроежки, волнушки и др.) солили [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 272а]. Свежие ягоды ели с молоком, толокном и суслом. На длительное хранение малину, черемуху и чернику сушили в печи, бруснику и клюкву замачивали в воде. В качестве десерта подавали бруснику с толокном (тэська пув): «миян мамо пув вöлі тэсьнас вöчö» (наша мама бруснику с толокном готовила) [Там же, д. 263а]. «Щавель шыдö пуктывлім, солавлім төв кежло» (щавель клали в суп, на зиму солили) [Там же, д. 345]. Весной собирали березовый сок («зарава»), который считался общеукрепляющим средством. Борщевик сибирский (*азь, азь гум*) представлен достаточно широко, из него готовили рагу, им заправляли супы, на зиму солили. Полевой хвощ (*куз*) ранней весной используют в качестве начинки для пирогов. Дикую морковь («гöньö гум») употребляли в пищу как в свежем, так и в тушеном виде. Первые всходы были любимым лакомством детей весной. Такая же практика использования дикорастущих трав была характерна для прилузских коми [Бойко, Чудова, 2012, с. 102–103].

Чай предпочитали пить с топленым молоком (*йöла тшай* — чай с молоком), иногда клали масло (*вья тшай* — чай с маслом). Часто заваривали чай из зверобоя (*уразнöй турун*), плодов

и корней шиповника («лежнӧг», «жельнӧг»), сушеных листьев и молодых побегов малины («ӧмидз»), смородины («сэтӧр»), листьев брусники («пув») и березового нароста («чага»). Листья смородины, малины, зверобоя, а также плоды шиповника сушили на зиму.

В начале XX в. преобладал домашний (семейный) тип питания. «Кусочничать», т.е. принимать пищу вне трапез, было не принято. Ролевые установки за столом были четко обозначены. Ежедневное меню семьи формировала хозяйка, она же готовила и подавала на стол, а задача хозяина состояла в раздаче пищи членам семьи. Ежедневная трапеза имела определенную очередность подачи блюд. Смену блюд осуществляла хозяйка дома, и только после того как тарелка оказывалась пустой. Была обязательная практика подачи при каждом приеме пищи первого горячего блюда, которое утром готовилось и до вечера оставалась в печи. Четкого разделения продуктового сырья по сезонам не наблюдалось. Запреты на потребление мясомолочной пищи и дичи связаны с практикой соблюдения церковных постов. Сезонность в потреблении ягод и грибов связана с тем, что в период их сбора увеличивалась частота подачи на стол, а в другие периоды ограничений не наблюдалось. Но, как отмечали информанты, ягоды и грибы подавали в дни поста и по желанию домочадцев.

Изменение традиций питания. Таким образом, обеспечение семьи продовольствием в начале XX в. осуществлялось за счет подсобного хозяйства и промысловой деятельности. Основу питания сысольских коми составляли зерновые культуры, ассортимент блюд из них и технология их приготовления были одинаковы для всех этнографических групп коми (зырян), как, впрочем, и состав молочной продукции, и технология ее приготовления. А вот практика приготовления блюд из дичи и рыбы существенно различается, что связано с экологической нишей проживания [Чудова, 2014–2016, 2019а]. Модель питания сысольских коми наиболее близка к традициям питания прилузских коми, что объясняется близостью их проживания, хотя имеются и отличия, связанные с промысловой продукцией. Прилузцы редко подавали на стол блюда из дичи и рыбы, последняя шла главным образом на приготовление рыбников [Бойко, Чудова, 2012].

После революционных преобразований 1917 г. положение с продовольственным обеспечением, особенно с зерновыми культурами, сильно ухудшилось. В 1920-е гг. продукция земледелия составляла всего 46,9 % по сравнению с 1917 г. [Давыдов, 1960, с. 3]. Посевные площади под картофель за 1928–1940 гг. возросли в 3,1 раза [История Коми..., 2004, с. 392–305]. В дальнейшем с развитием картофелеводства стали подавать вареный картофель («пуӧм картупель»), который занял весомое место в рационе питания, его подавали как отдельное блюдо или с солеными грибами, или с капустой. Его запекали («пӧжӧм картупель»), жарили со шкварками («дзижа картупель»). Из картофеля готовили крахмал, который использовали для приготовления молочного («йӧла кисель») и ягодного киселя («чӧдъя кисель» из черники, «турипувъя кисель» из клюквы, «пувъя кисель» из брусники). Стали активно выпекать картофельные сочни («коколя сӧчӧн») [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 272а], которые заменили сочни из муки, а также делали выпечку с начинкой из картофельного пюре на корке («ляпа»), она похожа на шаньгу, но тесто для нее готовили из ячменной муки на молоке [Там же, д. 274а]. С картофелем тушили грибы (*картупелья тшак*). Постепенно картофель занял существенное место в продуктивном наборе, потеснив блюда из зерновых культур, что можно рассматривать как инновацию в культуре питания. Снижение роли рыбной ловли в хозяйственной деятельности предопределило практику запекания рыбы с картофелем в молочно-сметанном соусе. Такая практика наиболее характерна для сысольских коми. Появление в торговой сети трески внесло изменения в традиции питания: ее стали использовать как начинку для рыбника: «важӧн вузавлісны магазинад треска» (раньше продавали в магазине треску) [Там же, д. 278а]; «треска унджыксӧ босьтам вӧлі» (треску чаще брали) [Там же, д. 395а], а практика заваривания речной рыбы была перенесена на солено-вяленую треску. К инновациям можно отнести и практику квашения рубленой капусты, которую, порубив сечкой или мелко нашинковав ножом, укладывали в бочки, пересыпая солью, квасили два-три дня в тепле, а затем выносили на холод.

В годы Великой Отечественной войны до 60 % площадей отводились под зерновые культуры, картофель и овощи [История, 2004, с. 466]. Однако это не решило проблему обеспечения продовольствием. Доминантой жизни в тот период был голод. Основу питания составляло все, что можно было взять у природы: «в войну летом я ходила на работу, было очень голодно. Возвращаясь домой, нашла два гриба и поджарила их на костре» [ГМА, 2000]; «тшак зэв ена вотлісны, лавкаын нинӧм эз вӧв да» (грибы в большом количестве собирали, в магазине ничего не было, да) [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 348]. Как подчеркивали информанты, «ели в то время

только грибной суп и брюкву, но однажды мама испекла хлеб с клевером, было так вкусно» [ПМА, 2016]. «Клеверсö сейлісны войнв кадö, клевер пызь гудраласны кутшöм көльöма пызьöн, лоас клевера нянь (клевер ели в войну, растолченный клевер смешивали с оставшейся мукой, получали клеверный хлеб) [НА МАЭ СГУ. Ф. 14 (Э), д. 347]. Овощи наряду с дикоросами позволяли как-то выжить: «хлеба в войну не видели, на ужин мама доставала большой чугунок брюквы (галанка), мы ее полностью съедали. Было очень вкусно, а сейчас такое есть не будешь» [ПМА, 2016]. К 1940 г. посевы технических культур из состава посевных площадей полностью исчезли [История Коми..., 2004, с. 395], а их семена, соответственно, из состава пищевого сырья. Наблюдаемое в тот период сокращение численности скота в коллективном хозяйстве и в подворье, а также обязательные поставки мяса государству привели к тому, что в мясной бульон для густоты стали добавлять картофель, а весной, когда заканчивался картофель, добавляли молодые побеги борщевика сибирского. Наличие коров в хозяйстве позволяло хоть как-то обеспечить питание семье, многие информанты подчеркивали, что, если бы не было коровы, они не смогли бы выжить в тот период. И это несмотря на обязательные поставки молочной продукции государству. Значительно сократилось потребление дичи и рыбы, так как промысловики ушли на фронт. Весной 1944 г. повсеместно ощущался сильный голод, а к 1946 г. материальное положение сельских жителей еще более ухудшилось. Так, если средняя выдача зерна на один трудодень в 1940 г. составляла 0,96 кг, то в 1946 г. сократилась почти в 2,3 раза и составляла 0,42 кг. К концу войны урожайность зерновых культур уменьшилась в 2 раза [Там же, с. 470]. Ситуация с продовольствием после Великой Отечественной войны оставалась тяжелой. Денежных средств, как и выдаваемых продуктов, не хватало на полноценное питание. Общая сумма денежных средств, распределенная на трудодни в период с 1946 по 1952 г., уменьшилась почти в 2,5 раза. Выдача продуктов на один трудодень составляла 50 г картофеля и 80 г овощей, 23 г мяса и 31 г молока [Милохин, 2002, с. 10]. Основную роль в жизнеобеспечении семьи продовольствием в то время играло подсобное хозяйство, которое давало картофель и овощи, мясомолочную продукцию редко подавали на стол, как, впрочем, и промысловую продукцию. Остро ощущаемый недостаток пищевого сырья восполнялся за счет дикоросов, которые одновременно обеспечивали население витаминным комплексом.

Заключение

Природная среда обитания и хозяйственная деятельность позволяли включать в основной состав продуктового сырья зерновые культуры, мясомолочную и промысловую продукцию, овощи и дикоросы. Природные ресурсы составляли значительный удельный вес в продуктовом наборе, при этом недостаток зерновых культур восполняли за счет торговых операций, а возможность предоставляла промысловая деятельность. Сформировавшаяся в дореволюционный период модель питания сысольских коми можно определить как зерново-мясомолочную с включением промысловой продукции и дикоросов. По составу продуктового сырья и блюд она близка к модели прилузских коми, что объясняется территориальной близостью их проживания. Тем не менее к уникальным явлениям пищевой традиции сысольских коми можно отнести сохранение практики выпекания рождественского печенья. Также в кухне сысольских коми отмечается своеобразие (в отличие от прилузской) в использовании промысловой продукции. В первой половине XX в. сохранялись традиции в культуре питания, но социально-экономические преобразования в стране, изменение структуры посевных площадей в пользу картофеля привели к инновациям, связанным с вытеснением блюд из зерновых культур картофелем. Сокращение речной рыбы привело к появлению практики запекания рыбы с картофелем в молочно-сметанном соусе, что чаще всего фиксируется именно у сысольских коми. Кроме того, речная рыба была заменена солено-вяленой треской, а традиционный способ заваривания сушеной рыбы был перенесен на нее. Кризис в промысловой деятельности привел к почти полному исчезновению дичи из рациона питания основной массы населения. Основную роль в жизнеобеспечении семьи продовольствием играло, как и раньше, подсобное хозяйство, урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота были значительно выше, чем в колхозно-совхозной системе. Продовольственный кризис в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период привел к значительному сокращению мясомолочной продукции, а основу питания составляли картофель, овощи и дикоросы, последние занимали весомое место в ежедневном меню. Фактически природные ресурсы позволяли обеспечить минимальный уровень потребления продовольствия, а вносимые инновации в пищевые традиции выступали способом преодоления кризисных ситуаций с продовольственным обеспечением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 392 с.
- Бойко Ю.И., Чудова Т.И.* Локальная традиция питания летских коми // Традиционная культура: Науч. альманах. 2012. № 2. С. 95–104.
- Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К.* Гены и традиции питания // ЭО. 2009. № 3. С. 117–137.
- Давыдов В.Н.* Восстановление сельского хозяйства автономной области Коми в 1921–1925 гг. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 5. С. 3–29.
- Жеребцов Л.Н.* Этнографическое изучение традиционной пищи народа коми // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар: КФАН СССР, 1978. С. 38–48. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР; Вып. 20).
- История Коми с древнейших времен до конца XX века.* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.
- Канашкина С.С.* Технология приготовления рыбника сысольскими коми // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: Доклады 7-й студ. науч. конф. Сыктывкар: Геопринт, 2004. С. 89–90.
- Ким Хе Чжин, Истомин К.* Чхэчжэ чонхвангва Росиа сосуминчжогиз ыйсикчжу пенхва: Коми сунрокса-юкчжарыль чунсимыро (1950 нэндэ — хенчже) [Трансформация политической системы и изменение пищи, одежды и жилища у малых народов России: На примере оленеводов коми (1950 годы — наши дни)] // Слабыхакбо [Славянские исследования]. 2015. Т. 30. Вып. 1. С. 167–198. (На кор. яз.).
- Колчина Е.В.* Традиционная система питания ижемских коми в XX в. // Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А.О. Боронова. СПб.: Астерион, 2004. С. 250–256.
- Котов П.П.* Эволюция земледелия в Коми крае в XIX — начале XX вв. // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. С. 311–313.
- Куратов О.Н.* Традиционная выпечка коми (на примере с. Куратово Сысольского района) // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: Доклады 9-й студ. науч. конф. Сыктывкар: Геопринт, 2006. С. 122–123.
- Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78–96.
- Милохин Д.В.* Аграрная политика советского государства и материальное положение колхозников в послевоенный период (на материалах Коми АССР). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 28 с. (Науч. доклады; Вып. 447).
- Морозов И.А.* Локальные традиции и меняющиеся идентичности // ЭО. 2015. № 2. С. 18–35.
- Муравьева Т.Д.* Традиционные напитки сысольских коми // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2005. С. 9–10.
- Павловская А.В.* Понятие национальной кухни: К теории вопроса // Материалы II Междунар. симп. «История еды и традиции питания народов мира». М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. С. 64–75.
- Повод Н.А.* Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Сергель С.И.* В зырянском крае. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 80 с.
- Сорокин П.А.* Современные зыряне // Этнографические этюды / Сост., предисл. и коммент. Д.А. Несанелис, В.А. Семенов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 67–115.
- Фаис-Леутская О.Д., Мартынова М.Ю.* Антропология питания: Судьбы мясных деликатесов в Европе // ЭО. 2020. № 4. С. 5–14.
- Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.
- Чудова Т.И.* Локальная традиция питания ижемских коми // Известия Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2014. № 4 (20). С. 66–73.
- Чудова Т.И.* Локальная традиция питания вымских коми // Том. журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2015. № 4 (10). С. 62–68.
- Чудова Т.И.* Локальная традиция питания вишерских коми // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2016. № 3 (34). С. 147–153.
- Чудова Т.И.* Традиционная система питания верхневычегодских коми в первой половине XX в. // Известия Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2019а. № 1 (37). С. 93–101.

ИСТОЧНИКИ

- Научный архив МАЭ СГУ им. Питирима Сорокина. Ф. 14 (Э): Традиционная система питания. Д. 228а, 232–233а, 235–236а, 260а, 263а, 270а, 272–274а, 276–278а, 281а, 344–348, 395–396а.
- ПМА. Расова Елена Григорьевна, 1932 г.р., д. Чукаиб, Сысольский р-н, Республика Коми. Запись 2000 г.
- ПМА. Мысовская Раиса Андреевна, 1937 г.р., д. Разгорт, Сыктывдинский р-н, Республика Коми. Запись 2016 г.
- Чудова Т.И.* Этнокультурные особенности системы питания коми (зырян) в XX — начале XXI в.: Традиции и инновации: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019b. 477 с.

Traditions and innovations in nutrition of the Sysolsky Komi in the first half of the 20th century

Based on the analysis of original field materials, a characteristic of traditions and innovations in the subsistence system of Sysolsky Komi living in the southern regions of the Komi Republic has been provided. By the beginning of the 20th c., the most successful model of the integrated economy was formed among the Sysolsky Komi of the southern regions, which, along with agriculture and animal husbandry, retained hunting and fishing. Natural and climatic conditions did not always allow a good harvest of grain crops, and their shortage was compensated through trading operations, while hunting and fishing activities provided the opportunity to purchase grain. The basis of nutrition was cereals, from which bakery products, porridges, soups and drinks were prepared. Dishes of meat, dairy and fishing/hunting products were not served often, which was associated with the practice of observing Christian fasts, the number of which exceeded 200 days within a year. The forest products provided the overall diversity to the diet and in particular nutrition with a vitamin complex. The technology of cooking was predetermined by the presence of an oven which can bake, boil, stew and deep fry, while frying as a cooking method would be difficult to perform. The formed grain-meat-dairy model of nutrition with the inclusion of hunting/fishing products and wild plants is close to the cuisine of the Priluzsky Komi in terms of the composition of raw products and dishes, which can be explained by the territorial proximity of their habitats. However, a unique phenomenon of the Sysolsky Komi is the preservation of the practice of baking ritual Christmas cookies. Socio-economic transformations in the country in subsequent years brought innovations to the food culture. The main role in the food provision of a family was played, as before, by subsidiary farming; crop yields and livestock productivity were significantly higher than in the collective farm-state system. The increase of areas for potato cultivation and the reduction of areas for crop cultivation led to the replacement of grains by potatoes. Hunting and fishing products was significantly reduced in the diet. Innovative practices included the method of salting shredded cabbage, as well as the practice of cooking freshwater fish with potatoes in milk sour cream sauce, and brewing purchased dry-salted cod. The nutrition model during the Great Patriotic War can be defined as potato and vegetable with the inclusion of wild plants, and natural resources made it possible to keep the minimal level of food consumption during this period. In fact, produce from the forest allowed a minimum level of product consumption, while innovations in food traditions became means for overcoming crisis periods in food supply.

Keywords: Sysolsky Komi, first half of the 20th century, food raw materials, cuisine, food model.

REFERENCES

- Belicer, V.N. (1958). Essays on the ethnography of the Komi peoples of the 19th — early 20th centuries. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX — nachalo XX v.* Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Bojko, Y.I., Chudova, T.I. (2012). Local food tradition of the Letsky Komi. *Tradicionnaya kul'tura: Nauchnyy al'manah*, (2). 95–104. (Rus.).
- Borinskaya, S.A., Kozlov, A.I., Yankovskij, N.K. (2009). Genes and food traditions. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3). 117–137. (Rus.).
- Chistov, K.V. (1986). Restoration of agriculture in the Komi Autonomous Region in 1921–1925. *Narodnye tradicii i fol'klor: Ocherki teorii*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Chudova, T.I. (2014). Local food tradition of the Izhma Komi. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 20(4), 66–73. (Rus.).
- Chudova, T.I. (2015). Local food tradition of the Vym Komi. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*, 10(4). 62–68. (Rus.).
- Chudova, T.I. (2016). Local food tradition of the Vishera Komi. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 34(3), 147–153. (Rus.).
- Chudova, T.I. (2019). The traditional food system of the Upper Vychegda Komi in the first half of the 20th century. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 37(1), 93–101. (Rus.).
- Davydov, V.N. (1960). Restoration of agriculture in the Komi Autonomous Region in 1921–1925. In: *Vosstanovlenie sel'skogo hozjajstva avtonomnoj oblasti Komi v 1921–1925 gg.* Vyp. 5. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 3–29. (Rus.).
- Fais-Leutskaya, O.D., Martynova, M.Y. (2020). Anthropology of nutrition: The fate of meat delicacies in Europe. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4). 5–14. (Rus.).
- Kanashkina, S.S. (2004). Technology of preparation of fish stock by the Sysolsky Komi. In: *Geologo-arheologicheskie issledovaniya v Timano-Severoural'skom regione. Doklady 7-j studencheskoj nauchnoj konferencii*. Syktyvkar: Geoprint, 89–90. (Rus.).
- Kim, He Chzhin, Istomin, K. (2015). Transformation of the political system and changes in food, clothing and housing among the small peoples of Russia: On the example of the Komi reindeer herders (1950s — today). (Korean). In: *Slabyhakbo [Slavyanskije issledovaniya]*. T. 30, vyp. 1, 167–198. (Rus.).
- Kolchina, E.V. (2004). The traditional food system of the Izhma Komi in the 20th century. In: *Problemy sibirskoj mental'nosti*. St. Petersburg: Asterion, 250–256. (Rus.).

Kotov, P.P. (2000). The evolution of agriculture in the Komi region in the XIX — early XX centuries. In: *Korennyye etnosy Severa Evropejskoj chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: Istoriya, sovremennost', perspektivy*. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN, 311–313. (Rus.).

Kuratov, O.N. (2006). Traditional Komi baking (on the example of the village of Kuratovo, Sysolsky district). In: *Geologo-arheologicheskie issledovaniya v Timano-Severoural'skom regione: Doklady 9-j studencheskoj nauchnoj konferencii*. Syktyvkar: Geoprint, 122–123. (Rus.).

Markaryan, E.S. (1981). Key problems of the theory of cultural tradition. *Sovetskaya etnografiya*, (2), 78–96. (Rus.).

Milohin, D.V. (2002). The agrarian policy of the Soviet state and the financial situation of collective farmers in the post-war period (on the materials of the Komi ASSR). In: *Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i material'noe polozhenie kolhoznikov v poslevoennyj period (na materialah Komi ASSR)*. (Nauchnye doklady; Vyp. 447). Syktyvkar: Komi NC UrO RAN. (Rus.).

Morozov, I.A. (2015). Local traditions and changing identities. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 18–35. (Rus.).

Murav'eva, T.D. (2005). Traditional drinks of the Sysolsky Komi. In: *Problemy istorii material'noj i duhovnoj kul'tury narodov Rossii i zarubezhnyh stran*. Syktyvkar: Syktyvskarskij universitet, 9–10. (Rus.).

Pavlovskaya, A.V. (2016). The concept of national cuisine: To the theory of the issue. In: *Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma «Istoriya edy i tradicii pitaniya narodov mira»*. Moscow: Centr po izucheniyu vzaimodejstviya kul'tur, 64–75. (Rus.).

Povod, N.A. (2006). *Komi of the Northern Trans-Urals (XIX — the first quarter of the XX century)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Sergel', S.I. (1928). *In the Zyryansk region*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo. (Rus.).

Sorokin, P.A. (1999). Modern Zyryans. In: *Etnograficheskie etyudy*. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 67–115. (Rus.).

Turubanov, A.N. (Ed.) (2004). *Histoty of Komi from ancient times to the end of the XX century. Vol. 2*. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. (Rus.).

Zherebcov, L.N. (1978). Ethnographic study of the traditional food of the Komi people. In: *Tradicionnaya kul'tura i byt naroda komi. (Trudy IYaLI KFAN SSSR; Vyp. 20)*. Syktyvkar: KFAN SSSR, 38–48. (Rus.).

Чудова Т.И., <https://orcid.org/0000-0001-8142-9949>

Сведения об авторе: Чудова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

About the author: Chudova Tatyana I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

Королева С.Ю.^{а, *}, Брюханова М.А.^а, Колегова О.А.^б

^а Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, Пермь, 614068

^б Национальный исследовательский университет ИТМО
Кронверкский проспект, 49, Санкт-Петербург, 197101

E-mail: petel@yandex.ru (Королева С.Ю.); bruhanova94@yandex.ru (Брюханова М.А.);
oakolegova@itmo.ru (Колегова О.А.)

КАЖДЕНИЕ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ (ВЕРНАКУЛЯРНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ РУССКО-КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)

Одним из церковных ритуалов, которые могут делегироваться мирянам, является каждение — окуривание ладаном. В Северном Прикамье, в зоне русско-коми-пермяцких контактов, оно выполняет ряд дополнительных функций: выступает как средство ритуального очищения и апотропей, становится способом медиации между живыми и умершими в ходе поминальных обрядов. Каждение отражается в мифологических рассказах и коммуникативном фольклоре, распространенная практика приобретает индивидуализированные формы.

Ключевые слова: Урал, славяно-неславянское пограничье, вернакулярные практики, мифоритуальная традиция, ритуальная терминология, фольклорные формулы.

Введение.

Каждение как вернакулярная религиозная практика

Понятия «фольклорная религия», «народная религия», «народная религиозность» и т.п. основывались — по крайней мере, первоначально — на противопоставлении (просто)народных религиозных верований и практик «элитарной» / «нормативной» / «каноничной» религии [Агаджанян, Русселе, 2006, с. 6]. Сегодня эта дихотомия все чаще снимается исследователями, а сами понятия сближаются по значению с термином «вернакулярная религия / религиозность» — «религия в том виде, в каком она проживается», как люди ее «понимают, интерпретируют и практикуют» [Primiano, 1995, с. 44]. Границы между институализированными, локальными и персональными представлениями и практиками предстают при таком подходе как изменчивые и во многом условные; разные формы проявления религиозности образуют единое пространство живого опыта, переживаемого человеком.

Корректировка исследовательского подхода позволяет по-новому увидеть различные феномены религиозной жизни. При этом, если речь идет о российских явлениях XX–XXI вв., приходится учитывать влияние советской эпохи, характеризовавшейся разрывом религиозных традиций, нарушением религиозной социализации и межпоколенной трансмиссии [Агаджанян, Русселе, 2006, с. 8]. В результате возникли различные «компенсаторные» формы религиозной культуры, в том числе обрядовой. В сельской местности функции священника делегировались пожилым верующим — «местным религиозным лидерам крестьянского происхождения» [Панченко, 2012, с. 268]. В некоторых (этно)региональных сообществах сформировались народные религиозные институты, замещавшие оказавшуюся под запретом церковь; в частности, функционирование традиционной погребально-поминальной обрядности поддерживали устойчивые самовоспроизводящиеся коллективы, «отпевающие» покойников [Данченкова, 2003, с. 173–177, 184–195; Левкиевская, 2014, с. 50–52]. Сегодня такие обряды либо утрачиваются, либо сосуществуют с церковным (и иногда конкурируют с ними) [Левкиевская, 2015].

Частью народного «отпевания» и поминовения умерших является ритуал каждения, который может рассматриваться как одна из форм вернакулярной религиозности. О наличии особых поверий и предписаний, связанных с каждением в ходе погребально-поминального цикла, исследователи традиционной культуры уже писали (см., к примеру: [Бондарькова]). Наши поле-

* Corresponding author.

вые материалы, собранные в Пермском Прикамье в 2013–2018 и 2022 г.¹, показывают, что в конкретных этнолокальных традициях «удельный вес» этого ритуала может существенно различаться: где-то каждение считается просто желательным, а где-то ему придается решающее значение. В частности, активная практика и развернутая «мифология каждения» зафиксированы в зоне юрлинско-кочёвского пограничья, где проживают русские-юрлинцы и северные коми-пермяки (подробнее об «островной» традиции юрлинцев и характере межэтнических контактов на этой территории см.: [Жуланова, 1995]). Случаи формирования развитых вернакулярных ритуалов нуждаются в более пристальном исследовании. В этой статье мы подробно охарактеризуем специфику юрлинско-кочёвской традиции: сравним ее с аналогичными практиками на других территориях, опишем правила каждения и связанные с ним поверья, выявим отражение ритуала в так называемом коммуникативном фольклоре — малых формах, которые реализуются в контексте речевых ситуаций, являются частью речевого акта [Путилов, 2006, с. 102].

Из истории ритуала каждения

В трудах христианских авторов II–III вв. каждение фигурирует как языческий ритуал, которому привоипоставляются действия, угодные Богу. Так, Иустин Философ утверждает, что, поскольку Бог не требует ни крови, ни возлияний, ни каждения (θυσιαμάτων), его почитают «словом молитвы»; жертвоприношениям же и каждению людей научили падшие ангелы, чтоб ввести в заблуждение [Марков, 2012, с. 100]. В IV в. окуривание ладаном упоминается в связи с церемониями погребения, в которых оно могло иметь прагматическую цель: наполняло благовонием храм с телом усопшего. Далее каждение начинает сопровождать перенесение мощей и поминальные службы и постепенно входит в большинство христианских богослужебных ритуалов, символизируя возносимые к Богу молитвы [Там же, с. 101].

Особенности вернакулярных традиций могут быть лучше поняты на фоне церковных установлений. Кратко остановимся на месте каждения в православном погребении и поминальных службах. Некоторые правила, касающиеся этого ритуала, содержатся в книге отца Николая Сильченкова, впервые изданной в 1888 г., и труде святителя Афанасия (Сахарова), написанном в середине XX в. Сразу после обмывания и обряжения усопшего рекомендуется совершить короткий чин «Последование об исходе души от тела», включающий каждение покойного [Сахаров]. В день похорон приглашается священник, который трижды читает небольшую заупокойную службу — *литу*: это делается в доме умершего перед выносом тела, на кладбище во время погребения и по возвращении родных в дом. Обрядовый порядок предполагает, что в начале литии ставится *столец* (стол) с *коливом* / *кутьей*, после чего священник или диакон кадит вокруг стола и всех присутствующих. Завершается лития также каждением [Сильченков]. В современной церковной практике лития редко проводится трижды, кутья может не освящаться или это делается однократно — например, после возвращения с кладбища. Тогда священник может покадить стол с кутьей и другой поминальной пищей (в некоторых приходах этого удостоиваются лишь активные прихожане). Окуриванию ладаном в день погребения вообще придается большое значение: ритуал сопровождает большую часть отпевания в церкви; при переносе умершего в храм, а затем на кладбище впереди гроба может идти церковнослужитель с кадилом и т.д. [Сахаров; Сильченков].

Желающие помянуть родных в наиболее значимые дни (9-й, 20-й, 40-й, «годину», «память») посещают панихиду — заупокойную службу, проводимую в храме по пятницам после вечерни. Служба включает каждение вокруг поминального столика с кутьей, медом и свечами [Сахаров]. По требе священник может отслужить панихиду в доме умершего, тогда она обычно предшествует поминальной трапезе. В Древней Руси в дни памяти усопших панихиды совершались священством на могилах. Позднее заупокойные службы, как правило, стали проводиться на месте погребений лишь в дни особого поминовения (Радуницу, Троицкую субботу и др.). Если лития или панихида проходит на кладбище, она включает каждение вокруг могилы [Сахаров].

Со временем некоторые обряды, проводимые священниками, становятся доступны мирянам. Касается это и каждения. Так, к началу XV в. относится свидетельство, что при совершении домашней молитвы «мирским людям... не присовокупився к жене своей, достоин кадити саме святые иконы... и женам благочестивым чистым от мужа кадити» [Цеханская, 2013, с. 239].

¹ Выражаем признательность за помощь в организации и проведении полевых исследований Н.А. Топорковой (с. Усть-Зула), Т.Ю. Моисеевой (с. Юм), И.Н. Никитиной и А.Л. Копытовой (д. Елога), Е.В. Моисеевой (д. Дубровка), Т.И. Бартовой и Н.П. Андреевой (д. Пож), Т.Е. Павловой (д. Кукушка), Н.И. Чугайновой (с. Кочевы), Н.Г. Кожановой (ПДНТ «Губерния», г. Пермь).

Каждение в похоронно-поминальном обряде...

В отсутствие священника мирянам делегируются и некоторые ритуалы, связанные с погребением усопшего. Чтец из мирских может совершать «Последование об исходе души от тела», используя при этом ручную кадильницу [Сильченков]. Подобные рекомендации во второй половине XIX — начале XX в. публиковали, к примеру, епархиальные ведомости [Бондарькова, 2002, с. 68]. Мирянам также разрешается читать дома и на кладбище литию, а при наличии навыков церковного чтения — и более длинную панихиду (без иерейских возгласов). Возможность и правила использования кадильницы в известных нам рекомендациях не оговариваются.

Согласно этнографическим свидетельствам, в XIX в. каждение действительно было широко распространено в крестьянской среде. Так, в Новгородской губернии старушки, обмыв и обрядив умершего, клали его на лавку под иконы и окуривали ладаном или воском, троекратно произнося «Святой Боже» [Бондарькова]. Исполнение «Трисвятого» находит соответствие в церковном каноне: под эту молитву осуществляется каждение в начале литии и панихиды. Однако народные практики не сводились к замене отсутствующего священника. Они наделяли каждение (в том числе церковное) новыми значениями. В Архангельской губернии считалось, что если при отпевании из кадила выпадет уголек, то в семье вскоре будет новый покойник [Там же]. В Олонецкой губернии зафиксирована особая роль каждения в домашнем поминальном обряде: «Хозяин берет кадильницу — глиняный роговичок с ручкою, насыпает в нее горячих угольев и ладану, начинает ходить кругом стола и кадить кушанья, читая молитву “Святой Боже!”». Когда хозяин обойдет кругом стола три раза... поставит кадильницу в большой угол — под образа, а сам и вся семья становятся вдали от стола... храня строгое молчание. В это время, по убеждению крестьян, являются все умершие родственники, садятся за стол и невидимо угощаются. <...> Затем хозяин снова трижды обходит стол с кадильницей, держа ее в высоко вытянутых вперед руках, как бы опасаясь задеть сидящих за столом». После этого жильцы запирают дверь дома и садятся обедать сами [Морозов, 2008, с. 21]. Очевидно, что ритуал каждения выполняет тут особую функцию: он отмечает период, когда накрытый стол доступен для умерших, и проводит границу между трапезой для них и ритуальным застольем для живых.

Широкое распространение каждения в традиционной культуре могло быть связано с тем, что подобный тип обрядового действия был знаком крестьянам. Они практиковали (а местами практикуют до сих пор) окуривание предметов, людей и животных дымом пахучих веществ — как с прагматическими (дезинфекция, нейтрализация запаха), так и с магическими целями (подробнее см.: [Плотникова, 2004]).

Каждение в Пермском Прикамье

Пришедший из церковной обрядности в народную традицию ритуал получает свои наименования в диалектной речи. В Пермском крае зафиксированы глаголы *кадить*, *распускать ладан* (юрл.) [ПМА], *подкуривать* (уин.) [Подюков и др., 2020, с. 165]. В коми-пермяцком языке используется русское заимствование *кадитны* 'кадить' [Баталова, Кривошекова-Гетман, 1985, с. 162]. Сосуды для каждения — кадило, кадильница — тоже имеют диалектные названия: *кадиленка*, *кадилка* (юрл., сив.) [ПМА], *кадирь* (соликам.), *дымарь* (верещаг.) [Подюков и др., 2020, с. 77, 96]; последняя лексема зафиксирована и в русской речи язьвинских пермяков [ПМА]. Коми-пермяки, говоря по-русски, используют слово *кадильничка* [ПМА]. О распространении этого предмета в вернакулярном религиозном обиходе свидетельствуют названия, встречающиеся в русских говорах других регионов: *кадилёнка* (Сиб.), *кадилёнка* (Каргоп.) 'маленькое домашнее кадило', *кадилка* 'маленький горшок, употребляемый как домашнее кадило' (Смол.), *кадилина* 'увелич. к кадило' (Сарат.), *кадилычко* (Яросл.), *кадилушко* (Твер.) 'уменьш.-пласк. к кадило' [Словарь..., 1977, с. 298–299] и др.

Проживающие в Красновишерском районе Пермского края язьвинские пермяки, часть которых является старообрядцами-беглопоповцами, разграничивают окуривание гроба (разрешенное простому верующему) и каждение могилы (доступное только священнику): «...прежде чем положить в гроб человека, если нет вот этого кадила и не можешь никак, — просто свечку на тарелочку поставила, чтоб вот этим запахом, этим дымом всё обкадилось там внутри. <...> В гроб, крышкой закрываешь, и оно должно постоять скоко. Потом это убираешь и после этого только ложишь покойника туда. А могилу мы нет [не кадим], это входит в обязанности священника... Если здоровье позволяет, он идет и яму обязательно кадит» [ИИК]²;

² Интервью с язьвинскими пермяками и коми-пермяками велось на русском языке. Сведения о рассказчиках см. в конце статьи.

«Кадить могилу надо сначала, пока еще не похоронен человек... Но у нас кадилы не у всех, и как бы придешь, перекрестишь там [могилу]. <...> [А сами люди не могут покадить?] Нет, не принято» [АПП]. Иногда запрет выражается более категорично: «[Могилу не кадят?] Бывает же, отец Никанор нету... [А простой человек не может покадить?] Нет. Какое он имеет право? Он никакого права не имеет» [НИС].

Старшее поколение (1930-х гг. рождения) помнит, однако, что раньше, когда церковь была закрыта, каждение могилы могли совершать миряне-мужчины: «Кадить можно мирянину некурящему да чего такому, верующему. Если нет священства никакого. А кому, кого попросишь? Женщинам не положено каждение, недоступно это, только мужчинам. Ну и вот выбираем: кто, кто, кто, кто? Этот курит, этот такой... А вот некурящий — попросим его» [АНЗ]. Могилу необходимо очистить, так как в ней «побывал бес»: «...там могилу копали — и матерились, и курили, и всё, что хочешь, и там бес побывал — вот, поэтому надо освятить». Для каждения использовались жестяные банки или металлические кадилы с горизонтальной ручкой: «А дымарь должен быть. Ну, не такой, как в церкви. Ну, баночка, может, консервная, может что, может, специальный дымарь на ручке домашний. Старинный, может, у кого-то сохранился. <...> Обычно [ходят] по кругу, по берегу [т.е. краю могилы]. Со словами “Святый Боже”. [Держат как?] Правой рукой» [АНЗ] (рис. 1, 2).

Рис. 1. Вязанные подследники и лестовка для погребения, с. Верх-Язьва, 2017.

Fig. 1. Knitted footsies and rosary-“lesovka” for burial, the village of Verkh-Yazva, 2017.

Рис. 2. Металлическая кадилыца

А.Н. Закоподкиной, ранее принадлежала ее крестной, с. Верх-Язьва, 2017.

Fig. 2. Metal censer of A.N. Zakolodkina, formerly owned by her godmother, the village of Verkh-Yazva, 2017.

В поминальные дни кадить могилы также может только священник, что создает внутри этой этнолокальной традиции еще одну «точку напряжения». Раньше старообрядческое кладбище в д. Ваньковой делилось на две стороны: на одной погребали «отпетых», на другой — не удостоившихся отпевания. В советское время разделение не соблюдалось, но затем к нему вернулись. Теперь, служа панихиду, местный священник кадит лишь одну часть кладбища: «И вот сейчас у меня проблема. Мы своих родителей похоронили там. <...> Когда он [священник] там бывает вот в эту Троицкую субботу, он этих [отпетых] пройдет, всех этим фимиамом покадит, а туда он не идет, потому что там всякие. Я говорю: “Как быть, если вот тогда... всех в одно место хороняли? Как щас быть?”— “Ну, не знаю”. И он старается в ту сторону не ходить. Говорит, там потому что те, которые не удостоены вот такого чина» [ИИК]. Одной из функций ритуала становится поддержание границы между двумя категориями умерших, имевших при жизни разный религиозный статус. Аналогичную функцию каждение может выполнять и в других старообрядческих общинах, например у русских Верхокамья: «...если достойный человек, покадят, а если недостойный, пьяница да кто да,— не будут свечи ставить и не будут кадить. Если богомольный человек, ставят свечи на гроб и кадят ходят» [Подюков и др., 2020, с. 69]. Поскольку возможность самостоятельного каждения традицией язьвинских пермяков не предусмотрена, родственникам не удастся компенсировать его отсутствие.

Отчасти сходная ситуация обнаруживается на юге Коми-Пермяцкого округа, в смешанном селе Кува Кудымкарского района, где совместно проживают русские и иньвенские коми-пермяки. Пожилая коми-пермячка, 1934 г.р., помнит, что раньше каждение могилы было обычной практикой: «Приходят, сразу место выберут копать. Потом выкопают и опять кадят

там. Яму. [А человек туда спускается?] Спускается, но: “Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас”. [А когда закопают, холм кадят?] Кадят. Наядятся, будут уходить — и кадят, и уходят» [ЕЕЩ]. Этот ритуал проводила мать рассказчицы (она же готовила уголь, который использовал для каждения священник, пока местный храм действовал). Также во время домашних поминовений под «Трисвятое» женщина совершала каждение еды: «Кадить надо! У нас мама всё время кадила. У нее была банка... Да вот консервная банка простая. Ну это, воск-то, окурки-то [т.е. огарки] эти остаются. Потом ишо там есь сера³ какая-то! <...> И это, кадит так... над едой. По солнышку, ну. Кончит и под стол положит. И оно всё кúрится там. <...> И дым-то вкусный!». Согласно местным поверьям, умершие чувствуют этот аромат, как и запах поминальной еды: «[А для чего это надо?] Для родителей. Ну, который умер. А у нас мама шибко любéла этот запах вóсковой-то. <...> Это они, говорят, питаются запахом-то, покойники-то питаются-де. (Смеется.)» [ЕЕЩ].

В настоящее время практика каждения на домашних поминках почти вышла из обихода. В Куве нет храма, но появился молитвенный дом, и местное сообщество охотно делегировало ритуал каждения пожилым верующим односельчанам — «церковному старосте» и его преемнику, который с разрешения священника читает над умершими псалтирь, проводит допустимые для мирянина литии и панихиды. В дни особого поминовения усопших он обходит с кадиллом вокруг кладбища и по просьбе родных кадит могилы: «И вот он каку-то молитву нашáптывал. И ходил, начиная от их этой [кладбищенской] часовенки, по кладбищу. <...> И вот она [т.е. одна женщина] и говорит: “Володя, приди, пожалуйста, покади. Пускай душа-то будет чистой...” Он не отказывает. У него на цепочке это кадило» [ТИО]. Наша собеседница не успела позвать «старосту», но воспользовалась тем, что запах ладана дошел до могил ее родственников, и произнесла специальную формулу — обращение к умершим, чтоб сделать запах доступным для них: «Я у мамы на могилке была, он там делал, и ветерок-то оттуда — и ко мне пришло. И говорю: “Вот, мама, тётка тут, братанчики тут у меня лежат,— вот,— говорю,— нюхайте! Пусть душа-то ваша чистая тоже будет. Спокойно лежат, вот...” Я думаю, что души очищаются от этого. <...> [А сами не кадите?] Мы не имеем право» [ТИО].

В обеих описанных этнолокальных традициях в XX в. каждение было практикой, доступной для мирян (пусть и с некоторыми ограничениями). С восстановлением церковных институтов исполнение ритуала лимитируется: теперь его может проводить религиозный специалист, чей статус легитимен в глазах местного сообщества. Само каждение признается желательным, но осуществляется нечасто, приурочиваясь к дню погребения и важным поминальным дням.

Каждение в погребальном обряде юрлинцев и кочёвцев

Принципиально иная ситуация обнаруживается в русском Юрлинском районе и граничащем с ним на севере Кочёвском районе, где проживают северные коми-пермяки. Каждение здесь является распространенной ритуальной практикой — общедоступной, а в некоторых обрядовых ситуациях и обязательной.

Надо сказать, что культура русских-юрлинцев складывалась под значительным влиянием старообрядцев (в основном белокриницкого согласия), в Усть-Зулинской и Юмской волостях в XIX в. имелись старообрядческие и единоверческие деревни [Бахматов и др., 2003, с. 12–14]. На юге Юрлинского района и сегодня сохраняется небольшая куст старообрядческих поселений (в него входят деревни Дубровка, Васькова, Зарубина). Практика каждения имеет здесь высокую интенсивность, однако — в отличие от других религиозных ритуалов — она не содержит какой-либо особой семантики и не включает специфически старообрядческой атрибутики. Местный вариант ритуала сходен с вернакулярным каждением в других юрлинских поселениях, а также в прилегающей части Кочёвского района.

Юрлинско-кочёвское пограничье как особую контактную зону выявила и описала этномузыколог Н.И. Жуланова [1995, с. 80–83]. Мифоритуальная традиция русских-юрлинцев интенсивно заимствовалась кочёвскими коми-пермяками, так что — при сохранении языковой границы — культурная разница оказалась почти размыта. Это дает возможность рассматривать юрлинско-кочёвское пограничье как единый ареал. На всей этой территории каждение и связанные с ним представления имеют выраженное сходство.

Окуривание ладаном сопровождает здесь многие этапы подготовки к погребению: завершение обряджения умершего; положение в гроб (сначала кадят пустой гроб, затем — с поме-

³ Сера — здесь: ладан.

щенным туда телом); моление перед выносом умершего из дома (окуривают тело в гробу, все помещение по периметру, поминальную еду на столе); уборку дома после выноса тела (кадят жилые и хозяйственные помещения). Также окуривают выкопанную могилу; гроб с умершим при последнем прощании на кладбище; могилу вместе с гробом перед самым погребением; еду на могиле перед небольшой поминальной трапезой; инструменты, которыми копали могилу. После возвращения домой, помолвившись, кадят стол с едой перед поминальным обедом. На некоторых из этапов каждение соотносится с церковными предписаниями. В частности, оно производится в те моменты, когда должны совершаться «Последование об исходе души от тела» и три литии. Священники рекомендуют также освящать гроб перед помещением туда тела, совершая окропление святой водой [Сахаров], — этот ритуал выступает как семантически синонимичный каждению.

В традиционной культуре ладан — универсальный оберег от демонических существ и способ придания предметам ритуальной чистоты [Левкиевская, 2004, с. 74–75]. Дым ладана защищает живых от умершего, а самого умершего — от нечистой силы. Поэтому иногда тело умершего кадят еще до обмывания и обряжения: *«И покойного кадить дома можно чаще. И так у нас еще говаривали: покойник умер, он еще не обмытый лежит, его одного оставлять нельзя дома. Его шибо щипают небаску́-то [т.е. нечистая сила]. А когда его кадишь — они к нему не подходят. А щипают — синяки появляются, это небаску́ искушали его... Покажённого-то можно! Некажённого-то не оставляют!.. [Если покадить], нечиста сила к нему не прикоснется»* [ВПС]; *«Покойника если не окадить, его бесы-те щиплют. Покойника готовые на куски изорвать»* [Подюков и др., 2020, с. 19]; *«У меня вот мужик помер, я тоже сразу кадила, свечку зажгала. Ангели-те Господни-те пусть охраняют иво. Нечиста-то сила ладана-то боится»* [ЕЕИ]. Считается обязательным каждение гроба с телом умершего, иначе тот может обидеться: *«Некажённого человека не ложат! В гроб некажённый не ложат! Прежде чем в гроб положить человека, сначала всё устелёшь там, покади его, потом ложи. Потом самого покойника в этом гробу кадишь»* [ВПС]; *«Свичку зажигают сразу. Дак раз на тот свет поехал, как ино, всё равно надо кадить. <...> Дак всё равно надо покадить, чтобы не обижался. А то ведь обижатся, во сне будет видеться»* [ММЕ]. После выноса гроба окуривают помещения: *«Кадят гроб с умершим, дом и в конюшнях, как гроб вынесут»* [Подюков и др., 2020, с. 96]; *«Когда его [т.е. умершего] вынесут, нужно... заглядывать в углы, а потом во дворе все покадить»* [Бахматов и др., 2003, с. 165].

Сложными обрядовыми действиями сопровождается последнее прощание на кладбище: инструменты «кóпальщиков» кладут поперек могилы, на них устанавливают заколоченный гроб, после чего внутрь спускается человек с кадильницей и снизу окуривает яму вместе с гробом: *«Некажённого человека в могилу не надо рыть. У нас могилу выкопали, покойника уложили на эти на лопаты. Сюда ко краю там лезет человек [под гроб], могилу покадит и вылезат»* [ВПС]; так же поступают в деревнях Кочёвского района: *«И лопаты там, все покадим. Вот вырыли [могилу], туда лопату ложишь. Гроб принесли, вот вместе с гробом уже кадишь, с лопатами. <...> Мы ж там промежутки оставляем, там спускаешься. Раньше мы молодые были, дак прыгали [в могилу], щас уже лесенку срубили специальную»* [ВВК]; *«Вот лопаты да что над могилой ставят, на них ложат гроб, под гробом тоже кадят. Обычно из кóпальщиков кто-то спускается туда и кадят»* [ТИП]. В этой ситуации реализуется очистительная функция ритуала.

Необходимость каждения могильного холма объясняется тем, что умершим на том свете становится легче. Зафиксировано представление, что душа получает возможность ходить везде, куда долетел дым ладана: *«Душенькам там легче! Они ждут. Покадишь человека — легче ему там. <...> Жить на том свете ему легче будет. Покойника покадишь, могилку покадишь, ему-де там легче»* [ВВП]; *«[ММЕ:] Захоронят человека, да столько далеко всё кадят землю, чтобы... [ЕЕИ:] ...чтобы широко ему ходить было. [ММЕ:] И чтобы никто его не задевал. [То место, которое покадили,— это все его, получается?] [ЕЕИ:] Да. Чтобы воля ему была ходить широко»* [ММЕ, ЕЕИ].

В течение 40 дней после смерти рекомендуется окуривать предметы, бывшие в контакте с умершим, в противном случае они могут «пугать» родственников: *«...сначала ведь на досках лежал [умерший], пока гроб не был. А если не покадишь, они тоже пугаются. Одну женщину у нас испугали. <...> Она доске-те не покадила, их вынесла там на мост [т.е. в сени], и как-то в одно утро выходит — и он вот стоит, так вот ножку на ножку, и покуриват стоит, муж у ё, мужик. “Ах ты, гад ты! Ты меня еще пугаты!” Топором тягнула — доска! “Доска меня седня испугала”. — “Ты кадила их, нет?” Потом стала кадить их»* [ВВП]. Дым ладана служит апотропеем от «ходячих» покойников: *«Вот она-де [вдова], проводили душа [на 40-й день], и орет: “Серьга, вернись обратно! Вернись!”. Серьга мужика-то звали. Дак он-де, матушка, походил,*

похоропался! <...> “И он одно что лезет на меня,— она рассказывает. — Я-де не знала, что делать”. <...> Ладан распустила да чё да, вот только этим отбилася» [АФЕ] (см. также: [Подюков и др., 2020, с. 336, 341–342]). Защищает каждение и от беспокойных мертворожденных младенцев, погребенных в голбце — домашнем подполье [Королева, 2018, с. 144–145].

Подобные проявления вернакулярной религиозности вызывают негативную реакцию у представителей официальных церковных институций. Одной из причин является неприятие народных «суеверий», но, по-видимому, не менее важна и конкуренция за «религиозный рынок». Если родственники умершего сами выполняют часть ритуалов или приглашают знатоков местной традиции, то реже обращаются к священнику и его помощникам. В наших полевых материалах содержатся упоминания о конфликтных ситуациях, связанных с проведением обрядов, и в частности с каждением. Одна из них произошла между пожилой учёной, помогающей хоронить и поминать умерших, и более молодой воцерковленной прихожанкой молитвенного дома из с. Усть-Зула: «Она [умершая] всех наставляла, чтобы всё было каждёно. У матери не покадили! И могилу не покадили! У ё племянница в Зуле, она ходит по церквям, и это она ничё не признаёт, что кадить там могилы, вот не признает, и всё. Вот она там была. Я говорю: “Что,— мол,— могилу не покадили?” — “Что это у вас за новые привычки!” <...> У ё там молебный дом в Зуле есть, и в церков она ходит, ездит всегда, она там поет в церкви... А у нас захоронят покойника и лопаты на могилу кладут, лопаты кадят. “А что лопаты-то кадить-то, что они, кто они? Живые, что ли, они!” А дочь моя говорит: “А живых людей-то тоже, что ли, кадят?! Живых-то ведь не кадят”. Она заревела, убежала и не зашла после кладбища даже помянуть» [ВПС].

Каждение в поминальной обрядности и коммуникативном фольклоре

Не менее важную роль играет окуривание ладаном в поминальных обрядах — как индивидуальных (на 9-й, 20-й, 40-й дни, *шесть недель, полугодины, години, память*), так и календарных (на Радуницу, Семик, Троицкую субботу, осенние родительские субботы и др.). Каждение еды начинается и/или завершает моление об усопшем и предшествует началу трапезы дома и на кладбище: «На стол всё поставят, приготовят пиво, брагу деревенскую, бутылки всегда поставят, вот это всё на столе покадят, ладан разделают... Потом уже садятся» [АБ]. Алкогольные напитки могут поставить после каждения: «...на столе уже тоже кушать есть, и потом, когда ладаном кадят это все, спиртное на стол не ставят пока. Да, спиртного на столе нету» [Подюков и др., 2020, с. 339]. Иногда дополнительно кадят пространство под столом. Коми-пермяки объясняют это тем, что так приглашаются души некрещеных младенцев: «Дак говорят, которы некрещёные, там эти умирают маленькие младенчики да что да, чтоб тоже они... их тоже как приглашают. <...> Я всё время так делаю. Вот когда субботы» [ВАП]. С кадьницей могут обойти и все жилище: «Мы такую баночку консервную возьмем. Уголёк да тожно ладан. Сперва перед полкой, перед Господом Богом... [потом] по всей избе обойдешь. <...> Да я на улицу выйду, во двор выйду, в старую избу выйду. В любое время, коды родительские дни» [Подюков и др., 2020, с. 312]; «По дому, перед иконой встану да распушу [ладан]. Там у нас две комнаты-те, да в ту, в другую схожу, в голбец [т.е. в подполье] схожу, на улицу выйду. “Донесите, ангелы Господние, до родителей”, — скажу, и вот и всё» [АФЕ].

На 40-й (или 39-й) день на проводах души принято собирать «котомочку» и после трапезы отдавать ее ритуальному заместителю умершего. Из дома его провожают с кадьницей: «Отобедают, все, вышли потом, проводили душу... у нас, например, до дороги его проводили туда, ну, до первых домов прошли, со свечой, с ладаном, всё, значит, с кадьницей, туда проводили: “И больше не возвращайся”» [Подюков и др., 2020, с. 278–279].

На других территориях Пермского края на 40-й день окуривают вывешенную на видном месте одежду покойного: «Это ложат туда [в кадьницу] свечку маленькую, золу и кадят так вот. Сейчас мы поминали, 40 дней было, сосед умер. И это потом в конце [моления] кадили всё: пищу, стол, одежда висит у него, вот это всё кадят» (кудымк.) [НИЗ]; «И вот одежду кадят, подходишь, а тоже стол кадишь — так перекрестисься, и одежду кадишь — перекрестисься. И говоришь: “Одежде кадение, душе прощение”, — три раза тоже говоришь» (караг.) [Подюков и др., 2020, с. 94–95].

В календарные поминальные дни, по рассказам жительницы коми-пермяцкой д. Кукушка, ритуал каждения проводится на могиле каждого родственника: «Ну я как делаю, например, пришла, у матери разложила [еду на могиле], а потом иду по всем родственникам с кадьницей вот этой. Прошлась, а потом уже... ну, там до 12-ти [часов] надо кадить-то, чтоб успеть всех покадить,— а потом ходим с одной могилки к другой. Пришли, разложились, покушали, идем к другой могилке,

разложились, покушали... и так всех обходим» [ТИП]. На территории юрлинско-кочёвского пограничья подобная практика существует почти повсеместно (рис. 3).

В Юрлинском районе применительно к каждому могил зафиксирован диалектный обрядовый термин *кадить* (*покадить*) *родителей*: «На Радоницу ходят на кладбище кадить родителей» [Подюков и др., 2020, с. 97]; «Вот на Радольницу-ту мама, помню, покойная, говорила, что они старались идти до солнышка. Мы... сначала сходим на кладбище, покадим родителей, не кушаем ничего там, только покадим, бежим на ферму [работать]. Управились дома, потом настряпаем, их поминаем в этот день. <...> Они-де ждут до солнышка, в Радольницу-ту, а после как солнышко-то взойдет, они уже недовольные, там уже не к чему кадить» [ВПС].

Можно окуривать могилы не только родных, но и знакомых: «Вот видишь, что знакомый человек, у меня эта [кадильница] горит — добро же тут у меня горит, ну как не покадить! Там же им лучше будет! <...> “Господи, Катенька,— говорю,— ба, это ты здесь лежишь!” Как я рада была, что нашла [могилу]. Покадила! Как нет? Кадиленка у меня робит как раз, дымится так хорошо» [ВПС]. Традиция поощряет каждение могил умерших, у которых не осталось родственников, и обход всего кладбища (это чаще делают местные ритуальные специалисты, помогающие в проведении похорон и поминок): «Сначала свои кадим [могилы], потом пройдем и всякие, у которых нету своих [родственников], тоже всех кадим. [Всё кладбище кадите?] Да» [АИБ]. Наконец, иногда каждением сопровождается посещение специфических погребений — братских могил времен Гражданской войны, захоронений спецпоселенцев, особых детских кладбищ [Королева и др., 2015, с. 136–138; Королева, 2018, с. 141, 144–146].

Обязательный характер каждения объясняется не только тем, что оно облегчает загробную участь душ. Это важный способ коммуникации с умершими. Без запаха ладана души не приходят на поминки, так как их «не разбудили»: «Мы кадимся ходим, чтоб разбудить душу покойного. Вот кадимся, смотрите, кадилом. А они [жители другого района] не кадятся. Они приходят, разлаживаются и за хлебом-солью, значит, поминают. А если душу у ево не расшевелишь, покойного зачем помянуть? Это бесполезно. <...> Покадишься, потом уже поминают за едой» [ЕВД]. Показательно убеждение, что «кажёный» покойник — это приглашенный покойник: «[ММЕ:] “Ладушки, давайте покушаем”, — и всех покадишь, собираешь... [ЕЕИ:] Которых кадишь родственников своих вот, оне... садишься исть: “Давайте, которых я кадила, подходите, вместе покушайте. — Я так так говорю. — Давайте покушайте вместе. Которые приглашенные каженые”» [ММЕ, ЕЕИ].

Рис. 3. Самодельная кадильница на надгробном памятнике, с. Усть-Зула, 2014.

Fig. 3. A homemade censer on a tombstone, the cemetery in the village of Ust-Zula, 2014.

Рис. 4. Жительница д. Васково разжигает угли в домашней железной кадильнице, 2017.

Fig. 4. An inhabitant of the village of Vaskovo kindles coals in a home iron censer, 2017.

В культуре коми-пермяков и русских-юрлинцев большое значение придается обрядово-символическому поддержанию связи между умершими и их потомками, поскольку покойные наделяются потребностью в пище и одежде, а также способностью наказывать живых или по-

могать им. В эту мифоритуальную систему включается и ритуал каждения, который наделяется соответствующей семантикой и функциями. Распространено мифологическое представление, что умершие питаются паром и запахом пищи, но им доступна лишь та еда, которую покадили: «Ходили поминать, главное — кадить. Ага, родители-де питаются, как говорит, хлебным душком да ладунком. Вот обязательно надо постряпать хлеб, чтоб хлебный душок распустить, запах хлебный и запах ладана» [ТПН]; «У нас не покадишь — это ты чё? Как это? <...> И свечку зажгáть, и всё кадить надо. Чтобы [души умерших] пришли как... Нас приняли и сами покушали с нами вместе. Так и прощаешься: “Давай кушай с нами, что я возьму, то ты кушаешь”» [ВПС]; «На кладбище каждую могилу кадить надо, своих умерших, а то на том свете голодно. Дым надо» [СМЛ, 2020, с. 281]. У кочёвских коми-пермяков записан мифологический рассказ о том, как из-за отсутствия каждения умерший не мог поесть на поминках: «[А зачем кадят?] Дак чтобы покушали покойники, видимо... Одна женщина видела [сон]. Брат умер, и брат-то говорил [при жизни], что меня никогда не кади. И вот на могильник пришли, и она покадила, поминали когда. А которые дома, видимо, ели дак, некажёные были. И он сказал, что это... зачем, говорит, не кадила? Меня, говорит, не накормили. Это во сне приснился... На могилке-то покадили, а дома-то не кадили, так поминали. Вот и он говорит, что меня даже не допустили, не кадили дак, кушать-то дома» [ВАП].

Окуривание ладаном может сопровождаться перформативными вербальными формулами, адресованными ангелам, ветру или другим медиаторам, которых призывают донести слова и запахи до умерших. Формулы-просьбы произносятся дома или на улице, когда не могут пойти на кладбище или хотят помянуть родных горячим пирогом. В таких фразах нередко упоминается ладан: «Перво иконы покадим, всю комнату свою пройду, покажу. А у меня ведь клеть есть, в клетки кажу. <...> Когда уже снег навалил, вот там на кладбище кадить нельзя, вот дома я покадила, и всё, выхожу на улицу и говорю: “Буйный ветерок, неси мой ладанок на родительски могилки”» [ВПС]; «Донеси, ангел Господний, ладанок церковный до всех, до своих, до родителей, до знающих, незнающих, донеси, Господь Бог» [Бахматов и др., 2003, с. 175]; «Ангелы Господни, донесите запахи демьянского ладана до усопшей Марии, до усопшего Ивана» [Подюков и др., 2020, с. 114]. В отдельных случаях просьба адресуется ладану как таковому: «Испекла пирог, вот. Иконки умыла, ладан пустила, пирог покадила, всё, поминайте своих... Я сама вот по себе покажу, выхожу на улицу, дверь открываю и говорю: “Лети, душочек-ладаночек, где телеса у родителей лежат. Пусть их Бог простит за все грехи, созданные на матушке сырой земле”» [ТНА]; «Донеси, ладаночек-душочек, по ветру, по дыму до наших до родителей до покойных» [КДП] (рис. 4).

На основе традиции возникают индивидуализированные практики. Жительница юрлинской деревни Дубровка устраивает поминальный обед в нежилом родительском доме и иногда приходит покадить его: «К маме я хожу в родительский дом там... Да, порой кажу, порой свечку зажгу. [А так он пустой?] Пустой стоит. <...> Вот если [поминаем] маму, папу, обязательно пирог испеку, всё там поминаем, ходим. Кто есть, все идём. У кого соседи, если увидим, позовём... Обычно в день рождения, как раньше всё делали. Ну и когда умер, тоже так, только свечку жгу ли ладан распушу. [А что кадите?] Углы и комнату. На мосту [т.е. в сенях] еще» [ЛЕМ]. У некоторых пожилых женщин возникает особая потребность в каждении, так как этот ритуал успокаивает их: «Взгрустну, грустно станет, а как бы пройду ладаном, дак повеселее сразу бывает. <...> Ну как бы скучаю-то сильно: “О-о-ох,— взгрустнется,— ой, куды бы я девалась... — Обычно сижу, поглядываю: тут люди ходят, машины ходят, а в избе пусто: — О-о-ой, сколько было детишек... а разъехались все”. Ведь ровно распушу [ладан], ровно как на душе полегче будет» [ТПН]; «Он [ладан] мне пошто ненадолго хватат... (Смеется.) [Много кадите, что ли?] Дак че, все равно охота ладан распустить ведь» [АФЕ].

У юрлинцев, особенно в старообрядческих деревнях, каждение не ограничивается сферой похоронно-поминального обряда: ладаном окуривают иконы в Пасху, Троицу и другие церковные праздники, печат детей, освящают постройки и предметы. Показательно, однако, что, рассказывая об этих ритуалах, наши собеседники сравнивают их с поминками: «Кадят, дак двумя [руками]! Могилку. А так ладан я одной [рукой] распускала» [АФЕ]; «У нас бачок побежал... воду держат не в чем. Мы тут ее [стиральную машину] поставили, а я ее вымыла святой водой и покадила ладаном, продымила дымом-то... Тожно воду стали держать чистую... Угли наклала да ладан положила, ладанок. [Тожно с молитвой надо кадить?] “Святые Боже, святые крепки, святые бес-смертны, помилуй нас”. Вот это надо говорить-то. <...> А это вот ходишь на кладбище, кадишь, это если родители да кто-то есть свои, дак тоже вот это надо баять» [СПИ].

Рис. 5. Жительницы д. Пож показывают, как держать кадильницу двумя руками, 2022.
Fig. 5. Inhabitants of the village of Pozh show how to hold the censer with both hands, 2022.

Традиция допускает каждение «без повода», но регламентирует процесс. Кадильницу требуется держать двумя руками. Если ручка небольшая, левой рукой обхватывают запястье правой, в которой держат емкость (рис. 5). Окуривание поминального стола и других предметов совершается крестообразными и/или круговыми движениями: «На стол сначала всю еду выставляют. Потом покрывают ее ладаном, окуривают. По солнышку» [ЛПП]; «На кладбище делают крестом, ага, делаешь. А в доме можно тоже так же. Я ладан распускаю крестом дак крестом» [АФЕ]; «Перво — перекрестились, хоть когда кадишь, хоть в праздник, хоть на поминках, перекрестилася. Кадильница, кадишь обеими руками, если можно... Три раз так провела... [показывает движение по кругу] и еще три креста делаешь. <...> И так же стол: провела по столу так... три раза — и во весь стол крест. Потом под столом. Там можно крест не делать» [ВПС]. Доступность ритуала обеспечивается обычаем использовать в качестве кадильницы предметы-заместители: старые металлические ковши, половники, жестяные банки и т. п. Имеется установленная технология изготовления кадильниц, правила их хранения, разнообразные способы замены ладана. Однако материальная сторона вернакулярного каждения — тема отдельной статьи, которая, надеемся, будет написана в продолжение этого исследования.

Заключение

Церковный ритуал, сопровождающий погребение и поминовение усопших, сохраняет в локальных сообществах высокий статус. Предварительно можно говорить, что наиболее развитые и устойчивые формы вернакулярного каждения в Пермском Прикамье возникают на территориях, испытавших прямое или опосредованное влияние старообрядческой культуры. В некоторых традициях это действие «ограниченного доступа», его выполнение закреплено за религиозным специалистом (священником, «церковным старостой» и т.п.). На этом фоне традиция юрлинско-кочевского пограничья отличается «открытым» характером: кадить может (а иногда и должен) любой, кто способен держать кадильницу. Место ритуала в структуре похоронного и поминального обряда частично совпадает с церковными предписаниями: по-видимому, оно определяется правилами каждения в ходе «Последования об исходе души от тела», литии и панихиды. Однако вернакулярное окуривание ладаном имеет более интенсивный характер, вокруг него складывается своеобразная «мифология каждения», формируется диалектная обрядовая терминология. Помимо ритуального очищения и защиты от нечистой силы, ритуал обеспечивает медиацию между миром живых и умерших, в юрлинско-кочевской традиции именно эта его функция выходит на первый план. Ее реализации способствуют специальные фольклорные формулы, адресованные существам — посредникам между живыми и умершими. Могут возникать индивидуализированные варианты ритуала, который адаптируется к новым жизненным реалиям.

Финансирование. Исследование С.Ю. Королевой выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, проект «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Сокращения:

Коч. — Кочёвский р-н.

Красновиш. — Красновишерский р-н.

Куд. — Кудымкарский р-н.

Юрл. — Юрлинский р-н.

коми-п. — коми-пермяк / коми-пермячка; рус. — русский (-ая); язв. п. — язвинский пермяк / язвинская пермячка.

Сведения о рассказчиках:

- АБ — жен., ? г.р., рус., с. Юм Юрл., 2015.
 АИБ — жен., 1928 г.р., рус., род. в п. Куеда, прожив. в п. Усть-Пышья Юрл., 2014.
 АНЗ — жен., 1936 г.р., язв. п., старообр., род. в д. Панова, прожив. в с. Верх-Язьва Красновиш., 2017.
 АПП — жен., 1956 г.р., язв. п., старообр., род. в д. Коновалова, прожив. в с. Верх-Язьва Красновиш., 2017.
 АФЕ — 1936 г.р., рус., род. в д. Бражникова, жила в д. Подкина, прожив. в д. Дубровка Юрл., 2017.
 ВАП — жен., 1946 г.р., коми-п., д. Кукушка Коч., 2022.
 ВВК — муж., 1963 г.р., рус., д. Ташка Коч., 2022.
 ВПС — жен., 1949 г.р., рус., д. Паж Юрл., 2022.
 ЕВД — муж., 1939 г.р., рус., с. Юм Юрл., 2015.
 ЕЕИ — жен., 1932 г.р., рус., старообр., д. Зарубина Юрл., 2017.
 ЕЕЩ — жен., 1934 г.р., коми-п., род. в д. Городище, прожив. в с. Кува Куд., 2022.
 ИИК — жен., 1949 г., язв. п., старообр., с. Верх-Язьва Красновиш., 2018.
 КДП — жен., 1942 г.р., рус., старообр., род. в д. Зарубина, прожив. в д. Васькова Юрл., 2017.
 ЛЕМ — жен., 1960 г.р., рус., д. Дубровка Юрл., 2017.
 ММЕ — жен., 1938 г.р., рус., старообр., род. в д. Панькова, прожив. в д. Зарубина Юрл., 2017.
 НИС — жен., 1940 г.р., язв. п., старообр., д. Ванькова Красновиш., 2017.
 НИЗ — жен., 1953 г.р., рус., род. в д. Гурино, прожив. в д. Трошева Куд., 2017.
 ЛПП — жен., 1952 г.р., рус., род. в п. Высокий бор, прожив. в п. Усть-Пышья Юрл., 2014.
 ТИО — жен., 1953 г.р., коми-п., с. Кува Куд., 2022.
 ТИП — жен., 1954 г.р., коми-п., д. Кукушка Коч., 2022.
 ТНА — жен., 1953 г.р., рус., с. Усть-Зула Юрл., 2013.
 ТПН — жен., 1939 г.р., рус., д. Мухоморка Юрл., 2015.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян А.С., Русселе К.* Как и зачем изучать современные религиозные практики? // Религиозные практики в современной России. М.: Новое изд-во, 2006. С. 11–32.
- Баталова Р.М., Кривоцекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. язык, 1985. 624 с.
- Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В.* Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX — XX вв. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. 496 с.
- Бондарькова Ю.А.* О соотношении православного канона и народных поверий в погребальном обряде Русского Севера // Христианство и Север. М.: Демидур-арт, 2002. С. 67–70.
- Данченкова Н.Ю.* Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская обл.) // Религиозный опыт народной культуры: Образы. Обычаи. Художественная практика. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. С. 173–225.
- Жуланова Н.И.* Юрлинцы: Русский «остров» или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении М.: ГРЦРФ, 1995. С. 77–88.
- Королева С.Ю.* «В голбче-то у нас могильник»: Детские захоронения вне общего кладбища в XX веке: (Практики и нарративы Северного Прикамья) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 138–149.
- Королева С.Ю., Четина Е.М., Колегова О.А.* Локусы памяти в пространстве традиции (почитание братских могил в Юрлинском районе Пермского края) // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 128–144.
- Левкиевская Е.Е.* Ладан // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 74–76.
- Левкиевская Е.Е.* «Просто несли веру христианскую в массы...»: (Сакральные специалисты советского времени в украинском анклав Саратовской обл.) // Живая старина. 2014. № 4. С. 50–53.
- Левкиевская Е.Е.* «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: Похоронные традиции в современной культуре. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 10–35.
- Марков Е.Е.* Каждение // Православная энциклопедия. Т. 29. М.: Православная энциклопедия, 2012. С. 99–102.
- Морозов И.А.* Обычаи, верования, магия, связанные с началом и завершением трапезы // Традиционное русское застолье. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 16–35.
- Панченко А.А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: НЛО, 2012. 448 с.
- Плотникова А.А.* Окуривание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 541–545.
- Подюков И.А., Королева С.Ю., Пантелеева Л.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В.* Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья. СПб.: Маматов, 2020. 368 с.
- Путилов Б.Н.* Теоретические проблемы современной фольклористики. СПб.: СПГУТД, 2006. 315 с.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин.* Т. 12. Л.: Наука, 1977. 368 с.
- Цеханская К.В.* Почитание православных святых в России. М.: Паломник, 2013. 400 с.
- Primiano L.N.* Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklore // Western Folklore. 1995. Vol. 54. № 1. P. 37–56.

ИСТОЧНИКИ

Бондарькова Ю.А. Восприятие народным сознанием церковного чина погребения (на материале севернорусских похорон XIX–XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Bjud.htm> (дата обращения: 10.11.2022).

Сахаров А., свт. О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. СПб.: Сатись, 1995 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afnasij_Saharov/o-pominoventii-usopshikh-poustavu-pravoslavnoi-cerkvi/ (дата обращения: 25.12.2022).

Сильченко Н., свящ. Практическое руководство при совершении приходских треб. СПб.: Сатись, 1994 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/prakticheskoe-rukovodstvo-pri-sovershenii-prihodskih-treb/ (дата обращения: 25.12.2022).

Korolyova S.Yu.^{a,*}, Brukhanova M.A.^a, Kolegova O.A.^b

^a Perm State University, Bukireva st., 15, Perm, 614068, Russian Federation

^b ITMO University, Kronverksky prospect, 49, St. Petersburg, 197101, Russian Federation

E-mail: petel@yandex.ru (Korolyova S.Yu.); bruhanova94@yandex.ru (Brukhanova M.A.); oakolegova@itmo.ru (Kolegova O.A.)

Censing in the funeral and memorial rites (vernacular religiosity of the Russian-Komi-Permyak borderland)

Church censing ritual — fumigation with incense or its substitutes — is widespread in folk culture. It plays a particularly important role in funeral and memorial rites, where the fumigation is usually carried out in order to ritually purify people, space and objects that have been in contact with the deceased. However, the significance of this ritual is not equal in different local ethnical traditions: in some communities, it is simply recommended, while in others it is of a prime importance. The accessibility of this ritual action for people also varies. In some traditions, only religious specialists (the priest and his assistants) can perform this ritual, in other traditions, anyone can do it. The article is concerned with vernacular forms of censing. The culture of Yurlians — Russians living in a different ethnic (Komi-Permyak) environment, and the culture of the northern (Kochevsky) Komi-Permyaks neighboring them, are among the traditions with a developed mythological semantics of censing. The main research data are materials collected during the fieldwork carried out in 2013–2017 and 2022 in the Northern Prikamye, in the Russian-Komi-Permyak borderland. The study is based on the structural and functional analysis of the rituals. It has been revealed that the locations of censing in the structure of traditional funeral and memorial rites partially coincides with church prescriptions, however, vernacular fumigation with incense is of more intense character; around it, a kind of “mythology of censing” develops, and dialectal ritual terminology is formed. Censing fulfills not only typical cleansing and apotropaic functions, but it also acts as a way of mediation between the living and the dead — it “wakes up” the souls, invites them to a ritual meal, guarantees the availability of food, etc. Special folklore formulas addressed to beings-intermediaries between the living and the dead (angels, wind, etc.) provide the realization of this function. Individualized versions may arise from the ritual, which adapts to the new life realities.

Keywords: Ural, Slavic-non-Slavic borderlands, vernacular practices, mytho-ritual tradition, ritual terminology, folklore formulas.

Funding. Contribution by S.Yu. Korolyova to the paper is financially supported by grant of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00484 “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage” (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

REFERENCES

Agadzhanian, A.S., Russele, K. (2006). How and why to study modern religious practices? In: Agadzhanian A.S. & Russele K. (Eds.). *Religioznye praktiki v sovremennoi Rossii*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 11–32. (Rus.).

Batalova, R.M., Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985). *Komi-Permyak-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk. (Rus.).

Bakhmatov A.A., Podyukov I.A., Khorobrykh S.V., Chernykh A.V. (2003). *Yurlinsky region: Traditional culture of Russians in the late XIX — XX centuries*. Kudymkar: Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatelstvo. (Rus.).

Bondarkova, Iu.A. (2002). On the Relations between of the Orthodox Canon and Folk Beliefs in Funeral Rite of the Russian North. In: *Khristianstvo i Sever*. Moscow: Demiurg-art, 67–70. (Rus.).

Danchenkova, N.Yu. (2003). The village custom of “walking over the dead”: Lay Orthodox tradition of prayers for the dead (Vladimir region). In: N.Yu. Danchenkova (Ed.). *Religioznyi opyt narodnoi kultury: Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaia praktika*. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvovoznaniia, 173–225. (Rus.).

Filin, F.P. (Ed.) (1977). *Dictionary of Russian dialects. Vol. 12*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

* Corresponding author.

Каждение в похоронно-поминальном обряде...

- Korolyova, S.Yu. (2018). "There are graves in our cellar": Burials of children outside common cemeteries in the 20th century: (Practices and narratives of northern Kama the river's basin). *Traditsionnaia kultura*, 19 (3), 138–149. (Rus.).
- Korolyova, S.Yu., Chetina, E.M., Kolegova, O.A. (2015). Memory locus in the space of tradition: (rituals and narratives related to mass graves in Yurlinsky district of the Perm region). *Sotsio- i psikhologicheskii issledovaniia*, (3), 128–144. (Rus.).
- Levkiyevskaya, E.E. (2004). Incense. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. T. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 74–76. (Rus.).
- Levkivskaia, E.E. (2014). "They just carried the Christian faith to the masses...": (Sacred specialists of the Soviet era in the Ukrainian enclave of the Saratov region). *Zhivaia starina*, (4), 50–53. (Rus.).
- Levkivskaia, E.E. (2015). "Folk funeral" in the Samoilovsky district of the Saratov region. In: D.V. Gromov (Ed.). *Memento Mori: Pokhoronnye traditsii v sovremennoi kulture*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 10–35. (Rus.).
- Markov, E.E. (2012). Incense. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. T. 29. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 99–102. (Rus.).
- Morozov, I.A. (2008). Customs, beliefs, magic related to the beginning and the end of the feast. In: A.S. Kargin (Ed.). *Traditsionnoe russkoe zastole*. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 16–35. (Rus.).
- Panchenko, A.A. (2012). *Ivan and Yakov — Unusual Saints from the Marshland: "Peasant Hagiology" and Religious Practices in Modern Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Plotnikova, A.A. (2004). Fumigation. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. T. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 541–545. (Rus.).
- Podyukov, I.A., Korolyova, S.Yu., Panteleyeva, L.M., Svalova, E.N., Khorobrykh, S.V. (2020). *Dictionary of mortal vocabulary, phraseology and symbols of Russian dialects of the Kama region*. St. Petersburg: Mamatov. (Rus.).
- Primiano, L.N. (1995). Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklore. In: *Western Folklore*, 54(1), 37–56.
- Putilov, B.N. (2006). *Theoretical problems of modern folklore*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina. (Rus.).
- Tsekhanskaia, K.V. (2013). *Veneration of Orthodox shrines in Russia*. Moscow: Palomnik. (Rus.).
- Zhulanova, N.I. (1995). Yurlinty: Russian "island" or contact zone? (About musical folklore and traditional culture of the Russian population of the Komi-Permyak district). In: *Sokhranenie i vrozhdzenie folklornykh traditsii: Russkii folklor v inokul'turnom okruzenii*. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 77–88. (Rus.).

Королева С.Ю., <https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

Брюханова М.А., <https://orcid.org/0000-0001-9489-5172>

Колегова О.А., <https://orcid.org/0000-0001-6908-0940>

Сведения об авторах:

Королева Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь.

Брюханова Мария Анатольевна, инженер, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь.

Колегова Оксана Алексеевна, преподаватель, Национальный исследовательский университет ИТМО, г. Санкт-Петербург.

About the authors:

Korolyeva Svetlana Yu., Candidate of Philology, Associate Professor, Perm State National Research University, Perm.

Bryukhanova Maria A., Engineer, Perm State National Research University, Perm.

Kolegova Oksana A., Assistant, ITMO National Research University, St. Petersburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

Богордаева А.А., Лискевич Н.А.*

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: bogordaeva@mail.ru (Богордаева А.А.); povod_n@mail.ru (Лискевич Н.А.)

ПОСЛЕ КАЗЫМСКОГО МЯТЕЖА: ОБ ОДНОМ ОТЧЕТЕ ПО СБОРУ ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ У СОСЬВИНСКИХ МАНСИ В 1934 г.

Статья посвящена анализу и публикации отчета по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 гг. В отчете описываются «жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьва Березовского района». Особая ценность этого документа заключается в этнографических описаниях образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святилищ и культовой атрибутики, медвежьего праздника, родильной обрядности.

Ключевые слова: советская власть, традиционная обрядность, охота, рыболовство, обычное право, коренные народы, манси, коми-зыряне, Обь-Иртышский Север, Казымская культбаза.

Введение

Преобразования советской власти 1920–1930-х гг. сопровождалась ломкой традиционных устоев, установлением новой идеологии, подавлением реальных и потенциальных врагов новых порядков. Массовые репрессии 1930-х гг. среди крестьян выражались в ущемлении гражданских прав (лишение избирательных прав), имущественных прав («раскулачивание»), права на досуг (в результате обложения индивидуальным налогом или дачей твердого задания), ссылкой, ограничением передвижения. Среди коренных народов Сибири дискриминации подвергались не только «кулаки», но и так называемые шаманы, искоренению подлежало любое проявление религиозности. По мнению Е.М. Главацкой, «шаманы традиционно обладали высоким религиозным авторитетом, который в условиях смены власти особенно возрос, они зачастую являлись выразителями и защитниками интересов соплеменников, что зачастую не совпадало с интересами Советской власти» [2005, с. 290].

Новая власть организовывала на Севере культбазы, которые должны были стать центрами по вовлечению коренных народов в социалистическое строительство, фокусом социально-культурных преобразований, средоточием развития образования, здравоохранения, культуры [Ерныхова, 2010]. Это, по сути, представляло собой крупномасштабные инвестиции центра в распространение общей культуры, образа жизни, идеологии, что давало возможность укрепления контроля над периферийными территориями [Агапов и др., 2015, с. 69–70]. Сопrotивляясь нововведениям, коренные жители проявляли неповиновение и, в ряде случаев, открыто выступали против действий новой власти. Такие выступления трактовались как «мятеж», «восстание» и жестоко подавлялись. Одним из наиболее крупномасштабных стал Казымский мятеж, развернувшийся в 1933–1934 гг. и ставший первым примером сопротивления коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа против политики, проводимой советской властью [Ерныхова, 2003, с. 88–92].

События, связанные с Казымским мятежом и его последствиями, сохраняются в исторической и социальной памяти. Изучению, анализу и осмыслению происходивших столкновений посвящены научные исследования и художественные работы. Однако же до сих пор остаются документы, отражающие действия властей по профилактике подобных событий, которые еще не введены в научный оборот. Наша статья посвящена анализу и публикации отчета о поездке в начале 1934 г. по р. Сосьве, в котором описываются «жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьва Березовского района» (прил.)¹. Документ хранится в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области в деле № 199, где собрана «информация окружкома ВКП(б) об экономическом состоянии округа, искажении национальной политики работниками Казымской культбазы на озере Нум-то»

* Corresponding author.

¹ Документ был опубликован ранее [Лискевич, 2016].

[ГАСПИТО. Ф. 107, оп. 1, д. 199, л. 27–29]. Дело содержит документы на 30 листах, относящиеся к 1934 г. На обложке дела имеется помета «РАСЕКРЕЧЕНО. Акт № 2 от 13.02.04».

История изучения Казымского мятежа

Последовательное изложение событий, связанных с Казымским мятежом, приводится в работе А.В. Головнева «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров» [1995, с. 165–178]. При этом автор делает акценты на этнографических особенностях действий инсургентов, показывает, каким образом проводились оповещение «туземцев» о сборах туземного схода, объединение «казымского мира» и выработка общей стратегии действий с предъявлением требований властям. А.В. Головнев подчеркивает ритуализированность действий мятежников — принесение жертвоприношений во время сборов, проведение обрядов камлания для получения совета от духов, в том числе о необходимости убийства работников культбазы. По мнению А.В. Головнева, для «туземцев это была война за традиции, и потому оказались в ходу жестокие средства из арсенала, казалось, давно ушедших в прошлое “богатырских войн”» [Там же, с. 178]. В этой же работе рассматриваются подобные возмущения коренных народов начала 1930-х гг. — «Смута на Тольке» и «Ямальская мандалада» [Там же, с. 178–194].

События на Казымской культбазе освещаются в статье А.С. Пиманова и А.Н. Пиюкова «Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах» [1998]. Авторы показывают роли, деятельность, личностные особенности участников восстания, обращают внимание на «перегибы» в разделении общества коренного населения по имущественному признаку, политические и экономические нюансы термина «кулак» и значение реципрокного (возвращающегося, взаимного) обмена для казымских оленеводов.

Монография О.Д. Ернуховой «Казымский мятеж: об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.» [2003, 2010b] стала развернутым исследованием, посвященным анализу событий, связанных с организованным сопротивлением коренных народов социалистическим преобразованиям. Работа базируется на многочисленных архивных источниках, в том числе рассекреченных в начале 2000-х гг. О.Д. Ернухова показывает, как менялся уклад коренных жителей Севера в связи с мероприятиями советской власти на Обь-Иртышском Севере по созданию системы административного управления и решению вопросов социально-экономического развития, проведения коллективизации, строительства культбаз. В качестве основных факторов, спровоцировавших Казымское восстание, автором выделены изменение размеров налогообложения, насильственное привлечение детей коренных народов к обучению в школе-интернате, игнорирование религиозных особенностей местного населения, и в первую очередь ненецкого. В монографии восстанавливается общая картина постепенного нарастания напряжения среди казымского сообщества и смещения события с территории Казымской культбазы в район озера Нумто, где развернулась «самоедская война с русскими», произошло убийство представителей советской власти, подавление восстания опергруппой ОГПУ и задержание мятежников. Исследование О.Д. Ернуховой дополняется приложением текстов архивных документов и фотографий из истории Казымской культбазы.

А. Лезте, профессор этнологии Тартуского университета, специалист по финно-угорским народам, представил общую картину Казымских событий в широком историческом и антропологическом контексте, показал параллели с другими вооруженными выступлениями в Западной Сибири, направленными против советской власти, в 1920–1930-х гг., критически проанализировал источники, выявив противоречия в описании событий очевидцами и материалах дознания [2004]. Стараясь сохранить объективность в определении исторической правды, А. Лезте обращает внимание на этические проблемы: «В случае Казымской войны мы имеем дело с превосходящим насилием колониальной власти в отношении к коренному народу»; «Казымская война является в известной степени реакцией на быстрое и обширное наступление другой культуры» [Там же, с. 13]. Наряду с социально-экономическими факторами, он подчеркивает значимость национальных и культурных барьеров, которые помогают раскрыть многие психологические механизмы, приведшие в действие восстание. Эти проблемы не были специфическими для казымских хантов, а являлись универсальными для всей Западной Сибири, и в первую очередь, по мнению А. Лезте, они проявлялись в отношении местных представителей власти к верованиям и понятиям о святых местах коренного населения [Там же, с. 198–201]. Кроме того, начавшееся структурирование общества по имущественному и религиозному признакам и карательные меры против определенных категорий населения вступали в противоречие с традициями сложившейся социальной структуры и обычного права, вызывали отторжение и протест

[Там же, с. 209]. В других исследованиях автором были рассмотрены значение обычного права коренных жителей в эскалации мятежа [Leete, 2003], роль шаманов в крупных восстаниях коренных народов с описанием их участия в конфликтах и необходимость критичного изучения источников [Leete, 2015]. В работе «Культурные базы на Севере: советизация и сопротивление коренных народов» авторы попытались показать восприятие жителями Севера социально-экономических и социокультурных преобразований, инициируемых в рамках культбаз [Toulouze и др., 2016]. Открытие культбаз решало культурно-образовательные проблемы («ликвидация неграмотности», открытие школ, профессиональные курсы, общее просвещение и пр.), санитарно-гигиенические, медицинские и ветеринарные вопросы, пропагандистские и экономические аспекты деятельности культбаз. Это были, несомненно, позитивные направления деятельности культурных баз. Однако же пример Казымской культбазы показал, что незнание традиционных обычаев местных жителей и излишне жесткие методы для ускорения «переустройства» предопределили развитие конфликта [Там же].

Е.В. Перевалова, анализируя протестные выступления в Сибири в 1920–1930-х гг., приходит к выводу о резкой смене в этот период основных колонизационных принципов по сравнению с российским освоением XVI — начала XX в., более интенсивной эксплуатации природных ресурсов и экономическо-идеологическом давлении на коренных жителей [2009, с. 125–133]. Е.В. Перевалова показала парадигму мифологизации памяти о событиях и трагических последствиях Казымского мятежа как для работников культбазы, так и для его участников в виде мифов-преданий, политического мифа и новейшего арт-мифа [2016]. Н.Б. Граматчикова отмечает, что в советский период документальные источники по восстаниям 1930-х гг. были скудными и малодоступными, а официальная историография была представлена краеведческой литературой в духе «чекистского» эпоса [2023, с. 197]. Автору удалось сопоставить эго-документы 1930-х и 1970-х гг. и «чекистский эпос» 1960-х гг., что позволило реконструировать память «победившей» стороны [Там же, с. 194–237].

Арт-миф получил отражение в мемуаристике, художественных произведениях, кинематографе. В 2002 г. вышел роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» с иллюстрациями Г.С. Райшева [2002], в котором драма Казыма показана через призму трагедии одной семьи, ее переживаний и представлений о добре и зле. И это позволяет автору, в отличие от историков и этнографов, делать оценочные утверждения о правильности и этичности действий как коренного населения, защищавшего свою землю, так и их противников, покусившихся на самые основы их жизни. По роману Е. Айпина в 2009 г. был снят художественный фильм, получивший название «Красный лед. Сага о хантах» (режиссер О. Фесенко). В 2014 г. появился фильм «Ангелы революции» (режиссер А. Федорченко), в котором приемы художественного вымысла и опора на достоверные исторические факты позволили очень емко и эмоционально показать конфликт базовых ценностей и картины мира представителей новой власти и коренных жителей. Режиссер очень тонко показал, что у каждой стороны конфликта была своя правда и своя вера, дающая право на дальнейшие действия по защите ожидаемого будущего. По мнению А. Федорченко, «непонимание, неприятие, несогласие с другим, иным и незнакомым (не важно, идеология это или искусство) — причина конфликтов и обязательных потерь при попытке навязать свое» [Империя обязана...].

Отдельные аспекты влияния Казымского мятежа на выработку внутренней политики в округе, эмоционального состояния представителей власти и «проводников» в новую жизнь можно увидеть в документальной повести С.Б. Наварской «Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы XX века» [Наварская]².

Профилактические меры после Казымского восстания

По данным О.Д. Ерныховой, казымские события получили широкую огласку; местное население других территорий, в том числе манси, поддерживало казымских хантов и ненцев [2003, с. 77]. Известие о подавлении восстания широко разошлось по всему округу, усиливая недовольство действиями советской власти, которое было общим для коренных народов на разных территориях. Кроме того, власти опасались, что повстанцев могут поддержать другие обиженные и возмущенные группы. С.Б. Наварская так описывает сложившуюся ситуацию: «Когда мы в марте прибыли в Березов, повстанцы были подавлены и рассеяны по тундре. Но опасность еще присутствовала. С запада, из Коми-Пермяцкого округа, восставшим могли оказать помощь

² Подробнее об этой работе можно посмотреть: [Граматчикова, Енина, 2015].

многочисленные репрессированные и раскулаченные, сосланные в лагеря. Обстановка готова была взорваться в любой момент!» [Наварская, с. 20].

В отчете о работе окружкома ВКП(б) за 1931–1933 гг., в разделе «Ограничение и вытеснение эксплуататорских элементов и работа с беднотой и батрачеством», подчеркивалось, что «Социалистическое строительство колхозов, реконструкция рыбного и пушного хозяйства, развертывание культурной революции в округе проходит в условиях бешеного сопротивления классовых врагов — кулаков, шаманов и других антисоветских элементов. Эти классовые враги пытаются использовать в своих целях специфические условия Севера, в частности низкий культурно-политический уровень туземного населения, неграмотность его, суеверие, консерватизм и остатки родовых традиций, также наличие в округе значительного процента бывших торговцев, скупщиков пушнины, бывших подручных купцов и т.п. среди русского и зырянского населения, наличие в округе громадного числа пришлого населения (около 28000 чел.) и кулацкой ссылки (около 32000 чел.). Кулачество из русского и зырянского населения, в условиях роста коллективизации, применения к ним твердых заданий и налоговых репрессий, пытаются надеть на себя маску бедняка или середняка, оказывают отчаянное сопротивление проведению мероприятий партии и правительства действуя “тихой сапой”. <...> В этих условиях классовая борьба и эксплуатация бедноты и батрачества со стороны кулаков и шаманов, выливается в самых разнообразных формах...» [ГАСПИТО. Ф. 107, оп. 1, д. 111, л. 21].

В документе приводятся примеры такой классовой борьбы по линии советов, коллективизации, школы, кооперации и снабжения, в проведении хозяйственно-политических компаний, среди кочевого и полукочевого населения. Так, указывалось, что «по линии советов имелись попытки кулачества переизбрать советы, ввести сюда своих ставленников кулаков и шаманов. В Ломбовожском тузсовете Березовского района, в конце 1932 г. кулаки-шаманы Х...вы (фамилия написана неразборчиво. — Н. Л.] и Шубины организовали шаманские праздники, на 4 дня оторвали 120 рыбаков от лова, избрали на этом празднике нелегально новый состав тузсовета из шаманов и подкулачников. По возвращении с праздника туземцы потребовали переизбрания тузсовета, выдвигая этот новый состав. Благодаря своевременно принятым мерам со стороны партиячейки и развертывание работы среди бедноты перевыборы не состоялись. Подобный же факт имел место в 1932 г. на р. Казым» [Там же, л. 22]. В отчете подчеркивалось, что к одной из форм классовой борьбы приравнивается шаманство, которое в некоторых районах недооценено, «особенно в Шурышкарском и Сргутском районах, где влияние шаманов особенно сильное» [Там же, л. 32].

В докладных записках Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ 1933 г. описывалась борьба с шаманством и действиями шаманов — Кунина Ефима Ивановича (Шаты), «проживающего в Ларьякской тундре», Николки Неттина, Васьки Сорума, «проживающих между рекой Казымом Березовского района и рекой Тазовкой» [Там же, д. 116, л. 5–10, 61]³, шаманов «Айпина Ефремки... Никулки, по прозвищу “Белая голова”», живших в Сургутском районе в бассейне Агана [Там же, л. 57–58]. В 1936 г. проводились мероприятия по ликвидации «шаманско-кулацкой группировки» в Сургутском районе [Там же, д. 332].

Для выявления «контрреволюционных» настроений на местах и предотвращения протестных действий в районы компактного проживания коренных жителей в 1934 г. отправлялись специальные агенты ОГПУ, которыми часто являлись завербованные представители местного населения [Леэте, 2004, с. 189]. Одним из примеров проводимых «исследований» может стать отчет о поездке по р. Сосьве, в котором описываются «жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьва Березовского района» [Там же, д. 199, л. 27–29]⁴. Документ, представляющий собой отчет о поездке по р. Сосьве неизвестного автора, состоит из трех листов машинописных копий, отпечатан черной краской с одним интервалом, через копирку (?), бумага формата А4, пожелтевшая, подписей нет. На первой странице в левом верхнем углу рукописная помета, сделанная красными чернилами «Секр. К делам». Текст отчета написан со стилистическими и пунктуационными ошибками, с искажениями географическим названий, разной передачей одних и тех же фамилий. Документ приведен в соответствии с современной орфографией и пунктуацией с сохранением стилистических особенностей оригинала, топонимы и антропонимы оставлены без исправлений. Отчет представляет собой логичное повествование, с акцентом на информацию, связанную с проявлением религиозности местных жителей и отношением к Казымскому восстанию, содержит кри-

³ Подробнее о репрессиях в отношении Е.И. Кунина см.: [Головнев, 1995, с. 178–183].

⁴ Полный текст отчета дан в приложении.

тичные высказывания автора к собственным наблюдениям и завершается рекомендациями о проверке выявленных фактов. Особая ценность этого документа заключается в этнографических описаниях образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святилищ и культовой атрибутики, медвежьего праздника, родильной обрядности.

Этнографические описания в отчете

Исследовательский маршрут можно отследить по названиям населенных пунктов и рек, упоминаемых в отчете. Он пролегал по селениям, расположенным по берегам Северной Сосьвы: Анеево (Ачеево), Сартынья (Сыртынья), Бедкаж (Ветки), Шомы, Кимкъясуи (Тим-Кисуп), Нильдино — и Ляпина: Межи, Ломбовож (в тексте — Ломбовожский тузсовет), Саранпауль (Сарампауль). В 1920–1930-е гг. на этой территории занимался этнографическими исследованиями советский угровед В.Н. Чернецов [Источники..., 1987]. Так, в 1933–1934 гг. маршрут его путешествия включал селения по берегам рек Конды, Юконды, Тапа, Малой Сосьвы и верховьев Северной Сосьвы [Там же, с. 160–197]. В указанных в изучаемом документе поселках (Ломбовож, Межи, Сартынья) В.Н. Чернецов побывал летом и осенью 1931 г. и осенью 1935 г. [Там же, с. 136–160, 197–208]. Кроме того, в верховьях Ляпина и Северной Сосьвы он был осенью и зимой 1926 г., на Северной Сосьве и Оби — в 1936–1937 гг. [Там же, с. 29–43, 209–252]. В ходе этих экспедиций исследователю удалось собрать ценные и обширные сведения по традиционной культуре проживающих здесь манси.

В то же время в представленном документе автор называет население данной территории осяками. Кроме того, отмечается, что большинство жителей поселков, в которых находятся тузсоветы (Ломбовож, Сартынья, Саранпауль), является зырянским, эти же поселения обозначены как наиболее крупные по численности. Данные о численности населения, приводимые в документе, носят приблизительный характер. Так, по сведениям автора, в Саранпауле в этот период было более 100 юрт (домов), в Сартынье — около 50, а в остальных — 10–30. По данным этнографической литературы, в 1930 г. на данной территории были созданы Сартыньинский и Ломбовожский национальные советы. Сартыньинский совет включал 251 хозяйство в 32 поселениях с населением 1319 чел., из которых манси составляли 1060 чел. (81 %), а Ломбовожский — 100 хозяйств в 8 поселках с населением в 488 чел. [Северная Сосьва..., 1992, с. 39]. В 1930–1933 гг. здесь были организованы 7 колхозов: в Сартынье — колхоз им. Чапаева, в Шомах — им. Ворошилова, в Бедкаж — им. Кирова, в Тоболдинских — им. 1-го Мая, в Межах — им. Молотова, в Ломбовоже — им. Ворошилова [Там же, с. 40]. Однако ни точная численность, ни количество хозяйств в документе не указываются, а колхозы даже не упоминаются.

Особое внимание автор документа уделяет жилищу. Характеризуя дома местного населения, он отмечает их сходство с обычными домами, а также чистоту их интерьера — окрашенные и помытые полы, наличие умывальников (и их нехватку) и использование тонкой сосновой стружки для утирания. Здесь же он описывает домашние святилища «осяков» (манси), которые располагались под крышей (в тексте — «крышкой») в углу. При строительстве жилища у манси применялась самцовая конструкция крыши без потолка, которая сохранилась в старых домах до наших дней. Внутри жилища у противоположной от входа стены под крышей во всю ее ширину или в углу, как описывается в документе, делался «настил» — полка, на которой хранили священные предметы и культовые атрибуты, часто в приспособленных для этого ящичках.

В документе приводится описание содержимого одного из таких «шайтанов» — ящичков, в котором хранились дары для духа-покровителя. В основном это были шкурки пушных животных. По данным автора, особо ценились в качестве подарка «шайтану» шкурки росوماхи, которые редко сдавались заготовителям. Очевидно, в этот период шкурки оставались одним из основных жертвенных даров духам-покровителям. Осуществляя приемку четырех мешков пушнины, найденной в одном из священных лабазов, автор отмечает, что к мордочкам шкурок были привязаны лоскуты ткани с завязанными в уголках российскими монетами разных исторических периодов, что указывает на длительность их хранения. Вероятно, такие жертвенные места с хранившимися здесь подношениями были не просто местами поклонения духам-покровителям, но своеобразными хранилищами, закромами, откуда в случае нужды можно было взять необходимое и потом вернуть. Так, в документе приводятся сведения об обычае заимствования из жертвенных даров некоторых шкурок в качестве сдачи, взаимообмена. При этом перед тем, как взять что-то «из шайтана», его хозяин должен был получить разрешение от жены и других взрослых членов семьи и совершал молитву.

Отмечает автор и регулярность проводимых на Сосьве медвежьих праздников, которые устраивали по каждому добытому медведю и собирали население близлежащих поселков «для производства пляски и поедания этого мяса». Кроме этих сведений, знания автора о празднике

ограничиваются информацией о медвежьих клыках, которые привязываются к поясу для здоровья и силы спины. Побывавший в этих местах позднее (1936–1937 гг.) В.Н. Чернецов присутствовал на нескольких медвежьих праздниках и собрал здесь обширные сведения по их проведению [Источники..., 1987, с. 210–251].

Характеризуя образ жизни населения как полуседлый, автор указывает, что большая часть занимается оленеводством, а у некоторых стада насчитывают до 100 голов. В то же время, по его словам, основу хозяйственной деятельности манси (остяков) составляют пушной промысел (в основном добывают белку) и рыбная ловля, которая в зимнее время здесь мало развита из-за ее трудоемкости. Эти сведения совпадают с характеристикой таежно-предуральского хозяйственного комплекса, преобладающего на данной территории [Северная Сосьва..., 1992, с. 18–24].

Рассматривая документ в целом, можно отметить, что маршрут поездки в основном включает населенные пункты, которые, очевидно, находились на зимнике. Об этом же свидетельствуют и упоминаемые в отчете зимние юрты, меховая одежда и зимние промыслы населения. Характерно, что в документе не упоминается Сосьвинская культбаза, строительство которой началось в 1933 г. Вероятно, она находилась за пределами маршрута следования. В ряде случаев в документе содержатся ошибки — в названии проживающего здесь народа, в названиях населенных пунктов. В то же время заслуживает внимания информация о медвежьих клыках, мужской и женской прическе, об обычае «заимствования» из прикладов духа, о межэтнических отношениях и др. Особую ценность представляют сведения об обряде перехода матери с ребенком в жилой дом после родов, зафиксированный в Верхненильдино (Нильдино), об оставлении жилища после смерти в нем от болезни (кори) двух детей в д. Шомы (Шом). Представленная здесь информация во многом дополняет имеющиеся в нашем распоряжении этнографические материалы о культуре и быте населения Сосьвы в 1930-е гг.

Заключение

В истории изучения Казымского восстания отмечается несколько основных направлений. Это выявление и анализ факторов восстания, их влияние на жизнь коренного населения, а также анализ действия властей по подавлению мятежа и профилактике подобных протестов. События, связанные с Казымским мятежом и его последствиями, сохраняются в исторической и социальной памяти. Однако же до сих пор остаются документы, отражающие действия властей по профилактике подобных события, которые еще не введены в научный оборот. Профилактика протестных движений была связана в первую очередь с выяснением «контрреволюционных» настроения на местах, религиозного и социального состояния местных жителей и борьбой с шаманством и «кулаками». Подобную задачу выполнял неизвестный автор отчета по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 гг. Отчет датирован 7 марта 1934 г. и содержит сведения о жизни, правах и обычаях коренных жителей бассейна рек Сосьва и Ляпин, расположенных в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра (Северо-Западная Сибирь). Отчет представляет собой логичное повествование, с акцентом на информацию, связанную с проявлением религиозности местных жителей и отношением к Казымскому восстанию, содержит критичные высказывания автора к собственным наблюдениям и завершается рекомендациями о проверке выявленных фактов. Автор приводит этнографические описания образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святылиц и культурной атрибутики, медвежьего праздника, родильной обрядности и др. Документ дополняет имеющиеся в распоряжении исследователей данные о социальных процессах в 1930-е гг. и является ценным источником по культуре и быту населения Северной Сосьвы начала XX в.

Приложение

ЖИЗНЬ, ПРАВА И ОБЫЧАИ ОСТЯКОВ ПО РЕКЕ СОСЬВЕ БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА

Л. 27. От Березова вверх по реке Сосьве расположены юрты остяков и дальше вверх по реке Ляпино.

Образ жизни ведут полуседлый, имея летние и зимние юрты, есть также большая часть оленеводов, кочующих со своими чумами. Наибольшее количество кочевников оленеводов по Ломбовожскому тузовету. Некоторые имеют стада оленей по 100 голов со слов их самих. Населенные пункты имеют юрт (домов) в большинстве от 10 до 30 юрт за исключением центров тузоветов Сарампауля и Сыртыньи⁵, первая больше 100 юрт, вторая около 50. В центрах тузоветов преобладающее большинство — зыряне. Юрты зимние имеют вид постройки, похожей на дом, юрты, не имеющие окон и полов, по Сосьве и Ляпино не

⁵ Искаженные названия населенных пунктов Березовского района: Саранпауль и Сартынья. Возможно, ошибки возникли вследствие того, что написанное от руки перепечатывал на машинке не автор, поэтому такая путаница в названиях.

встречаются. Характерно бросаются в глаза шикарные олени изделия верхней одежды, в особенности у женщин и девиц. Мужчины и женщины носят косы с навитыми шкурами (шнурками? — А. Б.) почти до самого пола. У девиц и молодых женщин косы разукрашены всевозможными кольцами из железа и меди. Обувь почти у всех — это кисы, тобоки, одежда — малицы короткие и длинные, все разукрашено и отделано цветными сукнами, а у женщин — разными причудливыми рисунками из разных цветов шкур и отделка набором бисера стеклянного разных цветов.

Внутри юрт наблюдается чистота, часто встречаешь хорошо вымытые полы, а изредка даже окрашенные на один ряд краской. По юртам есть умывальники, правда, в своем большинстве примитивные, вместо полотенец в большинстве употребляется тонкая сосновая стружка для вытирания рук и лица.

Наблюдается большой спрос на умывальники и полотенца, которых по торговым организациям почти нет.

В каждой юрте в углу сделан к крышке настил, на котором стоит ящик, который называется «шайтаном», куда кладутся ценные добываемые шкурки и шкурки, имеющие случайную разноцветную окраску. Иногда они берут несколько шкурок для сдачи, но считают, что берут взаимнообразно, и перед тем как взять, долго молятся перед этим шайтаном. Лучшим подарком для шайтана считается шкурка рассомахи и, несмотря на изобилие этого зверя, сдается заготовителям очень мало. В своем большинстве оседают по шайтанам. Остяки страшно не любят, когда русские, бывая в юртах, рассматривают эти ящики даже издалека, также не любят, когда в юрте разговаривают про их шайтана, по их закону этого делать нельзя. В юртах Ачевых (Анеевых. — А. Б.) Сыртыньинского с/с при разговоре с одним активистом бедняком выяснилось, что если он возьмет хоть одну шкурку из шайтана, без согласия на это жены и других взрослых членов семьи, то за это они могут его убить, и это у них не считается преступлением.

При разговоре в юртах Межи Сарампаульского тузсовета с девицами, последние говорят, что раньше им говорили, что русские — это враги туземцев и с ними нельзя говорить, но сейчас они считают, что все люди одинаковы, что русские, что остяки, самоеды и туземцы.

По всей реке Сосьве страшно еще развиты пляски около убитого медведя, не проходит ни одного случая при добыче медведя, чтобы остяки не съезжались с окружающих юрт для производства пляски и поедания этого мяса. В период пляски у медведя вынимаются все зубы, и по одному зубу дается остякам, и почти у каждого остяка по Сосьве наблюдается повешенный зуб на цепочке и привязанный к поясу на спине, это они считают, что при наличии этого зуба никогда не будет болеть и уставать спина.

Л. 28. Сосьвинские остяки страшно самостоятельны, если он что сказал или пообещал, то обязательно выполнит, и страшно не любят, если русские что обещают и не выполняют, даже самые мелочи, тот, кто им пообещал и не сделал, теряет навсегда их авторитет. Зыряне, живущие в некоторых юртах с ними, частенько их надуют. В юртах Тим-Кисун⁶ наблюдаются такие случаи: сами остяки, вернее, их жены не умеют выпекать хлеб, зыряне берут у них муку, пекут им хлеб и отдают им печеным хлебом по количеству взятой у них муки, а бывают даже такие случаи — за мешок муки дают им мешок сухарей, да еще за выпечку с них плату белками. Правда этот вопрос я крепко ставлю в райсоюзе об изжитии этого момента и организации выпечки хлеба кооперативами с выдачей полностью всего припека за плату, покрывающую расход кооператива по организации этого дела.

В юртах Нильдино Сартыньинского тузсовета наблюдается вот такой обычай, женщины во время родов были изолированы в отдельный чум, и после прибытия там двух месяцев ее вводили в юрту к мужу, шагах в пяти перед входом бросается до красна накаленный топор, и она держит ребенка на руках, проходит через него три раза. При самом входе ставится два котла, в которых разводятся огни, в этот огонь бросают части мелких тряпок, и она, держа ребенка в руках, перепрыгивает через котлы с горящим огнем, после чего входит в юрту, считается, что она очистилась от злого духа, и сразу же всех присутствующих угощает сваренным мясом, и подают чай. В юртах Шом (Шомы. — А. Б.) наблюдался такой случай, у одного остяка все детиски заболели корью и благодаря того, что их застудили, двое из них умерло, так эту юрту бросили совсем и никто в ней не живет, и считали ее не нравящуюся ихнему богу.

В Сарампаульском сельсовете 27 марта мною производилась приемка пушнины, найденная участковым инспектором в шайтане в количестве 4-х мешков, примерно по стандартным ценам всей пушнины на 7.000 руб., но благодаря того, что эта пушнина лежала от 2-х и до 10 лет, то большинство ее погибло, и принято по стандартным ценам на 615 руб. Характерно, что к мордочкам каждой шкурки привязан уголок кусок шелкового материала с величину носового платка, в противоположном уголке каждого куса материала завязаны деньги — в своем большинстве серебряные монеты времен царя, есть советские монеты, есть николаевские достоинством в 10–25 и бумажные и есть кредитки колчаковские, но обязательно в каждой тряпочке какая-нибудь монета или бумажная кредитка.

Основные занятия Сосьвинских и Ляпинских остяков — это пушной промысел и рыбная ловля, на охоту они уходят в большинстве на оленях на склоны Урала, добывают в основном белку. Рыбой занимаются слабее и ловят ее только весной, т.е. в тот период, когда этот лов не требует большой затраты физического труда. Зимой рыбным промыслом почти совсем не занимаются, [...] это связано с затратой физического труда.

При проведении бесед с туземцами по заготовкам все время наталкивались на разговор о казымских событиях, беднота и активисты возмущаются этим и недовольны тем, что их увезли куда-то и не кончили

⁶ Возможно, это название д. Кимкъясуй, входящей в современное сельское поселение Саранпауль.

После Казымского мятежа: об одном отчете по сбору оперативной информации у сосьвинских манси...

на месте, шаманство и кулачество притихло и стало приторно любезным и услужливым, но невольно чувствуется, что маскирует себя наружно.

В юртах Ветках (Беткаш — А. Б.) Сартыньинского тузсовета один пошел к члену тузсовета для получения подводы, то последний подумал, что я совсем не знаю по туземному, а я кое что знаю, выразил [Л. 29] так «жаль, что на Казыме дело плохо вышло».

В Ломбовожском тузсовете по-моему дело неблагоприятно с самим председателем тузсовета Таратыным.

Когда в Сарампауле проходил съезд кооператива, то он был делегатом, выступая в прениях, приторно юлил, что он за советские мероприятия, когда стали проводить выборы и партгруппы, предложили в члены правления туземца Лоншакова, который до 1921 г. занимался шаманством, но по приходу советской власти бросил все и все время был коммунистом и комиссией по чистке проверен. Несмотря на все эти объяснения, все же Таратов выступил в последний раз перед голосованием его кандидатуры и с пафосом сказал: «Учтите, товарищи, до чего нас довели шаманы в Казыме, и мы их хотим выбрать в члены правления — кооператива, Лоншаков же лучший охотник и рыбак с 1923 г. по выполнению планов пушнины и рыбы».

На первый взгляд кажется, что оно так и должно бы быть, что надо гнать шаманов, но когда разговаривались с бедняками, так они говорят, что Таратов имеет связь с шаманами и кулачеством и что последние ненавидят Лоншакова за то, что он бросил шаманство и стал активно работать в кооперативе.

В момент казымских событий этот Таратов тоже вел себя под шаманскую и кулацкую песенку, некоторые районные работники говорят, что он растерялся в то время.

Но проезжая через Ломбовож, 1–4 и здесь три дня танцевали около медведя, где принимал участие и Таратов, ходил по гостям, и по заявлению туземцев было проведено секретное сообщение шаманов и кулаков, на котором решили послать Таратова в Березов и узнать подробно, как обстоит дело с Казымом, и правда ли, что все кончено. При проверке оказалось, что действительно Таратов на второй день взял у одного кулака оленей и поехал в Березов и сказал секретарю, что он едет в Березов по своим делам.

Возможно, что мои эти наблюдения и ошибочны, но мне кажется по своим наблюдениям, что как бы этот Таратов не оказался вроде казымского председателя Тузсовета, считаю, что его надо крепко проверить, ибо многие туземцы говорят, что Таратов всегда громит шаманов и кулаков в глазах работников района и других, а как никого нет, так он все время шушукается с кулаками и шаманами.

7 марта 1934 года

ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 199. Л. 27–29

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов М.Г., Адаев В.Н., Ганопольский М.Г., Ключева В.П., Лискевич Н.А., Поплавский Р.О. Постколониальность Сибири: Региональный синдром // *Философские науки*. 2015. № 8. С. 66–79.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов: XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Головнее А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Грамотчикова Н.Б. Озеро Нумто: «Я полюбил эту могилу...»: События на озере Нумто в «чекистском эпосе» и эго-документах // *Чужими голосами: Память о крестьянских восстаниях эпохи Гражданской войны* / Под ред. А.В. Кравченко, Н.А. Ломакина. М.: Нов. лит. обозрение, 2023. С. 194–237.

Грамотчикова Н.Б., Енина Л.В. Книга о любви и верности: Реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109–129.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 160 с.

Ерныхова О.Д. Казымская культурная база как социальный эксперимент Советского государства // *Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования*. 2010а. № 1. С. 101–108.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: (Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: ИЦЦ ЮГУ, 2010b. 212 с.

Источники по этнографии Западной Сибири / Подгот. Н.В. Лукина, О.М. Рындина; Ред. Г.Е. Марков, Н.В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 280 с.

Лезте А. Казымская война: Восстание хантов и лесных ненцев против советской власти. Тарту, 2004. 286 с.

Лискевич Н.А. «Жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьве Березовского района»: Об одном отчете по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 годов // *Большое городище: Лит.-краевед. альманах*. 2016. № 3 (36). С. 176–187.

Перевалова Е.В. «Красная» колонизация Обского Севера: Революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // *УИВ*. 2009. № 2 (23). С. 125–133.

Перевалова Е.В. Остяко-вогульские мятежи 1930-х гг.: Были и мифы // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2016. Т. 10. № 1. С. 131–146.

Пиманов А.С., Пилюков А.Н. Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея*: 1998. Тюмень, 1999. С. 75–90.

- Северная Сосьва: (Исторические и современные проблемы развития коренного населения) / Под ред. А.В. Головнева. Шадринск: Исеть, 1992. 75 с.*
Leete A. The Role of Customary Law in the Kazym War: Women and Sacred Rules // Studies in Folk Culture. Tartu: Tartu University Press, 2003. Vol. 1. S. 23–45.
Leete A. Reconsidering the Role of Shamans in Siberia during the Early Soviet Era // Shaman. 2015. Vol. 23. Nos. 1–2. Spring/Autmn. S. 89–108.
Toulouze E., Vallikivi L., Leete A. The Culture Bases in the North: Sovietisation and Indigenous Resistance // Northern Studies Monographs. Umeå Univesity, 2016. URL: <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01275689> (дата обращения: 17.02.2016).

ИСТОЧНИКИ

- Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 304 с.*
ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 111, 116, 199, 332.
«Империя обязана насаждать свой язык»: Темные страницы истории советской Югры в фильме «Ангелы революции». 05.11.2015 // URA.RU. Российское информационное агентство. URL: <http://ura.ru/news/1052229119> (дата обращения 25.07.2016).
Наварская С.Б. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века: Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев: Документальная повесть. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения 24.07.2016).

Bogordayeva A.A., Liskevich N.A. *

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishhevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: bogordayeva@mail.ru (Bogordayeva A.A.); povod_n@mail.ru (Liskevich N.A.)

After the Kazym rebellion: on one report on the collection of operational information from the Sosva Mansi in 1934

The purpose of the article is to analyze and publish a report on the collection of operational information by the Khanty-Mansiysk District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) after the Kazym uprising of 1933–1934. The report is dated March 7, 1934, and it contains information about life, rights and customs of the indigenous inhabitants of the Sosva and Lyapin river basins located in the Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra (North-Western Siberia). In the history of the study of the Kazym rebellion, several main research lines are noted, including the identification and analysis of the factors of the uprising, their impact on life of the indigenous population, and also the analysis of the actions of the authorities to suppress the rebellion and to prevent similar protests. The events related to the Kazym rebellion and its consequences are preserved in historical and social memory. However, the documents still exist reflecting the actions of the authorities to prevent such events, which have not yet been introduced into scientific circulation. The prevention of protest movements was associated, first of all, with the identification of the “counter-revolutionary” sentiments locally, as well as of the religious and social status of local residents, and with the fight against shamanism and “kulaks”. A similar task was performed by an unknown author of the report. The report represents a logical narrative, with an emphasis on information related to the manifestation of religiosity by local residents and their attitudes towards the Kazym uprising; it contains the author’s critical statements on his own observations and ends with recommendations for verifying the revealed facts. The author provides ethnographic description of the lifestyle, houses, dress, everyday features, home sanctuaries and cult attributes, bear celebration, maternity rites. In a number of cases, the document contains errors — in the name of the people living in the area, in the names of settlements. At the same time, noteworthy is the information on bear fangs, men’s and women’s hairstyles, the custom of “borrowing” from the sacrifices of the spirit, inter-ethnic relations, etc. Of particular value is the data on the rite of transition of a mother with a child back to the residential building after the childbirth, recorded in Verkhnenildino (Nildino), on the abandonment of a dwelling after the death of two children within it from illness (measles) in the village of Shomy (Shom). The information presented here largely complements the available materials on the social processes in the 1930s and represents a valuable source on the culture and life of the population of northern Sosva at the beginning of the 20th century.

Keywords: Soviet power, traditional ritual, hunting, fishing, customary law, indigenous peoples, Mansi, Komi-Zyryans, Ob-Irtysh North, Kazymskaya cultbasa.

Funding. The work was done according to the state order № 121041600045-8.

* Corresponding author.

REFERENCES

- Agapov, M.G., Adayev, V.N., Ganopolsky, M.G., Kliuyeva, V.P., Liskevich, N.A., Poplavsky, R.O. (2015). Postcolonial Siberia: regional syndrome. *Filosofskiyе nauki*, (8), 66–79. (Rus.).
- Glavatskaya, E.M. (2005). *Religious traditions of the Khanty: XVII–XX centuries*. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (Ed.) (1992). *Northern Sosva (historical and modern problems of the development of the indigenous population)*. Shadrinsk: Iset. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric peoples*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Gramatchikova, N.B. (2023). Lake Numto: “I fell in love with this grave...”: Events at Lake Numto in the “Chekist epic” and ego-documents. In: A.V. Kravchenko, N.A. Lomakina (Eds.)/ *Chuzhimi golosami: pamyat o krestianskikh vosstaniyakh epokhi Grazhdanskoй voyny*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 194–237. (Rus.).
- Gramatchikova, N.B., Yenina, L.V. (2015). The book about love and loyalty: Reconstruction of the image of a communist father in his daughter’s memoirs. *Quaestio Rossica*, (4), 109–129. (Rus.).
- Ernykhova, O.D. (2003). *Kazym rebellion: On the history of the Kazym rebellion of 1933–1934*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (Rus.).
- Ernykhova, O.D. (2010a). Kazymskaya cultural base as a social experiment of the Soviet state. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, (1), 101–108. (Rus.).
- Ernykhova, O.D. (2010b). *Kazym rebellion: (On the history of the Kazym rebellion of 1933–1934)*. 2nd ed., add. Khanty-Mansiysk: ICC Yugu. (Rus.).
- Leete, A. (2003). The Role of Customary Law in the Kazym War: Women and Sacred Rules. In: *Studies in Folk Culture. Vol. 1*. Tartu: Tartu University Press, 23–45.
- Leete, A. (2004). *Kazym war: Uprising of the Khanty and Forest Nenets against the Soviet regime*. Tartu. (Rus.).
- Leete, A. (2015). Reconsidering the Role of Shamans in Siberia during the Early Soviet Era. *Shaman*, (23), Nos. 1–2, Spring/Autmn, 89–108.
- Liskevich, N.A. (2016). “Life, rights and customs of the Ostyaks along the Sosva River of the Berezovsky District”: On one report on the collection of operational information by the Khanty-Mansiysk Okrug Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks after the Kazym uprising of 1933–1934. *Bol'shoje gorodishche: Literaturno-krayevedcheskiy al'manakh*, 36(3), 176–187. (Rus.).
- Markov, G.Ye., Lukina, N.V. (Eds.) (1987). *Sources on the ethnography of Western Siberia*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2009). “Red” colonization of the Ob North: Revolutionary transformations and ethnicity (1917–1930s). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2(23), 125–133. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2016). Ostyako-Vogul revolts of the 1930s: There were also myths. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 10(1), 131–146. (Rus.).
- Pimanov, A.S., Piyukov, A.N. (1999). Unrest of the indigenous population on Kazym in 1930–1933. In: *Yezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya: 1998*. Tyumen, 75–90. (Rus.).
- Toulouze, E., Vallikivi, L., Leete, A. (2016). The Culture Bases in the North: Sovietisation and Indigenous Resistance. In: *Northern Studies Monographs*. Umeå Univesity. <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01275689>. Submitted on 17 Feb 2016.

Богордаева А.А., <https://orcid.org/0000-0002-2665-4833>

Лискевич Н.А., <https://orcid.org/0000-0001-6622-0530>

Сведения об авторах:

Богордаева Аксана Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень.

Лискевич Нина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень.

About the authors:

Bogordayeva Aksana A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Liskevich Nina A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

Агапов М.Г.

Тюменский государственный университет, ул. Ленина, 23, Тюмень, 625000
E-mail: magapov74@gmail.com

«ЭКРАН НА ЧУМЕ»: СОЦИАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И МОБИЛЬНАЯ КИНОПРОПАГАНДА НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В 1930-е гг.

Проведен анализ такого специфического инструмента советской идеологической индоктринации эпохи «великого перелома», как кинопередвижка на примере ее использования в агитационно-пропагандистских кампаниях, проводившихся на Обском Севере в 1930-е гг. среди коренных народов. Кинопередвижка рассматривается как одна из разновидностей культурных технологий управления (термин Н. Диркса). Проанализированы организация, логистика и репертуар кинопередвижек, дана оценка их эффективности.

Ключевые слова: *Тобольский Север, Комитет Севера, Главное управление Северного морского пути, кинопередвижка.*

Введение

«Приобщить к общечеловеческой культуре племена оленеводов и охотников, стоявших до того на ступени чуть ли не неолита, — какая это трудная, а вместе с тем и заманчивая задача!» В 1930 г. этими словами старого большевика П.Г. Смидовича открылся первый номер печатного органа возглавляемого им Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при ЦИК СССР [Смидович, 1930, с. 5]. Если в 1920-е гг. Комитет Севера стремился к сохранению традиционных отраслей и жизненного уклада коренных народов Севера, то с началом «великого перелома» он был вынужден подчиниться курсу партии на форсированное построение социализма на всей территории страны. Теперь самобытность коренных северных народов интерпретировалась как их культурная отсталость, препятствовавшая проникновению советской власти в высокие широты [Терлецкий, 1930, с. 5]. Задача мощного, одним рывком, подъема «культурного уровня» населения Крайнего Севера была частью грандиозного плана социальной реконструкции всех «туземных народов» СССР и их последующей интеграции в семью «советских наций» [Hirsch, 2005, p. 295]. Реализация этого плана предусматривала целый комплекс масштабных мероприятий, включающих формирование новых административно-территориальных единиц (национальных республик, областей и округов), проведение коллективизации и индустриализации [Стась, 2021, с. 104]. Их осуществление предполагало резкое изменение всего жизненного уклада «туземных народов» и потому нуждалось в серьезной идеологической поддержке. В частности, от Комитета Севера требовалось посредством широкой пропагандистской компании перетянуть «трудовое тундровое население» на сторону советской власти и обеспечить его активное участие в социалистической реконструкции народного хозяйства Крайнего Севера [Директивы Госплана РСФСР, 1930].

Целью данного исследования является изучение такого специфического инструмента советской идеологической индоктринации эпохи «великого перелома», как кинопередвижка на примере ее использования в агитационно-пропагандистских кампаниях, проводившихся на Обском Севере в 1930-е гг. В этом контексте кинопередвижка рассматривается нами как одна из культурных технологий управления (термин Н. Диркса [Dirks, 2001, p. 9]), в равной степени характерных для всех государств и империй эпохи модерна, включая и СССР, где, в силу существования государственной идеологии и низкой грамотности населения, кинематограф даже в большей мере, чем другие культурные технологии управления (перепись, газета, музей и др.), поддерживал и укреплял централизованную власть, служа дополнением к силе и принуждению. При этом, как показывает Ф. Хирш, в СССР культурные технологии управления использовались с целью реализации революционной повестки: в то время как европейские колониальные державы зачастую применяли эти технологии для создания новых категорий и оппозиций между колонизаторами и колонизируемыми, советское партийное государство применяло их для ликвидации этих оппозиций — чтобы модернизировать и трансформировать все области и народы бывшей Российской империи и включить их в единую советскую общность [Hirsch, 2005, p. 12–15].

«Экран на чуме»: социальная реконструкция и мобильная кинопропаганда на Обском Севере...

Северное кинопередвижничество неоднократно попадало в поле внимания исследователей «красной» колонизации советского арктического фронта [McCannon 1998; Перевалова, 2009, 2018; Аманжолова, 2022], историков советского кино [Ватолин, 2005; Ушакин, 2020] и кинофикации [Марков, 1972; Зяблицева, 2011], но до сих пор еще не становилось предметом отдельного исследования. Источниковую базу данной работы составили опубликованные документы СНК СССР, ЦК ВКП(б), Совкино, Комитета Севера и ГУСМП, материалы советской публицистики 1930-х гг., а также не вводившиеся ранее в научный оборот документы Тобольского окружного комитета ВКП(б) и Обдорского политотдела ГУСМП (ГАСПИТО).

Возникновение мобильной кинопропаганды на Советском Севере

В Советском Союзе первые кинопередвижки — мобильные киноустановки, предназначенная для демонстрации немых и звуковых фильмов небольшой аудитории на открытых площадках и в помещениях, не оборудованных стационарными кинопроекторами,— появились на «большой земле». Они предназначались для работы преимущественно в сельскохозяйственной глубинке. Первый пятилетний план кинофикации образованного в 1929 г. на месте Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний Северного края предусматривал обеспечение каждой волости двумя кинопередвижками. С 1930 г. по Северной Двине начал ходить плавучий звуковой кинотеатр. Для обслуживания работников лесных трестов использовались немые автокинопередвижки [Марков, 1972, с. 17–20].

На Крайнем Севере и Дальнем Востоке основными проводниками всех агитационно-пропагандистских компаний были созданные в конце 1920-х гг. под управлением Комитета Севера культурные туземные базы (культбазы) — «учреждения комплексного типа, где на одной территории, под единым руководством объединены ряд учреждений, на обязанности которых лежит оказание туземцам культурно-просветительной, врачебно-санитарной, ветеринарной, продуктивно-кооперативной помощи, всестороннее изучение обитания обслуживаемой культбазой народности» [ГАРФ. Ф. 3977, оп. 1, д. 374, л. 44]. С начала 1930-х гг. в составе каждой культбазы полагалось иметь «метеорологическую станцию, радиостанцию и кинопередвижку» [Директивы Госплана РСФСР, 1930, с. 190]. К середине 1930-х гг. действовало 19 культбаз, из них 9 в Восточной Сибири, 5 в Западной Сибири и 5 на Дальнем Востоке [Меляков, 1977, с. 39]. При этом, по данным Комитета Севера, в зоне его ответственности находилось до 328 радиостанций и 87 кинопередвижек [Ленинская национальная политика ..., 1934, с. 55, 7]. Расположенные в глубине «туземных» территорий, культбазы служили форtpостами советского культуртрегерства [Slezkine, 1994, p. 182].

С целью охвата коммунистической пропагандой коренного кочевого населения при культбазах создавались передвижные «красные чумы» и «красные лодки». Их сотрудникам предстояло проникнуть в самую гущу «туземной» жизни: «...красный чум проводит свою работу в специально оборудованной палатке (юрте, яранге, чуме); действует круглый год, переезжая по определенным установленным маршрутам в районах расселения народов Севера; при обслуживании кочевого (оленоводческого, охотничьего) населения красный чум кочует с данной группой; работа красного чума среди каждой группы населения должна продолжаться от 1–2 декад до 3–4 месяцев» [О передвижном политико-просветительном учреждении, 1933]. «Красные чумы» оснащались радио, фото- и кинопередвижкой. Там, где не было киноаппаратов, предписывалось обходиться до их получения «хотя бы волшебным фонарем» [Первухин, 1930]. Тобольский окружной комитет ВКП(б) требовал «в основу антирелигиозной пропаганды [среди туземцев] положить работу через волшебный фонарь» [ГАСПИТО. Ф. П. 30, оп. 1, д. 862, л. 63]. Голоса с другого конца земли и «живые картинки» были важнейшим подспорьем советских «миссионеров» на «туземных» территориях.

«Дать местному населению выход к подлинной культуре»:

ГУСМП и мобильная кинопропаганда на Югре в первой половине 1930-х гг.

В рамках общего процесса социалистического национально-государственного строительства [Martin, 2001, p. 432] становлением Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» от 10 декабря 1930 г. на Обском севере в составе Уральской области РСФСР были образованы Остяко-Вогульский и Ямальско-Гыдаямский ненецкий национальные округа. В 1935 г. с завершением организационного оформления северных национальных округов Комитет Севера при ЦИК СССР был упразднен, что означало переход северных национальных округов в общую советскую юрисдикцию. Однако право хозяйственного — а во многом и политического — управления территориями всего советского севера выше

62-й параллели (куда входила практически вся территория Ямальско-Гыдаямского и Остяко-Вогульско-го национальных округов) совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства» от 20 июля 1934 г. получило новое советское «суперведомство» — Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) [История Ямала, 2010, с. 137]. Помимо сугубо экономических соображений это решение было продиктовано желанием Москвы пресечь «сильной рукой» вспыхнувшие в начале 1930-х гг. многочисленные восстания коренных народов советского Севера в защиту их традиционного уклада, крупнейшими из которых были Казымское 1933–1934 гг. [Ерныхова, 2003] в Остяко-Вогульском и Ямальское (Мандалада) 1934 г. [Алексеева, 2005, с. 111–118] в Ямальско-Гыдаямском национальном округе. Под эгидой Политуправления ГУСМП в 1935 г. было создано 9 региональных политотделов. Контроль за завершением советизации, коллективизации и культурной перековки коренных народов Обского севера был возложен на Обдорский политотдел ГУСМП.

Под руководством Уральского и Тобольского отделений Комитета Севера в начале 1930-х гг. на Обском Севере было организовано 2 культбазы, 12 красных чумов и 39 кинопередвижек [На Уральском Севере, 1932, с. 117] (для сравнения: в это же время в Автономной области Коми (Зырян) было 49 кинопередвижек [Бабушкин, 1931, с. 83], в Ижмо-Печорском крае — 4 [Работа Центросоюза на Севере, 1930], в Большеземельской тундре — 12 [Советский Север..., 1932, с. 8], в Эвенкийском национальном округе — 3 [Первухин, 1931, с. 25], в Чукотском национальном округе — 15 [Советский Север..., 1932, с. 9]). Летом 1932 г. в административном центре Ямальско-Гыдаямского национального округа Обдорске и в административном центре Остяко-Вогульского национального округа Самарово (Остяко-Вогульске) были организованы базы Союзкино [Хроника..., 1932].

Вместе с тем результаты работы культтретрегеров из Комитета Севера категорически не удовлетворяли новое технократическое руководство советского Севера, потребовавшее от территориальных политотделов ГУСМП в предельно сжатые сроки «дать местному населению выход к подлинной культуре, которая связана с культурным систематическим специализированным трудом, дать ему дорогу к машине... к нашим судам, к нашим радиостанциям... чтобы местное население было поднято на новую ступень культуры, которая неотделима от новой ступени труда» [Шмидт, 1935, с. 20]. Продемонстрировать коренным народам Севера достижения советской индустрии и через это вовлечь их в процесс советской промышленной колонизации Заполярья следовало посредством самых «высоких» технологий текущего времени, каковыми в агитационно-пропагандистской сфере, несомненно, были советские немые и в особенности звуковые фильмы. В этой изоморфности заключалась специфика кинопередвижки как культурной технологии управления.

Сам по себе кинопросмотр был для представителей коренных народов Севера важнейшим опытом приобщения к новой жизни, сродни обряду перехода. Ввиду запрета на изготовление любого изображения живого человека демонстрация диапозитивов, а тем более кинопоказ (равно как и фото- и киносъемка) воспринимались туземным населением с чрезвычайным неодобрением [Перевалова, 2018, с. 185]. Приведем только одно характерное свидетельство: «Был случай, когда на Агане [в Остяко-Вогульском национальном округе] ханты ни за что не хотели смотреть кинофильм, боясь, что “лилель” (душа) после сеанса расстанется с телом. Настойчивому киномеханику удалось уговорить одну престарелую хантку, которой и “смерть не в тяготу”. Для нее одной он в затемненной юрте стал показывать картину, а остальное население юрт стояло вокруг юрты и ждало смерти зрителя-старухи; но старуха вышла с сеанса довольной и веселой. Любопытство победило, и все повалили смотреть кинофильм. На сеанс пришел и шаман, который стал говорить хантам, что это хорошо сделано, но не руками человека, что кино есть создание “куля” (черта)» [Гудков, Сенкевич, 1940, с. 91].

ГУСМП и мобильная кинопропаганда на Ямале во второй половине 1930-х гг.

Зимой 1936 г. Обдорский политотдел ГУСМП отправил две кинопередвижки еще дальше на север, в Ямальскую тундру. В течение двух с половиной месяцев они «ездили на нартах и показывали кино и в чумах и даже отдельным охотникам». Первая кинопередвижка проехала маршрутом «Щучье, Лобхаль, Ялело и обратно Щучье и Обдорск», вторая — «прошла Пряди, Портяга, Ярдо, Новый Порт, Катадо и обратно Обдорск». Работа обеих групп кинопередвижки охватила «примерно 800 человек националов». Эффект от демонстрации кино в Ямальской тундре, как видно из отчетов Обдорского политотдела ГУСМП, был ошеломительным, причем не только для тундровиков, но и для самих культтретрегеров: «Это было величайшим событием. Аппарат стоял на улице, а полотно в чуме и люди сидели на первых местах, но такой был эффект, что они вставали, подбегали к полотну и когда убедились, что это натянутое полотно, то приходили

в такой восторг и чувствовали себя как человек опущенный в кислород и прыгали до чума, и можно ожидать значительно большего» [ГАСПИТО. Ф. П. 145, оп. 1, д. 44, л. 245–246].

Наиболее удобными для проникновения на дальний Обский Север были водные пути. Желая закрепить и развить успех мобильной кинопропаганды, Обдорский политотдел ГУСМП организовал летом 1936 г. работу плавучей культбазы [Там же, л. 72]. При ее оснащении особое внимание уделялось средствам наглядной пропаганды. Руководители культбаз в это время постоянно сообщали в Обдорский политотдел об исключительной важности визуальных материалов для их деятельности: «Большую роль играют световые газеты на киноэкране... никакая другая газета среди неграмотного населения не пойдет и не произведет такого впечатления как фотокино-газета» [Там же, л. 136]. Самой большой удачей считалось посещение кинопередвижки или получение собственного киноаппарата. В этом отношении плавучая культбаза не оправдала возложенных на нее ожиданий, так как на ней «кино демонстрировали один раз ввиду отсутствия кинокартин». Положение спасла кинопередвижка, установленная на «районной красной лодке», благодаря которой «кино демонстрировалось во всех пунктах [Нижней Оби]» [Там же, л. 73].

Для более эффективной работы мобильной кинопропаганды в том же году Обдорский политотдел ГУСМП построил специальный агиткатер морского типа «Буревестник». Радиус действия катера должен был охватить «400–600 км в окружности соответствующих культбаз и оленесовхозов». Предполагалось, что, обладая небольшими размерами, он сможет добираться до самых удаленных территорий, заходя «в мелководные глубинные реки Остяко-Вогульского округа и Ямальского полуострова» [Там же, д. 43, л. 125]. Вопреки ожиданиям агиткатер не смог «пройти дальше Н. Порты, благодаря его неустойчивости при сильной штормовой погоде» [Там же, д. 42, л. 6].

«Буревестник» был оборудован необходимым «культинвентарем», в который входили: радиоприемник и передатчик, звуковая и немая кинопередвижки с 9 кинокартинами (звуковыми и немыми), типографский станок-бостонка со шрифтами на русском и ненецком языках, волшебный фонарь с диапозитивами, алаксон, заводные технические игрушки (автомобили, трамвай), два патефона с пластинками до 100 штук, набор музыкальных инструментов, портреты вождей и библиотека социально-экономической и художественной литературы до 400 томов [Там же, д. 42, л. 3; д. 43, л. 25]. Команда катера, в которую отбирались «особо проверенные члены партии и ВЛКСМ, могущие к тому же не только квалифицированно нести службу по судну, но и вести культурно-массовую работу, играть на музыкальных инструментах, уметь работать на кинопередвижке и т.д.», состояла из 5 человек: «1 руководитель катера — ответственный представитель политотдела, массовик-культурник, 1 переводчик, 1 редакционный работник, 1 типографский работник, 1 радист» [Там же, д. 24, л. 36].

В свой первый агитпоход «Буревестник» отправился 15 июня 1936 г. Его маршрут включал следующие населенные пункты:

«Тобольск — Белогорье (строительство лесокombината)

Белогорье — Мужы (оленесовхоз)

Мужы — Обдорск (промконтора, фактория, коммунисты-одиночки)

Обдорск — Щучье (фактория)

Щучье — Ярсале (культбаза)

Ярсале — Н.Порт (фактория, зимовка)

Новый Порт — Тазовская губа с охватом факторий до Хальмериседе [современный п. Тазовский]».

На обратном пути «Буревестник» посетил Ныдинский и Кутопьюганский оленесовхозы и Казымскую культбазу [Там же, д. 43, л. 26]. Кинопередвижка «Буревестника» запускалась во всех населенных пунктах. Кроме того, в Новом Порту фильмы демонстрировались для зимовщиков полярной станции, работников факторий и рабочих рыбзавода [Там же, д. 42, л. 6]. Особое внимание уделялось пропаганде среди ямальского коренного кочевого населения. Только в одном Кутопьюганском совхозе было проведено «6 киносеансов, обслужено пастухов и членов их семей до 65 человек» [Там же, д. 42, л. 4].

Технологии мобильной кинопропаганды

Важно заметить, что технология кинопропаганды не сводилась к одной лишь демонстрации фильмов. Первоначально Совкино пыталось выпускать такие пропагандистские короткометражные фильмы, которые могли бы «целиком и полностью и исчерпывающе взять тему так, чтобы она могла заменить лектора и давала бы зрителю полное представление по тому или другому вопросу» [Стенограмма..., 1930, с. 10–11]. Но опыт показал, что само по себе агитационное кино не пользуется популярностью, на его сеансах зрители засыпали [Там же, с. 11]. Ко-

ренное население севера Главполитпросвет воспринимал как своего рода «отсталое крестьянство», неспособное самостоятельно усваивать содержание агит- и научно-популярных фильмов, и потому требовал от пропагандистов обеспечивать показ фильмов «туземцам» соответствующим «культуркружением», которое могло носить различный характер: «доклады, беседы, суд, диспуты, выставки и литературные и экспонатные, лито- и музо-монтаж» [Там же, с. 19]. Все кинопоказы, проводившиеся на Обском Севере «непосредственно в чуме», должны были сопровождаться политическими беседами, при необходимости через переводчиков из числа местных активистов. В свою очередь и все свои политпросветительские доклады агитаторы старались подкреплять демонстрацией световой фото- и киногазеты (диапозитивов). К диапозитивам прилагались «методички» — небольшие брошюры с текстом к каждому кадру, — которые зачитывались агитатором. Темы докладов агитаторов с «Буревестника» и плавучей культбазы в 1936 г. охватывали широкий круг вопросов актуальной повестки: «процесс троцкистско-зиновьевской контрбанды», «Сталинская конституция», «стахановское движение», «о челюскинцах», «о международном положении и Абиссинии», «об охране матери и ребенка» [ГАСПИТО. Ф. П. 145, оп. 1, д. 42, л. 6; д. 44, л. 73].

Репертуар фильмов для кинопередвижек формировался централизованно. Главная ставка делалась на короткометражные политпросветительские «культурфильмы» «как исключительно сильное средство продвижения в широчайшие массы культуры, научных и политических знаний» [Стенограмм ..., 1930, с. 69]. В 1930 г. совещание работников производства и проката «полит-просвет-культур-фильм» при Совкино с участием представителей ВЦСПС и Главполитпросвета постановило обеспечить массовый выпуск и проникновение таких фильмов посредством кинопередвижки «в низовые ячейки обслуживания — в клуб, в рабочий поселок, в колхоз, в избу-читальню» [Там же, с. 71]. Однако с мест неоднократно сообщалось, что присылаемые из центра «диапозитивы мало отвечают своему назначению, так как в них отражен русский быт города и деревни, которого остяки не знают», напротив, «с величайшим удовольствием остяки смотрят кинокартины, и особенно из жизни севера, где показывается охота, рыбная ловля, жизнь птиц и зверей, но к сожалению кино-картины бывают редко, и то в юртах, ближайших к городу Сургуту» [Скоморохов, 1931, с. 157–158]. В связи с этим Комитет Севера просил Совкино наладить производство «специально-северных фильм» [Восьмой расширенный пленум..., 1931, с. 147]. В 1933 г. по заказу и при непосредственном руководстве Комитета Севера трест «Техфильм» выпустил и разослал во все северные национальные округа пять короткометражных фильмов для политико-просветительской работы: «Наша Земля» (вращение земного шара, холодные и жаркие страны и жизнь в них); «Хлеб» (посев и уборка зерна, работа в колхозе, процесс изготовления муки и хлеба); «Как живут и работают рабочие в СССР» (до революции и после, работа завода, быт рабочего и отдых); «На чем люди ездят» (виды транспорта и доставка грузов на Север); «Животноводство»; «Отчего люди болеют и как надо лечиться» (с учетом северных условий) [Всеобщ., 1933, с. 95].

Культурфильмы были обязательной частью репертуара кинопередвижек, но с гораздо большим интересом коренные жители Обского севера смотрели художественные фильмы «Дочь партизана» (1934) и «Золотое озеро» (1935) [ГАСПИТО. Ф. П. 145, оп. 1, д. 42, л. 4]. Большой популярностью пользовались художественные фильмы «Снайпер» (1931) и «Голубой песец» (1930) [Там же, д. 44, л. 73]. Абсолютным хитом был фильм «Чапаев» (1934). В отчете о работе агиткатера «Буревестник» сообщалось: «Характерно отметить то огромное впечатление, которое произвела демонстрация кинолент на националов-пастухов и членов их семей, которые впервые увидели кино, особенно характерен кадр из фильма, когда на экране показывается Чапаев на тачанке, некоторые из зрителей пугаясь убежали из чума, но впоследствии привыкли и во время демонстрации руками ощупывали полотно экрана» [Там же, д. 42, л. 5].

Постепенно кино входило в повседневную жизнь коренных народов Обского Севера. Столичный корреспондент замечал в 1936 г.: «Ненецкое население [Ямала] проявляет большой интерес к кино... Стоило ненцу хотя бы один раз посмотреть тот или иной фильм, он уже будет искать случая посетить снова кино и в беседе затронет вопрос о кинокартине и спросит, почему мало и редко их показывают». Он же доказывал культурно-просветительскую силу экрана яркими примерами: «В одном из стойбищ Зырянской Оби охотник Прокофий, видевший всего два раза кино, сильно изменился, стал чисто и красиво одеваться, регулярно умываться, мыть голову и потребовал, чтобы в чуме было также чисто. В беседе он спросил, где найти такого начальника, который бы дал им кино, причем заявил, что они бы отдали половину заработанных денег на устройство кино в их стойбище» [Табелев, 1936, с. 18].

Пропаганда советского строительства среди коренных народов Севера посредством кино осуществлялась не только через демонстрацию фильмов, снятых на «большой земле» про ее

жизнь и достижения, но и через фото- и киносъёмку прямо на месте с последующим их показом. Так работала, например, камчатская киноэкспедиция Совкино 1929–1930 г., под руководством режиссера А.А. Литвинова, во многом сформировавшая канон советского этнографического кино [Головнев, 2012]. Эти приемы использовали и сотрудники Обдорского политотдела ГУСМП. В их отчете о работе плавучей культбазы за 1936 г. отмечается: «Особое впечатление производила на националов выпускаемая нами световая фото газета... появление на экране снимков туземцев и их производственных процессов встречались громом возгласов: “Емос, сако емос!” (Хорошо, очень хорошо)» [ГАСПИТО. Ф. П. 145, оп. 1, д. 44, л. 73]. Примечательно, что задача «пролетаризации» коренных народов Севера решалась в том числе путем привлечения их к кинопроизводству и кинопрокату. Так, в Институте народов севера ВЦИК (с 1936 г. — ГУСМП) действовал кинокружок [Голубев, 1931, с. 109], а все студенты уже по окончании второго курса были подготовлены к практической работе в качестве руководителей кинопередвижки [Г.Р., 1931, с. 130].

Работа кинопередвижки на Обском Севере была сопряжена с постоянным преодолением целого ряда проблем. Помимо очевидных сложностей, связанных с рассредоточенностью населения и труднодоступностью мест его проживания, усугубившихся после того как в 1937 г. агиткатер «Буревестник» вышел из строя из-за аварии [ГАСПИТО. Ф. П. 145, оп. 1, д. 13, л. 76], кинопередвижка Обдорского политотдела ГУСМП сталкивалась с нехваткой фильмов, частыми поломками киноаппаратов и дефицитом квалифицированных киномехаников. Их подготовка велась преимущественно через систему ученичества и краткосрочных курсов. Только в 1935–1936 гг. в Западной Сибири подобные курсы окончили 325 чел. [Зяблицева, 2011, с. 14]. Как правило на киномехаников одновременно возлагались функции пропагандистов, которыми они зачастую пренебрегали, ограничиваясь демонстрацией фильмов. Тем не менее кинопередвижка внесла существенный вклад в модернизацию повседневной жизни и мировоззрения коренных народов Обского Севера.

Заключение

Кинопередвижка на Обском Севере возникла в начале 1930-х гг. под эгидой Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, однако высшего подъема и эффективности она достигла в период 1935–1938 гг., когда весь советский Север находился под управлением ГУСМП. «Кинопередвижка — это революция в тундре», — было заявлено на совещании Обдорского политотдела ГУСМП летом 1936 г. [ГАСПИТО. Ф. П. 145, оп. 1, д. 44, л. 28]. Действительно, “экран на чуме” — со всей своей технологической убедительностью и наглядной выразительностью — оказался наиболее эффективным средством идеологической индоктринации коренного населения Обского Севера в 1930-е гг. Суть советского научно-просветительского и художественного кинематографа того времени как одной из форм культурной технологии управления заключалась в виртуозно освоенной им способности не просто *фиксировать*, но визуально *производить* факты, которые могли бы иметь место [Ушакин, 2020, с. 236]. Благодаря этому свойству киноязыка кинопередвижка Обдорского политотдела ГУСМП помогла убедить зрителей и — что не менее важно — самих ее организаторов и сотрудников в провозглашенном Конституцией СССР 1936 г. повсеместном утверждении социализма, и в частности в успешном завершении социальной реконструкции «туземного» народного хозяйства советского Крайнего Севера. В 1938 г. после того как ГУСМП было освобождено от задач хозяйственного и культурного обслуживания коренного населения на территории Красноярского края и Омской области (в состав которой с 1934 г. входили Ямальско-Гыдаямский и Остяко-Вогульский национальные округа) [По-большевистски выполним решение..., 1938, с. 4], вопросы кинофикации Обского Севера перешли в ведение Западно-Сибирского отделения Союзкино и областных властей [Зяблицева, 2011]. В это же время кино становится частью советской повседневности [Русина, 2019, с. 17].

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках проекта «Переосмысливая историю модернизации в имперской России и СССР: парадигмы освоения и развития как практика и языки социального и политического воображения» программы «Зеркальные лаборатории» Центра исторических исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и Лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Л.В. Крайний Север в 1917–1941 гг.: По пути советизации: (На материалах Ямало-Ненецкого автономного округа). Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. 152 с.
- Аманжолова Д.А. «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека»: Кино для народов СССР (1920–1930-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 5. С. 92–102.
- Ватолин В.А. Голливуд за Каменкой: Очерки зарождения и становления производства фильмов в Сибири // Киноведческие записки. 2005. № 74. С. 282–321.

- Головнев И.А. Первое этнокино: Александр Литвинов // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2012. № 1. С. 156–167.
- Гудков И.С., Сенкевич В.В. Социализм у хантов // СЭ. 1940. Вып. IV. С. 78–99.
- Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 160 с.
- Зяблицева С.В. Киносеть Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник КемГУ. 2011. № 2. С. 13–17.
- История Ямала: В 2 т. Т. 1. Кн. 2: Ямал традиционный / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Баско, 2010. 323 с.
- Марков Н.И. Кино на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1972. 62 с.
- Меляков Н.И. Ленинская национальная политика и просвещение народностей Севера // Летопись Севера. 1977. Т. VIII. С. 37–49.
- Перевалова Е.В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // УИВ. 2009. № 2. С. 125–133.
- Перевалова Е.В. Этничность в кино: Ненцы, ханты и манси на экране // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 184–192.
- Русина Ю.А. История советского кино. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 104 с.
- Стась И.Н. Советская колонизация Арктики: Государственная этнография и «туземный пролетариат» в экономических стратегиях развития Крайнего Севера (середина 1920-х — конец 1930-х гг.) // Ab Imperio. 2021. № 1. С. 93–136.
- Ушакин С.А. Медиум для масс — сознание через глаз: Фотомонтаж и оптический поворот в раннесоветской России. М.: Гараж, 2020. 328 с.
- Dirks N. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 2001. 372 p.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 367 p.
- Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; L.: Cornell university press, 2001. 496 p.
- McCannon J. Red Arctic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. N. Y.; Oxford: Oxford university press, 1998. 234 p.
- Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 448 p.

ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп. 1. Д. 374.
- Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П. 30. Оп. 1. Д. 862; Ф. П. 145. Оп. 1. Д. 13, 24, 42, 43, 44.
- Бабушкин А.И. Хозяйственное и культурное строительство Коми области за 10 лет // Сов. Север. 1931. № 10. С. 73–84.
- Восьмой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (21–31 апр. 1930 г.) // Сов. Север. 1931. № 6. С. 128–163.
- Всеобуч на Крайнем Севере // Сов. Север. 1933. № 5. С. 94–96.
- Г.Р. В Институте народов севера // Сов. Север. 1931. № 5. С. 130–134.
- Голубев С. Первый отряд северных национальных работников // Сов. Север. 1931. № 6. С. 106–115.
- Директивы Госплана РСФСР по составлению перспективного пятилетнего плана по социалистической реконструкции и развитию народного хозяйства Крайнего Севера РСФСР // Сов. Север. 1930. № 1. С. 183–198.
- Ленинская национальная политика на Севере // Сов. Север. 1934. № 1. С. 3–8.
- На Уральском Севере // Сов. Север. 1932. № 5. С. 112–118.
- О передвижном политико-просветительном учреждении «Красный чум» (юрта, яранга), действующем в районе Крайнего Севера: Типовое положение: Утверждено зам. Наркома т. Колотилковым 24/III–33 г. // Сов. Север. 1933. № 2. С. 86–88.
- Первухин И. Передвижной красный чум на Туруханском севере // Сов. Север. 1930. № 5. С. 132–133.
- Первухин И. Об организации Эвенкийского национального округа (Восточно-Сибирский край) // Сов. Север. 1931. № 10. С. 18–27.
- По-большевистски выполним решение Совнаркома СССР об улучшении работы Главсевморпути // Сов. Арктика. 1938. № 9. С. 3–4.
- Работа Центросоюза на Севере // Сов. Север. 1930. № 2. С. 149.
- Скоморохов П. Организация Уготской туземной больницы // Сов. Север. 1931. № 10. С. 154–160.
- Смидович П. Советизация Севера // Сов. Север. 1930. № 1. С. 5–14.
- Советский Север к пятнадцатой годовщине // Сов. Север. 1932. № 4. С. 5–12.
- Стенограмма совещания работников производства и проката политпросвет-культурфильм при Совкино: (3–5 февр. 1930 г.). М.: Стеклография Коллектива № 9, 1930. 77 с.
- Табелев В.Ф. На Ямальском севере // Сов. Арктика. 1936. № 7. С. 11–23
- Терлецкий П. Национальное районирование Крайнего Севера // Сов. Север. 1930. № 7–8. С. 5–28.

Agapov M.G.

Tyumen State University, Lenina st., 23, Tyumen, 625000, Russian Federation

E-mail: magapov74@gmail.com

“Screen on the Chum”: Social Reconstruction and Mobile Film Propaganda in the North of the Ob region in the 1930s

Drawing on the example of agitation and propaganda campaigns carried out in the north of the Ob region in the 1930s among the indigenous population, a specific tool of the Soviet ideological indoctrination of the Great Break period — a mobile cinema (installations designed to screen silent and sound films to a small audience in open areas and in premises not equipped with stationary film projectors) — has been comprehensively studied. The mobile cinema is considered as one of the varieties of cultural management technologies that are equally characteristic of all states and empires of the modern era, including the USSR, where, due to the existence of state ideology and low literacy of the population, it was even more important than other cultural technologies. The management supported and strengthened the centralized power, serving as a complement to force and coercion. Based on the materials of the State Archive of the Socio-Political History of the Tyumen Region, it has been established that the first mobile cinema in the north of the Ob region was created under the auspices of the Committee of the North under the All-Russian Central Executive Committee of the USSR, but it reached its fullest flourishing in the area during the period when the region came under the jurisdiction of the Chief Directorate of the Northern Sea Route (1935–1938). The repertoire of a mobile cinema was compiled centrally, and it included popular science and feature films, united by a common goal, which was the ideological indoctrination of the audience. For representatives of the indigenous peoples of the North, movie screening itself was the most important experience of joining a new life, akin to the rite of initiation. Indigenous peoples were most interested in movies that narrated about their own daily life: hunting, fishing, travelling. Mobile cinemas were moved around the north by sled and specially equipped boats. The work of a mobile cinema in the north of the Ob region was associated with constant overcoming of a number of problems: the shortage of films, frequent breakdowns of movie cameras, and the lack of qualified projectionists. Nevertheless, mobile cinemas made significant contribution to the modernization of everyday life and worldview of the indigenous peoples of the Ob North.

Keywords: Tobolsk North, Committee of the North, The Chief Directorate of the Northern Sea Route, a mobile cinema.

Funding. The study was carried out within the framework of the project “Rethinking the history of modernization in imperial Russia and the USSR: paradigms of development and development as practices and languages of social and political imagination” of the “Mirror Laboratories” program of the Center for Historical Research of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg and the Laboratory of Historical Geography and Regionalistics of Tyumen State University.

REFERENCES

- Alekseeva, L.V. (2005). *The Far North in 1917–1941: Along the path of Sovietization: (Based on the materials of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)*. Ekaterinburg: IIA UrO RAN. (Рус.).
- Amanzholova, D.A. (2022). “All the Questions are Linked with Our Ideal of a Soviet Man”: Cinema for the People of the USSR (1920–1930s). *Istoricheskii Kurier*, (5), 92–102. (Рус.).
- Dirks, N. (2001). *Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India*. Princeton: Princeton University Press.
- Ernyhova, O.D. (2003). *Kazymisky revolt: About the history of the Kazymisky uprising of 1933–1934*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (Рус.).
- Golovnev, I.A. (2012). The first ethnokino: Alexander Litvinov. *Vestnik UrO RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*, (1), 156–167. (Рус.).
- Gudkov, I.S., Senkevich, V.V. (1940). Socialism among the Hunts. *Sovetskaya etnografiya*, (IV), 78–99. (Рус.).
- Hirsch, F. (2005). *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Markov, N.I. (1972). *Cinema in the North*. Arhangelsk: Sev.-Zap. kn. izd-vo. (Рус.).
- Martin, T. (2001). *The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell university press.
- McCannon, J. (1998). *Red Arctic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. New York; Oxford: Oxford university press.
- Melyakov, N.I. (1977). Lenin's national Policy and education of the peoples of the North. *Letopis Severa*, (VIII), 37–49. (Рус.).
- Perevalova, E.V. (2009). «Red Colonization» of the Ob North: Revolutionary transformations and ethnicity (1917–1930s). *Uralskij istoricheskij vestnik*, (2), 125–133. (Рус.).

Агапов М.Г.

- Perevalova, E.V. (2018). Ethnicity in cinema: Nenets, Khanty and Mansi on the screen. *Kunstkamera*, (2), 184–192. (Rus.).
- Poberezhnikov, I.V. (Ed.) (2010). *The history of Yamal: In 2 vol. Vol. 1: Yamal traditional, book 2: Russian colonization*. Ekaterinburg: Basko. (Rus.).
- Rusina, Yu.A. (2019). *History of Soviet cinema*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (Rus.).
- Slezkine, Yu. (1994). *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
- Stas, I.N. (2021). Soviet Colonization of the Arctic: State Ethnography and the “native Proletariat” in the Economic Development Strategies of the Far North (mid-1920s — late 1930s). *Ab Imperio*, (1), 93–136. (Rus.).
- Ushakin, S.A. (2020). *Medium for the masses — Consciousness through the Eye: Photomontage and Optical Turn in Early Soviet Russia*. Moscow: Garazh. (Rus.).
- Vatolin, V.A. (2005). Hollywood beyond Kamenka. Essays on the origin and development of film production in Siberia. *Kinovedcheskie zapiski*, (74), 282–321. (Rus.).
- Zyabliceva, S.V. (2011). Cinema network of Western Siberia on the eve and during the Great Patriotic War. *Vestnik KemGU*, (2), 13–17. (Rus.).

Агапов М.Г., <https://orcid.org/0000-0002-3433-1516>

Сведения об авторе:

Агапов Михаил Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ТюмГУ, г. Тюмень

About the author:

Agapov Mikhail G., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen State University, Tyumen

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

Шагапова Г.Р.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, 450008
E-mail: shagapovanfbgu@mail.ru

ЖУЖЖАЛКА: БОЛЬШЕ ЧЕМ ИГРУШКА

Рассмотрена игрушка «жужжалка». Выявлена география игры в Евразии и Америке, семантика ритуала, от которого происходит игра. Для анализа используется понятие «игровой мотив» как универсальная единица. Автор пришел к выводам, что жужжалка всесезонна, не имеет принципиальных локальных отличий, нередко ассоциируется с юношеской игрой. Игрушка и игра имеют связь с ритуалом, в котором звук играл важную роль. Ритуал в последующем распространяется по территории Евразии и Северной Америки.

Ключевые слова: жужжалка, звуковая игрушка, аэрофон, ритуал, игровой мотив, игровая культура, Евразия, Северная Америка.

Введение

Древнейшие элементы материальной культуры, дошедшие до наших дней, могут рассказать о дописьменной истории человечества. Археология, антропология, языкознание и фольклор позволяют нам понять в общих чертах занятия и образ жизни древнейших людей. Но человек рассказывал мифы, легенды, проводил обряды и ритуалы, что дошли до нас в играх. Изучение игрушек и игровой культуры позволяет не только получить представление о жизнедеятельности этноса, но и реконструировать духовную культуру дописьменной истории человечества. Современные игры и игрушки свидетельствуют о прошлом человечества. Как писала В.Н. Харузина еще в начале XX в.: «Быт, верования, воззрения народа в пленительной миниатюрной форме, но ярко и наглядно проходят в играх детей» [1912, с. 91].

Автор ставит цель выявить географию распространения игры жужжалка в Старом и Новом Свете, а также реконструировать семантическое значение ритуала, лежащего в основе детской игры. Имеющийся материал был картографирован, проанализирована связь игры и ритуала, обобщены результаты.

В основе статьи лежат опубликованные материалы по играм народов мира. Автор использует собственные полевые материалы, собранные в Республике Башкортостан среди всех этнографических групп башкирского этноса, русских, чувашей и татар, а также у восточных марийцев и закамских удмуртов. Сбор материалов по игровой культуре народов Республики Башкортостан осуществляется на протяжении длительного времени — с начала 90-х гг. XX в.

Несмотря на то что жужжалка и игра с нею встречаются в культуре народов мира, следует особо подчеркнуть: в литературе в лучшем случае присутствует подробное описание игрушки, а чаще просто упоминается о ее наличии. Таким образом, игрушка жужжалка не становилась предметом исследования, историографический анализ литературы по рассматриваемой теме отсутствует.

В статье мы оперируем понятием «игровой мотив» по аналогии с указателем сказочных сюжетов Аарне-Томпсона [Uther, 2004]. Игровой мотив не имеет привязки к социуму, занятию и образу жизни этноса, выступая универсальной аналитической единицей. Мотивом игры жужжалка является наличие игрушки, которая при определенных манипуляциях издает характерный звук. В нашем случае игрушка всегда однотипна: на плоской дощечке (косточке, роговой пластинке, кусочке кожи) размером приблизительно 2–4 см в ширину и 5–10 см в длину в середине на расстоянии не более 1 см друг от друга делают две дырочки через которые протягивают веревку, связывая ее петлей. Пальцами закручивают веревочку, а когда ее отпускают, пластинка вращается в руках игрока и издает характерный жужжащий звук.

Использование историко-географического подхода позволяет выявить и объяснить аналогии в игровой культуре этносов, которые не имели между собой контактов: игровые мотивы сравниваются и картографируются, определяется территория их распространения. Вероятно, одинаковый сюжет, правила и инвентарь игры свидетельствует о ее происхождении из одного источника, что позволяет объяснить причины общности элементов игровой культуры у народов,

проживающих в разных частях света. Методика подобного рода исследований показана в работах Ю.Е. Березкина [2017, 2019].

В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, абстрагирования и аналогии. Из специальных методов исследования отметим исторический, сравнительно-сопоставительный и картографический. Хронологические рамки описания игрушки охватывают XIX–XXI вв., что определяется по наличию сведений в публикациях о ней и в современных полевых материалах.

Результаты

Для описания игрушки жужжалки и способов игры с нею используются опубликованные материалы и полевые данные автора. Они показывают всесезонность игры, отсутствие фольклора (за редким исключением) и принципиально локальных особенностей изготовления игрушки. Но присутствуют два важных момента: игрушка нередко юношеская и всегда шумовая.

Название игрушки и игры имеет значение «жужжание»: например, в английском языке это *buzz*, в башкирских и татарских языках — *бызылдак*, в русском языке жужжалка — также *фурчалка*, *фуркалка* и др., что не требует объяснения (см., напр.: [Даль, 2011]). Порой жужжалку рассматривают как элементарный музыкальный инструмент аэрофон, издающий низкочастотные звуки.

Картографирование изложенного материала позволило получить пространственное представление о распространении аэрофона *жужжалки* в Северной Америке и Евразии. У южноамериканских индейцев жужжалки на данный момент нам неизвестны. На территории африканского континента зафиксирована лишь игрушка из Мали, сделанная из дерева, но, возможно, и из коры тыквы. Рассмотрим географию распространения жужжалки с Запада на Восток, выдерживая общий вектор направления (рис. 1).

Рис. 1. Карта распространения игры «жужжалка».

Fig. 1. The distribution map of the buzzer game.

В Европе английский исследователь середины XX в. А. Арнольд, опираясь на литературу предыдущих десятилетий, дает недвусмысленное описание игрушки: «Закручивая нитку несколько раз, игрок может заставить кнопку быстро вращаться вперед и назад, поочередно держа и расслабляя напряжение. Если кнопка достаточно большая, она будет издавать жужжащий звук» [Arnold, 1972, p. 75–76]. Е.А. Покровский замечает: «Игрушка эта, между прочим, встречается в Германии и Англии» [1895, с. 82–83].

На территории Восточной Европы количество сведений увеличивается. Е.А. Покровский дает описание игрушки, бытовавшей в Малороссии (рис. 2). «Фурчалка, Туркало (Малороссія). Для устройства Фурчалки берется тоненькій кружочек, или продолговатая пластинка съ закругленными концами,— из дерева, свинца, жести, кости — длиною вершка въ три. Посрединѣ такой пластинки провертывают двѣ дырочки, въ которыя продѣваются двѣ ниточки, от 2 аршина до 1 аршина длины, соединяя ихъ на концахъ. Послѣ этого, закрутивши нитки, начинают быстро дергать ихъ обѣими руками, то натягивая, то ослабляя ихъ. Отъ этихъ движений происходит быстрое вращеніе пластинки и вмѣстѣ с тѣмъ образуется особый шум. Фурчанія, откуда и названіе самой игрушки. Костяная фурчалка большею частію дѣлается изъ голенной овечьей кости, называемой еще “дудкой” (Тульск. г.). Для этого в кости, также какъ и в деревянной пластинкѣ, по примѣру сказаннаго выше, просверливаются дырочки, въ которыя продѣваются нитки, и игра производится так же, какъ с деревянной пластинкой» [Покровский, 1895, с. 85]. В работе Н. Заглада имеются изображение и описание украинской дзыги из Черниговской области [Заглада, 2008, с. 320–321, 380].

Жужжалка: больше чем игрушка

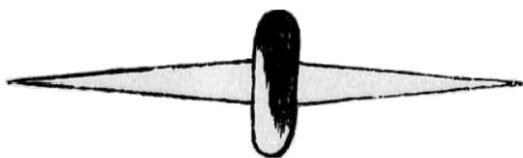

Рис. 2. Изображение жужжалки (фурчалки, туркало).
[Покровский, 1895, с. 84].

Fig. 2. Image of a buzzer (furchalki, turkalo).

Трещотка

Рис. 3. Трещотка или жужжалка
[Фролова, 2003, с. 139].

Fig. 3. Ratchet or buzzer.

У саамов на европейском севере России И.В. Соловьев отмечает «в числе свободных аэрофонов — вращаемый аэрофон» [2012, с. 15]. Раскопки 2007 г. в г. Пскове показали, что в позднем средневековье (XV в.) на северо-западе русских земель были распространены жужжалки из косточек: «Среди наших находок — пять свистулек, несколько жужжалок...» [Жужжалка из средневековья].

В Поволжье, на средней Волге, о марийской игрушке в начале XX в. упомянул Э. Беке: «Продырявливают кость, вдевают нитку, кость будет посередине, с двух сторон будет нитка, потом крутят, потом начинают тянуть; начинает крутиться, “поет”» [Беке, 2001, с. 230]. Во второй половине XX в. игрушка была известна детям горных марийцев (информация о марийской жужжалке получена от специалиста по марийским играм М.А. Ключевой).

В XIX в. об удмуртской жужжалке пишет Г.Е. Верещагин [1995, с. 185]. Почти через полтора столетия В.А. Пагин дополняет: «Жужжалка — вихревая вертушка — один из довольно архаичных инструментов... Так, жужжалки сопровождали ритуал “очищения” нового жилища у удмуртов» [2016, с. 124].

На Южном Урале, в Башкортостане, наши полевые материалы показывают широкую популярность жужжалки из пуговицы, пробки, пластика у башкирских, татарских, чувашских, марийских, удмуртских и русских мальчиков

У народов Западной Сибири — манси, хантов, ненцев, селькупов, энцев, нганасан — обнаруживается примечательное единство в исследуемом предмете. В.И. Прокопенко приводит описание жужжалки *пвеналтуп* у казымских хантов и *вот вохты тарансел* у обских хантов. В первом случае ее делают из пуговицы, во втором — из деревянной пластинки [Прокопенко, 2005]. Как игру девочек и мальчиков ее упоминает в своей работе В.П. Красильников [2002, с. 47–48]. О мансийском аэрофоне пишет В.И. Шесталов: «Деревянная жужжалка и деревянная чуринга-завывалка (у манси *вотвовнэ-тоул-парт* — “дощечка с вращением, вызывающая ветер”) в традиционной культуре обских угров могла использоваться как в шаманской практике с целью влияния на погодные условия, так и для определенных “шаманских” и “сценических” действий в любых разделах в представлении “Медвежьего игрища» [2011, с. 18]. Любопытные данные приводит Г.Е. Солдатова: «Дощечка для вызывания ветра сегодня также детская игрушка, а прежде имела магическую функцию» [2019, с. 50–51]. У ненцев в качестве детской игрушки распространен вращаемый аэрофон *вывко* ‘жужжалка’ [Народы Западной Сибири..., 2005, с. 483]. У селькупов *кымпапо* или *пырая* — это симметричная дощечка, вращающаяся на сухожильных нитках, или веревочка с деревянным винтом. «Звуковые игрушки-“Кымпапо”, вращаемый свободный аэрофон (первоначальное применение в сакральном, ныне утраченном обряде)» [Губайдуллин, 2017, с. 18].

У энцев были «свободные вращающиеся аэрофоны *киука* — вихревая жужжалка в форме круглой пуговицы» [Народы Западной Сибири..., 2005, с. 542]. Нганасанам также известны «развивающие игрушки, например жужжалка из деревянных пластин» [Там же, с. 602]. О нганасанской игре имеется упоминание у А.А. Попова: «Жужжалки — деревянные пластинки, надетые своими двумя отверстиями на сухожильную веревку» [1948, гл. 1]. У кетов также зафиксированы жужжалки — деревянные пластинки, надетые своими двумя отверстиями на сухожильную веревку [Народы Западной Сибири..., 2005, с. 729].

Восточная Сибирь и Дальний Восток. У якутов «среди архаичных аэрофонов... известны жужжалки *изрээй, күүгунүүр, суугунуур*. Жужжалка представляет собой деревянный диск из щепки или коры дерева, через два отверстия которого продевается веревка... Она применяется в качестве аккомпанирующего инструмента при исполнении благопожеланий алгыс, то есть играет магическую роль звукового сопровождения сакральных заклинаний. Также жужжалки разных типов используются как детские игрушки» [Дьяконова, 2016, с. 106]. В Оленекском исто-

рико-этнографическом музее народов Севера (Якутия) экспонируется аэрофон-жужжалка эвенов [Кардашевская, 2019, с. 26].

Интересную информацию представила Д.В. Кожевникова, сообщающая о подобных аэрофонах у скотоводов Саяно-Алтая, но без упоминания народностей. «Скотоводы Саяно-Алтая используют такие аэрофоны для наилучшего управления большим поголовьем скота». Далее автор сообщает о тувинской жужжалке из бараньих костяшек и проводит параллель между жужжалкой и чурингами австралийских аборигенов со ссылкой на «Всеобщую историю музыки» В. Грубера [Кожевникова, 2013, с. 151–152]. Как известно, видеть чуринги и прикасаться к ним имели право только инициированные мужчины племени.

В северо-восточной Азии, сообщает А.Н. Фролова со ссылками на известных исследователей, у эвенов бытует жужжалка *курукэн* 'ветродуй'; описывается ею ительменская трещотка-дощечка на ниточке *танкел*. У чукчей это «вертящаяся жужжала», которая делалась из мамонтовой кости, дерева, толстой шкуры и даже куска сушеной рыбы (рис. 3) [Фролова, 2003, с. 92–93]. Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская, Т.И. Игнатьева отмечают, что жужжалка *тэлитэл* — это двухлопастная вертушка, ранее имевшая в традиционной культуре чукчей обрядовое значение, тогда как сейчас используется в качестве детской игрушки [Шейкин и др., 2019, с. 14–15].

И.Ю. Понкратова и А.А. Коновалова в работе «Музыкальные инструменты народов Камчатки» пишут, что местные жители воспринимали жужжалку как музыкальный инструмент: «Для вызывания ветра служил пропеллер жужжалка. При его вращении рассекался воздух и образовывался резкий, пронзительный звук, который символизировал ветер. Использовали жужжалки и эвены. Ительмены считали, что шаманы при камлании с помощью музыкальных средств могли влиять на погоду, например, разогнать тучи или, наоборот, вызвать гром и молнию. С.П. Крашенинников указывал на обрядовое значение этого инструмента у ительменов, в частности на осеннем празднике очищения от грехов: "...веревку мужики тянули, а вертушка вертелась, и до тех пор тянули, пока порвалась веревка, которую в куски мужики резали и по себе делили, а вертушку прячут в балаган"» [2015, с. 22].

У нивхов вихревой аэрофон имеет две разновидности: «Первая представляет собой двухлопастной вентилятор-пропеллер в виде вытянутой пластинки с острыми концами. В нем имеются два отверстия, в которые продеты веревки-шнурки длиной приблизительно 800 мм (раньше использовались нити из сухожилий животных). Впервые его изображение встречается в дневниковых записях Е.А. Крейнвича... Такую же форму имеют и аналогичные инструменты других дальневосточных народов — удэгейцев, коряков, ительменов и пр. Подобный инструмент встречался и у южных соседей нивхов — айнов, однако в нем использовалась не одна, а две вращающиеся плоскости... Вторая разновидность вихревого аэрофона имеет круглую форму и напоминает большую деревянную пуговицу, что отражено в соответствующем названии. Его диаметр равен примерно 65 мм, толщина — 4 мм. На нем имеются два отверстия для веревок и два других — поменьше. При вращении сквозь них проходит струя воздуха, создавая своеобразное звучание. Нивхская вихревая жужжалка сохраняет архаичную технологию изготовления и сонорику» [Мамчева, 2012b, с. 81]. При игре он быстро вращается вокруг своей оси, создавая жужжащий звук без определенной высоты. Со временем функция вихревого аэрофона изменилась — от магического ритуального инструмента, способного вызвать ветер, до детской игрушки [Мамчева, 2012a, с. 11].

В Кунсткамере под инвентарным номером МАЭ № 700-65/1 хранится игрушка-жужжалка айнов (XIX в.) о. Сахалин, селения Мауко, из коллекции Б.О. Пилсудского. Она сделана из дощечки, в которой просверлены дырочки, и через них протянуты веревочки (рис. 4) [Игрушка-жужжалка. Айны].

Кавказ. По опубликованным материалам народов Кавказа можно сделать вывод, что жужжалка известна не везде. К примеру, в статье М.К. Мусаевой по народам Нагорного Дагестана она не упоминается [2006]. В личной переписке М. Мусаева подчеркивает, что подобного рода игрушка ей не встречалась. Об археологических находках такой игрушки в поселениях пятитысячелетней давности на территории Ирана (а также Китая) сообщает научный журналист Б. Козловский [2017, с. 42].

Средняя Азия. У казахов и киргизов описаний игрушки в доступном нам виде нет, но в словарях имеется перевод с русского. В казахском языке жужжалка — *дырылдауык* [Русско-казахский словарь]; в киргизском — *дырылдак* [Киргизско-русский словарь, 1985, с. 206]. У таджиков и узбеков Средней Азии о ней сообщает Е.М. Пещерова в статье по полевым материалам 1924–1935 гг., в которых есть множество жужжалок *мофиррак* из долины Заравшана, из Матчи, и хранятся они в коллекциях МАЭ (рис. 5). «Наиболее часто встречающийся вид жуж-

Жужжалка: больше чем игрушка

жалки представляет собой небольшую палочку с тупыми или остро заточенными концами и кольцевой зарубкой посередине. Сложенная вдвое веревочка, концы которой предварительно связаны между собой, завязана вокруг палочки на месте зарубки, не позволяющей ей сползать, и образует собой две петли равной длины» [Пещерова, 1957, с. 25–26].

Рис. 4. Жужжалка. Айны, XIX в. МАЭ (Кунсткамера), инв. № 700-65/1.

Fig. 4. The Buzzer. Ainu, XIX c. MAE (Kunstkamera), inv. No. 700-65/1.

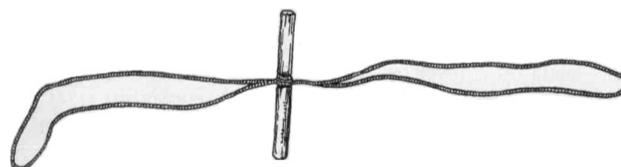

Рис. 5. Жужжалка, с. Пальдорак, Верхний Заравшан [Пещерова, 1957, с. 27].
Fig. 5. Buzz, Paldorak village, Upper Zeravshan.

Восточная Азия. О жужжалке японских детей сообщает Ст. Кулин. Он пишет и о подобной игрушке у корейцев и китайцев в провинции Кантон, проводит параллель с французским «диаболо» и вскользь упоминает о такой же игрушке *чарки* у индийцев из Лакхнау (северо-восток Индии) [Culin, 1895, p. 22].

Америка. В Северной Америке в начале XX в. подобные игрушки описаны Ст. Кулином у западных и центральных эскимосов, в том числе у эскимосов Гренландии, у алгонкинов (арапахи, гровантры), сиу (кроу), шошонов, дакота. Относительно дакота отмечается, что с ней играют мальчики [Culin, 1895, p. 757]. На территории Калифорнии жужжалка индейцев моно, зуни абсолютно аналогична европейской. У индейцев марикопа игрушка представляет собой округлую пластину с отверстиями, через которые пропущен кожаный шнурок (рис. 6) [Culin, 1895, p. 751–757].

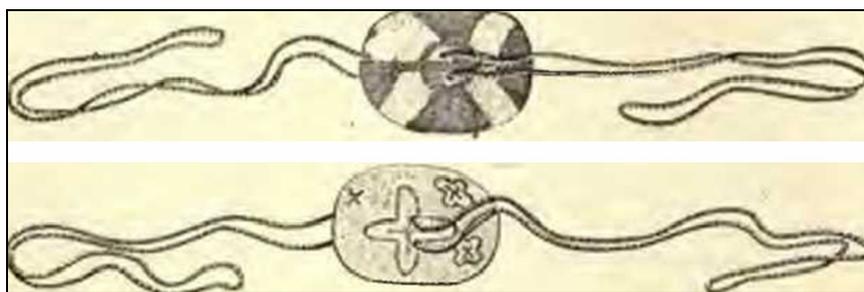

Рис. 6. Жужжалка. Индейцы марикопа, штат Аризона [Culin, 1895, p. 757].

Fig. 6. Buzz. Maricopa Indians. Arizona.

Заключение

По приведенным описаниям можно заключить, что жужжалка нередко имеет характер юношеской игры и связана со звуком. Звуку придается особая роль в архаичной культуре, что свидетельствует о ее связи с неким мужским ритуалом. Мужские ритуалы индейцев Южной Америки, инсценирующие мифы, сопровождаются аккомпанементом звуковых инструментов [Березкин, 1987, с. 13–85]. В космогонических мифах звук всегда находится в начале мира, ограничивает пространство, структурируя его; нередко звук означает установление контактов между мирами, а возможно, и защищает человека от злых духов.

У народов Севера, Сибири, Дальнего Востока сакральный характер жужжалки сохраняется и в наши дни. Весьма любопытно следующее свидетельство: «На одной из конференций авто-

ром статьи в качестве иллюстрации к докладу было показано звучание данного инструмента. В ответ последовала реплика хантыйского этнографа Т.А. Молданова о том, что погода теперь ухудшится, будет ветрено и поэтому требуется произнести заклинание на улучшение погоды. Дощечка для вызывания ветра относится к вращающим аэрофонам» [Солдатова, 2019, с. 51]. Д.В. Кожевникова пишет, что у ненцев дети называют ее «песней ветра» или «шумом ветра». С помощью *выёво* вызывали сильный ветер, чтобы прогнать комаров, оводов и жару [Кожевникова, 2013, с. 152]. Выше приводилось свидетельство С.П. Крашенинникова об использовании подобного предмета у ительменов на осеннем празднике очищения от грехов.

Формы и размеры игрушки, способы игры с нею и зачастую мужской характер последней позволяют исключить возможность самостоятельного возникновения игры в Евразии и Северной Америке. Учитывая, что в работах Ю.Е. Березкина доказана трансконтинентальная миграция мифологических мотивов из Евразии в Америку, по аналогии можно предположить возникновение мужского ритуала, в котором жужжалка и издаваемый ею звук играли важную роль, на территории Евразии [Березкин, 2019].

В настоящее время все, что осталось от ритуала тысячелетней давности,— это шумовая игрушка с дребезжащим звуком в руках у детей.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке конкурса НИР по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров № 65/Н — 2022 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березкин Ю.Е.* Голос дьявола среди снегов и джунглей. Л.: Лениздат, 1987. 172 с.
- Березкин Ю.Е.* Рождение звездного неба: (Представления о небесных светилах в динамике). СПб.: МАЭ РАН, 2017. 316 с.
- Березкин Ю.Е.* Последовательность переноса мифологических мотивов в Америку // Этнография. 2019. № 3. С. 8–25. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2019-3\(5\)-8-25](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2019-3(5)-8-25)
- Верещагин Г.Е.* Собр. соч. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск, 1995. 260 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Дрофа: Русский язык-Медиа, 2011.
- Заглада Н.* Побут селянскої дитини // Народна культура українців: Життєвий цикл людини: Історико-етнологічне дослідження: У 5 т. Т. 1: Діти. Дитинство. Дитяча субкультура. Київ: Дуліби, 2008. С. 214–395.
- Кардашевская Л.И.* Эвенкийские фоноинструменты в коллекциях музеев Якутии [Электронный ресурс] // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 22–32. <https://doi.org/10.26158/ТК.2019.20.4.002>
- Киргизско-русский словарь:* В 2 кн. Кн. 1: А–К / Сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Гл. ред. Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. 504 с.
- Кожевникова Д.В.* Комплексное использование данных археологии и этнографии для анализа древнейших музыкальных инструментов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. № 3. С. 149–156.
- Козловский Б.* Диагностики игрушкой // Гео. 2017. № 3. С. 42–43.
- Красильников В.П.* Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф. пед. ун-та, 2002. 100 с.
- Мамчева Н.А.* Музыкальные инструменты в традиционной культуре нивхов / Отв. ред. Т.П. Роон. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2012b. 382 с.
- Мусаева М.К.* Традиционные детские игрушки народов Нагорного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник, посвященный памяти проф. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2006. С. 106–115.
- Народы Западной Сибири:* Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Геммев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. 805 с.
- Пагин В.А.* Источники по изучению древних и средневековых музыкальных инструментов населения Прикамья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. № 1. С. 122–130.
- Пещерова Е.М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // СМАЭ. М.; Л., 1957. Т. XVII. С. 22–94.
- Покровский Е.А.* Детские игры, преимущественно русские: (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-лит. В.Ф. Рихтер. 2-е изд., испр. и доп. 1895. VI. 368 с.
- Понкратова И.Ю., Коновалова А.А.* Музыкальные инструменты народов Камчатки // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Магадан, 2015. Вып. 24. С. 20–31.
- Полов А.А.* Нганасаны: Социальное устройство и верования. М.; Л.: Наука, 1948. 128 с.
- Прокопенко В.И.* Этнопедагогика народа ханты: Физическое воспитание и игры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 296 с.
- Солдатова Г.Е.* Факультативные фоноинструменты обских угров // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 44–56. <https://doi.org/10.26158/ТК.2019.20.4.004>
- Фролова А.Н.* Традиционные игры и игрушки народов Крайнего Северо-Востока России. Магадан: Кордис, 2003. 143 с.
- Харузина В.Н.* Игрушка у малокультурных народов // Игрушка: Ее история и значение. М., 1912. С. 86–139.

Жужжалка: больше чем игрушка

- Шейкин Ю.И., Добжанская О.Э., Игнатьева Т.И. Звуковые орудия и музыкальные инструменты чукчей: Слой архаики // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 11–21.
- Arnold A. *The World Book of Children's Games*. L., 1972. 280 p.
- Beke Ö. *Mari Nyelvjárás szótár (=Tscheremissisches DialektwOrterbuch)* // *Bibliotheca ceremissica*. T. IV/1. Szombathely: Savariae Univ. Press, 1997. С. 1–256.
- Culin S. *Games of the North American Indians*. Washington, 1907. 864 p.
- Uther H.-J. *The Types of international Folktales: In 3 vol.* Helsinki, 2004. 619 p.

ИСТОЧНИКИ

- Губайдуллин Ф.Ф. Музыкальные инструменты традиционной исполнительской культуры селькупов: Этноорганологический аспект: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2017. 24 с.
- Дьяконова В.Е. Музыкальные инструменты народа саха в свете классических типологий: Дис. ... канд. искусствоведения. Якутск, 2016. 236 с.
- Жужжалка из средневековья // Новости (geno.ru) [Электронный ресурс]. URL: <https://geno.ru/news/640/?ysclid=I6bv1uy0lt519989306> (дата обращения: 02.08.2022).
- Игрушка жужжалка: Айны. Россия, Сахалинская область, селение Мауко. XIX в. (kunstkamera.ru) [Электронный ресурс]. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/291563?person=172&index=42&ysclid=I6bv1jzuam743036327> (дата обращения: 01.08.2022).
- Мамчева Н.А. Музыкальные инструменты в системе традиционной культуры нивхов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012а. 24 с.
- Русско-казахский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://acelinguo.com/ru/dictionary-ru-kz/%D0%B6%D1%83%D0%B6%D0%B6%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 12.12.2022).
- Соловьев И.В. Инструментальные основы музыкальной культуры саами: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012. 22 с.
- Шесталов В.И. Музыкально-инструментальная традиция и драматургические особенности медвежьего праздника обских угров: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011. 22 с.

Shagapova G.R.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
October Revolution st., 3a, Ufa, 450008, Russian Federation
E-mail: shagapovanfbgu@mail.ru

The buzzer: not just a toy

The article analyzes the buzzer toy for boys. It is very easy to make from a button with a rope passing through the two holes. In past times, it was made of wood, bone plate, leather. When the rope with the plate is twisted and sharply released, the toys make a specific sound. The name of the toy in many languages reflects its buzzing. The aim of this work is to study the geography of the buzzer game in the Old and New Worlds and to reconstruct the ritual that underlies the game. The main research methods are mapping and comparative-historical method. The source base is represented by published materials on the games of the peoples of the world, as well as the author's field materials from the Southern Urals. The following conclusions have been drawn: the toy is most commonly young male, all-season, and is associated with sound. Sound in archaic culture played an important role; it limits and structures space, establishes contacts between the worlds and protects a person from evil spirits. In most cases, the buzzer has lost its sacred meaning, but among the peoples of the North, Siberia, and the Far East, the elements of the ritual are still tangible which makes it possible to reconstruct the male ritual. The ritual was aimed at weather change, and at influencing the existing state of affairs. The geography of the buzzer distribution in North America and Eurasia has been studied. It can be assumed that it came to the New World from Eurasia, shortly before the disappearance of Beringia. The agreement of details and specifics of its use suggest its connection with the ritual. Subsequently, the ritual spread together with tribes and cultures, and to date, all that has remained from the millennial ritual is just a noise toy in children's hands.

Keywords: buzzer, sonic toy, aerophone, ritual, game motif, game culture, Eurasia, North America.

REFERENCES

- Arnold, A. (1972). *The World Book of Children's Games*. London.
- Beke, Ö. (1997). *Mari Nyelvjárás szótár (=Tscheremissisches DialektwOrterbuch)*. *Bibliotheca ceremissica*. T. IV.1. Szombathely: Savariae Univ. Press, 1–256.
- Berezkin, Ju.E. (1987). *The voice of the devil among the snows and the jungle*. Leningrad: Lenizdat. (Rus.).
- Berezkin, Ju.E. (2017). *The birth of the starry sky (representations of celestial bodies in dynamics)*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Berezkin, Ju.E. (2019). The succession of the spread of mythological motifs into America. *Etnografija*, (3), 8–25. (Rus.). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2019-3\(5\)-8-25/](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2019-3(5)-8-25/)

- Dal', V.I. (2011). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vol.* Moscow: Drofa: Russkij jazyk-Media. (Rus.).
- Frolova, A.N. (2003). *Traditional games and toys of the peoples of the Far North-East Russia.* Magadan: Kordis. (Rus.)
- Gemuev, I.N., Molodin, V.I., Sokolov, Z.P. (Eds.) (2005) *Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasany. Kets.* Moscow: Nauka. (Rus.)
- Kharuzina, V.N. (1912). A toy among uncultured peoples. In: *Toy: Its history and meaning.* Moscow, 86–139. (Rus.).
- Kardashevskaja, L. I. (2019). Evenk phono instruments in the collections of museums in Yakutia. *Traditional culture*, 20(4), 22–32. (Rus.). <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.4.002>
- Kozhevnikova, D.V. (2013). Integrated use of archeological and ethnographic data for the analysis of ancient musical instruments. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija, filologija*, 12(3), 149–156. (Rus.).
- Kozlovskij, B. (2017). Diagnostic toy. *Geo*, (3), 42–43. (Rus.).
- Krasil'nikov, V.P. (2002). *Games and competitions in the traditional physical education of the Khanty.* Yekaterinburg: Izdatel'stvo RGPPU. (Rus.).
- Mamcheva, N.A. (2012b). *Musical instruments in the traditional culture of the Nivkhs.* Juzhno-Sahalinsk: Sahalinskaja oblastnaja tipografija. (Rus.).
- Musaeva, M.K. (2006). Children's toys of the peoples of Nagorno-Dagestan. In: *Dagestanskij etnograficheskij sbornik, posvjaschennyj pamjati professora S.Sh. Gadzhievov.* Mahachkala: Institut istorii, archeologii i etnografii DNTs RAN, 106–115. (Rus.).
- Pagin, V.A. (2016). Sources for the study of ancient and medieval musical instruments of the population of the Kama region. *Ezhegodnik finnougorskikh issledovanij*, 10(1), 122–130. (Rus.).
- Pescherova, E.M. (1957). Toys and children's games among Tajiks and Uzbeks. *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii*. T. XVII. Moscow; Leningrad, 22–94. (Rus.).
- Pokrovskij, E.A. (1895). *Children's games, mostly Russian: (In connection with history, ethnography, pedagogy and hygiene).* Moscow. (Rus.).
- Ponkratova, I.Ju., Konovalova, A.A. (2015). Musical instruments of the peoples of Kamchatka. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, (24), 20–31. (Rus.).
- Popov, A.A. (1948). *Nganasany: Social structure and beliefs.* Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Prokopenko, V.I. (2005). *Ethnopedagogy of the Khanty people: Physical education and games.* Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).
- Shejkin, Ju. I., Dobzhanskaja, O.E., Ignat'eva, T.I. (2019). Sound instruments and musical instruments of the Chukchi: An archaic layer. *Traditsionnaja kul'tura*, 20(4), 11–21. (Rus.).
- Soldatova, G.E. (2019). Optional phono instruments of the Ob Ugrians. *Traditsionnaja kul'tura*, 20(4), 44–56. (Rus.). <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.4.004>
- Culin, S. (1907). *Games of the North American Indians.* Washington.
- Uther H.-J. (2004). *The Types of international Folktales: In 3 vol.* Helsinki.
- Vereschagin, G.E. (1995). *Collected works. T. 1: Votyaki Sosnovsky region.* Izhevsk. (Rus.).
- Yudakhin, K.K. (Comp.) (1985). *Kyrgyz-Russian Dictionary: In 2 books. B. 1.* Frunze: Gl. red. Kyrgyzskoi Sovjetskoi Encyclopedii. (Rus., Kyrg.).
- Zaglada, H. (2008). Life of a peasant child. In: *Narodna kul'tura ukrainsiv: Zhittevyi tsikl liudyny: Istoriko-etnologichne doslidzhennia: U 5 t. T. 1.* Kiev: Duiiby, 214–395. (Ukr.).

Шарапова Г.П., <http://orcid.org/0000-0002-6739-7466>

Сведения об авторе:

Шагапова Гулькай Рахимьяновна, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

About the author:

Shagapova Gulkai R., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.202

Рязанова С.В.

Пермский федеральный исследовательский центр, Институт гуманитарных исследований УрО РАН
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614990

Пермский аграрно-технологический университет, ул. Петропавловская, 23, Пермь, 614990
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: АНТРОПОЛОГИЯ МУЗЕЯ «ПЕРМЬ-36»

Дается представление о том, как личность конструирует имидж музея, на основе анализа экспертных интервью с создателями и руководителями музея, интернет- и СМИ-публикаций. Общественные деятели, исследователи и музейные работники предстают как основной фактор в формировании исторической памяти. Научные интересы, социальная конъюнктура и личные амбиции людей становятся определяющими в формировании музея.

Ключевые слова: авторизованный дискурс культурного наследия, политика памяти, коммеморация, антропология музея.

*«В этой истории нет текстов...»
(Из интервью)*

Введение

В современной культуре обращение к социальной памяти как коллективной, а также реализация культурной политики в этой сфере часто происходят в музее. Личность ощущает себя помещенной в историю через взаимодействие с артефактами [Мастеница, 2011, с. 29], получая возможность личной интерпретации исторических материалов и выстраивания собственных представлений об истории. Историческое пространство внутри музея формирует для воспринимающего его субъекта своеобразную «мнемоническую машину», позволяющую видеть то, чего уже не существует [Наварро, 2010, с. 7]. В процессе постоянного обращения к социальной памяти со стороны человека происходит каждодневное смыслонаделение и символическое истолкование того, что общество воспринимает как культурное наследие.

Вместе с тем исследователи признают, что не менее важной — в сравнении с набором артефактов как основания для сохранения коллективной памяти — является деятельность людей, которые конструируют музей как хранилище этой памяти [Федоров, 1992, с. 10], поэтому «коллекции... отражают деятельность этих лиц, заключают в себе социальную память о природе и человеке в окружающей его среде» [Решетников]. Антропологическое измерение музея также обеспечивается функционированием его как места социальной памяти, собрания лиц, чья деятельность подтверждена артефактами [Там же].

Именно люди как инициаторы отбора, хранения и презентации артефактов определяют понимание сущности исторических феноменов в целом и отдельных их элементов, как *in situ*, так и помещенных в искусственную среду. Л. Смит справедливо утверждает, что места и связанные с ними артефакты становятся культурным наследием не в силу факта своего существования, а из-за того, что эти материальные места и вещи кто-то создает, консервирует и организует [Смит, 2013]. Хотя любой социальный институт представляет собой выражение общей памяти для всех живущих людей [Мастеница, 2011, с. 21], лица, принимающие активное участие в материальной фиксации этой памяти, несомненно, в значительной мере определяют складывание пространства социальной памяти и наполнение его смыслами. Включение предмета в это пространство, связанное со сбором, регистрацией и изучением, подразумевает сознательный процесс отбора [Наварро, 2010, с. 4], определяемый индивидуальными особенностями личности: «культурное наследие не существует, оно создается» [Смит, 2013, с. 27]. То же можно сказать о патримониализации артефактов, которая помещает экспонирование внутри определенного дискурса [Наварро, 2010, с. 4], предполагающего наличие его инициатора. Место становится историческим наследием из-за действий, связанных с его менеджментом, консервацией и организацией посещений [Смит, 2013, с. 44]. Любое стремление прокомментировать историю [Сапанжа, 2011, с. 8] требует

наличия фигуры комментатора, исключая безличные высказывания, даже если они выглядят как таковые. Смыслы и идентичности никогда не находятся сами, они постоянно создаются в процессе обсуждения и интерпретации людьми [Смит, 2013, с. 44].

Это позволяет не только говорить о принципе антропоцентризма в формировании пространства социальной памяти, но и использовать термин «демиург», относя его ко всем сотрудникам и исследователям, играющим значимую роль в формировании и корректировке стратегии существования любого института, связанного с памятованием. «Несуществование» (по О. Наварро) в настоящее время того, что эти институты пытаются представить, расширяет до предела варианты реконструкции и интерпретации материала, провоцирует конструирование симулякров, абсолютизируя роль конструктора пространства памяти. Возникает опасность возникновения на пути индивидуальной интерпретации «нарциссической иллюзии», основанной на принципе отбора фактов прошлого для сохранения в настоящем [Смит, 2013, с. 27]. Выходом из нарциссизма может быть Авторизованный Дискурс Наследия (АДН) — своеобразный протокол фиксации факта наследия как эстетически значимого и могущего быть утраченным, повсеместно принятый на Западе [Там же, с. 28], но и он определяется субъективно, отражая работу системы идеологии, образования и СМИ в их воздействии на авторов дискурса. Эта субъективность, в которой преломляются одобренные обществом ценности и смыслы, формирует ментальность, в границах которой интерпретируется уже не только само культурное наследие, но и связанные с ним правовые и социальные проблемы [Там же, с. 30]. В условиях, когда АДН не является до конца сформированным, необычайно большое значение приобретает индивидуально-авторская трактовка и смыслонаделение содержания пространства памяти.

Обозначенный принцип важности антропного, индивидуального начала в формировании и функционировании мест исторической памяти будет рассмотрен на материале музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», в существовании которого, как представляется, деятельность «демиургов» играла и играет ключевую роль. Для прояснения обстоятельств жизни музея сделаем краткий экскурс в его социальную историю.

Сама идея музея, посвященного репрессиям в истории страны, появилась в среде пермских активистов в 1992 г. [«Пермь-36»...; Мемориал...]. Первая экспозиция была построена на территории действующей ИТК ВС 389/35 [Стаф, 2018]. Из-за сложностей экспонирования в условиях действующей колонии руководство областного УВД предложило использовать для этих целей заброшенную зону ВС 389/36. В 1992 г. для организации музея было создано ООО «Мемориал-Инок», принявшее в 1993 г. на баланс этот лагерь для создания мемориального комплекса «Пермская политзона». Все сооружения на этой территории получили статус памятника истории местного значения [Постановление администрации Пермской области № 156...], после чего начались работы по консервации и мемориализации [«Пермь-36»...]. Для работы с содержательной частью экспозиции был создан общественный научно-исследовательский центр «Урал-ГУЛАГ».

В 1994 г. по решению администрации области был создан мемориальный музейно-архивный комплекс «Мемориал жертв политических репрессий» [Постановление администрации Пермской области № 235...] под руководством В.А. Шмырова. В сентябре 1995 г. состоялось открытие музея, в котором был отреставрирован барак особого режима и созданы первые выставки о заключенных участка, была одобрена инициатива сотрудников Пермского отделения общества «Мемориал» и музейщиков по созданию мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР, составлен генеральный план развития [Постановление губернатора Пермской области № 375 от 15.12.1995...]. В 1996 г. музей был открыт для посетителей.

В 1997 г. была принята программа «Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36)» [Программа...], утвержденная в 2002 г. областным законом об областной целевой программе «Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36” на 2002–2005 годы» [Закон Пермской области...]. В 2005 г. рядом с музеем был заложен мемориальный парк «Лес памяти жертв политических репрессий», начато проведение фестивалей гражданской песни «Пилорама» (впоследствии гражданского форума) и акции «Прощай, ГУЛАГ!» [Музей истории политических репрессий «Пермь-36»...]. С этого момента музейный комплекс функционирует как общественная площадка для обсуждения актуальных вопросов осмысления прошлого и настоящего больше, чем только территория с экспонатами. Акцентом в работе форума становится рассмотрение политических вопросов. По этой причине в 2013–2014 гг. форум «Пилорама» превращается в основание для обвинений в адрес дирекции музея, приведших к смене управления и статуса музея: из общественного он стал государственным.

Пришедшее на смену новое руководство первыми проектами вызвало волну критики [Началось уничтожение музея «Пермь-36»]. Выставка «Переломаны буреломами» в 2015 г. вызвала множество негативных откликов со стороны общественности [Holm, 2015]. После публикации в 2016 г. на сайте музея статьи, утверждавшей эффективность «шарашек», музей был вынужден восстанавливать репутацию путем публичных извинений [Руководство музея «Перми-36» наказали за оправдание сталинских «шарашек»] и коррекции тем проектов. В 2019 г. администрацией учреждения была принята концепция развития музея до 2030 г. [Концепция...].

Представляется, что события на протяжении всей истории существования музея «Пермь-36» имеют прежде всего антропологический вектор измерения и антропологический фактор изменения как определяющие. Во многом эта ситуация связана и с характером экспонируемого материала и отсутствием единой, установленной обществом, концепцией того, как должно восприниматься культурное наследие такого рода. Поскольку в России, как упоминалось, не сложилось аналога «Авторизованного Дискурса Наследия», большую роль в восприятии и интерпретации травмирующих событий прошлого начинает играть фигура собирателя/интерпретатора полученного материала. При этом интерпретация оказывается более значимой, так как процесс отбора материала ограничен отдаленностью событий во времени и самим характером памятника, изначально не предполагавшегося к музеефикации.

Поскольку население окрестных деревень заняло позицию игнорирования и осуждения в отношении создания музея¹, а бывшие сотрудники зон «Пермского треугольника» (35, 36 и 37) почти не привлекались к реконструкции памятника, определяющее значение имели и имеют организаторы/руководители музея и привлекаемые ими в качестве научных руководителей и сотрудников исследователи.

В связи с этим исследовательский вопрос формулируется как попытка установить роль антропологического фактора в формировании музейно-экспозиционного пространства для тех музеев, где ведущую роль играют реконструкция и интерпретация. Предлагаемая методика может быть использована при решении аналогичных задач в социально-антропологических исследованиях роли человеческого фактора в формировании социальных институций. Задачи исследования включают в себя установление ключевых фигур в создании и «реформировании» музея «Пермь-36»; определение их личной позиции и роли в функционировании музейного комплекса; выявление специфики влияния антропного фактора на музейное пространство в рассматриваемом случае.

Решение поставленных задач определило принцип исследования, которое построено на серии экспертных интервью с гайдом свободной формы, что вызвано большим количеством различий в ролях опрашиваемых участников истории «Пермь-36». В силу невозможности взять интервью у одного из экспертов по состоянию его здоровья, был использован набор выступлений в СМИ [«Нужно, чтобы посетитель не только увидел, а понял — что такое ГУЛАГ»; Виктор Шмыров: «Новая команда, безусловно, перепрофилирует музей “Пермь-36”»; Виктор Шмыров: Мы надеялись, что скажут: «Извините, кто-то ошибся»; История человека, история музея «Пермь-36»; Баталина]. В ходе исследования были опрошены как те, кто стоял у истоков музея, так и работавшие в нем в качестве научных руководителей / заместителей директора по научной работе / ведущих научных сотрудников (когда должность заместителя по научной работе была отменена). Исключение составляют эксперты №№ 4 и 5, работавшие в музее на ранних этапах его существования в качестве волонтеров. Интервью с ними используются в качестве верифицирующего материала для информации, данной ключевыми респондентами. Для сохранения анонимности эксперты, чьи интервью были использованы в данной работе, в тексте обозначены под номерами. Такая обезличенность связана и с тем, что для рассматриваемой темы половозрастные характеристики, национальность, образовательный ценз и т.п. аспекты, как представляется, не играют значимой роли. Основной упор делается на то, каким образом разворачивается антропологический фактор при конструировании музея памяти.

Тема материального воплощения культурной травмы репрессий в виде музеев и мемориалов обычно раскрывается в рамках аффективного подхода, предполагающая аналитическое описание источника аффекта (экспозиции или истории создания и функционирования музея), как в рамках отечественных [Лебедева, 2018; Стаф, 2018; Семенов, 2020; Рождественская, 2017], так и зарубежных работ [Violi, 2012; Radonić, 2017; Simko, 2020; Практики и места памяти в Ка-

¹ Об этом свидетельствуют аудиоматериалы интервью, собранные сотрудниками музея Пермь-36 в конце 1990-х гг., предоставленные автору статьи.

захстане..., 2016]. В ряде случаев в рамках того же подхода происходит исследование восприятия аффекта в русле «исследований посетителей» (visitor studies) [Skulski, 2019; Постная, 2016]. Особого внимания заслуживают «новые музеи» [Williams, 2007; Message, 2006; Sodaro, 2018], под которыми понимаются прежде всего мемориальные комплексы. Сложился блок работ, посвященных непосредственно музеям памяти как явлению (подробный обзор литературы см.: [Иванова, Юренева, 2021; Митрофанова и др., 2022]). Часть научных трудов посвящена непосредственно музею «Пермь-36» [Стаф, 2018; Гизен, 2015; Vogumit, 2018, 2021; Гулаг в российской памяти, 2011]. Исследователи приходят к выводу [Политика аффекта..., 2019], что новизна этих мест памяти заключается в особой роли материальности, за счет аффекта как метода вовлечения посетителя в процесс конструирования культурной травмы. Часть авторов [Сульжицкий, 2018; Oushakine, 2013] обращает внимание на то, что аффекты бывают разными, и развитие некоторых из них в целях привлечения посетителей лишает мемориальные музеи изначально заложенного в них смысла, заключающегося в избегании ошибок прошлого.

Основная часть

Примечательно, что до настоящего времени не появилось работ, акцентирующих внимание не на особенностях восприятия посетителей, а на специфике формирования музейного пространства через восприятие основных действующих акторов. Их авторство по отношению к экспозициям, посвященным значимым событиям прошлого, позволяет относить сотрудников музея к так называемым мнемоническим актерам как субъектам влияния на официальную и спонтанную культуру социальной памяти [Олик, 2018, с. 40]. Представляется важным в исследовании принципов формирования музейной структуры и пространства обратить внимание на роль антропологического фактора. Его роль определяется в предлагаемом тексте через выделение личных высказываний как индикаторов участия человека / группы людей в жизни музея «Пермь-36», содержащихся в интервью и имеющих явное значение для собеседника.

Я и моя роль. Первую группу высказываний определим как «я и моя роль». Набор своих ролей и их значимость в музейном пространстве у респондентов различаются, тем не менее, подчиняясь единой идее «я — творец не только музея, но и всего социокультурного контекста вокруг него». Только один из участников опроса (№ 8) признался, что напросился сам, поскольку «было интересно». В других случаях роль определяется как право первенства в руководстве — «я был первым научным руководителем центра, который еще не назывался «Пермь-36» (№ 1), «пришел помочь создать государственный музей, не частный, а государственный» (№ 10), либо как обоснование своей необходимости для факта создания музея: «А. М. и В. сказали о том, чтобы я помог... в открытии этого музея» (№ 1); «изначально мы с В. были душой этого проекта» (№ 9), либо как указание на технические аспекты работы: «мы... разными способами... начали ездить по зонам» (№ 9). Вне зависимости от выполняемой функции, каждый из экспертов определяет свою нишу в функционировании мемориала. Она может быть связана с общенаучной и музейной деятельностью — «Мы разрабатываем всю концепцию. Мы разрабатываем тематико-экспозиционный план, по которому будет создаваться экспозиция. Если будет такая экспозиция, то вполне понятно, что музей приобретет огромную известность» (№ 7), либо иметь прикладной характер — «я, помимо всего прочего, отвечал за экскурсии и пытался какую-то подготовку экскурсоводов проводить, своеобразное повышение квалификации. Давалось это очень сложно, потому что практически все экскурсоводы... не имели исторического образования... они должны были сдавать экскурсии, я прослушивал» (№ 6); «при реформировании музея со мной консультировались... кого поставить директором» (№ 9). В обоих вариантах в рассказе формируется представление о центральной роли работников музея, в противовес стандартам, требованиям, мнению общественности, вовлеченности посетителей и т.п. Масштаб проведенной работы в интервью контрастирует с числом участников: «Это была инициатива узкого круга людей. Нас было 5–6 человек» (№ 7). В одной из версий происхождения музея респондент напрямую утверждает: «Я предложил... пойти по этой стезе» (№ 9).

Значимость человеческого фактора выходит за рамки музея и помещается на уровень региона: «Чиновники принимают нашу концепцию, а концепцию просветительской экспозиции разрабатываем мы» (№ 7). Команда музея тем самым начинает выполнять педагогико-дидактические функции: «NN сказала: "...вы ведь воспитываете не только поколение Пермского края, но и начальство Пермского края воспитываете... и они начинают вам доверять... решения принимают, начинают в них участвовать, выделяют денежку на ремонт и даже становятся руководителями оргкомитетов"» (№ 3). В некоторых случаях рамки известности расширяются («мы

попали на обложку «Нью-Йорк Таймс» (№ 9)), а «обучение» становится международным: «четыре раза подряд приезжал директор музея в Освенциме П.Ц. Когда он знакомился с тогдашним губернатором... тот ему сказал: “Вы с нами поделитесь опытом...”, а Ц. ответил: “Я сюда учиться приезжаю!”» (№ 7, аналогично — № 9).

Я и мои усилия. Поскольку занятие должности и намерения сами по себе не означают высокой степени участия, в устных нарративах была выделена вторая группа высказываний — «я и мои усилия». Она указывает, насколько, по мнению собеседников, были важны их преобразующие усилия по отношению к музею. Здесь уровень вовлеченности может различаться: от формального выполнения обязанностей до преодоления невероятных трудностей. Очевидно, что изначально работа носила альтруистический характер — «на нашей волонтерской деятельности все было построено... все помогли, как могли» (№ 9),— а в дальнейшем роли начали различаться. Так, эксперт № 2 оценивает свое участие очень сдержанно: «В 2014-м году произошли понятно, известные события, и мы... какое-то время я тоже смотрел со стороны, особо не разбирался в этом и не вникал, подписал все эти петиции, которые на защиту музея были адресованы». В противовес ему другой сотрудник постоянно делает упор на проблематичности деятельности: «с огромным трудом достали список телефонов»; «очень трудная работа, мы на это убили почти два месяца»; «добираться тогда было очень сложно... дорога была очень тяжелая» (№ 1). Повседневный функционал превращается, по его представлениям, в миссию спасения — «надо было спасти сам музей»,— на которую человек обречен: «Для меня даже не было какого-то морального выбора. <...> Я принял для себя решение... нести эту... Этот крест... До конца, да... уйти мне никак не удастся» (№ 1). Встречается и «средний вариант» оценки своей работы как обусловленной сложившейся ситуацией: «Я посмотрела, как это все идет... мне все это до черта надоело, я поняла, что все идет крахом... процессы я взяла в свои руки» (№ 3). Любопытной представляется версия оценки себя «от противного», через указание, что без участника / участников деятельности стало хуже: «При нас-то это все было... <...> После нас, насколько я знаю, от этого мало что осталось» (№ 6). Вне зависимости от степени осознания говорящими важности себя для жизни музея, все высказывающиеся едины в утверждении, что без определенных людей ничего бы не было, все держалось / держится на них.

Я и артефакты. Помимо концептуальной составляющей в музейном пространстве большое значение имеют артефакты и способы их представления в экспозиции, также проекты, в которых музей транслирует свои сообщения обществу. Только один из опрошенных уверен, что не смог реализовать задуманное, имея для этого административный ресурс и экспонаты (№ 8). Набор высказываний, связанных с этой темой, указывает не только на важность общей работы сотрудников («мы вместе работали» (№ 1)), но и на большее значение индивидуальных решений в противовес принятым программам и мнению большинства. Это находило выражение и в процессе создания основной экспозиции, при разрешении споров о восстановлении «гулаговской» части зоны: «сохранилась часть построек... что было там, что невозможно сохранить, что же делать-то, как восстанавливать? Либо отстраивать все заново... либо законсервировать в этом разрушенном состоянии, сохранить то, что осталось... решили, да, восстанавливать, как было» (№ 6). Один из экспертов подтверждает, что именно это решение было принято единолично (№ 3). Встречаются и упоминания о том, как сами сотрудники выбрали подход в оформлении музейного пространства: «мы им предложили такой формат... похожий на музей немецкого фашизма» (№ 9). Индивидуальным выбором, во многом, определялся и подбор экспонатов — «Там большая часть экспонатов — это то, что мы привезли с Колымы» (№ 6, № 3), «собиралось со всей страны... с миру по нитке» (№ 9), «мне удалось одно... убрали одиозные фигуры» (№ 10), «Эта идея В. в голову пришла» (№ 11),— и место проведения мероприятий: «Но даже хозяином земли, где проводится “Пилорама”, являюсь лично я. <...> Если будет независимое финансирование и моя земля, “Пилорама” состоится» (№ 7). Вполне возможно, что такой подход к комплектованию и размещению был отчасти инспирирован увлечением *oral history*, в которой артефакты уходят на задний план по отношению к проговариваемому / привлеченному как воспоминание нарративу. Неслучайно один из экспертов упоминает, что изначально экспонаты были такого рода и так размещены, что «было ничего не понятно... все базировалось на рассказе экскурсовода» (№ 11).

Личное решение оказывается значимым при работе с партнерами: «...когда наступила “Пилорама”, меня просто умоляли многие директора архивов, чтобы я организовал им поездку в музей “Пермь-36”» (№ 1); «эту конференцию... я ее собирал, собственно» (№ 11). При этом

представители первой команды уверены, что музей после их ухода пришел в упадок: «музей превращался в такой своеобразный центр, очень известный... <...> После того как все это ликвидировали, они превратились в какой-то замкнутую структуру, и их тактика — особо не высываться» (№ 6), что также подразумевает значимость антропологического фактора.

Поскольку артефакты, выставляемые в музеях памяти, не всегда полны и точно атрибутированы, их понимание, а также истолкование требуют, при отсутствии централизованного подхода к теме, личного участия. «Пермь-36», со слов респондентов, не избежала длительных дискуссий при создании (№ 3) и продолжает быть предметом обсуждения. Для понимания того, как позиционирует себя сотрудник в таких спорах, разберем пространные высказывания одного из экспертов (№ 1). Его вовлеченность в трактовку прошлого основана на самом факте проживания в стране — «мне было очень стыдно тогда, что я безмятежно жил в Советском Союзе в то время, когда другие... за свои убеждения страдали»; актуализирована ситуацией общественной реакции — «очень переживал, когда началась критика музея... у меня тоже спрашивали мое мнение»; четко оформлена: «на мой взгляд, музей должен был работать, а общественный музей в лице старого состава и союзников хоронил этот музей». В рассуждениях примечательна уверенность в правоте своей позиции, легитимированная авторитетом: «А.Б. постоянно приезжал к нам... мы с ним вели такие большие беседы по поводу судьбы “Перми-36”, по поводу его развития... как я оценивал деятельность “Перми-36” с точки зрения музейного развития... он со мной соглашался». Музей в таком понимании не существует как учреждение, не опирается на фонды и витрины, он разворачивается в личности и преломляется через ее восприятие.

Музей и самореализация сотрудника. Невозможность бытия музея без человека — «мы создали уникальный объект, который будет существовать, кто бы там ни работал. Если не сожгут, он переживет и нас, и их» (№ 7) — оборачивается аналогичной привязанностью человека к музею: «Даже если я хотел пропустить “Пилораму” (общественно-политическое мероприятие, инициированное музеем «Пермь-36». — С. Р.)... я на нее попадаю так или иначе и не пропустил, по-моему, ни одной» (№ 1). Некоторые высказывания придают миссии, связанной с музеем, почти священный статус: «я попытался его переубедить... взять ответственность... нести чей-то крест» (№ 9). И пусть даже «там, по-моему, ничего после нас не восстанавливается» (№ 6), все равно это «лучшая работа в жизни» (№ 8). Несмотря на широкий рынок работы в регионе, «Пермь-36» предстает как одна из наиболее привлекательных точек приложения сил, поскольку дает возможности для личной самореализации и воплощения планов.

Важность человеческого фактора звучит не только в рассказе о себе. В интервью волонтеров, не работающих постоянно в музее, красной нитью проходит уверенность, что персонаж определяет структуру явления и сценарий его действия. Это очень отчетливо видно в студенческих воспоминаниях: «Почему мы поехали? Ну, во-первых, это, конечно, фигура самого В.А., он был очарователен, он был прекрасен просто. <...> ...мы понимали... что если человек так интересно и убедительно все это представляет, то работа будет интересной» (№ 2); «большую часть я от него и узнал» (№ 5); «И.К. бывший надзиратель, да, он над нами насмеялся всячески...» (№ 2); «от него все узнали...» (№ 5). О людях как базе для создания музея говорят сами сотрудники: «Музей существует благодаря усилиям огромного количества людей... <...> Есть люди, которые продолжают» (№ 7), вне зависимости от той роли, которую эти люди выполняли. Это могут быть организаторы финансовой стороны деятельности — «первоначально идея восстановления... на базе этого особого режима создать фермерское хозяйство... и деньги пускать на восстановление. Нашлись два таких энтузиаста» (№ 6) либо оказывающие организационную поддержку представители власти — «первые губернаторы поддерживали... а при Басаргине все это пошло на свертывание» (№ 6). Собеседники в равной мере упоминают и коллектив («при старом руководстве музей становился таким своеобразным, довольно мощным центром, привлекательным» (№ 6)), и отдельных персонажей: «с ним работать весьма непросто» (№ 11); «самодур... но порядочный, конечно... все должно быть так, как именно он придумал... его мнение превалировало» (№ 9); «в конечном счете, все, многое взял на себя» (№ 6). Через призму индивида определяется судьба музея: «главное, кто директор, а дальше само образуется» (№ 9).

Примечательно, что даже те, кто принимал участие в жизни мемориального комплекса «Пермь-36» лишь короткий промежуток времени, утверждают свою личную необходимость, иногда претендуя на ключевые роли: «я вернулся из этой поездки... мы сверили все координаты, все уточнили... и по всем описаниям получилась именно та зона... я как-то в нее так попал. Так она была идентифицирована... <...> Случилась первая смена международного волонтерского лагеря там,

которую я собрал, организовал, возглавлял, координировал, искал деньги, соединял всех друг с другом» (№ 4). Как бы ни трактовали историю музея другие рассказчики, это не меняет специфики самой позиции «Перми-36» как музея, который возникает и реализуется исключительно через человека, а все остальное формируется благодаря волевому конструированию основных акторов.

Заключение

Анализ интервью показывает, что пространство музея в случае мемориального комплекса «Пермь-36» в восприятии участников и сторонних наблюдателей выстраивается как основанное на деятельности конкретных личностей, с минимальным значением содержания фондов и функционирования экспозиции. Очевидно, что большей частью уже отобранный материал включался в работу на основании принимаемых решений о наиболее важных направлениях в работе музея и тех акцентах, которые должны были быть расставлены в процессе презентации артефактов.

«Пермь-36» оказался специфическим местом памяти в связи с тем, что включенные в него памятные вещи как символы выражают собой концентрированную память определенной социальной группы, которая была, непосредственно или косвенно, вовлечена в функционирование колонии. Можно сказать, что это музей коммеморации, ставящий своей задачей мобилизацию памяти о конкретных событиях [Ростовцев, Сидорчук, 2014, с. 19]. В связи с этим возникла проблема передачи памяти остальной части общества, изначально не подготовленной к восприятию травмирующего опыта прошлого, и встал вопрос о том, кто будет основным актором трансляции. Момент сложности в трансляции знания о лагере был усилен тем, что для содержания музея большое значение приобрела реконструкция — в силу утраты значительной части исходно существовавших материальных элементов быта колонии. Поэтому важным стало то, кто и как подбирал артефакты в качестве единиц фонда хранения, какие акценты были сделаны ведущими в их экспозиционной подаче.

В вышеуказанном отношении исключительную роль сыграли и играют те, кто волевым решением определяет экспозиционную и научную канву места памяти. Другими словами, в сконструированных пространствах памяти такого рода в паре «материальный артефакт — работающий с ним человек» доминирует второй компонент, что делает наполнение экспозиции полностью зависимым от личностного фактора. Смена руководителей и идейных вдохновителей проекта создает множество точек бифуркации и связанных с ними новых траекторий в реализации идей по поводу представления о прошлом, его трактовки и оценки. В такой ситуации воспринимаемый наблюдателем хронотоп музея уже не существует как однократно закрепленный. Он подвержен постоянным трансформациям и, возможно, деформациям, под воздействием «демиургов» и способен породить множественные симулякры.

Финансирование. Исследование проведено при поддержке РФФ, грант № 22-28-00836 «Место без времени, время без места: хронотоп “Пермь-36” в контексте конструирования культурной травмы», <https://rscf.ru/project/22-28-00836/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гизен А. Расколота память: Отражение конфликта вокруг Мемориального центра «Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 363–376.
- Гулаг в российской памяти / Под ред. Р. Латыпова. Пермь, 2011. 76 с.
- Иванова О.В., Юреньева Т.Ю. Российские музеи памяти: Пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. 2021. № 4. С. 86–97.
- Лебедева О. Одно прошлое — две памяти: Сравнительный анализ экспозиции музея истории Беломорско-Балтийского водного пути и музея Соловецкого лагеря особого назначения // Лабораториум. 2018. № 10 (2). С. 134–148.
- Мастеница Е.Н. Феномен музея: Опыт музеологической рефлексии // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 20–30.
- Митрофанова А.В., Рязанова С.В., Пляйс Я.А. Место как палимпсест событий и интерпретаций в политике памяти (на примере музея «Следственная тюрьма НКВД») // Известия Тульского ун-та. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–16.
- Наварро О. История и память в современном музее: Несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.
- Олик Дж.К. Коллективная память: Две культуры // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 22–49.
- Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / Под ред. Завадского А., Склез В., Сувериной К. М.: НЛО, 2019. 400 с.

Постная Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. № 12. С. 68–79.

Практики и места памяти в Казахстане: (Структурно-типологический обзор) / Медеуова К.А., Ермаганбетова К., Кикимбаев М., Мельников Д., Наурызбаева З., Рамазанова А., Сандыбаева У., Толгамбаева Д., Тлепберген А. Астана: Мастер ПО, 2016. 73 с.

Решетников Н.И. Музей и методика изучения историко-культурного и природного наследия. URL: <https://opentextnn.ru/museum/teorija/reshetnikov-n-i-muzej-i-metodika-izuchenija-istoriko-kulturnogo-i-prirodnogo-nasledija-2016/razdel-1-muzej-i-ego-sushhnost/> (дата обращения 22.08.2022).

Рождественская Е. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. 2017. № 27 (5). С. 87–114.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.

Саланжа О.С. Культурологическое измерение музея: Морфология музейности // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 3–13.

Семенов И. Новые ракурсы политик индентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64 (5). С. 16–32.

Смит Л. «Зеркало наследия»: Нарциссическая иллюзия или множество отражений // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.

Стаф В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Том. ун-та. 2018. № 428. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memorializatsiya-negativnogo-naslediya-v-sovremennoj-rossii-na-materiale-lagernyh-muzeev-v-permskom-krae> (дата обращения: 13.09.2021).

Сульжицкий И. Десакрализация коллективной памяти о Холокосте: Кейс государственного музея Аушвиц-Биркенау // Журнал Белорусского госуниверситета. Социология. 2018. № 2. С. 48–66.

Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Музейное дело и охрана памятников: Экспресс-информация. М.: РГБ, 1992. Вып. 3–4. С. 10–17.

Vogumit Z. Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past. N. Y.: Berghahn Books, 2018. 302 p.

Vogumit Z. Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation // Polish Sociological Review. 2021. № 1. P. 71–90.

Message K. New Museums and the Making of Culture. Oxford, U.K. and New York, USA: Berg Publishers, 2006. 241 p.

Oushakine S. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. № 1. P. 269–302.

Radonić L. Post-communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the Europeanization of memory // National Identities. 2017. № 19 (2). P. 269–288. <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1264377>

Simko Ch. Marking Time in Memorials and Museums of Terror: Temporality and Cultural Trauma // Sociological Theory. 2020. № 38 (1). P. 51–77. <https://doi.org/10.1177/0735275120906430>

Skulskiy D. When Memorials Cease to Commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a Place of non-Patriotic Remembering // Museum and Society. 2019. № 17 (3). P. 408–422.

Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick, NJ: Rutgers UP, 2018. 227 p.

Violi P. Trauma Site Museums and Politics of Memory: Tuol Sleng, Villa Grimaldi and the Bologna Ustica Museum // Theory, Culture and Society. 2012. № 29 (1). P. 36–75. <https://doi.org/10.1177/0263276411423035>

Williams P. Memorial Museums. The Global Rush to Commemorate Atrocities. Oxford: Berg Publishers, 2007. 226 p.

ИСТОЧНИКИ

Баталина Ю. Виктор Шмыров: В Кучино останутся голые стены. Музей будет умирать. Директор АНО «Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» — о ситуации, сложившейся вокруг этого музея. 22 июля 2014 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-1749725.html> (дата обращения 22.08.2022).

Виктор Шмыров: Мы надеялись, что скажут: «Извините, кто-то ошибся». URL: <https://properm.ru/news/society/62409/> (дата обращения 22.08.2022).

Виктор Шмыров: «Новая команда, безусловно, перепрофилирует музей “Пермь-36”... Такой музей имеет право на существование, но ему не нужны наши коллекции». URL: <http://pmem.ru/4336.html> (дата обращения 22.08.2022).

Закон Пермской области: Об областной целевой программе «Мемориальный центр истории политических репрессий “Пермь-36”» на 2002–2005 годы. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=155018108&page=1&rdk=2#10 (дата обращения 03.07.2021)

История человека, история музея «Пермь-36» // Эхо Москвы-Пермь. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/press/istoriya_cheloveka_istoriya_muzeya_perm_36_ekho_moskvy_perm/ (дата обращения 22.08.2022).

Концепция развития ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”». URL: <https://perm36.com/upload/upload/docs/Концепция%20развития%20Пермь-36%2029.11.2019%20подписанная.pdf> (дата обращения 02.09.2021).

Мемориал. Эпизод 1. URL: <http://prequel.memo.ru/> (дата обращения 12.09.2021).

К вопросу о конструировании социальной памяти: антропология музея «Пермь-36»

Музей истории политических репрессий «Пермь-36» отмечает свое 10-летие // РИА-новости. 03.09.2005. URL: <https://ria.ru/20050903/41284888.html> (дата обращения 02.07.2021)

Началось уничтожение музея «Пермь-36» // Грани.ру. 16.07.2014. URL: <https://grani-ru-org.appspot.com/Politics/Russia/Regions/m.231137.html> (дата обращения: 10.09.2021).

«Нужно, чтобы посетитель не только увидел, а понял — что такое ГУЛАГ» — Виктор Шмыров. URL: <https://echoperm.ru/interview/299/93689/> (дата обращения 22.08.2022).

«Пермь-36». Мемориальный музей истории политических репрессий. Стратегия развития и отчет о деятельности в 2002 г. М., 2003. 112 с. // ГКБУ «Пермский государственный архив социально-политической истории» Ф. № 2948. Оп. 1. Т. 7. Д. 694.

Постановление администрации Пермской области № 156 от 08.10.1993: Об организационных мерах по реализации программы «Урал-ГУЛАГ».

Постановление администрации Пермской области № 235 от 30.08.1994 // КонсультантПлюс. URL: <https://base.garant.ru/16149647/> (дата обращения 01.07.2021).

Постановление губернатора Пермской области № 375 от 15.12.1995: О развитии мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155098243&backlink=1&&nd=155012455&rdk=2&refoid=155098260> (дата обращения 02.07.2021)

Программа «Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР (Пермь-36) // Решение Законодательного собрания Пермской области № 815 от 25.07.1997. URL: <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=344461> (дата обращения 01.07.2021).

Руководство музея «Перми-36» наказали за оправдание сталинских «шарашек» // Коммерсант. 14.04.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2963352> (дата обращения: 10.09.2021).

Holm K. Auferstanden aus Siegerlager // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2015. 29 Juli. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/nicht-wiederzuerkennen-das-gulag-museum-in-perm-13724175.html> (дата обращения: 10.09.2021).

Riazanova S.V.

Perm Federal Research Center of Ural Branch of RAS
Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation
Perm State Agro-Technological University
Petropavlovskaya st., 23, Perm, 614990, Russian Federation
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

On the issue of construction of social memory: anthropology of the “Perm-36” museum

The study does not imply either documentation of the repressions, or working in the field of oral history. The article provides a vision of how the key figures in the history of the museum form its history and image. The source base includes a series of expert interviews with the founders and administrators of the museum at various stages of its existence, and a number of concepts for the arrangement of Perm-36 during various years, as well as Internet and media publications, allowing to verify the obtained data. The text attempts to reconstruct the history of the formation and functioning of the Perm-36 museum, highlighting the periods of its activity associated with a change in leadership and the appointment of a number of new employees in its management and research structures. In the process of the analysis, the author compares various perspectives on what is the purpose of the museum located at the site of the camp, and what is the place of the museum in the socio-political reality. The analysis is based on the identification of groups of statements related to various aspects of creation and functioning of the Perm-36 memorial complex. The museum is considered as a place of application of multidirectional efforts of various actors, which provokes significant changes in approaches to its arrangement and to its functions in the public space. The concept of “demiurge” is introduced to designate a social agent who constructs the space of historical and social memory based on its own ideas and vision. Public figures, researchers and museum employees, who play a significant role in determining the structure of museum collections, ways of their presentation and types of social activities, are seen as the key factor that shapes the image of the museum in the region, nationally, and internationally. The material base in this situation appears secondary to the methods of its interpretation, principles of selecting items, and the use of supplementary means for their exhibiting. Research interests, social agenda and personal ambitions of the main actors become determinant for the formation of the museum chronotope.

Keywords: authorized discourse of cultural heritage, politics of memory, commemoration, museum anthropology.

REFERENCES

- Bogumił, Z. (2018). *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past*. New York: Berghahn Books.
- Bogumił, Z. (2021). Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, (1), 71–90.
- Giesen, A. (2015). Memory Divided: Representation Of The Conflict Around Memorial Centre “Perm-36” in The Russian Media. *Zhurnal issledovanií sotsialnoi politiki*, (3), 363–376. (Rus.).

- Fedorov, N.F. (1992). Museum, its meaning and purpose. *Muzeynoye delo i okhrana pamyatnikov: Ekspress-inform*, (3–4), 10–17.
- Latypov, R. (Ed.) (2011). *GULAG in the Russian memory*. Perm. (Rus.).
- Ivanova, O.V., Yureneva, T.Yu. (2021). Russian museums of memory: Ways of formation and main stages of development. *Kul'turnoye nasledie Rossii*, (4), 86–97. (Rus.).
- Lebedeva, O. (2018). One Past, Two Memories: Comparing the Exhibitions at the Museum of the White Sea — Baltic Sea Canal and the Museum of the Solovki Prison Camp. *Laboratorium*, 10(2), 134–148. (Rus.).
- Mastenitsa, E.N. (2011). The Museum Phenomenon: The experience of museological reflection. *Voprosy muzeologii*, 1(3), 20–30. (Rus.).
- Message, K. (2006). *New Museums and the Making of Culture*. Oxford, U.K. and New York, USA: Berg Publishers.
- Mitrofanova, A.V., Ryazanova, S.V., Plyays, Y.A. (2022). Place as a palimpsest of events and interpretations in the politics of memory (on the example of the NKVD Investigative Prison museum). *Izvestiya Tul'skogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, (2), 3–16. (Rus.).
- Navarro, O. (2010). History and memory in the modern museum: Some remarks from the point of view of critical museology. *Voprosy muzeologii*, (2), 3–11. (Rus.).
- Olik, J.K. (2018). Collective memory: Two cultures. *Istoricheskaya ekspertiza*, (4), 22–49. (Rus.).
- Oushakine, S. (2013). Remembering in Public: On the Affective Management of History. *Ab Imperio*, (1), 269–302.
- Postnaya, E. (2016). GULAG History Museum as a mirror of traumatizing experience. *Interaktsiia. Interviu. Interpretatsiia*, (12), 68–79. (Rus.).
- Radonić, L. (2017). Post-communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the Europeanization of memory. *National Identities*, 19(2), 269–288. <https://doi.org/10.1080/14608944.2016.1264377>
- Reshetnikov, N.I. *Museum and methodology for studying the historical, cultural and natural heritage*. (Rus.). URL: <https://opentextnn.ru/museum/teorija/reshetnikov-n-i-muzej-i-metodika-izuchenija-istoriko-kulturnogo-i-prirodnogo-nasledija-2016/razdel-1-muzej-i-ego-sushhnost/>.
- Rozhdestvenskaya, E. (2017). Representation of cultural trauma: Museumification of the Holocaust. *Logos*, 27(5), 87–114. (Rus.).
- Rostovtsev, E.A., Sidorchuk, I.V. (2014). Museum and historical memory in modern Russia. *Voprosy muzeologii*, 2(10), 16–21. (Rus.).
- Sapanzha, O.S. (2011). Culturological dimension of the museum: Morphology of museumness. *Voprosy muzeologii*, 2(4), 3–13. (Rus.).
- Semenenko, I. (2020). New dimensions of identity politics: contested memories in history museums of the 20th century. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 64(5), 16–32. (Rus.).
- Simko, Ch. (2020). Marking Time in Memorials and Museums of Terror: Temporality and Cultural Trauma. *Sociological Theory*, 38(1), 51–77. <https://doi.org/10.1177/0735275120906430>
- Skulskiy, D. (2019). When Memorials Cease to Commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a Place of non-Patriotic Remembering. *Museum and Society*, 17(3), 408–422.
- Sodaro, A. (2018). *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick, NJ: Rutgers UP.
- Smith, L. (2013). “Mirror of heritage”: narcissistic illusion or many reflections. *Voprosy muzeologii*, 2(8), 27–44. (Rus.).
- Staf, V. (2018). Memorialization of the “Negative Heritage” in Modern Russia on The Basis of the Camp Museums in Perm Krai. *Vestnik Tomskogo universiteta*, (428), 183–187. (Rus.).
- Sulzhytskii, I. (2018). Desacralization of collective memory of the Holocaust: Case of the Auschwitz-Birkenau Memorial and Museum. *Zhurnal Belorusskogo gosuniversiteta. Sotsiologiya*, (2), 48–66. (Rus.).
- Violi, P. (2012). Trauma Site Museums and Politics of Memory: Tuol Sleng, Villa Grimaldi and the Bologna Ustica Museum. *Theory, Culture and Society*, 29(1), 36–75. <https://doi.org/10.1177/0263276411423035>
- Williams, P. (2007). *Memorial Museums. The Global Rush to Commemorate Atrocities*. Oxford: Berg Publishers.
- Zavadsky, A., Sklez, V., Suverina, K. (Eds.) (2019). *The politics of affect: Museum as a space of public history*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).

Рязанова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Сведения об авторе:

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь.

About the author:

Ryazanova Svetlana V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисовочными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисовочные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/ya>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crs.2014.06.004>.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции и издателя:

625008, Тюмень, ул. Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН

Тел. (345-2) 688-768

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр СО РАН
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВОГиС — Вавиловское общество генетиков и селекционеров
ВСОИРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГРЦРФ — Государственный республиканский центр русского фольклора
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ АН СССР — Институт востоковедения АН СССР
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиф СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
САИ — Свод археологических источников
СГСГУ — Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СПГУТД — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
СЭ — Советская этнография
ТИГ ДВО РАН — Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
ТИНРО — Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр (ТИНРО-центр)
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ФИЦ ПНЦБИ РАН — Федеральный исследовательский центр «Пушчинский научный центр биологических исследований Российской академии наук»
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (61)

2023

Главный редактор
доктор исторических наук В.А. Зах

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	С.В. Святко

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Дата выхода: 15.06.2023. Уч.-изд. л. 23,7. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, тел. (3452) 688-768
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

Святилище манси, Ляпин, 2008.
Фото А.А. Богордаевой

Ломбовож, 2006. Фото А.А. Богордаевой

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385
ООО «Урал-Пресс-Округ»
+7 (343) 385-87-24